С 82.3(2)
Я-498

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ»

200-00420

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Том 10

ОЛОҤХО

МОДУН ЭР СОҔОТОХ

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА РАН
1996

(S)Я 2.2
8998 R

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ

НГОНБ Новосибирск
Liber 34540

Национальная гос.
обл. науч. библиотека
200000120

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА РАН
1996

S 82.3(2)
Я498

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ-МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО ("КУНСТКАМЕРА") РАН
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ

ВСЕРОССИЙСКОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ "ФИРМА МЕЛОДИЯ"

Новосибирская гос.
обл. науч. библиотека
200 000420
Р-4
22-50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев, Э.Е. Алексеев, В.М. Гацак (зам. главного редактора), *А.П. Деревянко* (главный редактор), *Н.В. Емельянов, И.И. Земцовский, А.С. Каргин, Х.Г. Короглы, Е.Н. Кузьмина* (ответственный секретарь), *Д.С. Лихачев, Б.Н. Путилов, В.М. Санги, Ю.И. Смирнов, А.Б. Соктоев* (зам. главного редактора), *М.И. Тулохонов, Ю.И. Шейкин.*

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АН РС(Я)
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СО РАН
ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сказитель
В.О. Каратаев

Магнитофонная запись, подготовка текста
В.В. Илларионова

Перевод
П.Е. Ефремова, С.П. Ойунской, Н.В. Емельянова

Редакторы перевода и научного аппарата
Е.Н. Кузьмина, С.П. Рожнова

Вступительная статья
Н.В. Емельянова, В.В. Илларионова

Музыковедческая статья
Э.Е. Алексеева

Нотные записи
Н.Н. Николаевой

Редактор музыковедческого раздела тома
Р.Б. Назаренко

Фотоиллюстрации
В.Т. Новикова и др.

УДК 398.2
ББК 82.3 Сиб+82.3 Я
Я49

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор *Н.Н. Тобуроков*
кандидат филологических наук *С.Д. Мухоплева*

Утверждено к печати
Институтом филологии СО РАН

Ответственные редакторы тома
доктор исторических наук *Н.А. Алексеев*
доктор филологических наук *Н.В. Емельянов*

Том издан Институтом филологии Сибирского отделения
Российской Академии наук
при финансовом содействии
Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова
Национального фонда возрождения народов Якутии "Барҕарыы",
Российского гуманитарного научного фонда,
Региональной научно-технической программы "Сибирь"

Я49 **Якутский** героический эпос. "Могучий Эр Соготох". — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 440 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ISBN 5—02—030900—1

Якутское героическое сказание "Могучий Эр Соготох" относится к ранним типам архаического эпоса. Эр Соготох — популярный эпический герой, занявший прочное место в репертуаре якутских сказителей. Впервые публикуется расшифровка магнитофонной записи живого исполнения известного современного якутского олонхосута В.О. Каратаева.

Научный аппарат тома содержит аналитические статьи о традициях сказительства, музыкальном воплощении олонхо В.О. Каратаева "Могучий Эр Соготох", примечания и комментарии, словари.

Звучащий материал, помещенный на грампластинке, дает представление об исполнении олонхо В.О. Каратаевым.

Издание рассчитано на этнографов, литературоведов и всех, кто интересуется устным народным творчеством народов Сибири.

Я $\frac{4702000000-003}{042(02)-96}$ 273—95 II полугодие

ББК 82.3 Сиб+82.3 Я

ISBN 5—02—030900—1

© Институт филологии СО РАН, 1996
© Российская Академия наук, 1996
© Сибирская издательская фирма РАН, 1996

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т.е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т.е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыкального, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призва-

ны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т.п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому варианту.

Грампластинки иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом. На единой основе — гарнитуре Лазурского — созданы комплекты универсальных шрифтоносителей, отвечающие потребностям многоязычной серии.

Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда письменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе — двуязычной академической серии "Эпос народов СССР", выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока" входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
"Аламжи Мэргэн". Героический эпос
"Осодор Мэргэн". Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Якутский фольклор (в 6 т.)
"Кыыс Дэбилийэ". Героический эпос
"Модун Эр Соготох". Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Эскимосов азиатских
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Эвенкийские героические сказания
Бурятский героический эпос. "Аламжи Мэргэн"
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока
Якутский героический эпос. "Кыыс Дэбилийэ"
Бурятские волшебные сказки
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые
Тувинские народные сказки
Предания, легенды и мифы саха (якутов)

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Шорские героические сказания
Нанайский фольклор. Нингман, сиохор, тэлунгу
Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэлунгу, ехэ (в 2 ч.)
Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока
Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры
Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока
Алтайские героические сказания
Тувинские героические сказания

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЯКУТОВ И ОЛОНХО В.О. КАРАТАЕВА

Впервые в научной литературе исполнительское искусство эпического певца-олонхосута было отмечено акад. А.Ф. Миддендорфом. Он в своей книге "Путешествие на север и восток Сибири" пишет, что во время пути из г. Якутска к побережью Охотского моря в 1844 г. среди темной ночи в лесу его "разбудило громкое пение из раскинутого поблизости шалаша якута". Пение сразу заинтересовало ученого. Ночное пение сильно отличалось от ранее услышанных и письменно зафиксированных им обрядовых песнопений. Из объяснений спутников он понял, что сказителем исполняется якутский эпос и слова персонажей поются ("теперь девушка поет, теперь лошадь", — объясняли ему). А.Ф. Миддендорф в полевых условиях латинским алфавитом на языке оригинала записал начало олонхо, а основное содержание в сжатой форме зафиксировал на русском языке [35, с. 792—819]. Как известно, А.Ф. Миддендорф свои материалы, относящиеся к языку якутов, передал акад. О.Н. Бётлингку, который впервые в науке ввел якутские термины олонхо (*олонхо*) и олонхосут (*олонхоһут*) [58, с. 25].

Научное собирание и исследование олонхо и искусство его исполнения олонхосутами были начаты уже в 60-х гг. XIX столетия русским ученым И.А. Худяковым, сосланным за революционную деятельность в г. Верхоянск.

Ученый, подневольно живший среди якутов несколько лет, из своих наблюдений пришел к выводу о том, что "сказки* составляют для якутов несомненную историческую истину. Они служат у них главным родом поэзии, главным средством просвещения, они идут рядом с поверьями и обычаями, они по возможности осмысливают последние, они служат главным источником для объяснения всех явле-

---

*Героический эпос олонхо в научной литературе на русском языке обозначался вплоть до 1930-х гг. термином "сказка". Это было обусловлено прежде всего тем, что в якутском языке волшебные сказки и эпос обозначались общим названием *олонхо*, при этом различалось олонхо с пением (*ырыалаах олонхо*) — героический эпос и олонхо без пения, или "пешее" олонхо (*ырыата суох*, или *сатыы олонхо*) — волшебные сказки.

ний жизни и в то же время главным средством для укрепления якутов в шаманстве и суеверии. Бесчисленное множество собственно якутских сказок относится к прародителям рода человеческого вообще и якутов в особенности, а также к происхождению разных животных" [54, с. 372]. Как видно, И.А. Худяков застал уже сложившийся жанр героического эпоса якутов, с устоявшимися традиционными жанровыми признаками и функциональной ролью в общественной и бытовой жизни якутов. И.А. Худяков составил нам яркую характеристику олонхосутов того времени, хотя, как истинный последователь мифологической школы, не обращал внимания на отдельные личности олонхосутов. Прежде всего исследователь отмечал большой талант сказителей, которые поют "целую эпопею, в которой упоминается множество событий, множество богов, дьяволов, героев, описания разных мест бывают чрезвычайно подробны до самых мелочей..." Далее И.А. Худяков пишет: "Когда-то во время студенчества мне казалось невероятным, чтобы один народный певец мог знать и петь наизусть такую большую сказку, как Илиада и Одиссея, упомнив множество собственных имен, вдаваясь в подробности, не пропускающие корабельного гвоздя. Якутские сказочники сказывают стихами и песнями не менее длинные сказки и еще с более мельчайшими подробностями..." [54, с. 366]. В подтверждение огромного искусства сказителей он приводит такое предание: "...будто бы как-то лет 15 тому назад два лучших певца-сказочника стали состязаться друг с другом, говоря две разные сказки зараз, но так, чтобы ни тот ни другой не употребляли ни одного слова, уже раз упомянутого. Таким образом они пели и сказывали целые сутки, и голос их становился все громче и громче до тех пор, пока, наконец, оба они не упали в изнеможении и не заснули крепким сном" [54, с. 366].

В исследовании И.А. Худякова описываются обычаи исполнения олонхо: «Якутская сказка неразлучна с песней: "Скажи-спой сказку (*ыллаа-олонхолоо*)", — говорят сказочнику... У якутов есть обычай, что в то время, когда сказочник рассказывает сказку, один из слушателей постоянно понуждает его, при каждой малейшей остановке сказочника вскрикивая: "Ну!" ... Зимой якуты ложатся спать тотчас, как только стемнеет, и у богатых постоянно бывает сказочник, который, подзадориваясь восклицанием "Ну!", долго потешает лежащую публику» [54, с. 366]. Обычай верхоянских якутов слушать олонхосута лежа в постели отмечали собиратели фольклора и в 1930-х—1940-х гг. В центральных улусах и в вилюйской группе олонхо слушают сидя и не спят до тех пор, пока сказитель не кончит свое повествование. Эти традиции сохранились до последнего времени [26, с.98]. По характеру исполнительского искусства олонхосута И.А. Худяков олонхо называет зародышем народной оперы: "Все мотивы, почти все разговоры, всякая длинная речь, столь часто упоминаемые в сказках, не рассказываются, а поются сказочником, что весьма оживляет рассказ" [54, с. 366]. И.А. Худяков далее отмечает ме-

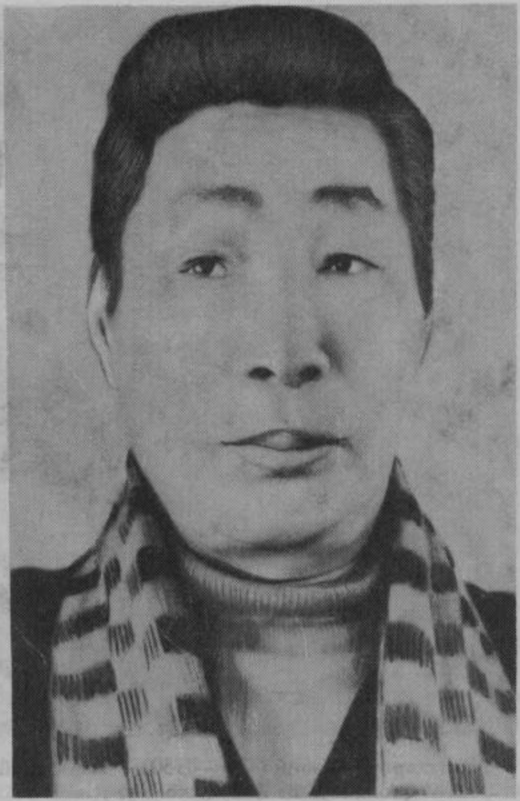
Н.А. Абрамов—Кынат (1861—1941) — известный олонхосут из Мегино-Кангаласского улуса

лодические особенности пения отдельных персонажей, например, песни богатыря-*абаасы* (дьявола) или женщины-*абаасы* поются грубо "фальшивыми нотами", дополняясь неприличными жестами и движениями; песни женщин "всегда плачевные". «Всякая песня человека, — продолжает исследователь, — начинается припевом "*буйа-буйа*": эти слова поются громко и протяжно, или в других случаях, когда витязь устал, а ему немедленно надо говорить на сделанные запросы, то тут сказочник как будто захлебывается и, задыхаясь, г о в о р и т скоро и прерывисто: "*Буйа-буйа... тохтоо-тохтоо... тыыммын ылыым-ым...*" ("постой-постой"), — потом п о е т уже обыкновенным голосом. Когда женщины плачут, то начинают словами: "*Ыыйбын-ый, ыыйбын-ый*"— и кончают теми же словами. Дьявола начинают и оканчивают густым и весьма неприятным басом: "*Буйакка-буйакка-ооо!*" » [54, с. 368].

И.А. Худяков отметил наличие поэтических формул в припевах песнопений богатырей, в описании гнева персонажей, их радости, испуга, глупости и т.п., а также использование сказочниками эпитетов, усложненных определений, сравнений, которые "остаются... принадлежностью многих песен и сказок" [54, с. 369—370].

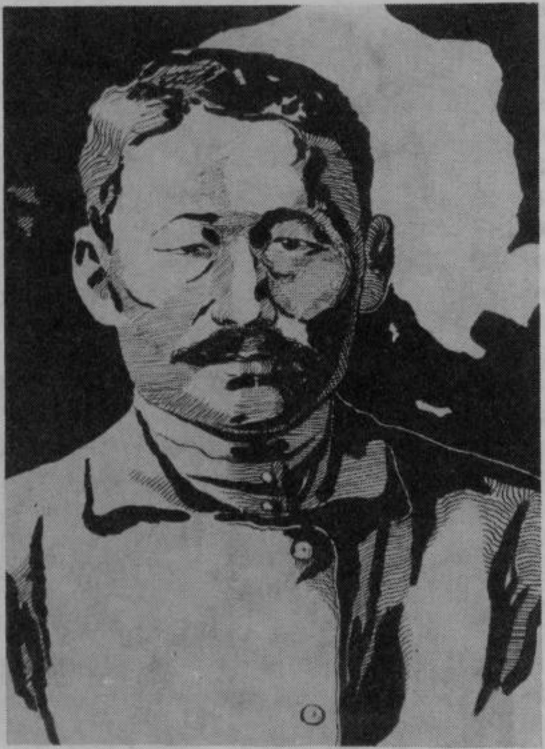
В работе И.А. Худякова приводится много примеров, освещающих народный взгляд на искусство олонхосутов. Якутские пословицы гласят: "Несчастный человек бывает певцом (*Сордоох киhи ырыаhыт буолар*)", "Танцор, певец, сказочник не бывают людьми (*ырыаhыт киhи буолбат, үнкүүhүт-да киhи буолбат*)", т.е. в люди не выходят, они всегда бедны и несчастны. Далее: "У якутов есть поверье, что сказочники-певцы большею частью бывают несчастные люди: либо глаза нет, либо руки или ноги недостает..." Среди якутов распространены легенды о том, что "с хорошим певцом дьявол вместе поет (*үтүө ырыаhыты кыттары абааhы кытта ыллаhар*)". Если случится такое состязание с *абаасы* (дьяволом), то сказитель должен стараться долго и вдохновенно петь,

"кончить раньше его" и тотчас воскликнуть: "Я лучше тебя пою, перегнал тебя! (*Мин ордук ырыаһыппын, куоттум эйигин!*)". Этим певец избавляется от смерти, а если *абаасы* "перепоет", то сказитель должен умереть (его съест *абаасы*) [54, с. 365—366].



С.А. Зверев—Кыыл Уола (1900—1973) — известный олонхосут и народный певец из Сунтарского улуса.

Находившийся в ссылке в 1880-х гг. в северных (Верхоянском, Колымском), а затем в центральных (Баягантайском, Намском) улусах В.Л. Серошевский отмечает в исполнительском искусстве олонхосутов те же традиции и обычаи и бытование тех же легенд, поверий и пословиц, на которые ссылается в своем исследовании И.А. Худяков. В.Л. Серошевскому в 1883 г. якуты Колымского улуса с гордостью говорили: "А у вас, русский, есть песни про старинных богатырей? У нас есть чудные песни" [46, с. 573]. Исследователь много раз слышал восхищенные отзывы якутов о своих олонхосутах. Про олонхосута Артамона из рода Хамалга Намского улуса в 1890 г. рассказывали, что "когда он пел, с женщинами случалась истерика, мужчины, очарованные, ослабевшие, точно маленькие дети, не могли уйти. От его пения сохли деревья и люди теряли рассудок..." А про другого певца Мачаяр из рода Салбан говорили, "что, если бы второй такой нашелся", то "от их пения из трех деревьев погибло бы одно!... Ему платили, чтобы он только не пел" [46, с. 573]. В.Л. Серошевский передал свои беседы с самими олонхосутами, которые говорили ему, что "у хорошего певца всегда в душе песня. Достаточно ему рот открыть, сейчас же летит она, непобедимо, в свет, наружу! Если не петь — мысли путаются, в груди томит... Оттого-то у него все не клеится, и он бывает несчастлив... Не петь певцу нельзя, как нельзя шаману не шаманить. Шаман за свою силу платит здоровьем, мы за свою силу платим счастьем" [46, с. 573]. Такие признания самих сказителей-певцов перекликаются с народным взглядом, что олонхосуты и певцы бывают людьми несчастными. Кроме того, олонхосуты в

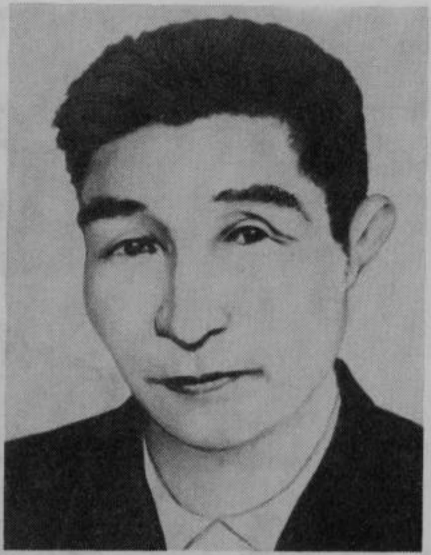


Т.В. Захаров—Чээбий (1868—1930) — известный олонхосут из Амгинского улуса.

большинстве своем были выходцами из бедных слоев населения. Того же знаменитого певца Артамона из Намского улуса закабалил его богатый сородич Княхия за одну кобылу на таких условиях: "Где бы они не встретились, в поле, у соседей, в лесу, — всюду он должен петь по требованию. Он должен бросить работу, еду, встать со сна и идти петь" [46, с. 572]. Но, несмотря на такое суеверное отношение к судьбе олонхосута, как свидетельствует В.Л. Серошевский, многие одаренные юноши, имевшие голос и художественное чутье, желали стать олонхосутами. Они шли на обучение к знаменитым певцам. Обучение сказыванию одного олонхо в 1880—1890 гг. стоило от 30 коп. до 1 руб. и более. В.Л. Серошевский присутствовал при семейной сцене, когда старушка-мать упрекала юношу-сына за то, что он безмен масла променял на песню. В.Л. Серошевский наблюдал также процесс обучения сказительскому искусству: "Старый, опытный певец поет громко песню и заставляет тут же повторять за собою ученика, затем ученик многократно повторяет самостоятельно, а учитель следит за ним и поправляет слова и напевы" [46, с. 513]. Обучение способной молодежи сказительскому искусству было общераспространенным явлением. Сами мастера-олонхосуты старались передать новому поколению свой опыт и мастерство. У многих проявлялся наследственный дар к сказительству, например, Н.Е. Павлов из Кобяйского улуса был олонхосутом девятого поколения по материнской линии [26, с. 22—23]. В семье знаменитого олонхосута из Мегинского улуса Н.А. Абрамова—Кыната все трое братьев — олонхосуты. Многие считали, что стали олонхосутами по предназначению божеств или духов [26, с. 20]. "В старину доброе божество (*айыы*), — повествует миф, — сказало шаману, что он создал сказителя былин, чтобы люди не могли скучать" [42, с. 14]. Других олонхосутов во время сна будто благословлял давно умерший знаменитый сказитель. Так, Н.Р. Петухов, прославленный олонхосут из Усть-Алданского улуса,

говорил: "Если ты не видишь во сне ночного олонхосута, из тебя не выйдет хороший сказитель. Я научился от него. Когда сплю, каждую ночь приходит олонхосут с красным платком на голове и сказывает олонхо" [26, с. 20].

Интересно отметить, что такое поверье зафиксировано в эпической традиции тюрко-монгольских народов Б.Я. Владимирцовым [36, с. 11], М.О. Ауэзовым [8, с. 40], Е. Исмаиловым [27, с. 78]. Исследователь киргизского эпоса "Манас" Р.С. Кыдырбаева считает, что "сновидение — результат высокого творческого горения" [31, с. 10].



Р.П. Алексеев (1900—977) — известный олонхосут из Усть-Алданского улуса.

Как известно, представление о чудесном песенном даре имело широкое распространение на ранней ступени развития общественной идеологии. Согласно древнейшим легендам, первый англо-саксонский поэт Кэдмон, слепой фризский певец Бернлеф, древнейший скандинавский сказитель Хальбиорн получили дар сказителя и певца во время сна [20, с. 398].

Представление о возможности получения дара певца во время сна сохраняется до наших дней. Так, знаток и любитель фольклора, искусный рассказчик П.В. Захаров (1918—1991) из Сунтарского улуса рассказывал, что ему однажды приснился покойный С.А. Зверев—Кыыл Уола, известный народный певец и олонхосут, и каждый раз наставлял петь. Однако Петр Васильевич никогда не исполнял олонхо, хотя прекрасно знал содержание, сюжет, эпические формулы олонхо "Сын утки-селезня Кёнчё Бёгё", краткий сюжет которого был зафиксирован еще в середине XIX в. исследователем Р.К. Мааком. Этот факт объясняется тем, что талант сказителя развивается в эпической среде, которую еще в конце XIX в. Н.А. Виташевский назвал творческой лабораторией, где вырабатывается олонхо, настоящая устная поэзия [12, с. 451]. Естественно, что если начинающие исполнители своевременно оказывались в такой среде, то у них проявлялся сказительский дар.

На огромной территории расселения якутов с древних времен образовались отдельные очаги сказительских традиций. Особенно славился талантливыми олонхосутами бывш. Ботурусский улус (ныне Таттинский, Чурапчинский, Амгинский улусы). По данным современных исследователей, "таттинская школа" олонхосутов начала слагаться со второй половины XVIII в. [26, с. 27—28; 5, ч. 1, 2]. Самыми известными олонхосу-

Д.А. Томская—Чайка (1913 г.р.) — современная сказительница, хранительница эпических традиций Верхоянского улуса. (Фото В.Т. Новикова.)

тами второй половины XVIII — начала XIX в. были Ырыа (Певец) Сивцев и его младший современник Улуу (Великий) Кээмпэс, создавший, по преданиям, знаменитое олонхо "Нюргун Боотур". Их традиции воспринял олонхосут XIX в. Бабыат Макаров, который, по легенде, победил состязавшегося с ним *абаасы* [5, ч. 1, с. 7—11]. Его современником был Н.Т. Абрамов, со слов которого Э.К. Пекарский записал в 1886 г. олонхо "Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки" ("Шаманки Уолумар и Айгыр"). Олонхо "Өлбөт Бэргэн" ("Бессмертный Бэргэн") записано в том же году грамотным якутом Р. Александровым [39, ч. 1, вып. 2, с. 115—194]. Самым популярным олонхо среди таттинских сказителей было "Стремительный Нюргун Боотур", письменно зафиксированное К.Г. Оросиным в 1895 г. [39, ч. 1, вып. 1].

Научная собирательская деятельность Э.К. Пекарского, жившего в Ботурусском улусе в ссылке в 1881—1898 гг., усилила интерес к фольклору и языку якутов среди местных интеллигентных жителей. Грамотные

якуты И.Н. и К.Г. Оросины, Р. Александров, Р. Большаков, Н. Попов и другие активно помогали Э.К. Пекарскому в записи олонхо, сказок, песен и других произведений народного творчества.

Из таттинских олонхосутов конца XIX и начала XX в. выделяется фигура И.Н. Винокурова-Табахырова. Он обладал сильным голосом, отличался от других сказителей своего времени мастерским исполнением описательной части олонхо. От него переняли сказительское искусство, судя по анкетным данным, олонхосуты Татты 20-х—30-х гг. Степан Саввин, Алексей Харлампьев, Егор Бытасытов (Ойунский род), Аллака Баска (Селляхский), И.Е. Огочуяров, П. Васильев (Жулейский), С.Е. Андреев (Амгинский), М. Колодезников и др., от которых якутские фольклористы и собиратели ИЯЛИ записали новые варианты олонхо "Нюргун Боотур Стремительный", "Модун Хара", "Элик Туйгун", "Бэриэт Бэргэн" и др.

С.В. Петров (1893—1965) — известный олонхосут из Нюрбинского улуса.

Имена предшественников И.Н. Табахырова Логуя Кээмпэса, Килэмпира остались лишь в памяти старожилов как имена легендарных сказителей. Олонхосут И.М. Давыдов в беседе с Г.У. Эргисом сообщил, что олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" стало популярным благодаря исполнению Килэмпира, которого не раз слушал К.Г. Оросин, записавший один из вариантов этого олонхо [26, с. 28].

Другой наиболее известный очаг эпической традиции — амгинский. Здесь выделяется Т.В. Захаров—Чээбий, уроженец Эмисского наслега. Сказительское искусство Чээбия в свое время высоко оценили первые якутские поэты А.Е. Кулаковский, П.А. Ойунский. Известно мнение П.А. Ойунского. "Ваш Чээбий, — говорил он В.М. Новикову — Кюннюк Урастырову, — сказительской техникой, поэтическим даром всех прев-

Новосибирская гос.
обл. науч.библиотека

зошел, я никогда не слушал олонхосута, лучше рассказывающего прозаическую часть, чем он. Чээбий был талантливым олонхосутом, обладающим поэтическим даром, он художественно передавал описательную часть олонхо, был певцом непревзойденным" [53, с. 215]. В эпическом репертуаре Т.В. Захарова—Чээбия значатся следующие олонхо: "Тойон Дьагарыма", "Юрюнг Уолан", "Бэриэт Бэргэн", "Кюн Эрилик", "Алантаайы-Кулантаайы", "Сын лошади Дыырай". Сказительское мастерство от него переняли лучшие олонхосуты Амгинского улуса и юго-восточной части Мегино-Кангаласского улуса. Своим учителем его считали известные олонхосуты Р. Васильев, У.Г. Нохсоров, Н.А. Абрамов—Кынат, И.И. Бурнашёв-Тонг Суорун. Народный поэт Кюннюк Урастыров признает Чээбия своим непосредственным наставником, обучавшим его искусству олонхосута. Впоследствии Кюннюк Урастыров воссоздал олонхо "Тойон Дьагарыма", в основу которого был положен эпический текст Т.В. Захарова—Чээбия.

Своеобразный очаг сказительской традиции можно обнаружить и в других улусах Центральной Якутии, где выделялись Д.М. Говоров — Олонхосут Миитэрэй, от которого было записано впоследствии олонхо "Мюлдью Бёгё", П.А. Охлопков-Наара Суох, широко известный до революции (Усть-Алданский улус), Иев Новгородов — Изгии Хотоох (Чурапчинский улус), С.В. Герасимов (Кангаласский улус) и многие другие.

Из северных районов Якутии устойчивой эпической традицией отличается Верхоянский улус. В настоящее время продолжательницей эпической традиции верхоянских олонхосутов является Д.А. Томская—Чайка (1913 г.р.), от которой якутские фольклористы записали на магнитной пленке "Элитэр Бэргэн", "Старик Мекюлэкээн, старуха Иэйэхсит", "Хаан Илбистээн". Сюжеты, мифологическая основа, эпические формулы эпических текстов в ее исполнении в целом близки и даже идентичны записям олонхо И.А. Худякова. Этот факт, несомненно, свидетельствует об устойчивости эпической традиции верхоянских олонхосутов.

В преданиях вилюйских якутов говорится, что их прародителями были братья Ырыа Быркынгаа и Тойук Булгудах, потому вилюйчане славятся голосом и импровизаторской способностью. Вилюйская эпическая традиция знает немало талантливых олонхосутов, таких как С.Н. Каратаев—Дыгыйар, С. Иванов—Мэнкэр (Вилюйский улус), С.В. Петров, И. Догоюков (Нюрбинский улус), Ф. Тимофеев—Бээчэрэ (Верхневилюйский улус), Ырыа Титов (Сунтарский улус) и многие другие, которые своим сказительским искусством славились в начале нашего столетия.

В.О. Каратаев, олонхо которого публикуется в настоящем томе, является современным представителем вилюйской эпической традиции.

* *
*

Олонхосут Василий Осипович Каратаев (1926—1990) родился в Боронгонском наслеге Вилюйского улуса, где с незапамятных времен образовался один из сильных очагов фольклорной традиции вилюйских якутов. В Борогонском наслеге всегда было много сказочников, певцов, олонхосутов, носителей культовых и бытовых обрядов, и они сохранились вплоть до 1930—1940-х гг. Среди борогонских олонхосутов особо выделялись Т.П. Гоголев и Н.С. Николаев. В соседнем Модутском наслеге славились исполнительским мастерством Н. Колтовский, Г.М. Кюндеров, а в Тогусском наслеге П.В. Максимов—Нэгэй. Они были частыми гостями Борогонского наслега. В.О. Каратаев считал своим главным учителем Трофима Петровича Гоголева. Он со своим сверстником и другом А.С. Васильевым в детстве слушал любимого олонхосута. А потом настал такой период, когда юный В. Каратаев и его друг А. Васильев начали подражать олонхосуту и сказывать друг другу олонхо. Друзья постепенно запоминали сюжет одного из любимых олонхо Т.П. Гоголева "Могучий Эр Соготох", неоднократно прослушанного ими, и научились исполнять целиком это олонхо.

Другим своим учителем В.О. Каратаев называл Семена Ивановича Сангыяха, которого он встретил, будучи колхозным промысловиком-

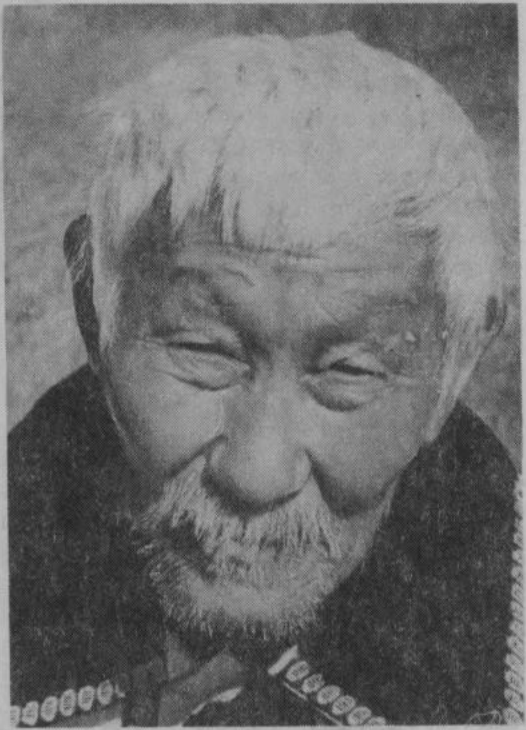
Деятели культуры, искусства и писатели слушают в 1948 г. исполнение олонхо известным олонхосутом из Таттинского улуса Е.Д. Кулаковским — Уот Хойостооном.

Участники республиканского слета сказителей, певцов и олонхосутов 1948 г. Сидят: П.Н. Давыдов, Г.Г. Данилов—Киличчин, Е.Е. Иванова, Н.И. Степанов, Е.Д. Кулаковский—Уот Хойостоон; стоят: П.С. Семёнов—Ырыа Былатыан, фамилия второго в ряду не установлена, далее П.С. Петров, В.Н. Попов, П.П. Ядрихинский, Г.С. Кычкин—Хабыанньа.

охотником в глухой тайге Верхневилюйского улуса. Они два года охотились вместе. Семен Сангыях считался хорошим олонхосутом, певцом и сказочником. Долгими зимними ночами вели они разговор об олонхо, обменивались своими эпическими познаниями. Когда они приезжали в с. Туобуйа сдавать пушнину, односельчане обязательно просили Семена Сангыяха исполнить олонхо. В.О. Каратаев от него воспринял олонхо "Ого Тулаайах".

Уже с середины 1940-х гг. постепенно угасал общественный интерес к исполнительскому искусству олонхосутов, исчезала привычная традиционная эпическая среда. Очень редко стали слушать олонхо в семейном кругу. Певцов и олонхосутов больше привлекали к художественной самодеятельности, где отрывки из олонхо исполнялись в виде концертных номеров. Иногда самодеятельными коллективами с участием олонхосутов ставились на сельских клубных сценах инсценировки по сюжетам и мотивам олонхо. В.О. Каратаев активно принимал участие в художественной самодеятельности, выступал на улусных и республиканских фольклорных фестивалях народов Якутии, в конкурсах олонхосутов, организуемых Министерством культуры, и вечерах олонхо по программе республиканского телевидения. Исполнение номеров из олонхо в

художественной самодеятельности, интерес общественности и культурно-просветительных и научных организаций к Василию Осиповичу Каратаеву как эпическому певцу сыграли определенную роль в период утраты традиционной эпической среды. В полной мере талант В.О. Каратаева раскрылся в годы записи его репертуара сотрудниками Института языка, литературы и истории СО РАН, особенно в исполнении олонхо "Могучий Эр Соготох". В.О. Каратаев скоропостижно умер в 1990 г. в самом расцвете сказительской деятельности, не завершив подготовки данного тома к печати.



С.Г. Алексеев — Устарабыс (1900—1995) — современный сказитель из Горного улуса. (Фото В.Т. Новикова.)

В.О. Каратаев был одним из тех олонхосутов, которые продолжали и продолжают устную сказительскую традицию и в наши дни, несмотря на то, что глубокие изменения общественной и культурной жизни не благоприятствуют живому бытованию эпического творчества. В настоящее время таких олонхосутов осталось очень мало. Можно назвать имена олонхосутов С.Г. Алексеева (1900—1995) из Горного улуса, Д.А. Томской (1913 г.р.) и П.К. Иванова (1918 г.р.) из Верхоянского улуса, М.С. Шадрина (1918 г.р.) из Вилюйского улуса, С.Г. Егорова (1927 г.р.) из Сунтарского улуса. Отмеченная еще В.Л. Серошевским в XIX в. тяга молодежи и людей, обладающих даром певца, к искусству олонхосута сохранилась до сих пор. Так, в наши дни искусством олонхосута овладели такие талантливые участники художественной самодеятельности, как Семен Егоров (1931—1993), Кирилл Никифоров (1934 г.р.), Афанасий Соловьев (1935 г.р.), Николай Шамаев (1934 г.р.) и др., которые в детские годы слышали исполнение олонхо. Тяга к сказительству еще жива, однако эпическая среда безвозвратно утрачена.

В последние десятилетия появилась возможность фиксировать сказания олонхосутов в магнитофонной и видеозаписи. Ведется работа Домом народного творчества Министерства культуры Республики Саха (Якутия), ИЯЛИ и Институтом проблем малочисленных народов Севера

С.С. Егоров — участник самодеятельности из Нюрбинского улуса, овладевший искусством олонхосута. (Фото В.Т. Новикова.)

СО РАН по активизации и возрождению устной эпической традиции олонхосутов и сказителей малочисленных народов Севера.

Кроме традиционного устного исполнения, практикуются исполнение по письменным текстам (в передачах радио), постановки инсценировок по мотивам олонхо в художественной самодеятельности и фольклорных ансамблях. Была осуществлена запись олонхо П.А. Ойунского "Нюргун Боотур Стремительный" на грампластинку в исполнении народного артиста Республики Саха и заслуженного артиста РФ Г.Г. Колесова, которая сразу же стала популярным диском в фонотеке якутов.

Разнообразной стала в последние годы и публикация олонхо. Предпринято академическое двуязычное издание сказаний "Строптивый Кулун Куллустуур" И.Г. Тимофеева-Теплоухова [48] и "Кыыс Дэбилийэ" Н.П. Бурнашёва [32]. На якутском языке опубликовано олонхо "Летающий Мюлгюн" Д.М. Слепцова на средства его потомков [33], издано сказание "Дьоргостой Бэргэн" Н.К. Шамаева на средства самого олонхосута. ИЯЛИ СО РАН продолжает выпуск в свет оставшихся неизданными книг знаменитой серии "Образцы народной литературы якутов под редакцией Э.К. Пекарского" (1907—1918). Издание осуществляется на средства Акционерной компании "Алмазы России-Саха". В 1994 г. опубликовано олонхо "Ала Булкуун" Т.В. Захарова—Чээбия, записанное в 1906 г. В.Н. Васильевым и подготовленное к печати в 1916—1918 гг. Э.К Пекарским. Художественный перевод на русский язык В.С. Державина олонхо П.А. Ойунского "Нюргун Боотур Стремительный" выдержал два издания [38]. А олонхо К.Г. Оросина под тем же названием опубликовано на французском языке в переводе Жака Карро.

В августе 1994 г. в г. Якутске проведена III Международная Лордовская конференция по проблемам устной сказительской традиции. Конференция приняла рекомендацию о создании в г. Якутске научного центра под названием "Олонхо".

* *
*

Талант В.О. Каратаева как олонхосута был хорошо известен научному сотруднику Якутского ИЯЛИ СО РАН, его земляку П.Е. Ефремову. По его рекомендации фольклористы института установили постоянную связь с Василием Осиповичем. В 1975 г. участниками фольклорной экспедиции В.П. Еремеевым и В.В. Илларионовым было впервые записано на магнитофоне полное исполнение В.О. Каратаевым олонхо "Могучий Эр Соготох". Ознакомившись с этой записью, авторский коллектив якутских томов серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока" решил включить олонхо В.О. Каратаева в состав серии. Для этой цели сотрудник института В.В. Илларионов произвел повторную магнитофонную запись в 1982 г. в условиях, максимально приближенных к традиционной обстановке прослушивания олонхо в период его активного устного бытования с участием слушателей-любителей и знатоков олонхо. В настоящем томе впервые в истории публикации олонхо издается именно этот "звучащий" устный вариант олонхо, воспроизведенный в письменной форме В.В. Илларионовым. Третья запись сделана в 1986 г. звукооператором Всесоюзной фирмы "Мелодия" М.Л. Дидыком, участником Комплексной фольклорной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Последняя запись стала основой музыковедческой статьи Э.Е. Алексеева в этом издании.

Семья В.О. Каратаева (сидит в первом ряду второй слева) и участники Комплексной фольклорной экспедиции ИИФФ СО РАН 1986 г.

Олонхо В.О. Каратаева по названию, тематике и развитию сюжета относится к группе олонхо о богатырях-родоначальниках племени *ураангхай саха*. Олонхо с главным героем по имени Эр Соготох распространено повсюду, где живут якуты. Основное значение слова *эр*, представляющего первый компонент двусоставного имени, — "муж, мужчина", а *соготох* — "одинокий, одиночество, один". В сочетании *эр соготох* — "одинокий мужчина", "человек, не имеющий родственников". В олонхо к имени Эр Соготох часто прибавляется постоянный эпитет *эрэйдээх-буруйдаах* — "многострадальный". Итак, полное имя богатыря олонхо — Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготох (Многострадальный Муж Одинокий). Необходимо отметить, что легендарного персонажа исторических преданий, первопредка якутов Эллэя Боотура часто называют Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготох [28, с. 27—37, 162—172]. Имя Эр Соготох носит герой олонхо, впервые опубликованного О.Н. Бётлингком в 1851 г. [58, с. 78—95]. Это же имя носят герои четырех олонхо, изложенных в кратких сюжетах В.Л. Приклонским в журнале "Живая старина" в 1890—1891 гг., в приложениях к его статье "Три года в Якутской области" [42]. В 1895 г. С.В. Ястремский записал олонхо "Эр Соготох" от знаменитого сказителя Мегинского улуса Г.Н. Свинобоева—Ырыа Григория, с которым встре-

тился в доме образованного якута А.П. Афанасьева из Дюпсюнского улуса, участника Сибиряковской экспедиции. Специально приглашенный для исполнения, Г.Н. Свинобоев сначала сказывал олонхо "при большом стечении работников, работниц, семьи А.П. Афанасьева и окрестных якутов, в громадной юрте вечером при свете пылающего камина". А затем с 24 по 29 ноября олонхо было записано под диктовку сказителя [42, с. 13—55].

В Архиве Якутского научного центра СО РАН хранятся рукописи олонхо под названием "Эр Соготох", записанные в 1920-е и последующие годы: от М.Н. Неустроева из 3-го Малтанского наслега Западно-Кангаласского улуса (1921, ф. 5, оп. 8, д. 27) [22, сюжет 24], от Г.Ф. Никулина из Майорского наслега Абыйского улуса (1940, ф. 5, оп. 7, д. 108) [22, сюжет 23], от Н.С. Скрыбыкина из Саморсунского наслега Амгинского улуса (1940, ф. 5, оп. 7, д. 109) и др.

Главная сюжетная тема этих олонхо отвечает на вопросы: откуда произошел человек Среднего мира, кто такие первопредки племени *ураангхай саха* и как они жили (их взаимоотношения друг с другом). Схема сюжетного развития олонхо строится в основном по следующим последовательным эпическим мотивам, которые и составляют стройную структуру эпического повествования.

Во вступительной части описывается Средний мир, предназначенный для жизни племени *айыы аймага*, где живет одинокий человек по имени Эр Соготох, не знавший своего происхождения: 1) ему было неизвестно, спустился ли он в Средний мир, пройдя сквозь девять небес, или появился из Нижнего мира [58, с. 78]; 2) одинокий герой не знал ни почтенного батюшки, ни почтенной матушки [57, с. 13]; 3) "с седьмого неба был спущен якут..." [42, вып. 2, с. 174]; 4) на седьмом небе самим Юрюнг Аар Тойоном был сотворен якут, которого он послал на землю, наделив скотом и большим богатством [42, вып. 3, с. 165]; 5) Эр Соготох живет в Среднем мире со своей сестрой [42, вып. 3, с. 168 и 172]; 6) Эр Соготох — герой олонхо М.Н. Неустроева, записанного в 1921 г., не знает, откуда и как появился на земле, но в отличие от других героев он имеет большое семейство: у него восемь жен. Таким образом, понятие "одинокий, единственный первый житель земли" в эпических сказаниях постепенно трансформируется в понятие "исключительности", "единственности" образа богатыря-первопредка.

Героям некоторых олонхо об Эр Соготохе даны функции культурных героев. Так, герой олонхо В.Л. Приклонского выстроил огромный дом с 40 окнами [42, вып. 3, с. 165], а Эр Соготох из олонхо Г.Ф. Никулина сделанным им самим каменным топором рубит лес, строит дом и подворье; разжигает огонь, добывая его способом трения сухой березы; затем Юрюнг Айыы Тойон спускает по его молению-просьбе телят и жеребят, положивших начало его огромным стадам рогатого скота и табунам лошадей. Эр Соготох из олонхо Н.В. Слепцова, записанного в

И.И. Бурнашёв — Тонг Суорун (1868—1945) — известный олонхосут из Мегино-Кангаласского улуса.

1943 г. в том же Абыйском улусе, изготавливает из камня топор, ударом кремня высекает искру и разжигает костер (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 62), а Эр Соготох из олонхо И.И. Бурнашёва — Тонг Суоруна из Мегино-Кангаласского улуса добывает огонь по способу, подсказанному семью стерхами (запись Г.У. Эргиса, 1936 г., Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7). По мнению Е.М. Мелетинского, добывание огня — важнейший подвиг культурного героя и, следовательно, Эр Соготох предстает перед нами как первопредок и культурный герой [34, с. 302]. В большинстве олонхо черты культурного героя проявляются только в начале олонхо. У Г.Ф. Никулина в середине повествования рассказывается, что герой сам изготавливает лук, из которого убивает своих противников. По мнению И.В. Пухова, когда-то в олонхо хозяйственная и культурная деятельность героя как первого человека и зачинателя жизни на земле, возможно, была представлена более значительной, чем в современных олонхо [44, с. 43]. Черты культурного героя первопредка-богатыря сохранились только в некоторых сказаниях в повествовательно-объясняющих частях композиции и, видимо, утратились в связи с усилением поэтической героизации и идеализации образа главного героя олонхо.

Завязки сюжетов олонхо об Эр Соготохе разнообразны.

1. Завязкой сюжета олонхо, опубликованного О.Н. Бётлингком, служит душевное смятение героя, достигшего 18-летнего возраста, его обращение к духу-хозяйке страны, обитающей в священном дереве, от которой он узнает, что его отец, верховное божество Аар Тойон, и мать Кюбэй Хотун спустили его с неба на землю, чтобы он стал родоначальником людей Среднего мира.

Эпосовед И.В. Пухов с олонхосутом П.С. Олесовым из Усть-Алданского улуса.

2. Сюжет многих олонхо завязывается изменением в однообразной жизни главных героев, например, приездом богатыря-*абаасы* к жаждущему испытания молодецкой силы Эр Соготоху. Богатырь-*абаасы* приезжает как посыльный от суженой невесты Эр Соготоха [42, вып. 2, с. 174] или с предложением жениться на его сестре (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 108) [22, сюжет 23]; прибывшего *абаасы* Эр Соготох побеждает в единоборстве и превращает в своего раба, который, обидевшись на своего господина, становится его врагом (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 8, д. 27) [22, сюжет 24].

3. Небесные посланцы передают Эр Соготоху повеление верховных божеств отправиться в богатырский поход за доспехами или за невестой [57, с.14].

В развитии сюжета и содержании олонхо важное значение имеет эпизод, связанный с узнаванием героем своего происхождения от божеств-*айыы* и о принадлежности его к племени *айыы аймага*. Узнает он и свое имя и предназначение, определенное божествами, стать родоначальником *ураангхай саха*, жителей племени *айыы* в Среднем мире.

Исходным образцом развития сюжета олонхо об одиноких героях-первопредках может служить "Эр Соготох" в публикации О.Н. Бётлингка. После того как герой узнал о своем происхождении и высоком предназначении быть родоначальником людей на земле, он совершает поход за своей суженой. В пути преодолевает высокую гору и дремучий

лес, его конь перелетает через огненное море. Наконец Эр Соготох приезжает в страну Хараххаана Тойона, отца суженой по имени Хотууна, и сразу вступает в единоборство со своим соперником Буура Дохсуном. В первой схватке он терпит поражение, но хранимая под мышками живая вода спасает его. Оживший Эр Соготох побеждает противника. Хараххаан Тойон и его народ ликуют. Эр Соготох женится на Хотууне и отправляется в свою страну с женой и ее подданными.

Почти такое же развитие сюжета наблюдается в двух первых олонхо из публикаций В.Л. Приклонского. Отличие состоит в том, что невеста богатыря — шаманка особенно активна в устройстве семейной жизни: она сама побуждает Эр Соготоха свататься к ней, подсказывает жениху, как убить противника — *абаасы*; этот образ невесты-шаманки более полное развитие получил в олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова "Строптивый Кулун Кулустуур". Третье из опубликованных В.Л. Приклонским олонхо по сюжетно-композиционной структуре более сложное и состоит из двух частей, повествующих о богатырстве двух поколений героев. Здесь Эр Соготох не одинок и живет с красавицей-сестрой. События начинаются с похищения его сестры чудовищем-*абаасы*, который внезапно появляется из последа кобылы. Эр Соготох устремляется в погоню за похитителем. По пути встречает богатыря-*айыы* Хоруоджая Бэргэна, который в сговоре с дочерью Юрюнг Айыы насильно спускает Эр Соготоха в Нижний мир. Оттуда герой освобождает двух сестер Хоруоджая Бэргэна, плененных повелительницей *абаасы*. Так проясняется цель коварного поступка Хоруоджая Бэргэна и дочери Юрюнг Айыы: без помощи Эр Соготоха они не могли освободить пленниц. Эр Соготох озлоблен и убивает их. Он продолжает свой богатырский поход, и в пути ему встречается другой богатырь-*айыы* — Саабылаан, который подсказывает герою, как освободить сестру. Ее похититель так далеко живет, что Эр Соготох вынужден просить у одного кузнеца его крылатого железного коня. Освобожденную сестру он выдает замуж на Саабылаана. Верховные божества-*айыы* за убийство людей *айыы аймага* заключают Эр Соготоха в темницу. Заступником Эр Соготоха выступает его зять Саабылаан. Он выпросил у родственников убитых прощение Эр Соготоху. Его освобождают, и он возвращается в свою страну, женившись на старшей из спасенных сестер Хоруоджая Бэргэна. Центральной фигурой второй части олонхо является сын Эр Соготоха — Эентэй Боотур, подвиги которого развиваются по двум сюжетным линиям: освобождение похищенной сестры и богатырский поход за суженой. Эентэй Боотур женится на сестре богатыря-*айыы* Юрюнг Уолана после того, как побеждает его в единоборстве. Здесь интересен эпизод женитьбы Эр Соготоха и его сына Эентэя Боотура. Если женитьба Эентэя Боотура состоялась после его богатырского похода и победы в единоборстве с братом невесты, то Эр Соготох женится как-то "случайно" на одной из

освобожденных им сестер. Видимо, здесь отражено одно из звеньев исторического развития темы героического сватовства.

Четвертое опубликованное В.Л. Приклонским олонхо по содержанию и развитию сюжета существенно отличается от рассмотренных выше. Сестру Эр Соготоха похищает богатырь-*абаасы*. Преследуя похитителя, герой освобождает женщину-*айыы* Ытык Нуралы из плена другого *абаасы*. Пораженный ее красотой, герой с первого взгляда влюбляется в Ытык Нуралы, однако она улетает на небеса, обернувшись птицей. Эр Соготох продолжает свой поход и освобождает свою сестру из плена хитростью, натравив друг на друга двух богатырей-*абаасы*: похитителя сестры и *абаасы*, пленившего Ытык Нуралы. Оба *абаасы* погибают в сражении друг с другом. Эр Соготох выдает свою сестру замуж за своего друга — богатыря-*айыы* Аджы Буджу. В повествовании о походе Эр Соготоха за похитителем своей сестры вводится эпизод о посещении им страны шаманки-*айыы* Айталы, которая не захотела впускать его в свой дом. Эр Соготох выламывает дверь, Айталы встречает его враждебно и, оскорбленная его грубостью, низвергает его в Нижний мир прямо в рот старухи-*абаасы* Джэсинкэй, которая съедает Эр Соготоха. Но от него случайно остается целым его левый глаз. Смерть Эр Соготоха, волею божеств предназначенного Айталы в мужья, приводит ее в душевное смятение. Раскаявшись в своем поступке, Айталы спускается в Нижний мир и убивает старуху Джэсинкэй. С помощью скелетов давно умерших шаманов она находит левый глаз Эр Соготоха, собирает все до единой его кости и оживляет богатыря. Эр Соготох женится на Айталы и возвращается домой. Однако этим традиционным мотивом олонхо не заканчивается, оно имеет чрезвычайно интересное продолжение: "Но он не любил своей жены. В сердце Соготоха не умирал образ поразившей его красотой Ытык Нуралы. Как-то раз он решил разыскать ее и нашел, но очень больной. От тоски и печали, что она не видит Эр Соготоха, Ытык Нуралы готова была умереть. Увидев его снова около себя, она ожила. Сила и красота ее вернулись к ней. Эр Соготох женился на ней и возвратился с ней домой" [42, вып. 3, с. 174; 22, сюжет 21]. Это единственный текст, в котором встречается мотив второй женитьбы героя олонхо. По якутской эпической этике второй брак вообще не допускается, и после женитьбы богатыри не совершают героических поступков. Это олонхо по богатству содержания и сложности сюжета стоит особняком по отношению к предыдущим олонхо. Можно даже сказать, что оно в определенном смысле выходит за рамки традиционного сюжета о родоначальниках племени.

Интересен и своеобразен сюжет олонхо "Эр Соготох" Г.Н. Свинобоева, записанного С.В. Ястремским. Эр Соготох отправляется в свой богатырский поход по велению верховных божеств, которое передали ему небесные посланцы. Он отправляется к кузнецу трех миров Гибель Дуодарба — Черному Кузнецу за богатырскими доспехами. Кузнец в качестве платы просит Эр Соготоха добыть ему в жены Нику Харахсын,

дочь Арсана Дуолая, главы Нижнего мира. Эр Соготох на лыжах (он пеший богатырь, не владеет конем) отправляется в Нижний мир, побеждает самого сильного богатыря Нижнего мира в единоборстве, забирает Нику Харахсын и приводит ее к Черному Кузнецу (во многих олонхо он фигурирует под именем Кыдай (Кытай, Кытатай, Кудай) Бахсы и является родоначальником всех кузнецов). Этот эпизод — приобретение богатырских доспехов и добывание жены для кузнеца — является своего рода посвящением героя в богатыри. Второй богатырский поход Эр Соготох также совершает по велению верховных божеств за своей предназначенной божествами невестой Юрюнг Юкэйдэзн. Перед походом он обращается к священному дереву и обитающей в нем духу-хозяйке страны, которая появляется в образе почтенной пожилой женщины. Она благословляет Эр Соготоха и дает ему пососать молока из своей груди — это придает богатырю силы и укрепляет вечную сыновнюю любовь к своей родине. В пути он встречается со своими соперниками богатырями-*абаасы*, едущими сватать Юкэйдэзн. Эр Соготох побеждает всех соперников. В ходе повествования о богатырском походе героя вносится побочный мотив, не связанный с основной линией развития сюжета, однако раскрывающий взаимоотношения людей *айыы аймага* между собой и характеризующий Эр Соготоха как устроителя жизни и защитника племени *айыы аймага.* Вещий ворон, встретившийся в пути, сообщает герою, что он должен спасти дочь богатого Хараххаана по имени Хаачылаан Куо от притязаний *абаасы.* Эр Соготох по указанному вороном пути прибывает к хозяину Червивого моря старому рыбаку Юёдюёну: "Юрта его, как крутой холм, одет в рябые лягушачьи шкуры, на спине кузовок с червями, посохом у него ледяной багор" [57, с. 17]. Старик Юёдюён приветливо встречает богатыря-*айыы* и переправляет через Червивое море. По его совету Эр Соготох превращается в старого рыбака. В этом облике он участвует в свадебных состязаниях и побеждает в единоборстве главного соперника — богатыря-*абаасы* Железного Дыбырдаана. Богатый Хараххаан и его жена думают, что победу одержал старик Юёдюён и решают одарить его третьей частью своего скота: "Для бедняка лучшая награда". Однако Эр Соготох является перед ними в своем настоящем облике и требует, чтобы они отдали за него дочь и выделили ей богатое приданое. Затем Эр Соготох превращает хозяина Червивого моря в почтенного пожилого мужчину, выдает за него Хаачылаан Куо и благославляет на долгую счастливую жизнь. Так Эр Соготох основывает новый род племени *айыы аймага.* И наконец, достигнув страны своей суженой, Эр Соготох женится на Юкэйдэзн. После брачной ночи он, взвалив жену на спину, на лыжах отправляется домой. Удивленные родители жены лишь издали успевают благословить новобрачных. По пути, несмотря на предупреждение жены, он попадает в ловушку *абаасы* и проваливается в бездну. Юкэйдэзн похищает хозяин Ледовитого моря Железный Джессин. После того как Эр Соготох обра-

тился с молением к божествам-*айыы*, три небесных шаманки вызволяют его из бездны и исцеляют его. Тем временем находящаяся в плену *абаасы* Юкэйдээн рожает сына, которого пытается убить *абаасы* Джессин. Однако благодаря уловкам матери и собственной хитрости мальчику удается избежать смерти. В 10-летнем возрасте Басымджы Баатыр (такое имя дали мальчику) стал силою превосходить своего мучителя. Наконец Эр Соготох, пустившийся на поиски жены на своих неизменных серых лыжах, находит жену и сына. Эр Соготох с женой возвращается домой, а Басымджы продолжает мстить Железному Джессину. Последний сдается и соглашается стать рабом, но Басымджы уничтожает его по настоянию матери. Далее повествуется о втором поколении богатырей, т.е. о Басымджы. По характеру Басымджы строптивый и заносчивый. Он совершает единственный богатырский поход за своей, предназначенной свыше, суженой Ясной Туналынгсой. Одержав победу над соперником — *абаасы*, Басымджы женится и возвращается домой. Рождение в плену *абаасы* навсегда определило его строптивый характер. Постоянным эпитетом его имени служит выражение: "в поросшей деревьями и травами земле неуживающимся родившийся". Характерно, что Басымджы верховное божество Юрюнг Тойон одаривает конем. Если Эр Соготох — пеший богатырь, ходивший на лыжах, то его сын ездит на коне. Возможно, эти приметы богатырей имеют очень древние истоки. Богатыри, которые ходят на лыжах, встречаются в эпических памятниках северных народов. В эпосе тюрко-монгольских народов образ богатыря неразлучен с боевым конем. И характерно то, что пеший Эр Соготох выступает устроителем не только своей жизни, но и Гибель Дуодарба — Черного Кузнеца и рыбака Юёдюёна.

Познакомимся еще с одним сюжетом олонхо — "Эр Соготох" Г.Ф. Никулина. Выше отмечалось, что в образе Эр Соготоха Г.Ф. Никулина имеются определенные черты культурного героя. Богатырские деяния Эр Соготоха начинаются с поездки его на чудесно выбранном им из своего табуна коне за *абаасы* Тимиром Лыыбырдааном, который предложил ему свататься к его сестре — шаманке Добун Куодар. *Абаасы* едет верхом на трехногом звере Мэк Тугуте. "Сватовство" Эр Соготоха заканчивается полным истреблением рода *абаасы* Тимира Лыыбырдаана. Второй поход Эр Соготоха — это его героическое сватовство к дочери Оногоя Баая. Это имя созвучно имени легендарного первопредка якутов Омогоя (Оногой, Омогон) Баая, персонажа исторических преданий якутов. Эр Соготох истребляет трех своих соперников-*абаасы* и женится на дочери Оногоя Баая. Он три года живет у родителей жены, а потом переезжает в свою страну.

Многие сюжетообразующие мотивы олонхо "Эр Соготох" Г.Ф. Никулина и мотивы исторических преданий о первопредках якутов Омогое Баае и Эр Соготохе Эллэе Боотуре перекликаются друг с другом, сохраняя жанровые поэтические оттенки олонхо и преданий:

Олонхо "Эр Соготох" Г.Ф. Никулина	Исторические предания об Омогое Баае и Эр Соготохе Эллэе (сводная схема по книге Г.В. Ксенофонтова "Эллэйада")
1. Герой живет одиноко в своей, предназначенной свыше, стране (традиционный эпический мотив).	1. Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготох Эллэй Боотур прибывает на плоту по Лене к месту жительства Омогоя Баая и входит в его семью в качестве работника.
2. Эр Соготох изобретает каменный топор, строит дом, подворные хозяйственные постройки, изготавливает домашнюю утварь, разжигает огонь, испрашивает у верховных божеств-*айыы* пару жеребят и пару телят.	2. Эр Соготох Эллэй Боотур изменяет образ жизни Омогоя Баая, прорубает окна в доме, строит печку-камелек, сооружает изгороди и постройки для разведения скота, изготавливает домашнюю утварь и посуду из бересты и дерева.
3. Герой совершает первый поход в Нижний мир и первый воинский подвиг, уничтожив своих врагов. В сражении с противником Эр Соготох получает богатырскую закалку, тем самым самоутверждаясь как богатырь.	3. Омогой Баай признает в своем работнике достойного человека с большим будущим по той примете, что при встрече с Эллэем он незаметно для себя, оказывается, волнуется. Здесь происходит внутреннее психологическое "сражение двух характеров": побеждает молодость.
4. Эр Соготох отвергает притязания шаманки-*абаасы* выйти замуж и превращает ее навечно в черный пень. Героическое сватовство и женитьба на дочери Оногоя Баая. Устройство большого праздника — свадебного *ысыаха*.	4. Предложение Омогоя Баая Эллэю жениться на дочери-красавице. Эр Соготох Эллэй Боотур по чудесным приметам выбирает из двух сестер некрасивую и женится на ней. Сестра-красавица повесилась и превратилась в злого духа.
5. После женитьбы Эр Соготох со своей женой еще три года живут у Оногоя Баая. Затем Эр Соготох переезжает в свою страну. При отъезде жена Эр Соготоха чуть не уводит весь скот родителей за собой (отъезжающая с мужем дочь выбрала только обороти и намордники: жеребята пошли за своими оборотями, телята — за намордниками, лошади — за жеребятами и т.п. Часть скота осталась благодаря хитрости скотницы Симэхсин Эмээхсин).	5. Омогой Баай, разгневанный непослушанием Эллэя и опечаленный смертью любимой дочери, изгоняет зятя с дочерью со двора, выделив им по шелудивой кобыле и корове. Эллэй поселяется на новом месте, строит дом и постройки для скота, разводит дымокур от гнуса и весь скот Омогоя переходит к нему. Эллэй впервые устраивает кумысный праздник *ысыах* в честь божеств *айыы*.
6. Эр Соготох и его жена становятся родоначальниками *ураангхай саха*.	6. Рождение у Эллэя детей, от которых произошли якутские роды и улусы.

Таковы схемы сюжетного развития олонхо "Эр Соготох" Г.Ф. Никулина и исторических преданий о первопредке якутов Эр Соготохе Эллэе Боотуре.

У северных якутов распространено предание о том, что Эллэй — божество-*айыы*. Он спустился с небес на землю, поступил работником к первопредку якутов Оногою Бааю, стал его зятем, отделился от него

(без конфликта), построил дом, изготовил кумыс из кобыльего молока, посуду из дерева и бересты и созвал всех якутов на праздник *ысыах*, произнес моление и благословение в честь божеств-*айыы*, а затем вознесся на небеса. С тех пор якуты устраивают праздник *ысыах* (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 435, л. 10—11).

Этим мы закончим общий обзор содержаний и сюжетных схем олонхо, в которых главным героем выступает богатырь по имени Эр Соготох.

* *
*

Олонхо "Могучий Эр Соготох" В.О. Каратаева по содержанию и развитию сюжета можно назвать вилюйской версией сказаний о родоначальниках племени *ураангхай саха*. Публикуемый текст исполнен более молодым представителем поколения известных нам современных олонхосутов. Учитель В.О. Каратаева Т.П. Гоголев (1897—1984) воспринял это олонхо от сказителей XIX в. А те сказители, видимо, продолжали традицию своих предшественников. Народная память о сказительских традициях сохраняет имена лишь последних сказителей, от которых переняты олонхо, поэтому их предшественники остаются в забвении.

В характеристике героя В.О. Каратаева выпал эпитет *эрэйдээх-буруйдаах* (многострадальный). Видимо, это связано с тем, что первыми жителями Среднего мира, не знающими своего рода, были Сир Сабыйа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун — отец и мать Эр Соготоха, родившегося у них уже в преклонном возрасте. Эпитет *модун* — могучий, мощный по виду — в современном якутском языке чаще всего употребляется в словосочетании *модун эр санаалаах* — мужественный, храбрый, бесстрашный, что более соответствует Эр Соготоху В.О. Каратаева.

Олонхо начинается с описания эпического времени (стр. 1—26), когда образовалась "черная земля". В олонхо центральных районов Якутии мотив первотворения земли (Среднего мира) в большинстве случаев опускается. Первотворение мира характерно для олонхо окраинных регионов Якутии. Например, в олонхо "Эр Соготох" Г.Ф. Никулина первоначальные эпические небо и земля невелики по своим размерам, и первый человек "расширяет" и "увеличивает" их:

Тумарык маҥан халлаан
Туора хаарты тууһун саҕа эрдэҕиттэн
Туөрт сииктээх төбөтүн бүтүүтүгэр
Төнитэн-тэрбэтэн таҕаарта эбитэүһү.
Сэттэ сиксиктээх сир ийэ
Чиэрбэ хаарты тууһун саҕа эрдэҕиттэн
Сирии тинилэҕинэн
Тэнитэн-дэрбэтэн таҕаарта эбитэ үһү

(Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 108, л. 1).

Когда туманное белое небо
С трефового туза размером было,
Своей головой, имеющей четыре шва,
Расширил-увеличил его [первый человек, говорят].
Когда семиугольная земля-матушка
С червонного туза размером была,
Своими мозолистыми ступнями
Расширил-увеличил ее [первый человек, говорят].

В долганском олонхо "Брат и сестра":

Бу олорордойду
Буур баттагын сага эрдэгиттэн,
Бу турар халлаан
Киhи ньуурун сага эрдэгиттэн

[24, с. 92].

Когда эта обжитая страна
Была размером со шкуру,
Снятую с головы оленя-самца,
Когда это видимое небо
Было размером с лицо человека.

Стихи 27—35 публикуемого текста в третьей, 1986 г., записи олонхо В.О. Каратаева звучат так:

Сиэрэй тиин тиниләҕин саҕаттан
Үүнэн-үөскээн, тэнийэн-тэрбэйэн,
Сачарыы таба кулҕааҕын сарыытын
Тиэрэ тардыбыт курдук
Сарбайа үүнэн,
Сараадайа улаатан испитэ эбитэ уhу

(Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 153, л. 2).

Величиной с пятку серой белки будучи,
Расширяясь-растягиваясь, разрастаясь, рождалась;
Подобно мягкому, как замша, уху
Двухгодовалой важенки,
Растопыриваясь во все стороны,
Постепенно увеличивалась, оказывается.

По всей вероятности, здесь отражается народное представление о культурной деятельности человека на земле, о завоевании жизненного пространства трудом и потом. Девственная природа сурового якутского края—это еще не земля-матушка (*сир-ийэ*), и небо над необжитой землей — еще не небо, под которым проживает человек. Недаром северные якуты называют Среднеленский регион — *дойду*, место, обжитое с древних времен якутами, регион, откуда они постепенно расселялись по всей территории современной Якутии. И вообще, в якутском языке обжитая местность называется *дойду сир*, а не обжитая — *үрэх баhа* (верховья речки). Процитированные выше поэтические места во всех трех записях полностью сохраняются, несмотря на большой промежуток времени между записями (1975, 1982, 1986 гг.), что является не-

сомненным признаком устойчивости формулы. После описания "роста" изначальной земли, т.е. эпической Средней земли (мира) с его несметным богатством флоры и фауны, олонхосут переходит к описанию *алааса*, характерного для Якутии сенокосного и пастбищного угодья (поляны, луга, открытой небольшой равнины, окруженной лесом, предгорной долины). Якуты считают *алаас* своим кормильцем, так как от урожая травостоя зависело их благополучие. Кроме того, *алаас* — место, где якуты жили от рождения до смерти, где проходит жизнь одного поколения за другим, и, действительно, родной *алаас* для якутов — *аан ийэ дойду* (изначальная страна-матушка); видимо, потому поэтический образ изначальной матушки-земли и образ *алааса* сливаются в единый образ благодатной Средней земли (мира).

Одним из поэтических мест якутских олонхо, особенно созданных певцами центральных улусов, можно назвать воспевание священного дерева Аал (вариант: Аар) Кудук (Дууп, Луук, Дуук) Мас — Священное Изобильное Дерево (*дууп, луук* — видимо, от русск. *дуб*). В первой и второй записях олонхо В.О. Каратаева образ священного дерева отсутствует, а в третьей появляется под названием Аар Хатынг (Священная Береза) и занимает всего двустишье:

Аҕыс салаалаах
Аар Хатыҥ үүнэн тахсыбыт.

Восьмиветвистая
Священная Береза

(Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 153, л. 6).

Знаменитый вилюйский певец и олонхосут, дальний родственник В.О. Каратаева, С.Н. Каратаев в своих двух олонхо "Тонг Саар Тойон" и "Сююлэлджин Боотур", записанных в 1938 и 1941 гг. А.А. Саввиным и П.Я. Туласыновым (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 5 и 117), а также олонхосут С. Еремеев—Дэдэгэс из соседнего с Борогонским Тогусского наслега в олонхо "Мэник Тёбёт Бухатыыр" священное дерево называют Аар Кудук Хатынг — Священная Изобильная Береза. В самой ранней публикации олонхо О.Н. Бётлингком название священного дерева передано словосочетанием Аар Мас и объяснено как самое высокое и старое дерево в лесу. Видимо, в ранний период развития олонхо священное дерево представлялось в виде огромной лиственницы или березы. С последующим развитием поэтики олонхо образ священного дерева усложнялся и превратился в более мифологизированный образ Аал Луук Мас, в "символ неувядающего плодородия земли и вечного расцвета жизни на ней" [11, с. 91]. В заключении вступительной части сообщается о том, что в этой благодатной стране живут Сир Сабыйа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун (стр. 225—273). Сабыйа Баай — распространенное имя родоначальников якутского эпоса [22, с. 297]. Это имя встречается у олонхосутов как центральных (бывш. Западно-Кангаласский, бывш. Ботурусский), так и окраинных (Вилюйский, Верхоянский) улусов. Такое имя носят родона-

чальники из олонхо "Тонг Саар Тойон" и "Сююлэлджин Боотур". А женское имя родоначальницы Сабыйа Баай Хотун можно найти в знаменитом олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" К.Г. Оросина [39, ч. 1, вып. 1, с. 29]. Э.К. Пекарский, ссылаясь на опубликованные образцы олонхо, дает следующее объяснение: "имя лица, которому в былинах дают эпитеты: *саха саара буолбут* (ставший якутским царем), *сири сабан олорор* (покрывающий землю), *саха төрдө* (прародитель якутов)" [41, стб. 2011; 39, ч. 1, вып. 3, с. 214, 247, 261; ч. 3, вып. 1, с. 146]. Герой олонхо О.В. Каратаева рождается у этих бездетных престарелых родоначальников. Мотив чудесного зачатия и рождения детей у престарелых родителей широко распространен в тюрко-монгольской эпике (киргизский "Манас", алтайский "Маадай Кара") и часто встречается в якутском олонхо. Так, Кёнтёстёй Бёгё, герой олонхо С.М. Неустроева из Булунского улуса, родился после того, как его престарелые бездетные родители выпросили у верхних *айыы* ребенка. После него родились еще брат и сестра [22, с. 200—203]. Жена богатыря Бэрт Хара родила двух сыновей и дочь после его смерти, съев травинки, выросшие на могиле мужа [39, ч. 2, вып. 1, с. 37, 36; 22, с. 160]. Джуларытта Бэргэн, герой олонхо П.С. Олесова из Усть-Алданского улуса, родился как только глава верхних *абаасы* Улуу Суорун Тойон снял свое заклятие на лишение потомства с его родителей (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 21) [22, с. 247—248]. Бездетный престарелый отец богатыря Тёбёта Мэника, героя вышеупомянутого олонхо С. Еремеева—Дэдэгэса, записанного в 1940 г., выпрашивает ребенка у божеств-*айыы*, поднявшись на вершину священного дерева (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 118) [22, с. 148—149]. Чудесное зачатие и рождение Могучего Эр Соготоха заключается в том, что он рождается у престарелых родоначальников, не ожидавших появления ребенка.

Исходной ситуацией начала героической биографии героя служит мотив отлучения новорожденного от семьи и переселение его в Верхний мир по воле верховных божеств. При этом отлучение ребенка от родителей совершается без их ведома. О том, что их сын воспитывается у верховных божеств, Сир Сабыайа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун узнают от богатыря-*абаасы* (запись 1975 г.) или (записи 1982 и 1986 гг.) от небесной шаманки Джаргыл, прилетевшей в образе стерха (стр. 337—391). Такой инициационный обряд воспитания будущего богатыря встречается и в других олонхо. Так, первый сын Кулуна Куллустуура и Кюн Толомон, героев олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова, по воле матери-шаманки воспитывается в глубине кургана у волшебниц, а их второй сын — в Верхнем мире у главного божества Юрюнг Айыы Тойона. Только третьего сына воспитывали сами родители [22, с. 123—124; 48, с. 171 — 180, 212, 448—486].

Мотив исчезновения новорожденного, досада горюющих родителей и радость их после того, когда они узнали, что их сын стал избранником божеств, описывается одинаково во всех трех записях, за исключением порядка прибытия вестников — богатыря-*абаасы* Джаантаара Дары

Буурая и шаманки Джаргыл (см. Прил., ССС). Воспитание богатыря в олонхо вообще пропускается, а о наречении именем кратко сообщается вестниками (стр. 363—385, 482—489). Песнопение-сообщение Джаргыл — радостное и торжественное, а пение *абаасы* — тревожное и беспокойное в связи с тем, что растет могучий богатырь племени *айыы* (стр. 454—500). Эта тревога в записи 1986 г. звучит так:

Эһиги уолгутун
Үрдүк халлаанна таһаараннар,
Алларaa дойдуну
Атыйахтаах уу курдук
Таннары үктээн дьалкыттын диэннэр,
Тордуйалаах уу курдук
Тоҕо үктүэн долгуттун диэннэр
Улуу бухатыыры оноро сыталлар

(Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 153).

Вашего сына,
Подняв на высокое небо,
Воспитывают как великого богатыря,
Чтоб он Нижний мир возмутил, опрокинув ногой,
Как воду в берестяном лукошке,
Как воду в берестяной посудине,
Взволновал, наступив ногой.

Эти стихи, состоящие из поэтических формул в публикуемом тексте, в записи 1986 г., переданы очень кратко:

..эһиги оҕоҕутун
....
Үөһээнни айыыларга
Биһигини судуллуун суох оноттороору
Улуу бухатыыры оноро сыталлар

(Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 153, л. 17).

..вашего сына
....
чтобы нас извести под корень,
у верховных *айыы*
великим богатырем воспитывают.

Приведенные редакции текстов, записанные в 1982 и 1986 гг., могут служить примером вариаций песнопений богатырей, описаний событий: если в одном тексте стихи состоят из поэтических формул, подробных описательных блоков, то в другом то же самое передается лаконично, несколькими словами, но основное содержание не изменяется.

Описание появления Эр Соготоха перед отцом и матерью в облике могучего богатыря, его песнопения о своем высоком предназначении стать защитником племени *айыы аймага*, его богатырский сон совпадают в двух последних записях. Последовательные события, составляющие сюжет первого звена (части) олонхо: появление богатыря-*абаасы* Тааса

Джаантаара, его оскорбительное песнопение в адрес Могучего Эр Соготоха, гнев богатыря, его решение о мести оскорбителю, сборы в поход и т.п. (см. Прил., ССС), — являются составными частями всех трех записей олонхо. Богатырский поход Эр Соготоха первоначально подчинен желанию мести. Однако в итоге похода, после победы над оскорбителем он получает женщину, на которой женится. В этой ситуации тема героического сватовства сильно ослаблена. Женитьба Эр Соготоха — результат победы его над богатырем-*абаасы*, который уступает Туналыкаан Куо и взамен просит оставить его в живых (стр. 1330—1391). Таким образом, Туналыкаан Куо является не предназначенной невестой, а скорее всего женой, добытой в бою. Но и эта тема до конца не раскрывается. Освободив Туналыкаан Куо из плена *абаасы*, Эр Соготох из Нижнего мира направляется в Средний мир к родителям освобожденной им женщины. Изложение последующих событий — приезда к родителям невесты, радостной встречи их с сородичами Туналыкаан Куо, свадьбы — не отличается от описания торжеств брачного обряда богатыря с предназначенной ему невестой в других олонхо. Отличие развития сюжета олонхо В.О. Каратаева по сравнению с другими олонхо состоит в том, что Эр Соготох после брака остается жить у родителей жены. Сородичи жены восприняли его как своего защитника в случае нападения злоумышленников (стр. 1450—1468). Мотив примачества — редчайшая ситуация в олонхо. Интересно, что он устойчиво повторяется в трех записях (стр. 1482—1525).

Завязкой второго звена сюжета олонхо В.О. Каратаева служат внезапная смерть Могучего Эр Соготоха, похищение Туналыкаан Куо, рождение их сына Кёмюса Кыырыктая (стр. 1526—1610). За оставшимся без родителей ребенком начали ухаживать дяди по матери (*таайдара*) (стр. 1610—1622). Наличие зачатков авункулата в олонхо заметил И.В. Пухов: в олонхо "Шаманки Уолумар и Айгыр" отец Суодалбы — младший брат шаманок, а мать — женщина из племени *абаасы*, и он приходится дядей героям олонхо Кюлюктэю Бэргэну и Бэрбээкэю Бэргэну, за которыми он ухаживал в детстве, а затем обустроил их жизнь [44, с. 212—214; 39, ч. 1, вып. 2, с. 113—147; с. 122—152]. Мотив воспитания богатыря его дядями по матери мы находим и в кратком сюжете олонхо Т.П. Гоголева, учителя В.О. Каратаева. Но там особо подчеркивается, что дяди обижали сироту при удобном случае (см. Прил., Беседа со сказителем-олонхосутом Трофимом Гоголевым).

В третьей записи рассказ о воспитании осиротевшего ребенка его дядями по матери опущен (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 153, л. 70). Детские годы Кёмюса Кыырыктая, героя второго поколения богатырей олонхо, описаны более подробно, чем детство Эр Соготоха. Описывается его быстрый сказочный рост, его молодеческие забавы (стр. 1617—1629). Однако и Кёмюс Кыырыктай не избегает отлучения от семьи и воспитания на небесах. Он проходит в Верхнем мире богатырскую закалку. Главная задача его богатырских подвигов — это вызволение матери из плена

богатыря-*абаасы* Тааса Джаантаара Дары Буурая и оживление отца Эр Соготоха (стр. 1787—2314). В дальнейшем сюжет развертывается вставным мотивом о втором походе Кёмюса Кыырыктая в Нижний мир и его борьбе с *абаасы* Буором Кудустаем. Этот мотив получает более развернутое изложение в записи 1975 г., где *абаасы* носит имя Буор Бургаалджын. Борьба с *абаасы* заканчивается в этом тексте победой богатыря-*айыы*, однако он чуть не погибает при встрече с кузнецами-*абаасы*. Его спасают небесные богатыри. А в текстах 1982 и 1986 гг. Кёмюс Кыырыктай побеждает *абаасы* в единоборстве (стр. 2400—2602).

Кроме того, в тексте 1975 г. вклинился мотив об убавлении силы богатыря Кёмюса Кыырыктая по решению верховных божеств. Об этом сообщил его богатырский конь после того, как был оживлен Эр Соготох, и подтвердила прилетевшая в образе стерха шаманка-*айыы*. Возмущенный Могучий Эр Соготох убивает стерха. В последующих записях 1982 и 1986 гг. мотив убавления силы богатыря отсутствует (см. Прил., ССС).

Второе звено сюжетного развития олонхо завершается мирной, без богатырских подвигов, женитьбой Кёмюса Кыырыктая на предназначенной ему божествами невесте Тэмэликээн Куо. Это же благополучное и счастливое событие служит заключительной частью олонхо в записи 1975 г.

В.О. Каратаев при исполнении "Могучего Эр Соготоха" в 1982 г. дополнил текст 1975 г. целым сюжетным звеном. Это повествование о богатырских деяниях другого сына Могучего Эр Соготоха, родившегося от женщины-*абаасы*, которая хитростью завлекла богатыря-*айыы*. Это звено целиком отсутствует также в сюжете олонхо А.С. Васильева "Могучий Эр Соготох", записанном в 1976 г. А в олонхо Т.П. Гоголева сюжет о богатырских деяниях побочного сына Эр Соготоха занимает солидное место (см Прил., Беседа со сказителем-олонхосутом Трофимом Гоголевым).

Завязкой третьего звена сюжета олонхо В.О. Каратаева служит третье похищение жены Эр Соготоха Туналыкаан Куо (стр. 2861—2889). Эр Соготох отправляется на поиски похищенной жены. Он становится жертвой волшебства женщины-*абаасы*. Мотив желания женщины-*абаасы* выйти замуж за людей племени *айыы аймага* и заманивания их своими чарами широко распространен в олонхо. Но часто этот мотив превращается в комические сцены, а заканчивается гибелью *абаасы* от рук богатырей. В публикуемом тексте женщины-*абаасы* Уот Чолбоодой удалось выдать себя за жену Эр Соготоха Туналыкаан Куо и проспать с богатырем одну ночь. Раскрыв коварство женщины-*абаасы*, Эр Соготох хотел ее убить. Однако узнав, что она забеременела, богатырь оставляет ее в живых (стр. 2940—3200). Женщина-*абаасы*, обманувшая Эр Соготоха, оказалась сестрой похитителя его жены Уот Урбалджына, и она помогает Эр Соготоху выручить Туналыкаан Куо из плена и убить своего брата (стр. 3472—3693). Эр Соготох, возвратившись со спасенной им женой домой, находит свою страну еще более разоренной и узнает, что

похищена жена его сына Кёмюса Кыырыктая, который отправился преследовать похитителя. В это горестное время прибывает богатырь — внебрачный сын Эр Соготоха Харыаджылаан Бэргэн, который становится центральной фигурой дальнейшего развития сюжета олонхо. Эр Соготох признает его своим родным сыном и просит помочь в их беде (стр. 3981—4018). В олонхо не раскрываются детский период его жизни, его богатырское воспитание, приобретение вооружения и боевого коня. Харыаджылаан Бэргэн предстает перед отцом как богатырь, прошедший инициацию и получивший богатырскую закалку. Мотив о богатыре, рожденном в результате связи героя с женщиной-*абаасы*, встречается нам только в публикуемом тексте. Однако известен также упомянутый выше образ Суодалбы из олонхо "Шаманки Уолумар и Айгыр" — получеловека-*полуабаасы*, находящегося добровольно в положении прислужника-раба в семье своих теток, сестер отца. Он не признан полноценным членом семьи людей-*айыы*, хотя заботился о своих племянниках в их детские годы. Когда они выросли, Суодалба добывает им жен, победив в героических состязаниях всех противников своих племянников. И только устроив жизнь племянников, он силой добивается себе самостоятельной свободной жизни и возможности обзавестись семьей [44, с. 212—216]. Олонхо "Шаманки Уолумар и Айгыр" было записано в 1886 г. Э.К. Пекарским в Ботурусском (ныне Таттинском) улусе от известного олонхосута Николая Абрамова. Следовательно, мотив рождения богатырей от людей *айыы аймага* и женщины-*абаасы* — древний, устойчивый, но редко встречаемый. Признание чужеродца своим хорошо показано в олонхо "Мас Батыйа" ("Деревянная Пальма"), записанном в 1945 г. от олонхосута Среднеколымского улуса П.Н. Назарова (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 114) [23, с. 105—112]. Герой олонхо Мас Батыйа, образ жизни которого был чужим для людей *ураангхай саха*, становится человеком-*айыы* только тогда, когда начинает есть молочную пищу и овладевает языком якутов [23, с. 110]. Мас Батыйа, принявший образ жизни якутов-скотоводов, впоследствии становится их родоначальником. Таким образом, можно допустить, что мотивы рождения детей от связи *айыы* и *абаасы* и принятия чужеродца в семью людей *айыы аймага* — традиционные эпические мотивы.

Признание Харыаджылаана Бэргэна человеком-*айыы* подтверждается верховным божеством Юрюнг Айыы Тойоном после того, как он совершает первый богатырский подвиг, спасая от гибели своего брата и похищенную невестку Тэмэликээн Куо. Юрюнг Айыы Тойон вызывает богатыря в Верхний мир и сообщает ему, что он причисляется к людям *айыы аймага* и должен жениться на предназначенной ему невесте Кыыс Сарыадыман Куо (стр. 4209—4325). Это становится поводом для всеобщего торжества в стране Эр Соготоха. Харыаджылаана Бэргэна благославляет на дальнейшие богатырские подвиги дух-хозяйка страны Аан Алахсын Хотун, обитающая в Священной Березе (стр. 4440—4471).

Следующая, самая большая часть олонхо посвящена богатырскому походу Харыаджылаана Бэргэна за предназначенной ему невестой, похищенной *абаасы* Таасом Кудустаем, и вызволения невесты из плена (стр. 4472—6332). Вторая, 1982 г., запись завершается приездом Харыаджылаана Бэргэна со своей женой в страну отца Могучего Эр Соготоха и всеобщим торжеством людей *айыы аймага.* А в третьей, 1986 г., записи в олонхо добавляется эпизод четвертого похищения жены Эр Соготоха Туналыкаан Куо и описание последнего подвига главного героя олонхо Могучего Эр Соготоха (Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 7, д. 153, л. 214—224).

Из сравнительной схемы сюжетов трех магнитофонных записей олонхо В.О. Каратаева (см. Прил.) видно, что олонхосут при каждом исполнении постоянно придерживается одной и той же последовательности развития событий, составляющих сюжет олонхо, следует традиционному композиционному построению, твердо помнит имена персонажей и их взаимоотношения. В краткой вводной статье при всем желании мы не можем сделать детальный сравнительный анализ искусства исполнения олонхосута по трем магнитофонным записям. Это дело будущего. В заключение скажем, что олонхосут Василий Осипович Каратаев был достойным наследником своих талантливых предшественников — певцов олонхо многих поколений, верным хранителем эпической памяти народа саха.

Н.В. Емельянов,
В.В. Илларионов

О МУЗЫКАЛЬНОМ ВОПЛОЩЕНИИ ОЛОНХО

Комплексный музыкально-филологический замысел серии "Памятников" с самого начала нацеливал на преодоление известной замкнутости нотно-музыковедческого подхода, вынуждающего даже хорошо подготовленных музыкантов с трудом разбираться в весьма условных нотировках музыки народов Сибири, которые далеки от европейских норм. Этой закрытости музыковедческого анализа хотелось избежать при описании своеобразной музыкальной системы якутского олонхо.

Музыкальную сторону якутского эпоса необходимо рассматривать в неотделимой связи со словесным рядом, и не столько в сюжетно-образном плане, сколько в непосредственном, звукопроизносительном понимании этой неразделенности. Кое-что в словесно-музыкальном сплаве олонхо начинает проясняться и, можно надеяться, то немногое, что отмечено в данной статье, послужит стимулом к последующим исследованиям в этом перспективном направлении.

Работа над музыкальной частью издаваемого тома была сопряжена со специфическими трудностями. "Могучий Эр Соготох" В.О. Каратаева предполагалось издать в одном из первых выпусков серии. Работа над текстом и переводом олонхо началась вскоре после того, как была осуществлена повторная и наиболее удачная во многих отношениях запись 1982 г. Отобранные для публикации песенные эпизоды были тщательно нотированы Н.Н. Николаевой, сверены с магнитофонными копиями, сделанными, как и оригинал записи, на бытовой аппаратуре, отредактированы и подготовлены к печати*. Был написан и обсужден первоначальный вариант музыковедческой статьи, с которым имели возможность ознакомиться авторы последующих томов серии. Единственное, что нас не устраивало, — плохое качество магнитной записи, не очень пригодной для воспроизведения ее на грампластинке.

Василий Осипович Каратаев находился в прекрасной исполнительской форме, и в 1986 г. появилась возможность осуществить технически

*Полностью эти нотировки опубликованы в книге Н.Н. Николаевой "Эпос олонхо и якутская опера" (Якутск, 1993, с. 139—162).

Участники комплексной фольклорной экспедиции записывают фрагмент олонхо В.О. Каратаева, 1986 г. (Фото В.Т. Новикова.)

более совершенную звукозапись олонхо во время Комплексной фольклорной экспедиции, предпринятой Институтом филологии СО РАН вместе с рядом других учреждений в западные районы Якутии. Разумеется, не следовало ожидать от истинного олонхосута точного воспроизведения предыдущей версии сказания (даже если бы такая задача была перед ним поставлена). Однако расхождения оказались велики. Появились совершенно новые сюжетные ходы, намного возросла общая продолжительность звучания. И конечно же, существенно изменилась исполнительская, образно-музыкальная сторона эпоса. Здесь было чему радоваться и чему огорчаться. С одной стороны, появилась редкая возможность оценить творческую свободу подлинного носителя народной культуры, сопоставив полные записи олонхо, сделанные с интервалом в четыре года. С другой стороны, по целому ряду причин в чисто исполнительском отношении новая запись заметно уступала прежней.

К сожалению, по производственно-техническим условиям в прилагаемую к тому пластинку нельзя было включить фрагменты записи 1982 г. Чтобы избежать разнобоя между нотными текстами и звучанием, Н.Н. Николаевой было предложено заново нотировать песни, которые в какой-то мере повторяли описанные образцы, а мне — привести в соответствие с новыми нотировками содержание статьи. Не все ранее отобранные фрагменты достигали прежнего уровня выразительности, что нашло отражение в нотациях, а также в пересмотренных результатах их анализа.

В 1990 г. неожиданно умер В.О. Каратаев, не дождавшись выхода в свет своего любимого и многострадального "Эр Соготоха"*. Многолетнее и плодотворное сотрудничество с олонхосутом было прервано, многие вопросы остались без ответа. Работа над поэтическими и музыкальными текстами затягивалась, а тем временем начали выходить из печати другие тома серии, в их числе первый якутский эпический том с олонхо "Кыыс Дэбилийэ" и обстоятельным исследованием А.П. Решетниковой [32]. Некоторые соображения, высказанные в первом варианте статьи к данному тому, потеряли актуальность**.

Надеюсь, что все это будет принято во внимание благожелательным читателем предлагаемой статьи, из которой были исключены некоторые моменты, получившие освещение в других публикациях.

* *
*

Героический эпос якутов — явление в наш век примечательное. Не только как обширный и открытый ряд развернутых богатырских и не одних лишь богатырских сюжетов. Не только как разветвленный жанровый комплекс, жизнеспособный до сих пор и в какой-то мере сохранившийся в устной передаче вопреки многократной ломке социокультурных отношений и несмотря на давнюю практику письменной фиксации, в том числе музыкальной. Олонхо примечательно прежде всего как художественно неповторимое и органичное сочетание возвышенно-поэтической речи и выразительного разнохарактерного пения. Оно действительно неповторимо как музыкально-поэтическое явление, обладающее своим двуединым мелодико-стиховым языком, своей развитой и сложной и вместе с тем стройной и экономной системой средств словесной и музыкальной выразительности, особых приемов поэтической и мелодической импровизации, тесно связанных и гибко взаимодействующих друг с другом.

---

*Незадолго перед этим в Москве была сделана видеозапись первой части другого каратаевского олонхо — "Уолуйа Боотур".

**Кроме того, из-за утраты оригинала фонограммы 1986 г. звучание для грампластинки пришлось восстанавливать по копиям. При этом не удалось устранить некоторые погрешности звучания.

В.О. Каратаев был одним из последних активных хранителей этой музыкально-поэтической традиции. Его искусство, запечатленное в нескольких записях, отличается не только высоким сказительским, словесно-поэтическим даром, но и свободным владением системой музыкально-поэтических средств, обязательных для истинного олонхосута. С этой точки зрения его эпическое творчество достигает того уровня художественного профессионализма, который был свойствен лучшим представителям устной музыкально-поэтической культуры.

Профессиональное умение олонхосута подразумевает свободное владение двумя основными формами звуковой реализации эпоса: особой эпической манерой сказывания и развитой певческой техникой. Последняя включает не только свободно-импровизационное пение высокого обобщенно-героического склада, не только напевно выразительное пение с индивидуальным мелодическим рисунком, но и особые навыки темброво-характеристического голосового перевоплощения. В этом отношении исполнительское мастерство В.О. Каратаева отвечало самым высоким требованиям, поскольку сказитель свободно владел всеми названными традиционными техниками пения и гармонично их сочетал.

Первое, что определяет искусство истинного олонхосута, — четко артикулируемое и высотно выверенное сказывание на очень широком, длительно выдерживаемом дыхании. Не случайно утрата широты дыхания, переход на бытовую или театрально-актерскую речь — явный признак разрушения эпической традиции, перерождения искусства олонхо в повествовательно-сказочную форму или перехода к современной концертно-сценической его интерпретации.

Сказовая речь В.О. Каратаева выдержана в классических для олонхо канонах. Помимо эпической широты дыхания она отличается весьма быстрым темпом. В этом отношении мастерство олонхосута приближается к искусству чабыргахсытов — создателей и исполнителей напевных якутских скороговорок. Сказитель произносит в минуту до 400 слогов и более, а в его эпическом речитативе порой насчитывается почти 500 пульсирующих долей в минуту. Такой темп задан уже в самом начале олонхо в версии 1986 г. (см. нотный пример 1).

Четко пульсирующая ритмика эпического сказывания отличается переменностью метрики (тактовых размеров) и гибкой изменчивостью внутристиховых акцентов. Поскольку количество слогов и слов в строке постоянно варьирует, соответствующим образом меняется и протяженность мелодической строки. Как правило, путем удвоения метрической доли последнего слога ритмически выделяются ее начальные и конечные слова. При этом начальные слова подчеркиваются значительно чаще, что, вероятно, связано с аллитерационной системой стиха, а отсутствие пауз и ритмических остановок между стихами способствует слитности в произнесении поэтической тирады.

В музыкальной метрике эпического речитатива отмечается тенденция к преобладанию трехдольных групп. В связи с этим двухсложные

слова нередко выделяются благодаря продлению последних слогов. Четырехсложные слова иногда приводятся к трехдольной норме с помощью раздробления одной из метрических долей. Изредка встречающиеся пятисложные слова могут приобретать шестидольные (3+3) очертания (в результате удвоения одной из гласных). Помимо того нередко ритмически выделяются смысловые акценты, что хорошо видно в уже отмеченной нотации зачина, в начале которого активно подчеркиваются односложные числительные (нотный пример 1, стр. 1—3)*.

Эпический речитатив олонхо строится по принципу 1 слог — 1 нота. Внутрислоговые распевы встречаются как отступления от правила, они лишь изредка раскрывают дифтонги или приходятся на долгую гласную (по нормам якутской орфографии такая гласная передается сдвоенной буквой).

Несмотря на сказовое произнесение, в речитативе довольно отчетливо прослушивается определенная звуковысотность, что позволяет условно нотировать его основные контуры. Звуковысотно речитативы строятся на двух ступенях-опорах. В сказывании В.О. Каратаева бо́льшая определенность отличает верхнюю ступень, нижняя же опора более подвижна. Расстояние между ступенями трудно уловимо на слух, но чаще всего колеблется в промежутке от полутора до двух тонов. Особенность нижней ступени такова, что она как бы постоянно подтягивается к верхней, глиссандоподобно "въезжает" в нее (в этих случаях обычно становятся возможными изредка встречающиеся внутрислоговые распевы).

По своим высотным очертаниям речитативные тирады олонхо принадлежат к двум разновидностям. Их можно разделить на *платоподобные*, строго выдерживающие единый высотный уровень, и *каскадоподобные*, плавно понижающиеся по мере убывания взятого дыхания.

Первая разновидность тирад характерна для развернутых картинно-поэтических эпизодов. На них, в частности, строится пространное описание страны олонхо. Такие тирады чаще звучат при описаниях жилища героя, его внешности, доспехов, богатырской поездки, встречающихся на пути местностей. Понижение высоты в платообразных речитативах допускается только в самом конце тирад как интонация "выдоха-сброса". При этом глиссандирующий сброс происходит на довольно широкий (нередко произвольно, неопределенно широкий) интервал. Вместе с тем по мере эмоционального подъема изредка может происходить едва заметное, очень плавное и непередаваемое в нотах повышение общего строя (на очень протяженном участке и обычно не более, чем в пределах полутона).

---

*Почти все приводимые в данном издании нотные образцы относятся к версии 1986 г., что, помимо соотнесения их со звучанием грампластинки, дает возможность убедиться в импровизационной природе искусства олонхосута, изменяющего, нередко вопреки собственной установке на точный повтор, даже наиболее, казалось бы, канонизировавшиеся моменты, вплоть до традиционных эпических зачинов (ср. данный пример с текстом зачина в версии 1982 г. в основной части публикации).

Вторая разновидность речитативных тирад — каскадообразная — основывается на постепенном, но вполне заметном высотном сползании, нередко охватывающем очень широкий, чуть ли не октавный (иногда и несколько больший) диапазон. Двухопорная высотная структура речитации с более рельефной верхней ступенью при этом сохраняется. Сохраняются и принцип "слог—нота" и частое ритмическое выделение начального слога в стихе. Хорошим примером подобной нисходящей тирады может служить связка-переход между песнями богатыря Нижнего мира Буора Кудустая и богатыря-*айыы* Кёмюса Кырыктая (нотный пример 2).

Соответствующие высотные разновидности речитации наблюдаются и в кратких, произносимых говорком "ремарках", заключающих, как правило, песенные эпизоды олонхо. Эти выразительные реплики-послесловия олонхосут произносит либо на выдержанном и нередко подчеркнуто выделенном верхнем опорном уровне (см. окончание сравнительно короткой песни девы-*абаасы* — нотный пример 12), либо на охватывающем широкий диапазон ниспадающем контуре. Иллюстрацией последнего случая может служить окончание песни Юрюнг Айыы Тойона (нотный пример 3).

Средняя протяженность речитативных тирад, включающих иногда до 20 стихотворных строк и более, колеблется в пределах от 15 до 30 секунд (в некоторых случаях чуть больше). Это определяется двумя основными факторами: величиной развернутого синтаксического периода и естественными пределами исполнительского дыхания. Главным при этом является ощущение относительно завершенного интонационного периода. Если же сказителю не хватает дыхания при произнесении чрезмерно развернутой эпической тирады, он может, не нарушая ее интонационного единства и стараясь не привлекать к этому внимания, быстро и незаметно обновить его. Глубокая же, интонационно подчеркнутая ниспадающим сбросом голоса пауза для восполнения дыхания наступает в конце целостной и в смысловом отношении завершенной поэтической тирады. Именно эта интонационная передышка нередко используется слушателями для поощрительных возгласов.

Тот же принцип широкого эпического дыхания лежит в основе композиционной структуры большинства песенных эпизодов олонхо, независимо от того, к какому типу мелодики они принадлежат. Однако обновление дыхания при мелодическом пении значительно чаще ощущается как осознанный выразительный прием, а не как непроизвольное восполнение запаса воздуха. Как правило, певец берет дыхание, используя естественные членения мелодических фраз, соответствующие межстиховым цезурам, хотя иной раз смена дыхания может произойти и посреди фразы. Следует, очевидно, различать два вида обновлений дыхания: внутритирадное, обычно маскируемое певцом, и интонационно значимое, подчеркивающее окончание музыкально-поэтических периодов (оба вида дыхательных смен обозначаются в приводимых нотациях).

Границы развернутых песенных периодов отмечаются особыми каденционными (заключительными) мелодическими оборотами, в которых распевается один или несколько слогов последнего стиха (см. окончания нотных примеров 4, 10, 13, 14). Начало же песни и начала некоторых ее последующих тирад открываются широкими мелодическими зачинами, основанными на распеве характерных вступительных слов-возгласов, настраивающих слушателей и самого певца, а также нередко дающих обобщенное представление о соответствующем персонаже и его эмоциональном состоянии (см. также нотные примеры 5, 6, 9, 12, 15).

В олонхо различаются три способа организации песенной ткани, основанные на различном соотношении музыкально-слогового ритма, высотного контура и тембровых характеристик. Соответственно этому поющиеся эпизоды каратаевского олонхо могут быть отнесены к трем типам пения, иногда выступающим во взаимодействии.

К первому типу пения относятся по существу все монологи представителей доброго начала (сфера *айыы)*. Песни этих персонажей, в каких бы ситуациях они не находились и какой бы группе героев не принадлежали, являются разновидностью *тойуков* — развернутых музыкально-поэтических импровизаций характерного для якутских народных певцов эпического стиля *дьиэрэтии ырыа**. Фактически этот способ пения представляет лишь отчасти мелодизированный вид поющейся поэзии. В структурном и интонационном отношениях он не дифференцируется по персонажам и связывается в восприятии слушателей с обобщенным представлением о возвышенно-героическом высказывании.

Определяющим структурным признаком *тойуков* и, следовательно, всей этой сферы образов является более или менее систематический внутрислоговой распев с постоянной (как на Вилюе) или постоянно обновляющейся (как в приленских улусах) ритмоинтонационной формулой. Этот способ пения фактически превращает каждый слог в единообразную или свободно вырьируемую, нерегулярную метрическую стопу и в связи с этим может быть назван **слогостопным**. Распетая таким образом речь становится метрически строго упорядоченной, независимо от количества слогов в поэтической строке. Собственно, стихом такая речь является лишь будучи пропетой. Важно подчеркнуть, что подобный мелодический распев не только не ограничивает поэтическую фантазию сказителя, но, напротив, способствует ее раскрепощению.

В соответствии с вилюйской певческой традицией олонхосут избирает для *тойуков* наиболее простой и устойчивый способ внутрислогового распева — двойную равномерную пульсацию каждого слога. В отличие от центрально-якутской тойуковой традиции, отличающейся многообразием и нередко усложненностью формул распева, певец поет,

---

*По сложившейся в якутском музыковедении традиции принято противопоставлять этот стиль стилю *дэгэрэн ырыа* — мелодическому пению, основанному на индивидуализированных формульных напевах.

четко скандируя слова — *этэн ыллыыр*, т.е. "поет, выговаривая" (в противовес *тардан ыллыыр* — петь, растягивая, украшая каждый слог).

В подавляющем большинстве *тойуков*, как и в сказовой речи олонхо, интонирование строится на чередовании двух высотных уровней, но в отличие от речитации в качестве главной опоры здесь выступает нижняя ступень. Захват верхней, менее устойчивой ступени отчетливо выделяет среди одновысотных, основанных на повторении лишь нижней ступени, двухуровневые, разновысотные внутрислоговые попевки. Среди первых у В.О. Каратаева преобладают восходящие варианты распева (когда нижний тон предшествует верхнему), которые обычно открывают и завершают двух-, трех-, четырех-, а иногда пяти- и даже шестислоговые мотивные образования — в зависимости от количества слогов в слове или словоподобной группе. В отдельных случаях такие мотивно-мелодические образования могут и не совпадать с границами словоразделов. Двухступенные попевки, в том числе нисходящие (верхний тон — нижний тон), способствуют некоторому выделению соответствующих слогов на фоне скандируемых одновысотно. Подчеркнутые таким образом первые и чуть реже последние слоги способствуют структурному оформлению мотивных групп.

Мелодические формулы развернутых зачинов и завершающих оборотов в песенных тирадах-периодах основаны обычно на длительном выдерживании верхней ступени в восходящей слоговой попевке, иногда удвоенной и расцвеченной характерным голосовым вибрато, и на последующем многократном утверждении нижней ступени (см. нотные примеры 1, 9, 15). Распеваются при этом либо типовые для зачинов слова (чаще всего "*Дьиэ буо*"), либо начальные или конечные слоги соответствующих тирад.

Две ступени звукоряда в основном исчерпывают звуковысотный состав *тойуков*, исполняемых В.О. Каратаевым. Дополнительная, третья, ступень, или (если иначе взглянуть) выразительное повышение верхней ступени, встречается у него лишь в только что названных мелодических формулах зачинов или в завершающих оборотах, где такое "превышение" служит как бы предвестником скорого окончания музыкально-поэтической тирады (см. последнюю строку в нотном примере 4).

В соответствии с природой якутских "раскрывающихся ладов" [3, с. 48—57] расстояние между соседними (смежными) ступенями напева может варьировать в весьма широких пределах — от целотонового промежутка (расстояние в один тон) до более чем двухтонового или даже большего (тритонового) его "раскрытия". Последнее связано обычно с подъемом эмоционального тонуса, нередко отмечаемым и в пределах одной песни. В целом ширина интонационного шага так или иначе соотносится с характером поющего персонажа и с высотным положением напева.

В минимальном, шириной около тона, интервале обычно поются песни женских персонажей и почтенных старцев, для характеристики

которых певец избирает крайние — верхний и нижний — регистры своего диапазона. Возможно, это отчасти связано с естественным для этих напряженных регистров сужением расстояний между опорными уровнями. Более яркую окраску исполнение приобретает, когда певец переходит к чуть более широкому интервальному шагу в песне Сир Сабыйа Баая Тойона (см. нотный пример 10) или избирает этот же промежуток для своего вдохновенного заключительного *тойука* (см. нотный пример 15). Полуторатоновый ход является основным в музыкальных высказываниях богатырей-*айыы*, которые В.О. Каратаев исполнял, используя среднюю часть своего голосового диапазона. Вокруг этого интервала "вращается" большинство песен, связанных с основными героями олонхо — Эр Соготохом и его сыновьями. Лишь в особо эмоциональных моментах действия мелодический ход расширяется до двухтонового. Так было, например, в песне-клятве Эр Соготоха, завершавшей первый круг богатырских подвигов в версии 1982 г. Одновременно с раздвижением интервального шага может постепенно повышаться и общий строй напева, что отмечено, например, в отдельных песнях Кёмюса Кыырыктая.

В песенных эпизодах олонхо В. Каратаева суммарный, общий их диапазон достигает октавы — от звуков примерно соответствующих *ре — ми-бемоль* малой октавы до *ре* первой (если не учитывать высоту *кылысахов*, о которых речь пойдет отдельно). Центральной, наиболее употребительной высотой является, очевидно, звук *соль* малой октавы, соответствующий, вероятнее всего, наиболее естественному для певца так называемому примарному тону. Не случайно именно на этой высоте чаще всего звучит сказовая речитация олонхосута. Помимо того, пять из семи песен Эр Соготоха — главного героя олонхо, а также значительная часть других песен рассматриваемой версии сказания так или иначе ориентированы на этот же исходный уровень (две остальные песни Эр Соготоха звучат на полтона или тон ниже).

Поскольку свободная комбинационно-попевочная техника *дьиэрэтии* не дает высотно оформленного результата в виде закрепленного в сознании, индивидуализированного мелодического образа и поскольку эта техника по существу едина для всех *айыы* — персонажей олонхо, постольку главным фактором их образной дифференциации становится высотно-регистровое положение (тесситура) напева и отчасти расстояние между его основными чередующимися опорными ступенями (интервальный шаг).

Самая низкая ("басовая") тесситура уже была отмечена в песне Сир Сабыйа Баая Тойона. Чуть выше исполняется песня Юрюнг Аар Тойона — владыки Верхнего мира. Песни трех главных богатырей-*айыы* опираются на звуки *фа, фа-диез* и *соль*, причем монологи сыновей Эр Соготоха обычно поются несколько выше и основываются на более широком интервале. Примерно в той же тесситуре поет Уот Дугуй — богатырь Верхнего мира. Высокий регистр отведен, как было сказано,

женским персонажам — их основной тон поднят до звуков *ля — си-бемоль**. Еще выше — у крайних границ певческого диапазона звучит песня Аан Алахчын Хотун — духа Священного дерева.

Таким образом, все песни *айыы*-персонажей, исполняемые в едином эпически-распевном тойуковом стиле, достаточно легко опознаются по своему высотному положению и по относительной ширине интервального шага. Они группируются в три примыкающие друг к другу и переходящие одна в другую регистровые зоны — от пения старцев к голосам эпических богатырей и далее — женских образов. Сам олонхосут склонен был относить песни трех этих групп персонажей к различным напевам. И действительно, для этого существуют некоторые основания, которые можно обнаружить при более глубоком ритмо-композиционном анализе мелодико-стиховых структур. В частности, в песнях главных героинь (преимущественно это песни-жалобы, песни-плачи) прослеживается тенденция к образованию четырехслоговых мелодических групп, в которых одновысотные попевки обрамляются двухвысотными. Подобные группы порой объединяются по две (или даже по три), в результате чего возникает регулярная стиховая строка, сближающая эти песни с формульными напевами *дэгэрэн*. Данную тенденцию можно наблюдать, например, в прощальной песне Туналыкаан Куо, особенно в наиболее выразительном варианте 1982 г. (см. нотный пример 13, стр. 4, 6, 9, 10). Кстати, следует отметить большое сходство (вплоть до текстуальных совпадений) обоих вариантов этой песни с жалобным *тойуком* Сир Сабыйа Баай Хотун в версии 1986 г. (ср. нотные примеры 4 и 14).

Подобной регулярности в метрической организации строк нет в монологах главных богатырей-*айыы*. Их пению свойственна свободная смена слоговых групп с сохраняющейся тенденцией к выделению начальных и конечных попевок в словах, состоящих из разного количества слогов.

В каратаевском олонхо особое место занимает заключительная "Кутурук салайар ырыата" ("Песня, направляющая конец", нотный пример 15, грампластинка, 2-я сторона, № 6). Согласно поверью, она должна обмануть соревнующуюся с певцом нечистую силу и закрепить победу над ней удачливого олонхосута. Такие песни до сих пор не включались в публикуемые сказания, ибо рассматривались как выходящие за пределы законченного сюжета олонхо. Однако в эмоционально-образном плане они служат прекрасным завершением по существу ритуального исполнения героического эпоса и фактически становятся его итоговой кульминацией. Радостное воодушевление по поводу благополучного окончания многотрудного действа рождает спонтанную эпическую им-

---

*На этой же высоте и точно в той же манере исполняется песня шаманки Нижнего мира Уот Чолбодоой, предстающей перед героем в облике его жены. Кстати, это единственный в данном олонхо случай мелодического перевоплощения. Во всех других ситуациях, когда персонажи каратаевского олонхо меняют свой внешний облик, характеризующий их напев остается неизменным, отражая действительную сущность героя-оборотня.

провизацию, построенную на все том же тойуковом распеве, но выделяющуюся своим повышенным тонусом и предельной ясностью и яркостью выразительных приемов. Темой заключительного *тойука* В.О. Каратаев неслучайно избирает восхваление родных мест (мало что другое может сильнее воодушевить якутского певца-импровизатора). В отличие от всех предыдущих песен заключительный *тойук* поется от лица самого олонхосута. Своим чеканным ритмом, построенным на систематическом чередовании двух- и одновысотных хореических попевок итоговая песенная импровизация заметно выделяется среди сходных с ней по структуре монологов эпических богатырей и в этом отношении сближается с четко ритмованными современными концертными *тойуками*, эталоном для которых стал традиционный вилюйский распев, повсеместно распространившийся благодаря славе выдающегося эпического певца С.А. Зверева.

В противовес тойуковым напевам *айыы*-героев, с голосами которых олонхосут непроизвольно сближает звучание собственного голоса, музыкальные характеристики представителей враждебного мира требуют от него весьма сложной техники голосового перевоплощения*. Высотный диапазон в песнях отрицательных персонажей в олонхо В.О. Каратаева также сравнительно неширок. Пение *абаасы* в основном выдержано в средней тесситуре, и этим оно заметно отличается от песен соответствующих персонажей у других олонхосутов, которые нередко выбирают для устрашающих противников главных героев более низкий регистр. Однако эмоциональный тонус этого рода песен весьма напряжен, и в связи с этим интервальное "раскрытие" звукоряда, в основном также двухступенного, в данном типе песен достаточно велико. При этом характерной является нарочитая высотная приблизительность, "искаженность" интонирования, подчеркивающая гротесковый характер образов. Ту же цель преследует намеренное огрубление тембра, сопровождаемое угрожающей мимикой. В первый же момент обращают на себя внимание грозно пропетые вступительные восклицания типа "*Ар-дьаалы, аарт татай!* " и др. (см. нотный пример 6, грампластинка, 1-я сторона, № 4).

В песнях богатырей Нижнего мира и близких к ним персонажей, как правило, сочетается подчеркнуто речитативное двухвысотное скандирование (по принципу "слог — нота") с усложненным тремолированием, как бы утрированным "расшатыванием" отдельных слогов. Каждая мелодическая строка, содержащая произвольное количество слогов, включает чаще всего один-два сложно распетых слога. Сходным образом организовано пение других недобрых персонажей — духа-хозяйки гор-

---

*В вышедшей недавно книге Г.Г. Алексеевой "От фольклора до профессиональной музыки" (Якутск, 1994, с. 78—79) этот тип интонирования в олонхо характеризуется как "пародийное пение наизнанку" (*тиэрэ хоҺуйан ыллааҺын*).

ного прохода (*аартык иччитэ*, см. нотный пример 11, грампластинка 2-я сторона, № 2), огненного моря (*Уот Чумуху иччитэ*), караульных (*абаасы харабыла*), воронов-вестников (*суордар*). В их напевах свободнее чередуются нераспетые и распетые слоги, содержится большее количество тремолирующих вставок.

По своей музыкально-стиховой организации песни *абаасы* занимают промежуточное положение между свободной попевочной комбинаторикой *тойуков* и мелодической формульностью напевов третьей группы.

Напевы еще одного типа (последняя группа песенных образов), как и двух предыдущих, обладают внутренним структурным единством и вместе с тем отличаются контрастностью, возникающей в результате тяготения отдельных напевов к разным образным сферам. Таких напевов в олонхо В.О. Каратаева всего три — напев женщин-*абаасы*, мотив небесных шаманок, являющихся в образе белых журавлей-стерхов, и песня коня.

Напев девы-*абаасы* (см. нотный пример 12, грампластинка, 2-я сторона, № 3. Песня чертовой девы), который используется олонхосутом для характеристики и шаманки Уот Чолбоодой, приходящей на помощь главным героям, и старушки-рабыни Симэхсин, получающей во многих других олонхо самостоятельную музыкальную характеристику, отчасти сближается с мелодикой персонажей Нижнего мира. Один из слогов в каждой мелодической строке растягивается и распевается наподобие тремолирующих попевок *абаасы*. Некоторое сходство можно усмотреть и в манере подачи звука. В пении стерхов улавливается сходство с жалобными *тойуками* женщин-*айыы*. Определенную связь с *дьиэрэтии*-распевом, характеризующим героев-*айыы*, обнаруживает и пение богатырского коня. Однако в целом все эти музыкальные эпизоды строятся на принципах вполне сложившихся напевов-формул и относятся к песенному стилю *дэгэрэн*.

Какова же структура напевов *дэгэрэн*? Рассмотрим ее последовательно — с точки зрения ритма, мотивно-композиционных закономерностей и звуковысотной организации.

Лишь смутно намечающаяся в отдельных напевах *дьиэрэтии* периодическая мелодико-слоговая метрика становится нормой в формульных напевах *дэгэрэн*. Здесь она приобретает четкие и нередко индивидуализированные очертания. В большинстве случаев она задает стиху устойчивую четырехслоговую меру. Отдельные слоги могут при этом распеваться аналогично внутрислоговому распеву *дьэирэтии*, но главной единицей отсчета становится постоянная по протяженности мелодико-стиховая строка. Большинство слов так или иначе приводится к четырехслоговой норме, которая складывается чаще всего путем введения дополнительных слогов в трехсложные слова или сдваивания двухсложных. Словоподобные группы и слова, состоящие из пяти слогов или более, вписываются в четырехдольный метр благодаря вдвое ускоренному про-

изнесению одной (или двух, трех) пары слогов. При этом возникают весьма характерные ритмы, чередующие долгую и две краткие ноты ("ритм дробления") или, наоборот, две краткие и одну долгую ноты ("ритм суммирования"), становящиеся нередко ритмоформулами и внутрислогового распева. Акцентирование раздробленных долей (как и усиленное скандирование двухударного распева в *дьиэрэтии*) иногда приводит к синкопированию — некоторому укорочению первой ноты и соответствующему сдвигу вперед и удлинению второй ноты в паре (таким образом возникает характерный "хромой" ритм).

Все это хорошо прослеживается в напеве богатырского коня (см. нотный пример 7 и 8). Это единственная в каратаевских олонхо мелодия, рельефно-краткая основная формула которой успевает дважды повториться на протяжении одной восьмислоговой стиховой строки. Слегка затягиваемый вступительный возглас трехслогового звукоизобразительного запева, имитирующего лошадиное ржание, при повторении тут же приводится к четырехслоговой норме. Трехударные распевы четных долей выразительно подчеркивают ритмическую синкопу.

Трехударный ритм дробления становится основой распева в пении стерха (см. нотный пример 5). Но здесь четырехдольный такт умещает семь слогов традиционного для тюркоязычной песенной поэзии хореического семисложника. Следует заметить, что это единственный в данном олонхо песенный образ, использующий очень распространенный в бытовом пении якутов стихотворный размер. Метрическая формула *осуохая* (популярного среди якутов кругового танца) и многих других жанров бытовой якутской песни (4+3) выступает здесь как вариант уже отмеченной формулы сдвоенного четырехсложника (4+4).

Та же четырехслоговая, но существенно трансформированная основа, просматривается в одном из самых характерных в ритмическом отношении образов данного олонхо — в напеве женщин-*абаасы* (см. нотный пример 12, грампластинка, 2-я сторона, № 3). Это одна из самых устойчивых и при этом ритмически изощренных мелодических формул, используемых В.О. Каратаевым. Не без труда схватываемая в нотации, она отличается отточенностью и постоянством сложного ритма, чередующего в гибкой последовательности двух- и трехдольные элементы. Благодаря затяжному распеву второго слога образуется редко встречающийся, но очень выразительный внутренне переменный тактовый размер из 13 быстро пульсирующих долей (2+3+3+2+3), который выдерживается в многочисленных песнях с этим напевом (в версии 1986 г. данный напев повторяется в 14 песнях, причем восемь раз он звучит у шаманки Уот Чолбоодой).

Со звуковысотной точки зрения, напевы *дэгэрэн* выделяются большим ступеневым составом и более широким диапазоном, заметно превосходящим сравнительно скромные звуковысотные нормы *тойуков*. При этом они занимают средний и верхний регистры. В основном на трех ступенях в пределах двух с половиной тонов поют девы Нижнего

мира. Их же напев, но тоном выше, звучит в устах Симэхсин Эмээхсин. Мелодия стерха строится на четырех ступенях в пределах трех с половиной тонов и примыкает к верхней границе певческого диапазона. Мелодия же коня, охватывающая четыре с половиной тона, как бы венчает собой песенные образы данного олонхо, объединяя в себе диапазоны обоих предшествующих напевов. Не случайно, наверно, песня коня была излюбленным фрагментом, охотнее всего избираемым олонхосутом для концертного исполнения. Певец постоянно совершенствовал этот выразительный мотив, добиваясь отточенности и истинно актерского блеска*.

Звукоряды рассматриваемых напевов включают (в дополнение к двухступенной структуре *тойуков*) одну, две, а в песне коня и три дополнительные ступени. Одна из них может примыкать к основе напева сверху. Иной раз (как в песне коня) может добавиться и еще более высокая ступень — в звукоизобразительном зачине. Но определяющим для мелодической структуры всех каратаевских мелодий *дэгэрэн* становится обязательное обыгрывание нижней, так называемой вводной ступени, всегда отстоящей от главного опорного звука на целый тон.

Все три рассматриваемых напева имеют симметричную вопросо-ответную структуру: спуск к вводной ступени и последующее возвращение с захватом верхних ступеней образуют их несущий интонационный каркас. В схематически-концентрированном виде эта мелодическая структура запечатлелась в "лейтмотиве" коня. В основе его лежит трехступенный (опевающий исходный основной опорный звук снизу и сверху) мелодический оборот, очень характерный для неприхотливых бытовых напевов, кстати, не только якутских (по словам олонхосута, мелодия коня перенята им от Сангыйах Семена, эвенка по происхождению). Встречающийся в основной части напева дополнительный верхний звук *си* является, как правило, элементом внутрислогового распева.

Тот же трехступенный высотный остов, но только с полуторатоновой центральной ячейкой, определяет звукоряд двух других напевов этой образной сферы. Четвертый (еще на тон выше) высотный уровень также возникает в них только в мелодических зачинах, которые сами по себе по-прежнему не нарушают трехступенную норму, ограничивающую традиционные мелодические обороты. Даже наиболее развернутый, редко встречающийся в эпическом якутском пении пятиступенный звукоряд песни коня тоже является составным, поскольку две верхние его

---

*Выразительные нюансы исполнения можно проследить, сопоставив два по-своему совершенных варианта этой песни в версиях 1982 и 1986 гг. (см. нотный пример 7 и 8). На мой взгляд, этот каратаевский мотив имеет некоторое образное и даже мелодическое сходство с очень популярным напевом Сорук Боллура — мальчика-вестника, действующего в ряде других олонхо (см. [4, с. 27], там же на с. 43—44 приведена еще более ранняя версия каратаевского напева коня, которая в 1977 г. была записана во время концертного выступления олонхосута в Якутске как фрагмент из олонхо "Ого Тулаайах").

ступени в основном встречаются только в трехступенном же звукоподражательном зачинном мотиве, как бы оторвавшемся от основной части звукоряда и напряженно звучащем на верхних пределах певческого голоса.

Таким образом, для образной индивидуализации *дэгэрэн*-напевов певец использует весьма разнообразные средства. Эти напевы различаются звукорядным составом и структурно-слоговыми пропорциями, постоянством или периодической изменчивостью музыкального метра. Как и для характеристики других образов олонхо, певец прибегает здесь к весьма выразительным исполнительским нюансам — заметно трансформирует манеру пения и самый тембр голоса, использует меняющиеся по громкости звучания.

По-разному звучат в песнях отдельных персонажей характерные для якутского эпического пения краткие акцентные призвуки — *кылысахи*. О них стоит сказать особо. *Кылысахи*, выделяющиеся своим высоким и чистым тембром, подобные то острым, сверкающим ударам, то мерцающим, словно в отдалении, искрам, наслаиваются на звучание основной мелодии, зачастую рождая иллюзию раздвоения поющего голоса. Украшая и расцвечивая его, они придают якутскому пению неповторимое своеобразие.

Кылысахи присутствуют во всех песнях данного олонхо, независимо от того, какую группу персонажей эти песни характеризуют. От персонажа к персонажу, от монолога к монологу певец меняет окраску *кылысахов*, в широких пределах варьируя самый способ их формирования. Это происходит отчасти сознательно, отчасти непроизвольно — в связи с меняющимися тембро-регистровыми условиями. У героев-*айыы кылысахи* звучат, как правило, более звонко, особенно в напористых песнях богатырей. В устах старцев и невест они несколько смягчены, менее ярки, иногда с трудом уловимы, не столь отчетливы. В пении же представителей злых сил *кылысахи* приобретают совершенно иной характер, нередко сливаясь в красочную трель. Отчетливые и разновысотные *кылысахи* появляются как отдельные украшающие штрихи на определенных долях в мотивах-формулах *дэгэрэн*. Иной раз они выразительно сочетаются с голосовым вибрато. Это многообразие кылысахных призвуков с трудом может быть отражено в нотных записях. Оно, естественно, вызывает разнобой в приемах отображения этих неотъемлемых для национальной певческой культуры якутов и для искусства якутских олонхосутов специфических приемов звукоизвлечения.

Для В.О. Каратаева свойственно внимательное и вполне осмысленное отношение к музыкальной стороне олонхо. Сам он насчитывал в своем сказании восемь различных напевов. С этим можно согласиться. Однако в собственно мелодическом, "музыкально-языковом", отношении такое разделение не представляется достаточно строгим.

Олонхосут различал песни скорее по общему характеру их звучания и функции в развитии сюжета, чем по внутреннему строению напевов. Герои-*айыы* поют у него *алгысы* (благопожелания и напутствия), боевые песни (*охсуһар ырыата*), песни-клятвы (*андагар*). Сказитель упоминал также песню сватовства, которую должен был петь Харыаджылаан Бэргэн. От лица женщин звучат не только *алгысы* и плачи, но и песни-наставления, иногда женский персонаж выступает в качестве вестника (старушка Симэхсин). *Алгысы* и наставления, но на совершенно особый напев поет шаманка-*абаасы* Уот Чолбоодой. Богатыри Нижнего мира имеют свои боевые песни и песни-представления (*албын ырыата*). Есть в данном олонхо также песня-оскорбление, становящаяся причиной первого конфликта. Женщины-*абаасы* исполняют песни самовосхваления или нетерпения.

Однако это, по-своему верное, разделение песенных эпизодов олонхо по сюжетной функции лишь отчасти находит подтверждение в мелодико-интонационном воплощении каратаевского эпоса. Сами же напевы этих песен как вполне определенные и различающиеся мелодические образования, будучи достаточно универсальными и емкими, способны нести самое разное эмоционально-образное содержание. И вместе с тем они складываются в относительно стройную и завершенную музыкально-интонационную систему.

В.О. Каратаев стремился пополнять мелодический арсенал олонхо. Вовсе не просто было найти новый напев, который бы органично вписывался в устоявшийся образно-музыкальный мир якутского эпоса. По свидетельству олонхосута, мотив духа-хозяйки долины (нотный пример 11, грампластинка, 2-я сторона, № 2) возник в его сознании, когда он ехал верхом на коне. С этим обстоятельством, вероятно, в какой-то мере можно связать некоторые особенности напева — постоянные тремоло перемежаются в нем с нераспетыми слогами (певец обозначил такую манеру пения выражением "*дьигиһитэн ыллыр*"). Казалось бы, напев можно считать результатом индивидуального творчества олонхосута, но, если присмотреться внимательнее, точно так же поют *абаасы*-богатыри в некоторых северно-якутских олонхо*. В сходной манере многие олонхосуты передают пение шаманов (*ойуун кутуруута*), если последние входят в число действующих лиц их олонхо.

Таким образом, любое нововведение в олонхо оказывается удачным лишь при тесной связи с вековыми традициями. Но даже когда сам олонхосут называет источник своих мелодических заимствований, напев, перенятый им у другого певца, всегда оказывается существенно переинтонированным, а иногда и трудно узнаваемым. Так, очевидно, про-

---

*См. песню богатыря Нижнего мира в фонографической записи, сделанной в 1901 г. В.И. Иохельсоном на Колыме [4, с. 23—24]. Примечательно, что терминами "*дьигиһитии*", "*дьигиһитэн ыллааһын*" ("вибрирующее пение") характеризуется стиль исполнения всех без исключения музыкальных фрагментов в долганских поющихся олонхо [*Алексеева Галина*. Истоки долганского музыкального фольклора // Полярная звезда. — 1991. — № 6. — с. 168].

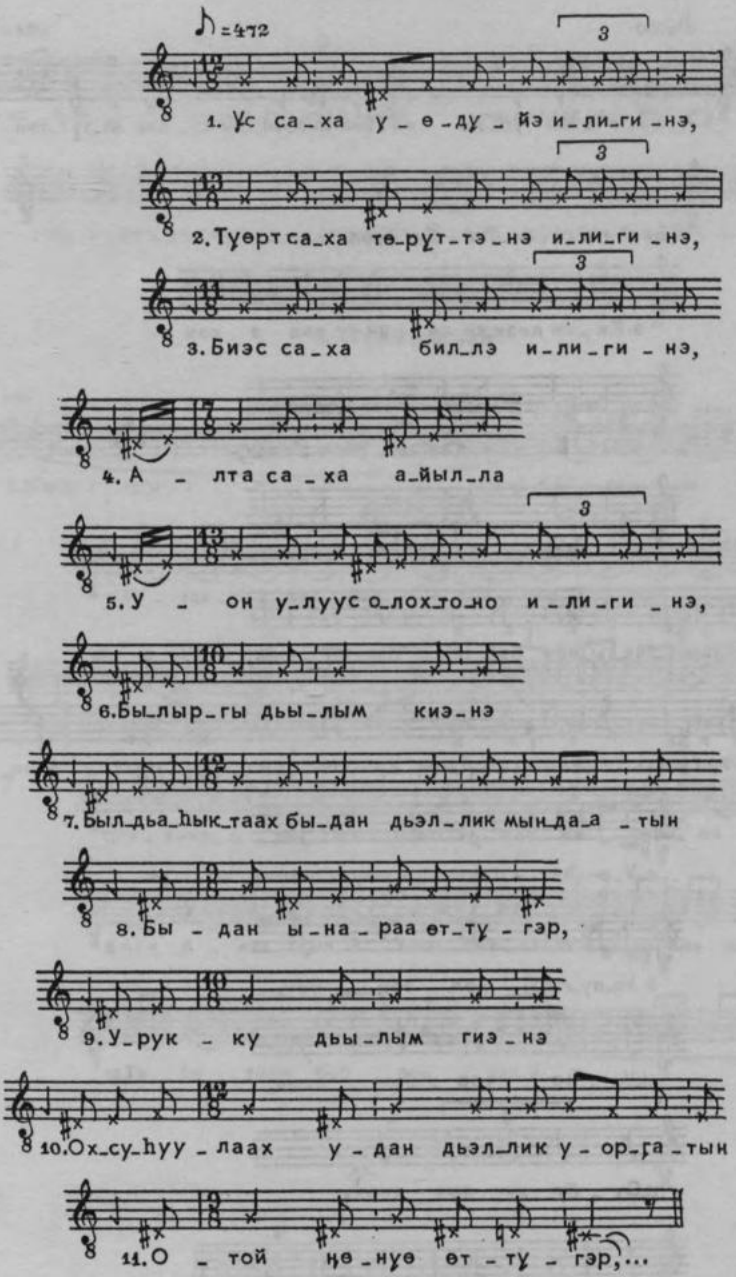
изошло с напевом девки-*абаасы*, взятым В.О. Каратаевым, по его собственным словам, с запечатленного на грампластинке голоса прославленного якутского певца-олонхосута Устина Нохсорова, певшего эту песню, на мой взгляд, совсем по-иному. Не исключено, что в свой излюбленный напев богатырского коня, также заимствованный у другого певца, В.О. Каратаев внес достаточно много индивидуального, ставшего в итоге личным. Все это свидетельствует о том, что отточенная веками система музыкально-выразительных средств якутского олонхо при всей своей экономности и каноничности вплоть до недавнего времени обновлялась и не утрачивала гибкости.

Э.Е. Алексеев

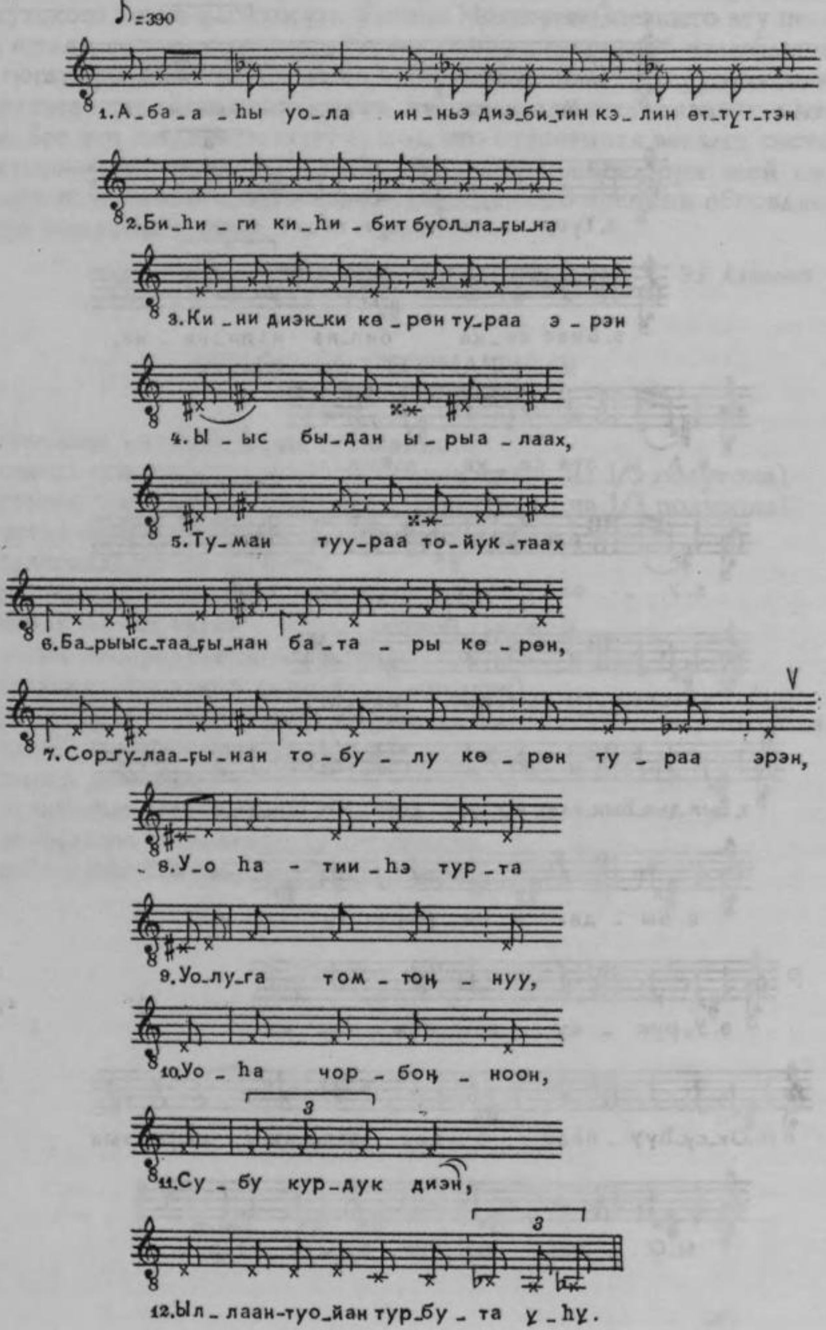
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

— звучание октавой ниже записанного
— слегка повышенная нота (приблизительно на 1/3 полутона)
— слегка пониженная нота (приблизительно на 1/3 полутона)
— отказ от повышения или понижения ноты
— глиссандирующий спуск
— глиссандирующий восходящий "срыв"
— невокальные звуки с определенной высотой
— звуки неопределенной высоты
— *кылысах* (краткий акцентный призвук)
— пульсация четвертными, восьмыми или шестнадцатыми долями (свободно-переменный метр)
— смена дыхания
— запирание звука
— небольшое увеличение длительности
— небольшое сокращение длительности

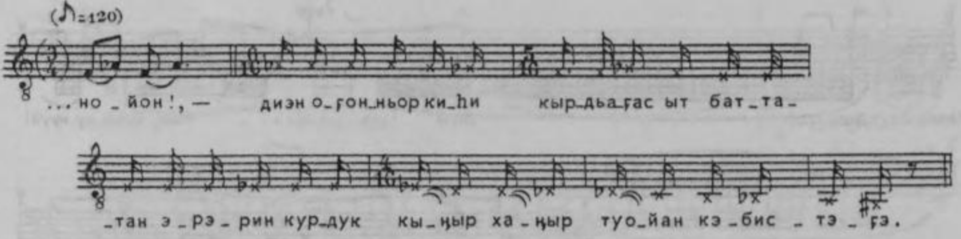
1. Вступительный речитатив



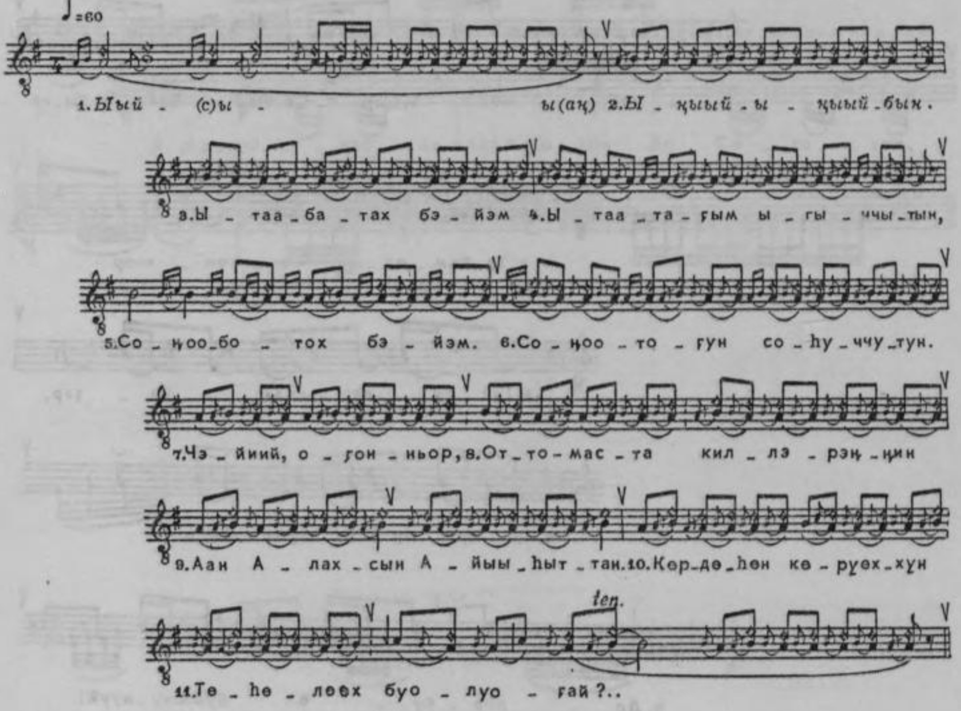
2. Связка-переход между песнями Буора Кудустая и Кёмюса Кырыктая



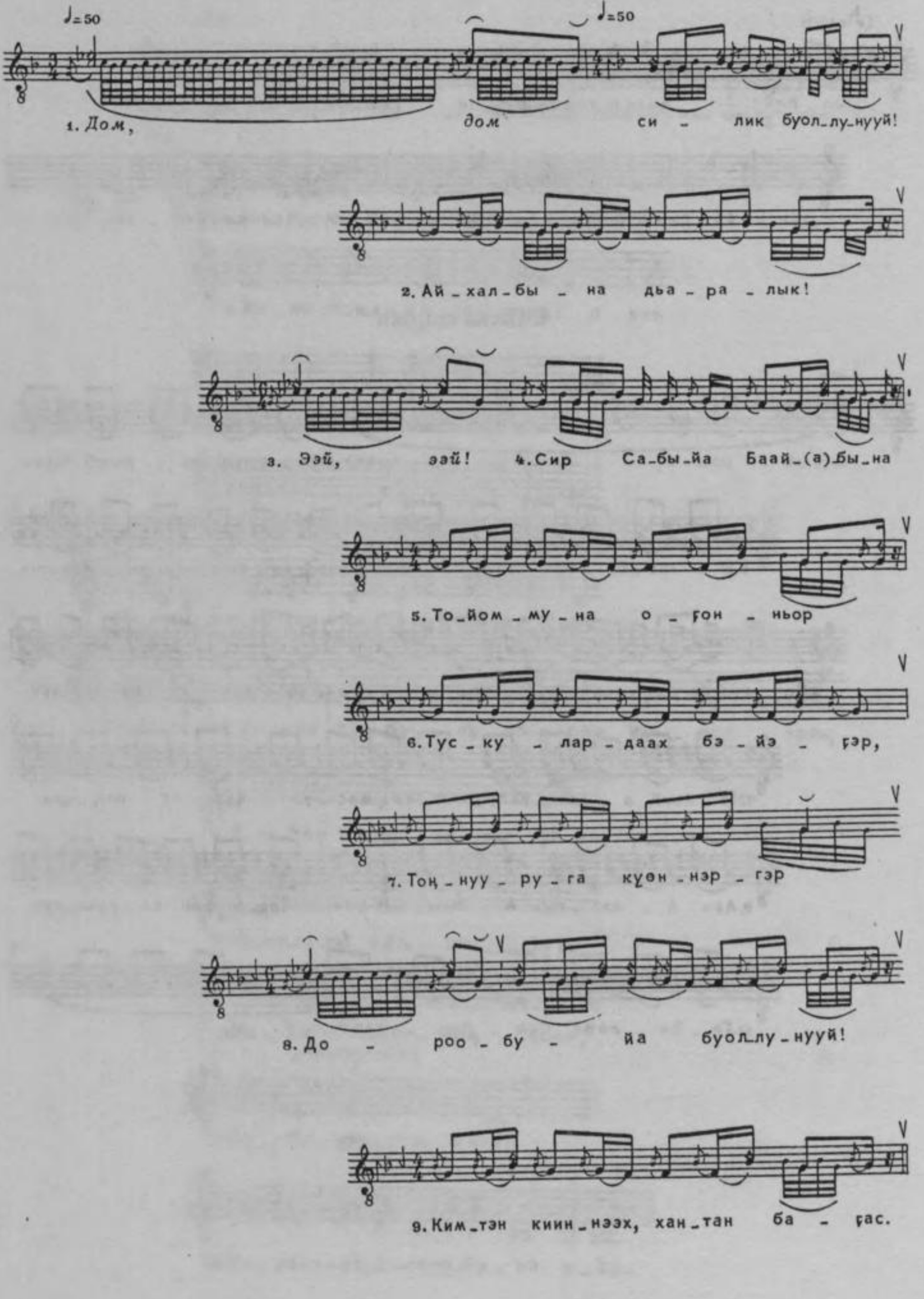
3. Окончание песни Юрюнг Айыы Тойона



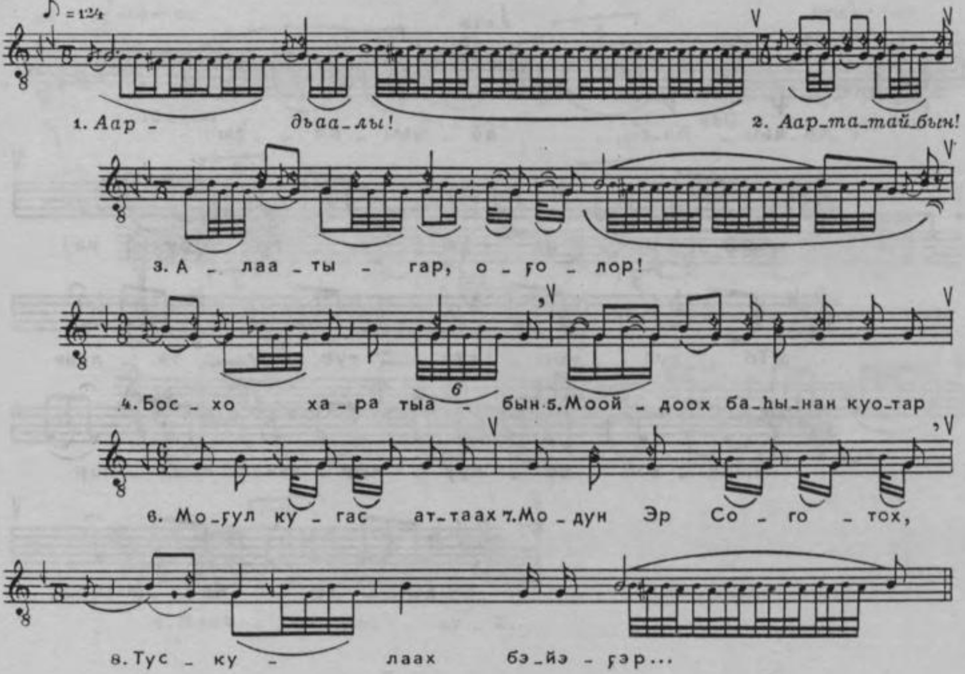
4. Песня старухи



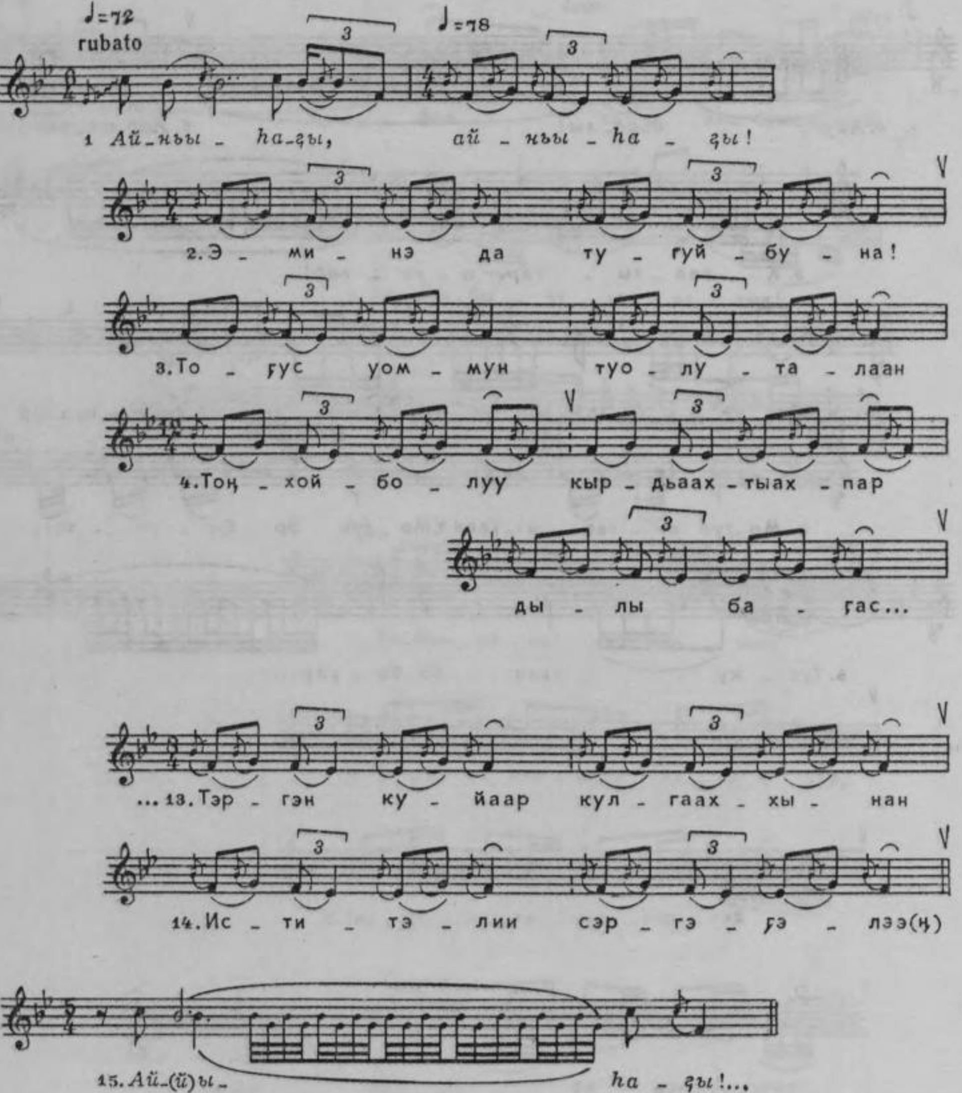
5. Песня стерха



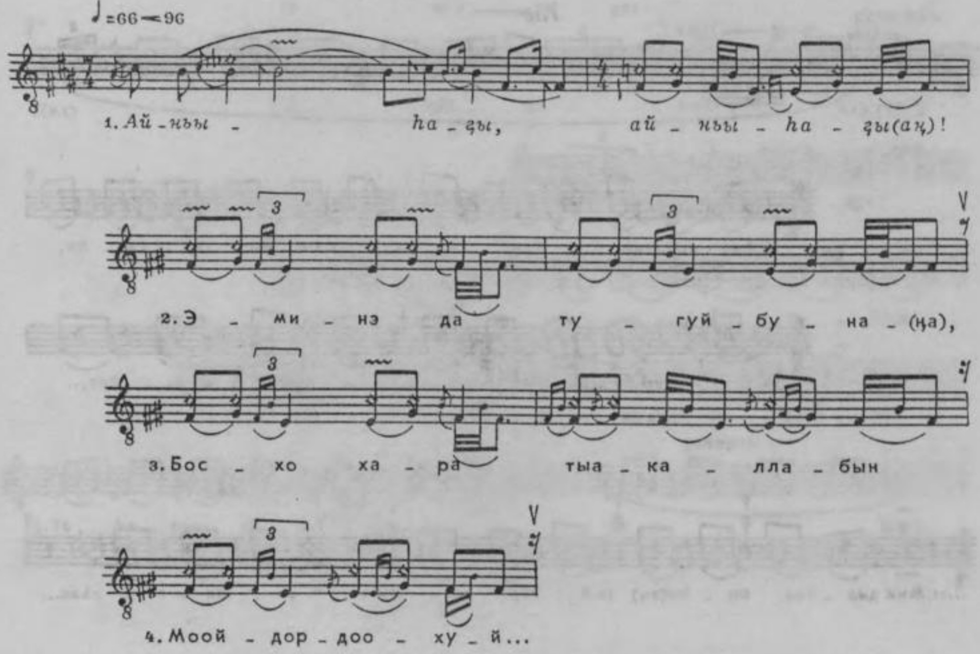
6. Песня богатыря Нижнего мира



7. Песня богатырского коня (запись 1982 г.)

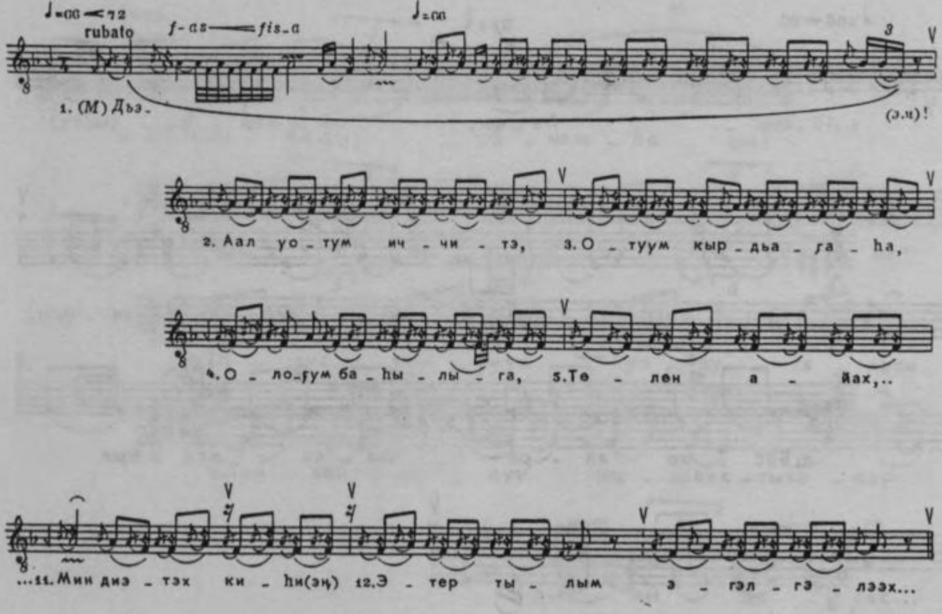


8. Песня богатырского коня (запись 1986 г.)

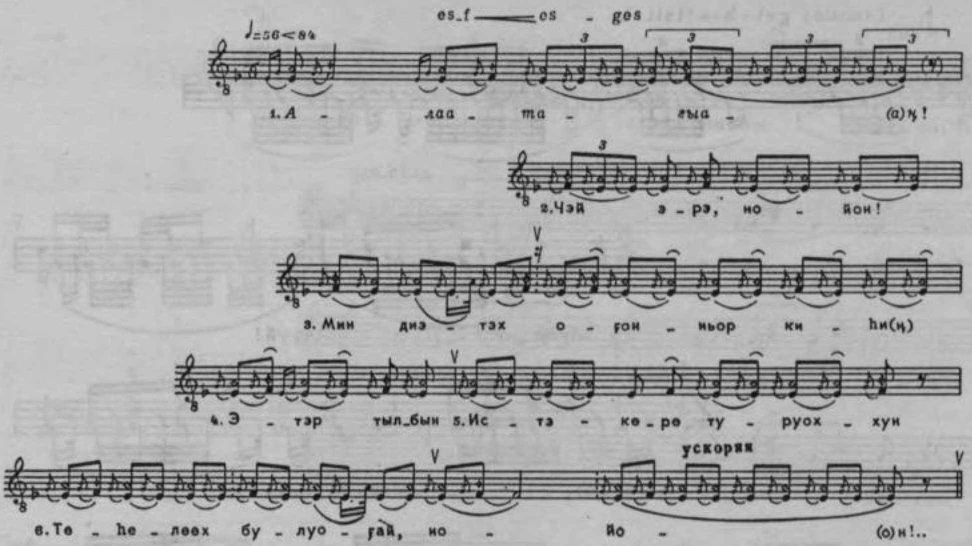


5 Заказ № 442

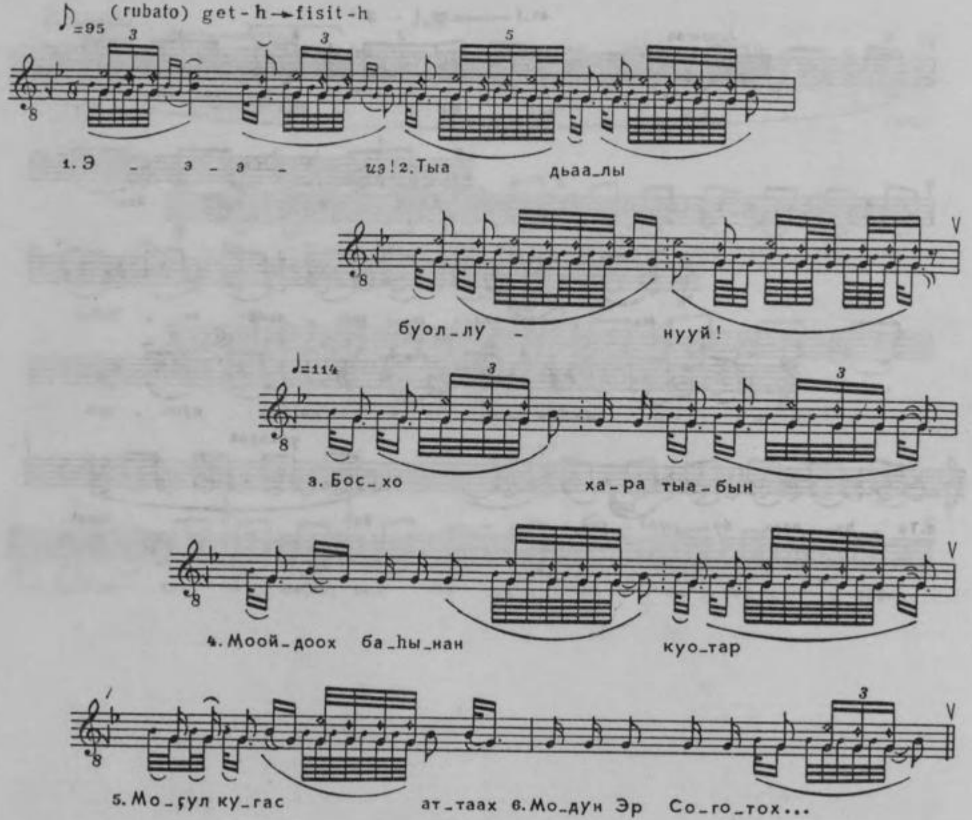
9. Песня Могучего Эр Соготоха



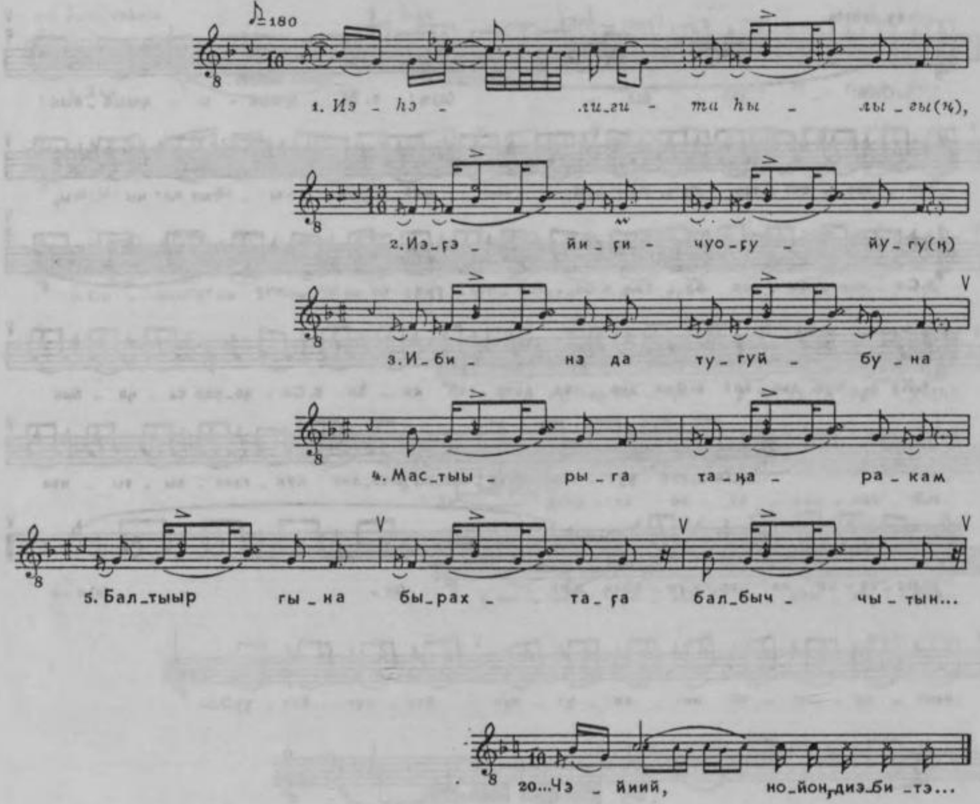
10. Песня старика



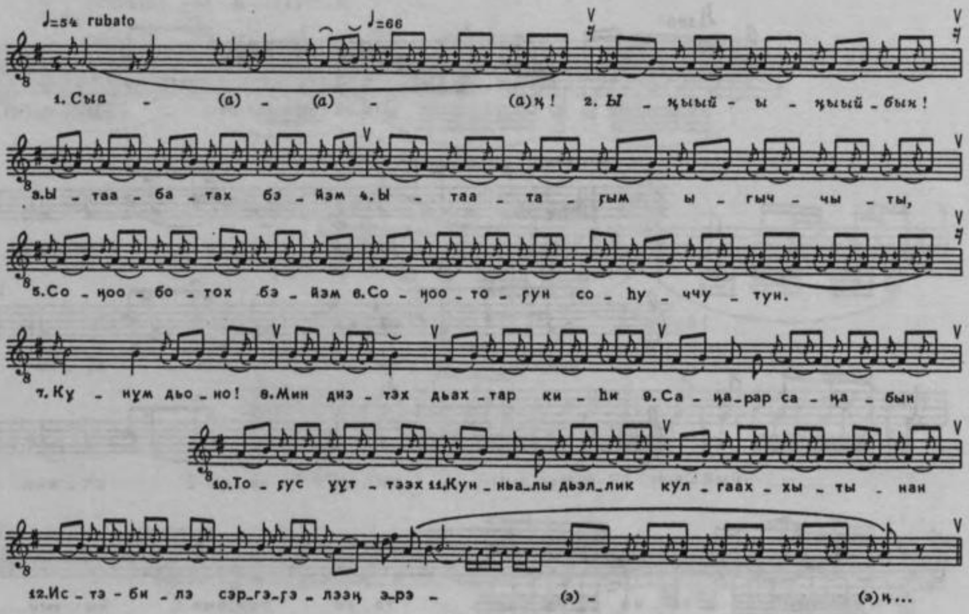
11. Песня духа-хозяйки долины



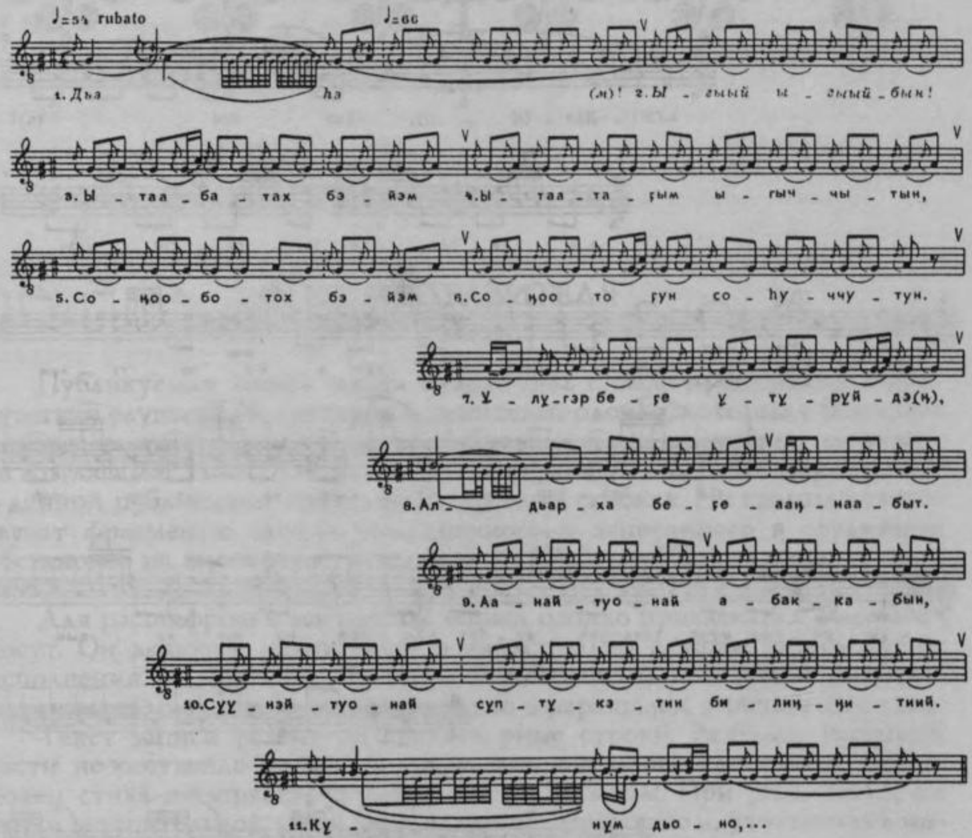
12. Песня девы-*абаасы*



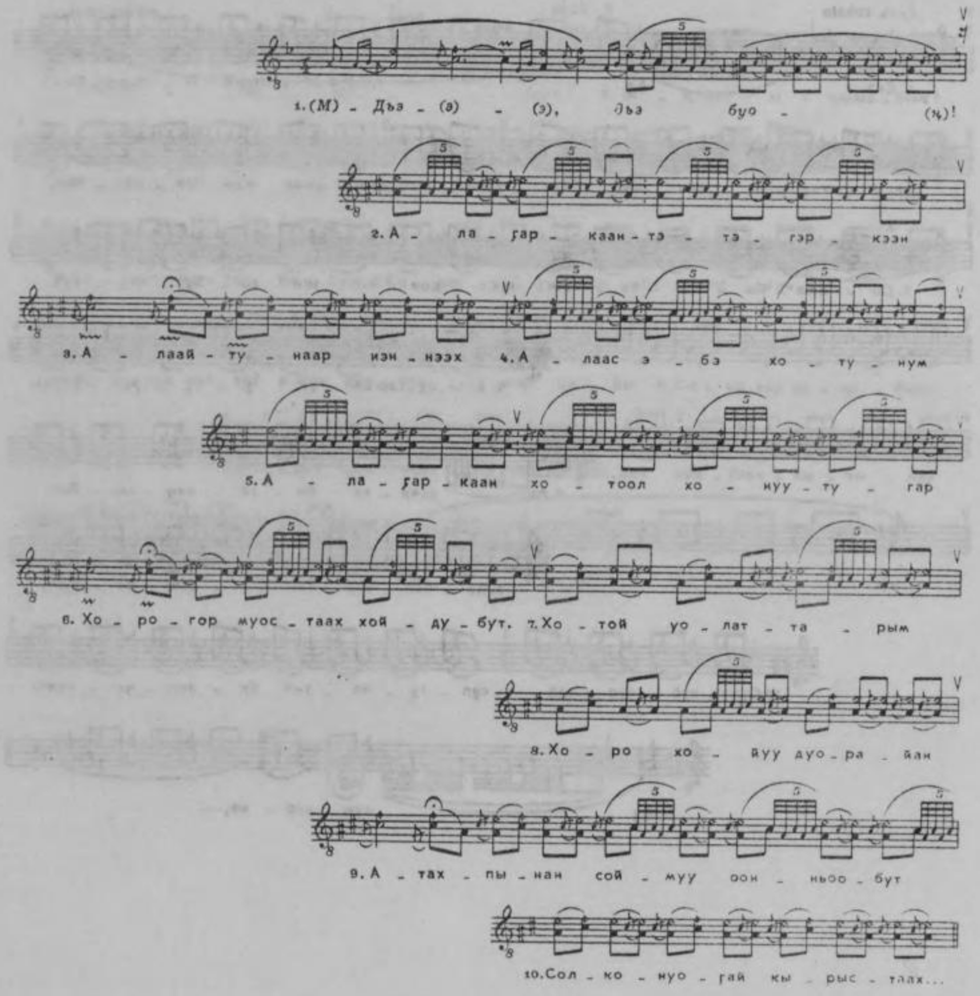
13. Прощальная песня Туналыкаан Куо (запись 1982 г.)



14. Прощальная песня Туналыкаан Куо (запись 1986 г.)



15. Заключительная песня



ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Публикуемая запись текста олонхо 1982 г. была произведена в присутствии слушателей, знатоков и ценителей олонхо, которые с большим интересом отнеслись к процессу сказывания и поддерживали олонхосута возгласами: "Ноо!", "Ох, ужасно!","Да, страшно!" и т.п. Эти восклицания в данной публикации приведены в круглых скобках. На грампластинке звучат фрагменты олонхо, исполненного и записанного в студийной обстановке на высокочувствительной звукозаписывающей аппаратуре в 1986 г.

Для расшифровки магнитной записи олонхо привлекался сам олонхосут. Он включал магнитофон и внимательно слушал запись своего исполнения. К местам с быстропроизнесенными или плохо различимыми словами олонхосут неоднократно возвращался, выясняя их смысл.

Текст записи разбит на стихотворные строки. Разбивка песенной части не составила большого труда, так как олонхосут в песнопении конец стиха затягивает, украшая его *кылысахом.* При разделении на стихи вступительной части, исполняемой речитативом, учитывались интонации олонхосута и ритм. Большую трудность составила разбивка на стихотворные строки описательной части олонхо. Богатырская поездка, единоборство иногда описываются с использованием эпических формул, которые передаются ритмической речью. Поэтому при первой подготовке якутского текста они были выражены прозой со стихотворными вставками. В дальнейшем пришлось отказаться от этого и разделить весь текст на стихи. Исключением является ремарка олонхосута, включенная в текст между стр. 1308 и 1309.

Диалектные особенности языка олонхосута максимально сохранены и подробно объяснены в примечаниях к якутскому тексту. Олонхосут часто употреблял архаизмы и слова, которые не зафиксированы в словарях якутского языка. Такие слова прокомментированы самим сказителем и знатоками старины.

Эстетическая ценность олонхо в полной мере проявляется во время исполнения. Слушатели, давая оценку якутским сказаниям, учитывают не только их содержание, но и разнообразие их звуковых образов и мелодии. Из-за невыразительной интонации могут показаться тусклыми,

непритягательными эпические герои, воплощенные в них идеалы, а также сюжеты. Звуковые образы и мелодии, созданные В.О. Каратаевым, проанализированы в музыковедческой статье Э.А. Алексеева и комментариях к грампластинке, составленных Н.Н. Николаевой. Неточности, оговорки сказителя, обнаруженные при расшифровке магнитофонной записи, прокомментированы в примечаниях к якутскому тексту. Восстановленные нами пропуски отдельных слов, которые нередко встречаются в устной речи, заключены в квадратные скобки.

Публикуемый текст на якутском языке и в русском переводе разбит на блоки по 10 строк.

Перевод сделан по принципу адекватной передачи смысла и поэтического стиля оригинала. Нумерация стихов перевода соответствует нумерации якутского текста. Лишь в редких случаях для достижения смысла в переводе потребовалось изменить порядок стихов в пределах поэтических блоков.

В словаре и комментариях к переводу поясняются архаическая лексика, идиоматические выражения, понятия из области мифологии и этнографии, эпическая топонимика.

Во вступительной статье, переводе, комментариях и словарях буквы якутского алфавита заменены русскими: Ө на Ё, Ү на Ю, Һ на С, Ҥ на НГ, Ҕ на Г. Долгие гласные и дифтонги сохранены. В переводе курсивом выделены слова, оставленные без перевода.

В приложениях к данному тому приводятся сюжеты олонхо "Могучий Эр Соготох", записанные в разные периоды с 1848 г. до настоящего времени. Сюда включены также сюжеты двух, записанных от В.О. Каратаева, олонхо: "Эрбэхтэй Бэргэн" (запись В.П. Еремеева), "Ого Тулаайах" (запись П.Н. Дмитриева). Дается сравнительная схема сюжетов олонхо "Могучий Эр Соготох", записанного в разные годы от одного и того же сказителя. Опубликована беседа с олонхосутом Т.П. Гоголевым, которого В.О. Каратаев считал своим учителем.

В томе опубликованы портреты олонхосутов, изображения предметов материальной и духовной культуры якутов. Они сделаны во время комплексной фольклорной экспедиции, организованной Институтом филологии, философии СО АН СССР, фотокорреспондентом газеты "Наука в Сибири" В.Т. Новиковым.

Авторский коллектив тома благодарит всех, кто принимал участие в подготовке его к изданию: Л.Ф. Рожину, Н.А. Дьяконову, В.К. Антонову, а также помогавших своими советами в работе: докторов филологических наук В.М. Гацака, А.Б. Соктоева, кандидатов филологических наук Ю.И. Смирнова и Е.Н. Кузьмину, сотрудников отдела олонхо Института гуманитарных исследований АН РС (Якутия): доктора филологических наук В.Т. Петрова, кандидата филологических наук В.Н. Никифорова и С.Д. Мухоплеву, старшего лаборанта М.Н. Андросову.

Н.В. Емельянов
В.В. Илларионов

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

МОДУН ЭР СОҔОТОХ

Былыргы дьылым
Быстар мындаатын
Быдан ынараа өттүгэр,
Урукку дьылым
Охсуһуулаах уорҕатын
Отой аннараа өттүгэр*,
Ааспыт дьылым
Анысханнаах айдааннаах күнүн
Адьас анараа таһаатыгар,
Куоппут дьылым
Кудулҕаннаах кудан өлүү уорҕатын
Куоһаралаах хонноҕор
Киһи аймаҕым
Кэпсэтэн билсэ илигинэ,
Саха аймаҕым
Саҥарсан дьааһыйа илигинэ,
Ураангхай сахам,
Ураһа сонноођум* ,
Уу ньамаан тыллааҕым,
Уһаты уллуҥахтааҕым,
Утарыта көрсөн,
Ол-бу дии илигинэ,
Ичээн эттээҕим,
Куодалаах уҥуохтаахтарым,
Ойуун аймахтарым
Одуулаан көрө иликтэринэ,
Сир ийэ хотунум
Сиэрэй тиин тиҥилэҕин саҕаттан
Тэнийэн-тэрбэйэн,
Үүнэн-үөскээн,
Сачарыы табам

МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ

За дальней далью
конечной вершины
древних моих лет,
далеко по ту сторону
хребта бранных
давних моих лет,
далеко за гранью
буйных суетных дней
канувших моих лет,
за чередой
гибельных хребтов
убежавших моих лет*,
когда человеческие племена,
в разговоры вступая, — не спознались еще,
когда племена якутов,
словами обмениваясь, — не знались еще,
когда — со ступнями продольными*,
многоречивые,
в шубах, словно *ураса*, —
ураангхай саха мои,
друг с другом встретившись,
о том о сем не толковали еще,
когда провидцы мои*,
с меченой костью
сородичи-шаманы мои*
[будущего] не прозревали еще, —
госпожа мать-земля моя,
величиной с пятку серой белки будучи,
расширяясь-растягиваясь,
разрастаясь, рождалась;
подобно вывернутому,

Кулгааҕын сарыытын
Тиэрэ тарпыт курдук,
Сарбайа үүнэн,
Сараадыйа улаатан испитэ эбитэ үһү.
(Hoo!)*

Ол курдук
Тоҥолохтоотор долгуйбат,
Баттыалаатар маталдьыйбат
Баараҕай таһааланан
Туруу чоҕой хара буорум
Туоллан туругуран испит эбит.
Туруу чоҕой хара буорум*
Туруу дьааҥынан тулаланан,
Араат байҕалынан арҕастанан,
Уолбат муоранан улаҕаланан [испит]*,
Сэттэ иилээх-саҕалаах,
Сэттэ биттэхтээх
Сир ийэ-аан дойдум
Сити курдук үөскээн испит эбит.
(Hoo!)

Бу
Сир ийэ аан дойдубун
Силиһинэн силбиэһиннээннэр,
Отунан оскуомалааннар,
Маһынан баачыйааннар,
Хардаҥ эһэ арҕах хастар
Халыҥ хара тыалааннар,
Анабы тайах* арҕастар
Адаар хара тыалааннар,
Аан ийэ дойдубун сол курдук
Айан испиттэр эбит.
Ол курдук
Охтон баранар мастаах,
Уолан суоруйар уулаах,
Хараан төннөр кэҕэлээх,
Ханчылаан* төннөр балыктаах,
Хагдарыйан төннөр мутукчалаах,
Олкураҥнаан төннөр сүөһүлээх,
Ороһулаан төрүүр киһилээх
Орто туруу аан ийэ дойдубун
Сол курдук
Оҥорон-тутан испиттэр эбит.
(Hoo!)

мягкому, как замша, уху
двухгодовалой важенки*
растопыриваясь во все стороны,
постепенно увеличивалась, оказывается.
(Ноо!)
Вот такой:
локтем толкнешь — не дрогнет,
надавишь ее — не прогнется, —
такою крепкою твердью став,
неколебимая черная ширь земная,
мощь свою обретая, рождалась, оказывается.
Неколебимая черная ширь земная,
нерушимыми скалами по краям ограждаясь,
Араат-морем* в середине вспучиваясь,
неубывающими морями вокруг окаймляясь,
семиободная-семикрайная,
с семью подпорками
изначальная мать-земля моя
вот так сотворялась, оказывается.
(Ноо!)
Вот эту
изначальную мать-землю мою
кореньями связывая,
травами укрепляя,
деревьями опутывая,
дремучей черной тайгой покрывая,
где бурый медведь берлогу устраивает,
непроходимой черной тайгой покрывая,
которую для гона матерый лось облюбовывает, —
изначальную мать-землю вот так
сотворять продолжали, оказывается.
Вот такой:
с деревьями, которые, падая, — погибают,
с водами, которые, испаряясь, — мелеют,
с кукушками, которые, откуковав, — умолкают,
с рыбами, которые, отнерестившись, — уходят,
с хвоей, которая, пожелтев, — осыпается,
со скотом, который, вырождаясь, — мельчает,
с людьми, которые поздно рождаются,
Среднюю изначальную мать-землю мою*
вот такой
создавать-сотворять продолжали, оказывается.
(Ноо!)

Кистэлэҥэ биллибэт
Киҥкиниир киэҥ халлааммын
Үллэн-тохтон түһүө диэннэр,
Үргэл тойонунан өһүөлээбиттэр.
Ыллан-хайдан түһүө диэннэр,
Ый тойонунан ытаһалааннар,
Көллөн-тохтон түһүө диэннэр,
Күн тойонунан көлөһөлөөннөр,
Тахсар күммүн
Далбарай чыычааҕынан чаһыылааннар,
Киирэр күммүн
Күөрэгэй чыычааҕынан дьөһүөлдьүттээннэр,
Хардастыгас уҥуохтаахтар,
Хара харахтаахтар
Харах ыарыһах буолуохтара диэннэр,
Хараҥа түүннээбиттэр эбит.
(Ноо!)
Түөрдуон* түлүрбэх көтөр төргүүлээх,
Бороҥ куобах болбуоттаах*
Бороҥой хараҥа түүннээн
Боруорсубуттар эбит.
(Ноо!)
Көрүлүөс күргүөм санаалаахтар*,
Көрбүөччү харахтаахтар*
Күн сиригэр
Көччүйэн үөскээтиннэр диэн,
Күндү күлүмнэс сырдыктаан,
Күнүстээбиттэр эбит.
(Ноо!)
Ол курдук
Аҕыс иилээх-саҕалаах,
Атааннаах-мөҥүөннээх,
Айгырдаах-силиктээх
Аҕа бараан дойдубун
Аан бастаан соҕурдук
Айан испиттэр эбит;
Сэттэ иилээх-саҕалаах,
Сэттэ биттэхтээх
Сир ийэ аан дойдубун
Сэттэ сиикэй муоранан сиксиктээннэр
Ситэрэн-ханаран испиттэр* эбит;
(Ноо!)
Тоҕус иилээх-саҕалаах
Тоҕус биттэхтээх
Тоҕус тоҥмот муора улаҕалаах

Чтобы с непостижимою тайной
широкое гулкое небо,
расшатавшись, не рухнуло, мол,
созвездием Плеяд, как матицей, подперли его*,
чтобы, треснув, не обрушилось, мол, —
— почтенным месяцем, как клином, его заклинили,
чтобы, расколовшись, оно не рассыпалось, мол, —
— почитаемым солнцем, как обручем, охватили его;
[для его] восходящего солнца
раннюю пташку быть часами определили,
[для его] заходящего солнца
жаворонка в спутники дали,
чтобы [люди] с суставчатыми костями,
с черными глазами
хворью глазной не страдали, мол, —
темную ночь сотворили, оказывается.
(Ноо!)
С тороками из сорока мохноногих сычей,
с упряжью из серых зайцев* —
сумрачно-черной ночью
затемнили, оказывается.
(Ноо!)
Чтобы добрые, с веселым нравом,
ясноглазые [люди]
на солнечной земле
вольготно жили, мол, —
с лучезарным сияющим светом
ясный день сотворили, оказывается.
(Ноо!)
Вот такую:
восьмиободную-восьмикрайнюю,
с треволнениями-беспокойствами,
в роскошном наряде-убранстве
отчую почтенную страну мою*
изначально вот так
сотворяли, оказывается;
семиободную-семикрайнюю,
с семью подпорками
изначальную мать-землю мою,
семью незамерзающими морями окаймив,
доводить-завершать стали, оказывается;
(Ноо!)
девятиободную-девятикрайнюю,
с девятью подпорками
девятью незамерзающими морями окаймив,

6 Заказ № 442

Туруу чоҕой хара буорбун сол курдук
Туруоран испиттэр эбит.
(Ноо!)
Аан ийэ дойдубун
Охтон баранар мастааннар,
Уолан суоруйар уулааннар,
Ороһулаан төрүүр киһилээннэр,
Оккурангнаан төннөр сүөһүлээннэр,
Орто аан ийэ дойдубун
Айар күннэригэр
Күндүл салгынгна
Көпсөлөнө ооннььуур
Көй салгын болбуоттаах.
Күндү нүөлсүн түүлээх
Көтөр кынаттааҕынан
Дьоһүөлдьүттээбиттэр эбит.
Түөрт атаҕынан төгүллээн-чүөмчүлээн хаамар
Түөрт атахтааҕынан
Төгүллээн үөскэппиттэр эбит.
(Ноо!)
Аан ийэ дойдубун
Аан бастаан айар күннэригэр
Аҕыс иилээх-саҕалаах
Атааннаах-мөнүөннээх
Айгырдаах силиктээх
Аҕа бараан дойдубун
Сол курдук айбыттар эбит.
Манньк бэйэлээх
Аан ийэ дойдум
Улай киинигэр*
Аан дойду кэдэйэр сиһэ,
Дьогдойор саала буоллун диэннэр,
Уордаах мохсоҕолум
Отут хонон
Уоруйан-туоруйан*
Унуоргу дьоргул хара тыатын*
Кыайан туттубатах
Урсун дуолай
Улуу тумарык
Алаас oлоҕурбут эбит.
(Ноо!)
Бу алаас эбэ хотуммун
Эргийэр киинигэр,
Кэдэйэр саалыгар
Киирэн эрэ тураммын,

неколебимую черную ширь земную
вот так возводить продолжали, оказывается.
(Ноо!)
Изначальную мать-землю мою [наделили]:
деревьями, которые, падая, — погибают,
водами, которые, испаряясь, — мелеют,
скотом, который, вырождаясь, — мельчает,
людьми, которые поздно рождаются.
В дни сотворения
Средней изначальной матери-земли,
чтобы по ее прозрачному небу
на теплых струях весеннего воздуха
легкокрылые парили, —
пернатых
с драгоценным опереньем
в спутники ей дали, оказывается,
чтобы по ней четырьмя ногами ступающие
частый след оставляли, — четвероногих,
умножая, расплодили, оказывается.
(Ноо!)
Когда изначальную мать-землю мою
Впервые сотворяли, —
восьмиободной-восьмикрайней,
с треволнениями-беспокойствами,
в роскошном наряде-убранстве —
отчую почтенную страну мою
вот такой сотворили, оказывается.
На этой славной
изначальной матери-земле,
на самой середине ее,
чтобы изначальной страны прогибающейся спиной,
возвышающейся холкой, мол, стал,
[такой, что] грозный сокол мой,
летя изо всех сил,
за тридцать дней
окраинного высокого темного леса
достичь не сможет, —
в необъятной дали теряющийся
великий *алаас*
расположили [на ней], оказывается.
(Ноо!)
На этот почтенный *алаас**
на его вращающуюся середину,
на его выгибающуюся холку
встав,

Тиэрбэс харахпынан
Көрөн дьэргэлдьиттэхпинэ,
Тэргэн кулгаахпынан
Истэн сэргэлдьиттэхпинэ,
Арҕаа диэки өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим,
Араҕас сылгым
Арҕаһын түүтүн
Адаарыччы туппут курдук,
Ардай хара тыалар
Арытыалаан үүнэн киирбиттэр эбит.
Хоту өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим,
Куба көтөрүм
Хотоҕойун түүтүн
Холбуу туппут курдук
Хохудал хара тыалар*
Хойдон үүнэн киирбиттэр эбит.
(Ноо!)
Илин өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим,
Эрдэҕэс көтөрүм
Түөһүн түүтүн
Кэккэлэччи туппут курдук
Эргис хара тыалар*
Эргийэ үүнэн киирбиттэр эбит.
Соҕуруу өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим,
Сур сылгым
Сургунньаҕын түүтүн
Субуруччу туппут курдук
Суһал хара тыалар
Субуруһан үүнэн киирбиттэр эбит.
(Ноо!)
Манньык бэйэлээх
Аан ийэ дойдубар
Көҥдөй манчаарытын аһылыктананнар,
Күөх отун өллөнөннөр,
Туох бэйэлээх
Хаан сүөл баайын
Ханыылаабыт эбитий,
Чиҥ сүөл баайын
Тэниппит эбитий диэн,
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөхпүнэ,
Аһыллаҕас туйахтаах,

своими глазами-кольцами
быстро вокруг посмотрев,
настороженными ушами
чутко вслушавшись, —
западной стороны
окрестности оглядев, я увидел:
будто у рыжей моей лошади
гривастую холку
взъерошили-вздыбили —
черные леса-перелески
окружили его, оказывается.
Северной стороны
окрестности оглядев, я увидел:
будто у лебедя-птицы
маховые перья
в пучок собрали —
гладкоствольные черные леса
плотно к нему подступили, оказывается.
(Ноо!)
Восточной стороны
окрестности оглядев, я увидел:
словно грудное оперение
глухариной самки
на ряды разделили —
густые черные леса
со всех сторон его окружили, оказывается.
Южной стороны
окрестности оглядев, я увидел:
словно пучки волос на хребте
бурой моей лошади*
один за другим разложили —
колки темных лесов
вереницей растянулись, оказывается.
(Ноо!)
На такой славной
изначальной моей родине
трубчатой осокой вскормленное,
на зеленой траве нагуляное
кто же такое
изобильное богатство
размножил, мол,
благодатное богатство
умножил, мол, —
внимательно стал присматриваться:
с раздвоенными копытами,

Атырдьах муостаах,
Анахсыт Айыы Хотун айбыта
Ханнын сааҕын аалыстаҕына,
Хаан таммалыыр
Хаан-сүөл бу дойдуга
Ханыылаабыт эбиттэр
Сыһыытын толору
Сырпай сиэллээхтэр*
Сырсыбыттар эбит.
(Ноо!)
Маннык бэйэлээх
Аан ийэ дойдубун,
Ханнык бэйэлээх
Айылҕалаах эбитий диэммин
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтүм:
Туруйа көтөр
Тохтоон тэһийэн олорботох
Тумара дьэллик
Толооннордоох эбит.
Куба көтөрүм
Тохтоон ааһар
Холборон маҥан
Хонуулардаах эбит.
Борон куобах
Буккулла ооньуур
Буодарай* таас
Булгунньахтардаах эбит.
(Ноо!)
Эчэйбити эмтиир,
Өлбүтү өрүһүйэр
Анды сымыытынан
Алла таммалыыр
Араҕас илгэлээх
Аан ийэ дойдум
Манна буолан биэрдэ.
(Ноо!)
Дьаҥ-дьаһах дьааһыйбатах,
Дьады-баалы
Дьаадарай маҥан толооннорун*,
Тумуу сөтөл тохтооботох
Тумара дьэллик толооннорун
Арҕаа диэки өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим,
Ханнык бэйэлээх дьоннорум
Ыал буоланнар,

с развильчатыми рогами
творения Анахсыт Айыы Хотун
так трутся тугими боками,
что кровь начинает капать, —
такое изобильное множество их
скучилось в этой стране, оказывается,
долины заполонив,
долгогривые*
гоняются друг за другом, оказывается.
(Ноо!)
"Такая славная
изначальная мать-земля моя
какую же, мол,
природу имеет", —
стал рассуждать, приглядываясь:
такие, что журавль-птица моя
никак угнездиться не может,
необъятно-бескрайние
долины имеет она, оказывается,
такие, что лебедь-птица моя
без отдыха перелететь не может,
обширные белые
поляны имеет, оказывается,
такие, что серый заяц вволю
поиграть-порезвиться может,
каменистые
холмы имеет, оказывается.
(Ноо!)
Увечных — исцеляющая,
усопших — воскрешающая,
величиной с яйцо турпана
каплями благодатного *илгэ*
истекающая
изначальная мать-земля моя
находится здесь, оказывается.
(Ноо!)
На необъятные просторы
белоснежных долин,
где нечисть-хворь пасти не раскрывала,
на бескрайние долины,
где немощь-болезнь не удерживалась,
западной стороны
окрестности оглядев,
"какие же славные люди, мол,
хозяйством обзаведясь,

Ыыр үктээннэр
Олороллор эбитий диэн,
Тиэрбэс харахпынан
Көрөн дьэргэлдьиппитим:
Куба көтөрүм түөһүн уҥуоҕун
Умсары ууран кээспитим курдук
Үрүҥ өндүрүүт* дьиэлээх
Ыал бөҕөлөөх
Бу дойдуга олорор эбит.
(Ноо!)
Хайа бэйэлээх дьоннорум
Ыал буоланнар,
Ыыр үктээннэр,
Буруо таһаараннар
Олорбуттар эбитий диэн,
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөхпүнэ:
Сир Сабыйа Баай Тойон оҕонньор диэн
Сабыйа Баай Хотун эмээхсин диэн
Ыал буоланнар,
Ыыр үктээннэр
Үйэлээх саастарыгар
Аҕа баһыгар аатыраннар,
Дойду баһыгар сураҕыраннар
Субу курдук олорбуттар эбит.
Быһаҕас тыынан,
Быччары көрөннөр,
Баай байаннар, тот тотоннор,
Халлааннаах таҥараҕа
Хардаҕастанан хантаҥнаан,
Былыттаах таҥараҕа
Быһахтанан быччаҥнаан,
Тоҕус үрэх баһыгар сураҕыраннар,
Аҕыс үрэх баһыгар аатыраннар,
Дойду сиһэ буолан,
Олорбуттар эбит.
(Ноо! Дьэ!)
Ол да буоллар,
Кэлин астара кэрэмэстийиэр диэри,
Илин астара элэмэстийиэр диэри,
Илин тиистэрэ көтүллүөр диэри
Оҕо диэни төрөппөтөхтөр эбит.
(Сөп! Дьэ! Ноо!)
Кэмниэ кэнэҕэс,
Хомнуо хойут
Кэтэһэн-кэтэһэн

тропы пробив,
живут, мол", — подумал, —
круглыми глазами
быстро вокруг посмотрел:
будто грудную кость лебедя-птицы моей
торчком поставили —
в такой высокой белой обители
ну и богатые же хозяева
в этой стране живут, оказывается!
(Ноо!)
"Какие же славные люди,
хозяйством обзаведясь,
тропы пробив,
дымы пуская,
живут, мол, здесь", —
стал рассуждать, приглядываясь:
старик Сир Сабыйа Баай Тойон,
старуха Сабыйа Баай Хотун,
хозяйством обзаведясь,
тропы пробив,
за свой долгий век
среди всех родов прославившись,
на всю страну именитыми став,
так вот жили, оказывается.
От богатства и сытости
одышкой страдать стали,
пучеглазыми сделались,
к ясному небу
головы задирая, поленом грозить ему стали,
на облачное небо
глаза таращa, ножом грозить ему стали,
по верховьям девяти речек прославившись,
по верховьям восьми речек именитыми став,
опорой земли сделавшись,
[Так] жили, оказывается.
(Ноо! Вот!)
Между тем,
хоть волосы сзади у них посерели,
хоть волосы спереди у них поседели,
хоть передние зубы у них выпали, —
дитя еще не заимели, оказывается.
(Верно! Вот! Ноо!)
Вот наконец
поздным-позднёнько, —
когда от долгого ожидания

Кинигэлэрэ тардыбытын кэннэ,
Күүтэн, күүтэн,
Күүстэрэ быстыбытын кэннэ,
Эмээхсин дьахтар
Арай биир кэмнэ
Хат буолан ханаҥнаабыт,
Буос буолан мотоҥнообут,
Ыйа кэлэн ынаҥнаабыт,
Күнэ кэлэн көдөҥнөөбүт.
(Ноо! Буот! [Күлсэллэр])
Оҕонньор киһи буоллаҕына, мантан үөрэн,
Үллэр үйэбэр, саллар сааспар,
Өлөр үйэбэр, кырдьар сааспар
Оҕолоноору гынныаҕым диэн,
Үөрүүтэ-көтүүтэ өрөгөйдөөн,
Субу курдук олорбут эбит.
(Ноо! Дьэ!)
Эмээхсин дьахтар
Быыһанар күнэ кэлэн бычаҥнаабыт,
Төрүүр күнэ кэлэн төртөҥнөөбүт.
Ол сытан эрэ
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук кэпсэллээх
Ынчыктыы-ыҥырана сыппыт эбит.
(Ноо! Дьэ!)
(Сабыйа Баай Хотун:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Айакалаах-дьойокобун,
Амырыын да буолар эбит.
Доҕорум, Сир Сабыйа Баай Тойон оҕонньорум,
Отто киллэрэн
Оттоох оронҥор олордуоххун
Төһөлөөх буолуоҕай, доҕор,
Төрүүллэрэ-ууһууллара диэн,
Кытаанах-ыныырык да буолар эбит», — диэн,
Ытыы-сонуу, ыллыы-туойа сыттаҕына,
Арай, эмээхсин дьахтар иһигэр:
"Оттонон-мастанан айгыраамaн", — диэн,
Саҥа иһиллибитигэр,
Оҕонньор киһи соһуйан, олоро түһэн баран,
Сүөһүтүн-аһын хаайар бүтэйэ чугас буолан,
Нэһиилэ онно өйөнө түспүтэ.
Ол кэнниттэн оҕонньор киһи,
Эмээхсинэ хайдах буолбутун билбэккэ
Сол курдук дөйөн турбут.

сухожилия у них стянуло уже,
когда от тягостного ожидания
силы их истощились уже, —
вот тут-то однажды
старая женщина,
став беременной, — живот выпятила,
став брюхатой, — живот выставила,
месяц настал — пузо ее заострилось,
день пришел — пузо ее отвисло.
(Ноо! Вот! [Смеются])
А старый-то человек, этому радуясь:
"На исходе долгой жизни, в преклонном возрасте,
на грани смерти, на старости лет моих
ребенка, видно, я заимею", —
возликовал-возрадовался,
вот так он жил, оказывается.
(Ноо! Вот!)
У старой женщины
неминуемый день родин наступил,
неумолимый день родов настал,
так вот лежа,
такие слова говорила,
такие речи вела
сквозь стенания-стоны, оказывается.
(Ноо! Вот!)
(Сабыйа Баай Хотун:)
«Дьэ-хэ-хэ!
Ой ты, боль моя, ой, страданье мое,
как это ужасно, оказывается!
Друг мой, Сир Сабыйа Баай Тойон-старик,
сена внести
да на подстилку из сена меня усадить*
надо бы, друг мой.
Рожать-разрешаться
как трудно и тяжко, оказывается», — так говоря,
плача-рыдая, причитая-стеная, пела.
Вдруг из утробы старой женщины:
"Не хлопочите о сене!" —
послышался голос.
Старик, вздрогнув от неожиданности, чуть не сел —
едва успел прислониться
к изгороди для загона скота.
После этого старик,
не зная, что стало с его старухой,
стоял как оглушенный.

Өр турбалаата быһылаах,
Хойут, дьэ, өй булан,
Дьиэтигэр ыстанан киирбитэ —
Эмээхсин дьахтар быыһанарын быыһаммыт,
Төрүөҕүн төрөөбүт быһыылаах да,
Оҕо диэн ханна да суох эбит.
(Ноо!)
Ыйдаҥаны ытыһан, кураанаҕы кууһан:
"Бу ханна бардаҕай,
Оҕо төрөөбүт буоллаҕына,
Оҕо баар буолуохтаах этэ", — диэн
Оҕонньор дуумай бөҕөҕө түһэр.
Эмээхсин дьахтар:
"Оҕо төрөөбүтэ да, ханна да барбытын
Билбэппин", — диэн хоруйдаабыта
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан диэкиттэн
Дьэс алтан күөһү түҥнэри уурбут курдук
Кыһыл эбир түһэн кээспитин кэлин өттүттэн,
Үөһээнэн кыталык көтөр көтөн кэлэн,
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола сылдьыбыта эбитэ үһү.
(Кыталык:)
«Дом, дом силик буоллунууй,
Айхалбына-дьаралык!
Ээй, ээй! Оой, оой!
Сир Сабыйа Баайдыырбына Тойоммуна оҕонньор,
Этэрбинэ эттиир нуурай тылларбын
Истэ баҕас кэрэхсээриий, нойонум,
Хантан хааннаах,
Туохтан туймуулаах,
Киһи кэлэн
Кэпсэл баҕас кэпсээтиҥ диэҕийиктээн
Ыйыппалыыр буолларгын,
Үөһээ халлаан домньута
Айыы Дьаргыл удаҕан диэн
Тиийтэлээн кэллим баҕас, оҕолоор!
Туохпуна наадалаах буолуталаан,
Сорук буолан тоҕоостуҥ,
Ыллык муҥнаан тубэстиҥ,
Диэҕийиктэн ыйыталыыр буоллаххына,
Нойонугум, төрөппүтэ оҕолоргун,
Үөһээ халлаан буойуттара түһэннэр,

Долго стоял, видно,
потом, опомнившись,
вскочил в дом:
старуха-то родить родила,
разрешиться-то разрешилась,
но ребенка-то нигде не было, оказывается.
(Ноо!)
Ухватив лунный свет, обняв пустоту*:
"Это куда же девался [ребенок]?
Если ребенок родился,
то ребенок должен быть", —
удивился очень старик.
Старая женщина:
"Ребенок родился,
но куда подевался — не знаю".
(Ноо!)
После этого
свирепое высокое белое небо,
словно дно медного опрокинутого котла,
красной рябью покрылось, а затем
птица-стерх, сверху спустившись,
вот такими словами,
вот такими речами
заговорила, оказывается.
(Стерх:)
«*Дом, дом*, да будет все прекрасно,
да будет слава и счастье!
Э-эй, э-эй! О-ой, о-ой!
Старик Сир Сабыйа Баай Тойон ли мой,
в добрые ли мои слова ли
вслушайся же вдумчиво, *нойон* мой,
если спрашивать станешь,
какого роду, мол,
какого племени,
кто такая, прибыв,
сказ вот этот ведет, мол, —
[то] ворожея Верхнего мира*
по имени Айыы Джаргыл-шаманка
прибыла вот сюда, ребятушки!
За какой же такой надобностью,
выбрав время, сюда явилась,
отыскав тропу, сюда попала,
если спросишь ты, — так вот:
твоего ли родного ребенка, *нойон* ли мой,
воины Верхнего мира, спустившись,

Ылан илдьэн, иитэ-харайа сыталлар.
Тостубат уҥуохтаан,
Тохтубат хааннардаан,
Силлибэтэ сирдэртэн силбэһиннээн,
Киһи ханнык гынаталыы
Оҥоруохпут диэтилэр.
Санаарҕаахтаан санньыйыман,
Ээй, ээй дом силик буоллунууй,
Оҕолоотор оҕоҕутун
Кимниир ханнык диэхэйиктээн
Ааттыырыга иҥэрэллэр диэтэргин,
Босхо хара тыакаллабын
Моойдордоохуй баһынан куотуталыыр
Моҕул кугас аттардаахый
Модуммуна Эр Соҕотох диэҕийиктээн,
Аллаах атым
Кыайыталаан тардыталаан дьалкыппат
Албан дьаһах аттардаахый буолуоҕа,
Соноҕостой сылгыкайым
Соһуталаан дьулуруйбат
Сонун дьолуо сурахтаныа,
Чээй, быдан дьылларыкка
Быралыйар бараһаайа буоллунууй!» — диэн.
(Ноо!)
Удаҕан дьахтар,
Сити курдук кэпсээн баран,
Кыталык көтөр буолан,
Төттөрү көтөн күүгүнүү турбута.
(Ноо!)
"Күн туллубатах эбит,
Күһэнэ быстыбатах эбит
Ол да иһин үөһээҥи айыыларбыт
Айыы Дьаҥсаар Тойон оҕонньор
Биһиги ыччаппытын
Сол курдук гыныахтаахтар этэ", — диэн
Оҕонньор киһи дьэ көҥүл буолан,
Арыый аҕай "һуу" гынан,
Эмээхсинин бүөбэйдээн,
Сол курдук, кэтэһэн олорбуттар эбит.
(Ноо!)
Бу бириэмэлэр ааспыттарын кэннэ,
Ол курдук кэтэһэн олордохторуна,
Энискэннээх* илин халлаан
Истиэнэтин аннын диэкиттэн
Илигириир тыал тыалыран

подобрали и воспитывают-вскармливают.
"С неломающимися костями,
с непроливающейся кровью,
с нервущимися связками —
таким вот человеком
воспитаем его", — сказали.
Потому от печали не сокрушайтесь,
э-эй, э-эй, *дом*, да будет же все прекрасно!
Родимое ваше дитя же
каким же таким
именем нарекли, если спросите, —
Могучий ли Эр Соготох ли,
владеющий ли темно-рыжим конем ли
с гривастою головой ли
выше темного леса-колка ли,
таким, что даже резвый конь мой
сдвинуть не сможет,
славным именем будет владеть,
такой, что даже молодой конь мой
тащить не в силах,
великой славой прославится.
Ну, а теперь на многие годы,
надолго прощайте», — сказала.
(Ноо!)
Женщина-шаманка,
такое вот рассказав,
стерхом-птицей став,
с шумом-гулом назад полетела.
(Ноо!)
"Значит, *кюн* не упала еще,
кюсэнгэ не оборвалась еще*, оказывается.
Конечно, верховные божества,
сам старик Айыы Джангсаар Тойон
с нашим ребенком
должны были так поступить", — подумав,
старик с облегчением
"Уф!" выдохнул
и начал старуху свою выхаживать.
Вот так стали жить они в ожидании [сына].
(Ноо!)
Через некоторое время,
когда они в ожидании жили,
из-под ската
просторного восточного неба
трепещущий ветерок

Илибирэтэн барбыта.
Сир үрдэ сиккиэрдэммитэ,
Дойду үрдэ холоруктаммыта,
Хойут хойуккунан
Аҕыс ааннарын хаххалаабыта,
Түөрт үөдэннэрин бүөлээбитэ,
Тыһаҕас ынах саҕа тибиилэммитэ,
Бургунас ынах саҕа
Буотама* таас буркуннаммыта,
Сордоҥ балык тахсан туһахха иҥнибитэ,
Куобах кыыл тууга киирбитэ,
Олус алдьархайдаах,
Аҕыс таталҕалаах
Ала дьалхаан холорук
Таҥнары сатыылаабыта,
Түөрт түрүлүөкэлээх
Түтүм дьуккүөр холорук
Түҥнэри сөрөөн тиийэн кэлбитэ.
Туох аттаах алдьархайа буоллаҕай диэн,
Оҕонньордоох эмээхсин
Таһырдьа сүүрэн тахсан көрбүттэрэ:
Тус илин диэкиттэн
Киэҥ халлаан аҥаарын
Саба халыйар
Үс бастаах
Далан Өксөкү
Көтөн түөллэн кэлэн,
Тоҕус тиити холбуу тардан,
Олороору гыммыта,
Кыайан уйбатаҕын,
Уонча тиити холбуу тардынан ылан,
Олоро түспүтүн,
Түтүм бараан төрөлүн,
Хаан чаҕаан сэбэрэтин
Өйдөөн дьүүллээн көрбүттэрэ:
Чаан олгуй саҕа төбөлөөх,
Чааскы айаҕын саҕа харахтаах,
Кырыылаах аалыы тумустаах,
Кырыйыы балаһа кынаттаах,
Тимир чыллырыыт түүлээх,
Өлөр өлүү абааһы көтөрө кэлэн,
Лөксөйөн олорор эбит.
(Ноо! Дьэ сүрдээх кыыл эбит!)
Ол олорон эрэ

начал веять,
над землей легкий ветер поднялся,
над страной вихрь пронесся,
и вот потом
с восьми [сторон] входы их закрыло,
с четырех [сторон] выходы их завалило*,
с двухгодовалую телку снежные наносы намело,
с трехгодовалую телку каменные завалы
сильным ветром нанесло,
щука-рыба, вынырнув, в силки угодила,
заяц-зверь в верши попал —
такой сокрушительный,
восьмикратным громом сопутствуемый,
буйный вихрь
сверху низринулся,
четырехтревожный
бешеный вихрь,
все опрокидывая, обрушился.
"Что за напасть нагрянула?" — думая,
старик со старухой,
во двор выбежав, увидали:
прямо с восточной стороны,
половину широкого неба
крыльями застилая,
трехглавая
огромная Ёксёкю-птица,
подлетев величаво,
верхушки девяти лиственниц вобрав в [когти],
сесть хотела,
но они не выдержали,
[тогда] верхушки десяти лиственниц вобрав в [когти],
уселась,
к страшной этой громадине,
к грозному виду ее
внимательно пригляделись:
с головой величиной с огромный котел,
с глазами величиной с чашу,
с острым граненым клювом,
с крыльями, словно скроенными из широких полос,
с чешуйчатыми железными перьями
смерти-гибели птица-*абаасы*, прилетев,
взгромоздилась, оказывается*.
(Ноо! Страшная какая птица, оказывается!)
Вот так усевшись,

Сахалыы саҥалаах,
Киһилии кэпсэллээх
Киһи дьаҥсайа олорбута эбитэ үһү.
(Бай!)
(Өксөкү ырыата [Дара Буурай]:)
«Ээй даа, доҕор!
Сир Сабыйа Баай Тойон оҕонньор,
Тускулаах бэйэҕэр
Дорообуйа буоллунууй!
Хайа бэйэллээх киһи кэлэҥҥин,
Толоон хаба ортотуттан
Дорооболоон тоҥхойдуҥ,
Баһыыбалаан матаҥнаатыҥ диэҥҥин
Ыйытар буоларгын,
(Ноо!)
Били маары
Аллараа аҕыс биис ууһун
Алдьархайдаах атамаана
Буор Бурҕаалдьын Тойон оҕонньор
Аҕа курдук аҕалаахпын,
Бурҕаалдьын Хотун диэн
Ийэ курдук ийэлээхпин,
Албан аатыҥ,
Сонун сураҕыҥ кимий диэҥҥин
Ыйытар буолларгын, нокойум,
(Ноо!)
Таас Дьаантаар Дара Буурай диэн,
Албан ааппын,
Аҕыс дойдуга араҥастаабыттара буолуоҕа,
Тоҕус дойдум
Сул туоһугар кытта
Суруйбуттара буолуоҕа, нойоон.
Туох наадалаах буолаҥҥын,
Суол муҥнаан тоҕоостуҥ,
Ыллык муҥнаан түбэстиҥ диэҥҥин
Ыйытар буолларгын да, нойоон,
Чэй эрэ, эһиги оҕоҕутун,
Босхо хара тыаны
Моойдоох* баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох диэн,
Үөһээҥҥи айыыларга
Биһигини судуллуун* суох оҥотторооруу,
Улуу бухатыыры оҥоро сыталлар.
(Ноо!)

по-якутски заговорила,
по-человечески речь повела,
требовательным голосом стала вещать.
(Да ну!)
(Песня Ёксёкю [Дары Буурая]:)
«Эй ты, дружище
старик Сир Сабыйа Баай Тойон!
К тебе обращаясь,
"здорово!" говорю.
Какой такой человек
с самой середины поляны
поклоны отвешивает, мол,
на благодарность расщедрился, мол,
если ты спросишь —
я тот самый, кому
(Ноо!)
страшный атаман
восьми племен Нижнего мира
старик Буор Бургаалджын Тойон
отцом приходится,
кому Бургаалджын Хотун
матерью приходится;
о моем славном имени,
о моей славе-известности
если спросишь, *нокой* мой, —
(Ноо!)
я Таас Джаантаар Дара Буурай,
славное имя мое
в восьми странах, должно быть, уже отметили,
в девяти краях
на чистой бересте,
должно быть, уже написали, *нойоон*.
За какою надобностью
изо всех дорог на эту дорогу свернул,
изо всех троп на эту тропу ступил, мол,
если спросишь, *нойоон*, —
ну так вот, вашего сына,
Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка,
чтобы нас извести под корень,
у верховных *айыы*
великим богатырем воспитывают.
(Ноо!)

Ийэлээх аҕа буоларгыт быһыытынан
Үҥсүү киллэрэ кэллим, нойон,
Биһигини тыыппатын,
Буруйа суох дьону
Буруйдаабат буоллун,
Айыыта суох дьону айыылаан,
Олохпутун огдолутар-алдьатар буолбатыы.
Чээй, быдан дьылга
Быдалҕаннаах бырастыы!
Эппит тылбын толорон
Көрөөрүгүтүүй», — диэн баран,
Тус илин диэкки
Көтөн туолла турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн,
Туох бэйэлээх эрдэттэн кэлэн,
Тугу-тугу дьаабылыырый диэбит курдук,
Оҕонньордоох эмээхсин,
Кыайан өйдөөбөккө,
Тиэргэннэригэр тахсан,
Оҕолорун кэтэһэ сылдьыбыттара.
Кэтэһэн-кэтэһэн,
Кэлтэгэйдэрэ буолбутун кэннэ,
Күүтэн-күүтэн,
Күүстэрэ быстыбытын кэннэ,
Анысханнаах арҕаа халлаан
Алын кырыытын диэккитэн
Хатарыылаах анньыы тыаһын курдук,
Хабырҕаччи сиэлэн кэлэн,
Дьиэлэрин иннигэр* тохтуу биэрбитигэр,
Оҕонньордоох эмээхсин,
Уолларын сураһаары,
Ойон тахсыбыттара:
Көрдөр харахтарын дьүккэтэ,
Көтүлүннэр тиистэрин миилэтэ,
Көмүрүйдэр сүрэхтэрин чопчута
Илэ бэйэтинэн
Сигэ дьүһүнүнэн* кэлэн турар эбит.
(Ноо!)
Били киһилэрин
Түтүм бараан дьүһүнүн*,
Хаан чаҕаан сэбэрэтин
Өйдөөн дьүүллээн көрдөххө:
Түөрт кырыылаах
Ыстаал тимир куйахтаах киһи эбит,

Вам, его матери и отцу,
жалобу подать прибыл, *нойон:*
пусть нас не трогает,
нас, невинных людей,
пусть напрасно не обвиняет,
безгрешным людям грех приписав,
пусть наше жилье не разоряет — не рушит.
Ну же, на долгие годы,
надолго прощайте!
Сказанные мною слова
выполнить постарайтесь», — так сказав,
прямо на восток
громадина улетела.
(Ноо!)
После этого:
"Что, мол, за чудище, загодя появившись,
чушь несло", — так размышляя,
старик со старухой,
так и не поняв,
вышли во двор,
дитя свое ожидать стали.
Когда ожидая-поджидая его,
от ожидания исхудали*,
поджидая-ожидая его,
от ожидания обессилели,
со стороны нижнего края
студеного западного неба,
издавая резкие звуки,
будто [стук] закаленной пешни,
кто-то, рысью примчавшись, перед двором стал.
Старик со старухой,
чтобы спросить о сыне,
во двор выскочили.
Зеница их глаз смотрящих,
десна их зубов выпадающих,
средоточие их сердец бьющихся —
[их сын] в истинном своем облике
наяву перед ними стоит, оказывается.
(Ноо!)
[Если] к тому человеку,
к виду его внушительному,
к важному облику
внимательно приглядеться —
из четырехугольных стальных пластин
броня на нем, оказывается,

Хастаабыт тиит курдук
Харылаах киһи эбит,
Суллаабыт тиит курдук
Сотолоох киһи эбит,
Аҕыс былас дарайар
Сарыннаах киһи эбит,
Биэс былас
Биэкэйэр бииллээх эбит*
Манньык бэйэлээх
Айыы бухатыыра кэлэн
Кинилэр диэки
Тонхойон, бокулуоннаан туран,
Ийэлээх аҕатын диэки
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо! Дьэ, дьэ!)
(Модун Эр Соҕотох:)
«Дьэ-һэ!
Айан-дьайан үөскэппит,
Аар тойон аҕаккайым,
Иитэн-харайан үөскэппит
Күбэй хотун ийэккэйим,
Тускулаах бэйэҕитигэр
Тоҕус бокулуону ууран туран,
Доруобуйа буоллу-ун!
Ким киһи кэлэнгнин
Кэпсэл кэпсээтинг диэн,
Кэлтэгэйдии санааманг,
Төрөппүт уолгут
Босхо хара тыаны-ы
Мооньоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох диэннэр
Аат ингэрэн ыыттылар.
Чээй! Ээй!
Ийэлээх аҕам
Үтүө алгыскытын
Үрдүбэр сүктэринг,
Ааттаах алгыскытын
Санныбар сүктэринг,
Чэйинг», — дии турбута.
(Ноо! Дьэ!)
Уол оҕо барахсаны
Сүүһүттэн сүүрбэ хамыйах хаан

будто окоренные стволы лиственницы,
руки он имеет, оказывается,
будто очищенные стволы лиственницы,
голени он имеет, оказывается.
В восемь маховых саженей
широкие плечи он имеет, оказывается,
в пять маховых саженей
тонкий стан он имеет, оказывается.
Вот какого вида
богатырь-*айыы*,
их приветствуя,
им поклонился,
к матери с отцом обращаясь,
такой *тойук* затянул,
такие речи повел,
говорят, оказывается.
(Ноо! Ну, ну!)
(Могучий Эр Соготох:)
«*Дьэ-хэ!*
Меня сотворивший
почтенный отец мой *,
меня вскормившая-воспитавшая
почтенная мать моя*,
вот лично вам я,
девять раз поклонившись,
"здравствуйте!" [говорю].
"Какой, мол, человек, придя,
рассказ ведет?" — думая,
не осуждайте, —
это вами рожденного сына,
Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастою головою
выше темного леса-колка,
такое имя ему дав, на землю спустили.
Ну же!
Мать моя и отец мой,
свое доброе благословение
мне дайте,
свое лучшее благопожелание
мне вручите,
ну же!» — так он их просил.
(Ноо! Ну!)
Этого сына-молодца
так в лоб [поцеловали],

Баһыллыар диэри,
Алларааттан алта хамыйах хаан
Баһыллыар диэри уоһуттан ууратылар.
Ол кэнниттэн
Уол киһини буоллаҕына,
Сур бөрө уорҕатын суорҕаннааннар,
Сырҕан эһэ тириитин сыттыктааннар,
Тэримэх кыыл* тириитин тэллэхтээннэр,
Уол оҕолорун утутан кэбиспиттэр.
(Hoo!)
Оол утуйа сытаа эрэн,
Уутун быыһынан иһиттэҕинэ,
Аҕыс таталҕалаах
Аан холорук
Таҥнары сатыылаата быһыылаах,
Ураһалара охто сыста,
Баҕаналара байааттан ылла,
Кэмниэ кэнэҕэс,
Хомнуо хойут
Туох эрэ айдаан буолбутугар
Уол киһи уһукта баттаан көрбүтэ:
Өлөр өлүү Өксөкү кыыла кэлэн,
Ураатын өнөйөн олорор эбит.
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола олорор эбит.
Бай, бу туох ааттаах үлүгэрэй [диэн],
Уол уһукта биэрэн
Оронугар олоро түһэр,
Олорон эрэ истибит.
(Таас Дьаантаар Дара Буурай:)
«Бай да, доҕор, диибин,
Босхо хара тыабын
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох,
Аан дойдуну
Атахпынан аймаатым,
Улуу дойдуну
Тобукпунан соймоотум даҕаны-ы,
Эн курдук
Туруору уҥуоҕунан төрөл
Кирдьик даҕаны,
Көрбөтөх эбиппин, нойо-он!
Арҕаһыттан тэһииннээх

что с двадцать ложек крови выступило,
так в губы поцеловали,
что с шесть больших ложек крови выступило.
А затем
этого парня-молодца
одеялом из шкур со спин серых волков накрыв,
подушку из шкуры свирепого медведя ему положив,
подстилку из шкуры рыси-зверя ему подстелив,
сына своего тут же спать уложили.
(Ноо!)
Вот когда так спал,
услышал сквозь сон,
будто восьмикратным громом сопутствуемый,
такой буйный вихрь
сверху низринулся,
что их *ураса* чуть не рухнула,
столбы зашатались.
Когда такая поднялась суматоха,
юноша,
наконец-то проснувшись,
увидел:
Ексёкю, смерти-гибели птица, прилетев,
в дымоход заглядывая, сидит, оказывается.
Какие-то слова говоря,
какие-то речи ведя,
сидит, оказывается.
"Ба! Что за напасть?" —
юноша, очнувшись,
сел на постели
и стал прислушиваться.
(Таас Джаантаар Дара Буурай:)
«Ну же, говорю, друг,
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка!
Хоть я изначальную землю,
ногами топча, всю потревожил,
великую землю,
по колено рыхля, всю исходил,
такого, как ты,
дородного, рослого,
и, вправду, оказывается,
еще не встречал, *нойо-он!*
С поводьями за спиной

Айыы хаан аймахтарын,
Кирдьик да,
Көмүскүөх киһи эбиккин, нойо-он!
Ол да буоллар
Туох наадалаах буолангнын,
Сорук булан, тиийэн кэлэнгнин,
Айах атан амалайдын диэнгнин
Ыйытар буолларгы-ын,
Кыһынын сүгэ туттаран,
Мас кэттэриэххэ
Баһаам үчүгэй
Уолчаан эбиккин, нойоон,
(Ноо!)
Сайынын хотуур туттарыахха,
Хоһуун да үчүгэй уолчаан эбикки-ин.
Айыы Дьаҥсаар Тойон оҕонньор аҕалаах,
Айыына Сиэр Хотун эмээхсин ийэлээх
Тоҕус тутум сыһыахтаах*
Туналыкаан Куону,
Күнүм кыыһа күөгэрдиирбин,
Сааратыаххар даҕаны
Саарбах үчүгэй киһи эбикки-ин.
Онон миэхэ барангнын,
Ол уолчаан буолангнын,
Илин-кэлин сүүрэнгнин,
Саататыан буоллар,
Салгын куккун хааллларыаҕым, нойо-он.
Буолунар буолуммат тылгын
Этэ охсууй», — дии турбута.
(Ноо!)
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотоҕу
Үйэтигэр кинини ким инньэ диэбитэ баарай,
Уохтаахтык өһүргэннэ,
Өһүргэммитин өһүлбэт киһи эбит,
Кыыһырбытын кыйдаабат киһи эбит,
Ойон туран эккирээтэ,
Ураһатын күлүк өттүн
Көнүтэ көтөн,
Таһырдьа сулбу ойон тахсаатын кытта,
Анараа киһи баҕайыта
Тус хоту диэкки

добрые племена *айыы*
и вправду, оказывается,
способен ты защищать, *нойо-он*!
И все же —
за какой надобностью,
по какой причине, сюда прибыв,
уста свои раскрывая, вещает, мол,
если спросишь, [отвечу]:
зимою, вручив топор,
заставить дрова рубить —
[для этого] ты подходящий
паренек, оказывается, *нойоон*.
(Ноо!)
Летом косу вручить —
ты пригожий да ловкий паренек, оказывается.
Старика Айыы Джангсаара Тойона дочь,
старухи Айыыны Сиэр Хотун дочь,
с косою длиною в девять корхов
Туналыкаан Куо-красавицу
нежную мою,
развлекать и впрямь
ты достоин, оказывается.
Если поедешь со мною
и, став пареньком,
взад-вперед бегающим,
забавлять ее будешь,
то воздушную душу твою не трону*, *нойо-он*.
Согласен ли — не согласен —
отвечай поскорее», — сказа́л.
(Ноо!)
Могучему Эр Соготоху,
владеющему темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка,
в жизни никто еще так говорить не смел,
крепко обиделся он,
а обидевшись — обид не прощающим оказался,
в ярость впав — ярости не сдерживающим оказался,
в гневе вскочив,
заднюю стену *урасы*
в стороны разметав,
во двор выскочил —
а то чудище
в северную сторону

Көтөн түөллэн ыраапыт эбит.
(Ок-сиэ! Куттанан барда быһыылаах.
Хайдах гыныай?)
Кэнниттэн
Ньирилиир муос саатын ылан,
Ньылбы ойутан ылан
Кыҥаан кыччайан,
Одуулаан оччойон туран эрэ,
Эримсэх кыыс оҕо иэмэҕин курдук
Таҥнары накырыйан кэлиэр диэри
Тиэрбэстии тардан туран,
Батаһыгар дылы маахтаан,
Кириһигэр дылы киэптээн туран эрэн,
Субу курдук диэн тойуктаах
Алгыы-силийэ турбут эбит.
(Модун Эр Соҕотох:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Кимиэн-имиэн дойду
Киилэ киилэммитиҥ буолуоҕа,
Хамаан-имээн дойду
Хатыҥа хатыҥнаммытыҥ буолуо,
Тумаан-имээн дойду
Туоһа туостаммытыҥ буолуо,
Дьирибинэ балык
Сиһин үөһэ силимнэммитиҥ буолуо,
Ала Туйгун аалан-куоһаан
Оҥорбута буолуо,
Кустук Кутурук
Куоһаан хатарбыта буолуоҕа.
Чээй-эй,
Абааһы уолун
Саахтыыр эмэһэтинэн түһэҥҥин,
Үрүҥ сүнньүн батаҥҥын,
Аллараа дойдубар түһэҥҥин,
Төрөтөр оҕолоругар
Хара хапсыыр буола тураарыый», — диэн баран,
(Ноо!)
Батаһыгар диэри маахтаан,
Кириһигэр диэри киэптээн,
Киҥкиниир киэҥ халлаан диэкки
Ытан кууһунатан кээспитэ,
Тоҕус уордаах этиҥ сирдьиттэнэн,
Сааллар чаҕылҕан аргыстанан,
Холлоҕостоох уот буолан,

стремительно удалилось уже, оказывается.
(Ух ты! Испугалось, видать!
Как же поступить?)
Вслед ему,
гудящий свой роговой лук
проворно выхватив,
стал целиться:
глаз прищурив,
с такой силой лук натянул,
что тот изогнулся в кольцо,
будто дужка серьги блудливой девицы;
до наконечника стрелу оттянув,
до предела тетиву натянув,
вот такими словами
стал заклинать, оказывается.
(Могучий Эр Соготох:)
«*Дьэ-хэ-хэ*!
[Ты, лук,] из крепкого дерева страны *кимиэн-имиэн*
выточен ведь,
из березы страны *хамаан-имэзн*
выструган ведь,
берестой страны *тумаан-имэзн*
обернут ведь,
клеем из становой жилы рыбы *джирибинэ*
крепко склеен ведь*,
[тебя, стрела,] Ала Туйгун старательно
оттачивал ведь,
Кустук Кутурук прилежно
закаливал ведь.
А ну-ка!
Сыну *абаасы*
в задний проход войдя,
белый спинной мозг его насквозь пронзи,
в Нижний мир спустившись,
потомству его
стань черной погибелью!*» — так сказал.
(Ноо!)
До наконечника стрелу оттянув,
до предела тетиву натянув,
в сторону широкого гулкого неба
с силой ее пустил —
девятью грозными громами ведомая,
сверкающей молнией сопровождаемая,
пламенем [величиной] с берестяную бочку став,

Үөһээ диэкки
Субурус гынан хаалбыта да,
Таппыта таппатаҕа биллибэт,
Сол курдук хаалан хаалбыта.
(Ноо!)
Ол кэннитэн
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Моҕул кугас атын
Сыһыыттан сылгылаан,
Хонууттан хомуйан таһааран,
Аҕыс уостаах
Алтан сэргэтигэр,
Үс уостаах
Үрүҥ көмүс сэргэтигэр
Аҕыста аралдьыйан,
Тоҕуста туомтаан,
Онуһун олбуйан
Тоҕус хонук тухары
Чолоччу баайан кэбиспитэ,
Сиирэ астахха,
Симэһин тахсыбат буолтун кэннэ,
Хайа астахха,
Хаан тахсыбат буолтун кэннэ,
Ат сылгытын сиэтэн аҕалан,
Үс уостаах үрүҥ көмүс сэргэтигэр
Баайан туран эрэн,
Сүүрэр былыт
Сөрүөтүн сөрүөлээтэ,
Айыы былыт
Ыҥыырын ыҥыырдаата,
Курбуу-дьирбии холумун
Лиһигирэччи тардынна,
Күлэр уодьуганын
Көлөһөтүн булан
Көннөрөн кэтэртэ.
Ол кэнниттэн
Хаpалдьыктан көппүт
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Ханка дьолуо ыҥыырыгар
Хап-бааччы хатана түстэ,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон кэбистэ.

вверх она
тут же взмыла,
да попала ли, нет ли — неведомо,
так [думая], стоял.
(Ноо!)
После этого
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше черного леса-колка,
темно-рыжего коня своего
на лугу поискав, нашел,
в поле поймав, привел,
к золотой коновязи своей*,
восьмирядной резьбой украшенной,
к серебряной коновязи своей,
трехрядной резьбой окаймленной,
повод восемь раз намотав,
в девятый раз петлей завязав,
в десятый раз узлом стянув, —
на девять дней [коня]
привязал крепко.
Когда конь выстоял так,
что шкуру прорежешь — сукровица не вытечет,
шкуру проткнешь —
кровь не выступит, вот тогда
верхового коня своего за повод взял,
к серебряной, украшенной трехрядной резьбой коновязи
подведя, привязал,
подобным легкому облаку
потником покрыл,
подобным градовой туче
седлом оседлал,
узорно-плетеной подпругой
туго его затянул,
веселых удил*
колечки найдя,
взнуздал как положено.
После этого
проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с проталины,
в крепкое гладкое седло свое
ловко вскочил,
словно токующий глухарь,
откинув голову, горделиво уселся.

Ол кэннитэн
Оҕонньор киһи кэнниттэн тахсан,
Тиэргэнигэр туран эрэ
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх,
Туман-туурай тойуктаах,
Кэри-буру кэпсэллээх,
Аан-дьаалы алгыстаах
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Сир Сабыйа Баай Тойон:)
«А-а-а!
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Оҕолоотор оҕокойум,
Бүөбэйдээтэр бүөбэйим,
Илин атаҕын
Ибирэ суох буоллун,
Кэлин атаҕын
Кэбирэ суох буоллунуй,
Саалаахтан самнаайаҕын,
Охтоохтон охтоойоҕун,
Сытыы тыллаах сынтарыйдын,
Хара харахтаах халбарыйдын.
Ээй,эй!
Аллараа дойдум
Алдьархайдаах атамаана
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Үс дойду үрдүнэн
Үтүө аата
Үргүүк таба түүтэ буолан,
Үрэлийбит киһи буолар,
Бэркэ диэн сэрэнээр,
Өлөр-хаалар күнүн кэллэҕинэ,
Үөһээ айыыларгын
Ыҥырар буолаарыый», — дии турбута.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Куус гына кымньыылаан баран,
Бараары гыммыта,
Ат сылгыта
Тэлгэһэтин тула сүүрэ сылдьан,
Тоорт гына тыбыыра-тыбыыра,

После этого
отец-старик, вслед за ним выйдя,
на дворе своем стоя,
вот такой *тойук* затянул,
вот такими речами заговорил,
нескладным *тойуком**,
несуразной речью,
бессвязным благословением
благословляя его, говорят.
(Ноо!)
(Сир Сабыйа Баай Тойон:)
«А-а-а!
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше черного леса-колка,
родимое мое дитя,
взлелеянное мое чадо,
пусть ноги твои впереди себя
никаких преград не встречают,
пусть ноги твои позади себя
никаких помех не ведают*,
от имеющих оружие — не погибни,
от имеющих луки — не пропади,
пусть имеющий злой язык — не осилит,
пусть имеющий дурной глаз — отвернется.
Э-эй, эй!
Нижнего мира
Грозного атамана
Тааса Джаантаара Дара Буурая,
чье громкое имя
по трем мирам,
словно шерстинки [меха] пугливого оленя,
распространилось,
пуще всего остерегайся,
если настанет день гибели-смерти,
к верховным своим *айыы*
взывай», — сказал.
(Ноо!)
После этого
[Могучий Эр Соготох], коня плетью хлестнув,
хотел было в путь тронуться,
но тут его конь
вокруг двора заметался,
громко фыркая,

Сири быһа табыйа-табыйа,
Баҕаналыы тэбинэн
Тура биэрэн баран,
Киһилии кэпсэллээх,
Сахалыы саҥалаах,
Туман туурай тойуктаах,
Ыыс быдаан ырыалаах,
Саҥ дьаарай саҥалаах
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Ат ырыата:)
«Анньыһаҕы,
Анньыһаҕы!
Эминэ да, тугуйбуна да!
Тоҕус уоммун туолуталаан,
Тонхойболуу кырдьыахпар дылы,
Тойоммуна арҕаһыгым тойонуга,
Аҕыс уоммун туолуталаан,
Акыйбалыы кырдьыахпар дылы, баҕас,
Адарайдыыр арҕаһым аргыһыга
Миинниир диэтэх соноҕостой сылгыбына,
Этитэлиир эттиир нуурай тылланыкпын
Иккибинэн иэдэстэргэр
Илдьэ турар
Тэргэн куйаар кулгааххынан
Иститэлии сэргэҕэлээ.
Анньыһаҕы,
Анньыһаҕы,
Анньыһаҕы!
Эминэ да тугуйбуна,
Барбыт бөҕө баһыллыбат,
Куоппут бөҕө сомсуллубат дойдутугар
Аҕыспына хараҕалаах
Ааннаыр хайа
Суоллуур ийэни
Арҕастаары тураахтыыгын,
Тоҕуспуна тоҕойдордоох
Суоллуур ийэни
Тобулаары тураахтыыгын,
Чэйиий, нойоон,
Ааннаыр ийэ дойдуларын
Алгыстарын ылыталаа.
Туруу дойдун
Тумаралыыр дьэлликпинэ,

стал копытами бить,
[потом] ногами, будто столбами, в землю упершись,
застыл на месте
и по-человечески молвил,
по-якутски заговорил,
сбивчивыми словами,
тревожным *тойуком*
хозяина вразумляя,
[запел], оказывается.
(Ноо!)
(Песня коня:)
«*Анньысагы,*
анньысагы!
Так вот, что же это такое!
Ты, кому предназначено быть господином
до моих девяноста лет,
до согбенной моей старости,
кому предназначено быть спутником
до моих восьмидесяти лет,
до сгорбленной моей старости,
внемли мне, молодому коню,
в веские мои слова
большими чуткими своими ушами,
по обе стороны твоих щек
примостившимися,
внимательно вслушайся.
Анньысагы,
анньысагы,
анньысагы!
Ну что ж! Что же это такое!
В страну, откуда ушедшие назад не приходят,
убежавшие обратно не возвращаются,
с восемью засовами
широкую дверь
дороги-матушки
распахнуть собираешься ведь,
с девятью извилинами
стезю-матушку
пробивать отваживаешься ведь.
Ну-ка, *нойоон,*
у изначальной земли-матери
благословение испроси-ка,
духов
безбрежных долин

Толоотторун иччилэрин
Тоһоҕолоох алгыстарын
Тоҥолохxор илиниий.
Анньыһаҕы,
Анньыһаҕы,
Анньыһаҕы!
Чэйиий, нойоон,
Минниир диэтэх
Соноҕостой сылгыбынаҥ
Үллэр үйэм устатыгар
Үстүүр төгүл
Киһилии да кэпсэтэбин,
Сахалыы да саҥарталыыр идэлээхпин.
Минниир диэтэх сылгыбынаҥ
Туойарбына торҕо туурай хоһоонукпун
Тоҕус үүттээх долоҕойгор
Чопчу тутар буолаахыйдаар,
Кэнэҕэһин кэнэҕэс да,
Сэрэнээхтээ-сэрэнээхтээ.
Анньыһах,
Анньыһаҕым,
Анньыһаҕым.
Ытык тылбын ылынаарыый,
Кэриэс тылбын кэһимээриий,
Чэйиий», — дии турбута.
(Ноо!)
Ат сылгыта
Ити курдук саҥарбытын
Кэлин өттүттэн
Өйдөөн-дьүүллээн арай санаабыта:
Аал уотугар
Ас кээспэтэх эбит,
Күөх уотугар
Көйүү кымыһынан
Күөмэйдээбэтэх эбит.
Атыттан ойон түһэн,
Тобук түһэн олорон,
Күөх уотун
Көйүү кымыһынан күөмэйдээн,
Аал уотунан айахтаан
Субу курдук диэн тойуктаах олорбута үһү.
(Модун Эр Соҕотох:)
«Дьэ-һэ
Аал уотум иччитэ Ала Туйгун,

родной страны
надежное благословение
возьми с собой.
Анньысагы,
анньысагы,
анньысагы!
Так вот, *нойоон*,
это мне,
молодому коню,
за всю мою жизнь
только три раза
по-человечески разговаривать,
по-якутски толковать предназначено,
этот мною, конем,
изрекаемых слов истинный смысл
сердцем приняв,
крепко запомни,
впредь настороже будь,
оберегайся-остерегайся.
Анньысах,
анньысагым,
анньысагым!
Сокровенное слово мое прими,
завет мой не нарушай,
ну, давай же!» — так говоря, стоял.
(Ноо!)
Как только конь его
вот так говорить кончил,
[Могучий Эр Соготох] тут же,
призадумавшись, вспомнил:
священному очагу своему
подношения не делал ведь,
синему пламени очага
крепким кумысом
возлияния не делал ведь.
Соскочив с коня,
колени преклонив,
в синее пламя очага
крепким кумысом плеснул,
в священный очаг угощение бросил,
с такими словами обратился, оказывается.
(Могучий Эр Соготох:)
«*Дьэ-хэ!*
Дух священного очага Ала Туйгун,

Ырдьа бытык,
Сээркээн Сэһэн,
Кыһыл төбө,
Кырдьаҕас тойонум,
Этэр тылбын
Икки иэдэскэр
Илдьэ сылдьар
Истигэн сэргэх куйаар кулгааххынан
Истэ сэргэҕэлээн туруум!
Өрбүт күөспүн
Үлүннэрэн тоҕор буолаайаҕын!
Аал уотум,
Умуллар-сөҕүрүйэр диэни билбэккэ,
Өрүү күөдьүйэ убайа* тураарыый!
Чэй эрэ!
Толугурдаах торбуйаҕы
Тоҥорон өдөрөр буолаайаҕын,
Тааҕалаах убаһам
Далыгар хахсык өлүү буолан хаптайбатын;
Кэнчээри ытчаппын тэнитэ туруум,
Үс үйэ тухары
Үллэр дьолбут-соргубут
Өрөгөйдүү-үүнэ туруохтун,
Алаас эбэ хотунум
Алла таммалыы турар
Араҕас илгэтэ
Өрүү эчэйбити эмтии турдун,
Ыалдьыбыты төннөрө,
Үтүөрдэ туруохтун!
Аан дойдум иччитэ,
Аан Алахсын Хотун эмээхсин,
Үтүө алгыскын
Үрдүбэр сүктэрэн көрүөххүн
Төһөлөөх буолуоҕай», — диии турбута.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Аҕыс салаалаах
Аар хатыҥ
Аллараа салаатын быыһыттан
Саннын байаатыгар диэри түһэр
Арыы саһыл астаах
Эмээхсин дьахтар
Эмийин кэрэтигэр диэри
Быган тахсыбытын,

сивобородый мой,
говорливый Сээркээн Сэсэн,
красноголовый
почтенный старец мой,
в мои слова
большими чуткими своими ушами,
по обе стороны твоих щек
примостившимися,
внимательно вслушайся!
Кипящему котлу моему
через край пролиться не дай,
священный очаг мой,
не зная, что такое потухнуть, угаснуть,
вечно гори же ярким пламенем!*
Ну, давай же!
[почтенная Аан Алахсын Хотун,] и шелудивому теленку
от холода пасть не дай,
и запаршивевшему жеребенку
от сухотки в загоне пасть не дай*,
потомству моему размножиться дай!
Пусть на три века
умножающееся счастье-благополучие наше
увеличивается-возрастает,
пусть мой *алаас*-бабушка
вечно источает капли
божественного *илгэ*,
которое хворого — вылечит,
увечного — исцелит,
поставит на ноги!
Дух-хозяйка изначальной страны*,
почтенная Аан Алахсын Хотун,
свое доброе благословение
на плечи мои возложив,
не благословишь ли!» — сказал.
(Ноо!)
Затем
стал внимательно вглядываться:
как только из-под нижних ветвей
восьмиветвистой
священной березы
старая женщина
с пожелтевшими волосами*,
ниспадающими до лопаток,
по соски грудей своих
было высунулась —

Сүүрэн тиийэн,
Эмийиттэн икки төгүл
Эҕирийэн ылан баран,
Үсүһүн эҕирийээри гыммытын
Уолугуттан ылан тиэрэ анньан кэбистэ.
"Улуу хаарахан,
Оборору тоҕо кытаанаҕай", — диэтэ.
Ол кэнниттэн
Ханха дьолуо ыҥыырыгар
Хараллдьыктан көппүт
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Хатана түһэн баран,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон кэбистэ,
Күлэр уодьуганын
Көлөһөтүн булан,
Көннөрү тутан,
Куус гына кымньыылаан,
Уохтаахтык айаннаан киирэн барбыта.
(Ноо!)
Көҥүтэ тэппитэ —
Күөл онно буолан чөҥөрүстүлэр,
Сыгынах мастары сыыйа тэппитэ —
Сырҕан эһэ буолан сырсыбыттара,
Эмэх мастары эмтэритэ тэппитэ —
Эбээн эмээхситтэрэ буолан
Энэлиһэ хаалбыттара.
Ол курдук уохтаахтык айаннаан,
Тоҕус уордаах этиҥ сирдьиттэнэн,
Сааллар чаҕылҕан арчыланан,
Үүнэр мас таҥнары сыыйыллар
Айанын айаннаабыта.
Күһүҥҥүтүн өксүөнүнэн билэн,
Сааскытын хахсаатынан билэн,
Сайыҥҥытын самыырынан сабаҕалаан,
Кыһыҥҥытын кырыатынан кыйдаран,
Субу курдук айаннаан,
Тымныы хонугу хонон,
Дьыбардаах айаны айаннаан испит.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Дойду баһа,
Тоҥус киһи
Туут хайыһарын баһын курдук
Таҥнары хайыастан

он подскочил проворно
и, к ее груди припав,
дважды всосал [молока],
когда в третий раз попытался,
она, за грудки его схватив, прочь откинула.
"Великое чудище*
сосет-то как крепко!" — сказала.
После этого
[Могучий Эр Соготох] проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с проталины,
в крепкое гладкое седло
ловко вскочил,
словно токующий глухарь,
откинув голову, горделиво уселся,
веселых удил
колечки найдя,
крепко [их] натянул,
плетью коня хлестнув,
стремительно в путь пустился.
(Ноо!)
Выбоины от копыт коня
в ложа круглых озер превращались,
вывороченные коряги,
свирепыми медведями оборотясь, разбегались,
деревья, в труху рассыпавшись,
тунгусскими старухами оборотясь,
причитая, позади оставались.
Вот так — стремительно мчась,
девятью грозными громами ведомый,
сверкающей молнией сопровождаемый,
так, что растущие деревья следом стелились, —
свой путь он продолжал.
Осень по ненастью узнавая,
весну по заморозкам ощущая,
лето по дождю определяя,
зиму по инею распознавая, —
вот так свой путь продолжал,
студеные ночи коротая,
в лютый холод не останавливаясь, путь продолжал.
(Ноо!)
После этого
[туда], где край земли,
подобно концу лыжи-*туут*
тунгуса-охотника,
загибаясь,

Тахсар сиригэр кэллэ,
Толоон баһа
Холбоһор сиригэр,
Сир баһа
Силбэһэр сиригэр
Тиийэн кэлбитэ.
Аллараа дойдуга түһэр
Суоллара буоллаҕа буолуо [диэн],
Тоҕус субан туруйа куолайын
Субуруччу тардан кэбиспит курдук,
Алталаах атыыр сылгы
Таҥалайын кэрдииһин туруорбут курдук
Лаллыгырас суккуор хаан аартыгы
Устунан көрдөҕүнэ,
Сэттэ хахай кыыл утары
Айахтарын атан тураллары
Хайа да диэккинэн
Ааһыллар сирэ суоҕун өйдөөбүтэ.
Ол өйдөөн көрөн туран,
Толкуй булунан,
Ат сылгытын
Чокуур таас гынан,
Үҥкүрүс-күөһэлис гынан баран,
Сиэбигэр уктан баран,
Үс кырыылаах
Ыстаал тимир ох буолан,
Хахай кыыллары
Айахтарын үүтүнэн түһэн баран,
Эмэһэлэринэн тахсан эрдэҕинэ,
Бүтэһик хахай кыыл
Кутуругун быһа хабан хаалбытыгар:
Хата, кини тугун да
Таптарбакка ааспыт эбит.
(Ноо!)
Хахай кыыллар
Өлбүттэрин хойут өйдөөннөр,
Кэлин ааспытын кэннэ
Өлөн адаарыһан түспүттэрэ.
Ол гынан баран
Аллараа дойдуга
Түһэн киирэн барда быһыылаах.
Барбатах балык миинин курдук
Бадыа-бүдүө дойдуларынан
Батыгычыта сиэллэрэн киирэн барбыта.

вниз опускается, — он дошел,
где концы долин
сходятся,
край земли
сливается, —
он добрался.
"В Нижний мир, наверно,
вот по этой дороге спускаются", — думая, посмотрел
на, словно вытянутые горла
девяти журавлей,
словно выстланное ребристое нёбо
жеребца-шестилетки,
стремительную неровную грозную дорогу
и увидел:
[там] семь львов-зверей,
пасти разинув, стояли,
ни с какой стороны
обойти их было нельзя, понял.
Всмотревшись-удостоверившись,
придумал:
коня своего
в камень-кремень превратил,
в карман сунул,
кувыркнувшись-перевернувшись,
в трехгранную стальную стрелу
превратившись, сам
в разинутые пасти
львов ринулся,
когда через их задние проходы проскакивал,
последний лев
за свой хвост ухватился было,
но [Эр Соготох], нисколько не пострадав,
проскочил оказывается.
(Ноо!)
Львы-звери,
опомниться не успев, умерли:
когда он уже проскочил,
упали замертво вверх ногами.
После этого
[Эр Соготох] в Нижний мир
начал спускаться, кажется.
По сумеречной стране,
мутной, как ненаваристая уха,
неровной рысью проехал,

Буспатах мунду миинин курдук
Бутугас-итигэс дойдуларынан
Буккуллан киирэн кэлбитэ.
Кэлтэгэй күннээх,
Кэлтэгэй ыйдаах,
Хоронгнуу сүүрбүт хомурдуостаах,
Өрөнгнүү сүүрбүт үөннээх,
Кылыйа сүүрбүт кымырдаҕастаах,
Суөдэйэ сүүрбүт сөһүөккэлээх,
Арбайа сүүрбүт абааһылаах
Дойдуга тиийэн кэлбитэ.
Тоҕус куодуйар кубулҕаттаах
Тумуһахтарын хайыталаан,
Удаҕан өлүү булан улуйбут
Дойдутугар тиийэн кэлбитэ.
Куочай тумуһахтарын туораталаан,
Ол курдук
Сиэллэрэн-айаннаан истэҕинэ,
Дьэс эмэгэт иччилэрэ
Арбайа сүүрбүт абааһылара,
Суөдэйэ сүүрбүт сөһүөккэлэрэ
Эйэнгнии сылдьан эрэ
Ытыа суохха айылаах
Иннигэр-кэннигэр
Элэнгнээн көрбүттэрэ да,
Хайатыгар да аахсыбакка,
Сиэллэрэн куугуната, ааһа турбут.
(Hoo!)
Ол ааһан туран эрэ
Арай биир бириэмэҕэ
Ый быыһа харанга
Будук-бадык дойдуга
Тиийэн кэлбитэ.
Төбөтүнэн айахтаах
Нангнал таас уораҕай
Дьиэ турарын
Хайа да өттүнэн
Киирэрин билбэккэ,
Тонсуйан тобугурата турбута.
Ким даҕаны биллибэтэҕэр
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотунан

по мутной, как недоваренная уха из гольяна,
мглистой стране
стал кружить-петлять.
[Здесь] и солнце щербатое,
и луна ущербная,
и жуки вприпрыжку бегают,
и гады вприскочку носятся,
и муравьи на одной ноге скачут,
и домовые, как тени, мелькают*,
и бесы беспорядочно мельтешат —
вот в такую страну пришел.
Девять злокозненных мысов
пройдя напрямик,
в страну, где шаманки вечно воют,
он прибыл.
Когда мимо мысов, где кровавые жертвы приносят*,
вот так
путь продолжая, стремительно ехал —
медные идолы-духи*,
беспорядочно мельтешащие бесы,
тенью мелькающие домовые,
суетливо забегав,
не желая его пропускать,
сзади и спереди
замелькали-замельтешили было,
он, будто не замечая их,
быстрой рысью дальше мчался.
(Ноо!)
Так мчась,
однажды
в темной, как безлунная ночь,
мутно-мрачной стране
вдруг очутился.
С лазом наверху
приземистое каменное жилище —
такой дом стоит,
не зная, с какой стороны
можно в него войти,
дробно забарабанил —
никто не откликнулся,
тогда, выхватив на триста верст окрест
грозно звенящий,
медно-красный огненно-кровожадный
обоюдоострый меч,

Түгэђиттэн ылан,
Түҥнэри анньан кэбиспитэ.
(Ноо!)
Түҥнэри анньан кэбиспитигэр
Өлөр өлүү абааһы уола
Кэлин өттө сылбыгырга дылы,
Тобугуттан алларaa өттүгэр
Икки салаа буолбут атахтаах,
Түөһүн тылыттан
Үүнэн тахсыбыт
Суоч сођотох* илиилээх,
Элгээн күөл тааҥнаан
Түөрэ тэппитин курдук
Сүүһүн ортотугар
Суоч сођотох
Эт бэргэ харахтаах,
Тэчинньиэр ойууру
Тиэрэ баттаабыт курдук
Тимир тэллээнискэй баттахтаах
Өлөр өлүү абааһы уола
Өттүгүн охсунан баран
Өрө ыстанан турбута.
(Ноо!)
Өрө ыстанан турбута дађаны
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх,
Буола турбута.
Харса суох хаһыытаан хабырытанна,
Үөтэтэ суох үөгүлээн мэҥийдэ.
(Харабыл абааһы уола:)
«Бай да,
Бачах-татах диибин!
Хайа бэйэлээх
Хараҥа хаайыытыттан
Халты туттарбыт
Хара баранаагый.
Туох дойду
Түүнүктээх түрмэтиттэн
Төлө туттарбыт
Түөкүн кэлэҥгин,
Кэй бараммын* алдьатаҥҥын
Кэбилээтиҥ дађаны.
Били маарыын
Төрүүр күнүгэр
Ыллыыр чычаах

под жилище подсунув,
его опрокинул,
(Ноо!)
Когда опрокинул жилище,
парень-*абаасы*, смерть-погибель несущий,
к заду как бы сужаясь,
от одного колена расходящиеся
две ноги имеющий,
из середины груди
выросшую,
одну-единственную руку имеющий,
будто бы озеро-старица
мутной наледью вспучилось —
посередине лба
один-единственный
мясисто-красный, как шрам, глаз имеющий,
будто бы сухостойный лес
корнями вверх вывернули —
железные растрепанные космы имеющий, —
[такой] парень-*абаасы*, смерть-погибель несущий,
по бедру себя хлопнув,
вскочил на ноги.
(Ноо!)
Вскочив на ноги,
вот такой *тойук* затянул,
вот такие речи
стал говорить, оказывается.
Изо всех сил закричал,
во всю мочь завопил.
(Парень страж-*абаасы*:)
«*Бай*, да [что это?]
Ой, ой, говорю!
Из какой же
темной темницы
на волю выскользнувший
черный варнак,
из затхлой тюрьмы
какой же страны
на свободу вырвавшийся
разбойник, сюда придя,
родную обитель мою разрушив,
такое зло учинил ведь?
Видно не зря
говорили, значит:
[тот], при рождении которого

Ырыата кэхтибит,
Төрөтөр оҕо төлкөтө
Төттөрү домноммут
Дииллэр этэ-э-э
Сир Сабыйа Баай Тойон оҕонньор уола
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр соҕотох,
Ийэҥ саҕаттан иирээннээх,
Аҕаҥ саҕаттан айдааннаах,
Адьарай буолуо диэн
Сэп гына сэрэйдэҕим буоллун.
Тоҕус чоҥ* тимир уолаттар,
Утуйа сытар буоллаххытына,
Үһүкта охсуҥутууй,
Өлбүт да буолларгыт
Тиллэ охсуҥҥутууй, нойоттоор,
Айдаан быата быһынна баһыылаах,
Айалаҥ* төрдө саҕаланна,
Чэйиҥ», — диирин кытта,
Хайа да үөдэнтэн кэлбиттэрин билбэтэ,
Тоҕус чоҥ тимир уолаттар кэлэннэр,
Тимир ханаат быанан
Туура кэлгийэн бараннар,
Атаҕыттан муос хабарҕатыгар диэри
Хам эрийэн баран,
Сэттэ хахай кыыл
Кыайан таба тирэнэн турбат
Таас туруу чыыстай буолакка*,
Бэттэр тиксиһэр
Билиитэ таас миэстэлэригэр
Үөһэ анньан туран,
"Кэриэс тылгын этэ оҕус", — диэбиттэр.
(Ноо!)
"Кэриэс тылым диэн,
Билигин этиэм", — диэбит даҕаны,
Быта быатын курдук
Быһыта тыыллан кээспит даҕаны,
Үс түүннээх күн тухары
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыһынан
Төгүрүйэ эргийбитэ.
Биирдэ өйдөөбүтэ,

у певчих птиц
голос пропал,
у детей рождаемых
судьба прервалась,
сын старика Сира Сабыйи Баая Тойона,
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше черного леса-колка,
от рождения буйным,
от рождения неистовым
чудовищем был, —
должно быть, верно я [тебя] угадал.
Девять железных парней,
если спите —
проснитесь быстрее,
если даже умерли —
оживите скорее, *нойо-оны!*
Бечева, раздоры удерживающая, оборвалась, видно,
пора распрей пришла,
ну, давайте-ка!» Только сказал —
откуда взялись — не заметил:
девять железных парней, подскочив,
железным канатом
туго его связали,
от щиколоток до хрящей горла
крепко его скрутили,
на ровную каменную площадку на вершине скалы,
где семь львов-зверей
на ногах удержаться не могут,
на место из каменных плит,
где лучшие сходятся,
стоймя поставили,
"Завещание свое скорей говори", — сказали.
(Ноо!)
"Завещание свое
сейчас скажу", — произнес,
поднатужившись, разорвал свои путы,
как веревки из трав;
три дня и три ночи подряд
медно-красным огненно-кровожадным
обоюдоострым мечом
вокруг себя все крушил,
опомнившись, наконец,

9 Заказ № 442

Туох даҕаны илиитигэр
Табыллыбат буолтун кэннэ
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Үөһээттэн абааһы уолаттарын
Холлоро-бууттара
Таҥнары таммалаабыттарын
"Бу адьарайдар
Кэбирэх дьоннор эбит", — дии санаан
Төттөрү били
Абааһытын уолунуун,
Этиһиилэрэ
Эрдэ бүппүт дьон быһыытынан,
Түллэр таас түөскэ
Түһүспүтүнэн барбыттар.
Охсуһуу диэн омуннааҕа,
Кырбаһыы диэн кыыдааннааҕа
Бу дойдуга буолбута.
Биир ый хонуга
Отут хонук
Мүгүлтэр туолуор диэри*
Охсуһан охсуһаннар,
Абааһы уолун биир төгүллээн
Тоҥолоҕун тэһииниттэн ылан,
Атахха тэбэн кэбиспитигэр
Тоҕус күннүктээх сири
Туруйалаан баран истэҕинэ,
Харсыһыылаах оҕус курдук
Хап-сабар кэнниттэн сырсан тиийэн,
Үрдүгэр мииннэ түһэн баран,
Хааннаах диэки көрдөҕүнэ,
Хаатын иһигэр сылдьан,
Хаачыргыы-хаачыргыы мөҥөр,
Кыалаах диэки көрдөҕүнэ,
Кыынын иһигэр сылдьан,
Кыычыргыы-кыычыргыы кыланар
Кынчаал тимир быһаҕын
Ньылбы ойутан ылан,
Өлөр сирэ бу буолуо диэн,
Үрүҥ сүнньүн
Толкуйан киирэн барбыта.
(Ноо!)
Ол толкуйан киирэн барбытыгар,
Аннараа баҕайыта
Саҥалаах-иҥэлээх буола сылдьыбыта.
(Ноо!)

когда нечего стало рукой
хватать да крушить,
внимательно пригляделся:
тех парней-*абаасы*
руки да ноги
сверху вниз сыплются.
"А чудища эти
слабаки, оказывается", — так подумав,
снова с тем
парнем-*абаасы* [схватился],
как люди, которым говорить
уже не о чем,
каменной грудью на грудь [сойдясь],
друг на друга накинулись,
самая неистовая из битв,
самая яростная из схваток
в этой стране началась.
До полного истечения
тридцати дней
одного месяца
дрались-бились они,
изловчившись [Эр Соготох] парня-*абаасы*
за локоть схватил
да как подсек ногой!
Тот, на расстояние девятидневных кочевок [отлетев],
спотыкаясь, по-журавлиному заковылял,
[Эр Соготох], словно бодливый бык,
тут же за ним погнался,
догнав, верхом на него уселся;
[свой нож], который, алую кровь завидев,
еще в ножнах,
скрипя-скрежеща, буйствовать начинает,
густую кровь завидев,
еще в чехле,
скрежеща-скрипя, вопить начинает,
свой железный нож-кинжал
мгновенно выхватив,
в уязвимое место нацелясь,
становую жилу [противнику]
стал разрывать.
(Hoo!)
Когда так он разрывал,
то чудище
заговорило-взмолилось.
(Hoo!)

(Харабыл абааһы уолун тойуга:)
«Ар дьаалы!
Абатайбын-халахайбын!
Эминэ тугуй, оҕолорбуон!
Өлөллөрө-ыалдьаллара
Өҕүмэр* буолар эбит, доҕоор,
Тохтоо болҕой да, нойоон,
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Хаһан миэхэ
Сэттэ хотон ынаҕы биэриэҕин,
Харабыллааччы буоламмын,
Хаарыан тыыммын
Сарбыттаран эрэбин, нойоон,
Туох да буруйа суох сордооҕу
Тыыммын ордорон көрүөххүн
Төһөлөөх буолуой, нойоон, —
Ол тойон
Ханна баарый диэн эттэргин
Ситиннэ чугас
Аллараа сир анныгар киллэрэн,
Эн аналлааххын* кэлгийбитэ
Биэс төгүрүк сылтан орто», — диэн,
Абааһы уола сити курдук
Сангарбытын кэнниттэн
Үчүгэйи эттиг диэн үөрбэтэҕэ,
Куһаҕаны эттиг диэн хомойботоҕо.
Били киһитин
Ый ыһыаҕа,
Күн күдэнэ,
Кукаакы дуйаңа,
Суор сокууската,
Мэкчиргэ мэңиэтэ,
Оңорон кэбиспитэ.
(Ноо! Тоҕо бэрдэй!)
Ол кэнниттэн
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Кэй бараанығар киирэн кэлбитэ.
Ол киирэн турдаҕына,
Аллараа диэккинэн
Хороон курдугунан
Киирэн кэллэҕинэ,
Арай, кытара убайа турар
Тимир сымара уот оһох турарыгар
Арай онно көрдөҕүнэ,
Сүрдээх улахан кытарбыт

(Песня стража-*абаасы*:)
«*Ар дьаалы!*
Ой, больно-то как!
Что же такое, ребятушки!
Умирать-мучиться
страшно-то как, друг,
остановись, *нойоон*, выслушай.
Разве когда-нибудь меня
Таас Джаантаар Дара Буурай
семью хлевами с коровами одарит?
Зазря стражем его став,
бедную душу свою
даю подрезать, *нойоон*.
Невинному бедолаге
сохранить душу
каково тебе будет, *нойоон*?
Если спросишь:
"Где мой *тойон*, мол?" —
отсюда близко, [отвечу],
в подземелье притащив,
там суженую твою связанной держит
вот уже больше пяти полных лет».
Хоть парень-*абаасы* вот так
и заговорил,
[Эр Соготох], хорошим словам не обрадовавшись,
на худые слова не обидевшись,
того человека,
в крошево искрошив,
в прах растоптав*,
снедью для сойки,
закуской для ворона,
приманкой для совы
сделал его.
(Ноо! Как здорово!)
А затем
к Таасу Джаантаару Даре Буураю
в обширное жилище его вошел.
Войдя туда,
по узкому проходу,
похожему на нору,
вниз спустился
и вдруг перед ярко пылающей
громадной железной печью
увидел:
огромную раскаленную докрасна

Тимир хобордоох тутуурдаах
Өлөр өлүү абааһы кыыһа
Эйэҥнии олорор эбит.
Ол олороон эрэн
Саманнык диэн тойуктаах
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола олорбут эбит.
(Абааһы кыыһа:)
«Иэһэликпин-таһаалыкпын!
Иэхэйиги-чуохайыгы!
Эминэ тугуй да,
Айыыкалыыр оҕото
Хобордоохпор бэйэтинэн
Кэлитэлээн түһүтэлиир күннэригэ
Сибилигин даҕаны баардыыр баҕас эбитэ
Чэйиий, нойон,
Кырдьаҕаһыга киһикэни эрэйдээмэ,
Хобордоохпор түһүтэлии охсууй», — дии, дии
Кытарбыт тимир хобордооҕу
Кыҥкыр-хаҥкыр ойуолата олорбута.
Титинньиэр ойууру
Тиэрэ баттаан кээспит курдук
Тимир тэллээнискэй хаан баттаҕыттан
Сабардаан ылбыта да,
Тиэрэ быраҕан түһэрбитэ,
Ый ыһыаҕа,
Күн күдэнэ гынна,
Кини бэйэлээҕи
Өр гыныа баара дуу,
Өтөр гыныа баара дуу,
Ол курдук гынан баран
Тимир хобордооҕу
Үрдүнэн атыллаан ааспыта.
Өлөр өлүү абааһы уола
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Эркини быһаҕынан
Утуйан тылла сытар эбит.
(Ноо!)
Бу утуйан тылла сытар киһини
Өлөрөн-өһөрөн бардахпына,
Куһаҕан буолуо диэн
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотунан

железную сковороду в руках держа,
девка-*абаасы*, смерть-гибель несущая,
раскачиваясь, сидит, оказывается,
так сидя,
вот такой *тойук* тянет,
вот так говорит,
оказывается.
(Девка-*абаасы:*)
«О входы-выходы мои!
О радость веселье мое!*
О что же такое!
Сыну *айыы*,
сюда явившемуся,
на сковороду мою свалиться
день наступил, оказывается,
ну, давай же, *нойон*,
старую женщину не мучай,
на сковороду быстрей упади-ка!» — так говоря,
раскаленную железную сковороду
с бренчаньем подбрасывала.
[Эр Соготох] схватил ее за железные растрепанные космы,
похожие на сухостойный лес,
корнями вверх вывернутый,
дернув за космы,
опрокинул ее навзничь,
в крошево искрошил,
в прах растоптал —
с такой никудышней
долго ли возиться ему,
долго ли управляться ему? —
вот так с ней расправившись,
через железную сковороду
перешагнул и дальше пошел.
Сын *абаасы*, смерть-гибель несущий,
Таас Джаантаар Дара Буурай,
от стены до стены растянувшись,
безмятежно спит, оказывается.
(Ноо!)
"Если этого безмятежно спящего человека
убив-погубив, уйду —
бесчестно будет ведь", — так подумав,
на триста верст окрест
грозно звенящий
медно-красный огненно-кровожадный
обоюдоострый меч

Сүрэђин туһунан тирээн туран,
Субу курдук диэн
Тойуктаах буола турбута.
(Ноо!)
(Модун Эр Сођотох:)
«Дьэ-э!
Таас Дьаантаар Дара Буурай,
Күлгүн күлэ-күлэ буккуйуођум,
Көмөргүн үөрэ-үөрэ кыыбахтыађым.
Чэйиий, нойоон,
Уһукта охсууй,
Ким бэйэлээх
Киһи кэллиҥ диэтэрги-ин,
Босхо хара тыаны-ы
Моойдоох баһынан куотар
Мођул кугас аттаах
Модун Эр Сођотох
Тиийэн кэллим.
Өлөр сиргин өйдөө,
Охтор сиргин оҥоһун,
Үрүҥ тыыҥҥын быһарым буолла,
Чэйиий», — диэбитэ.
Ити кэнниттэн
Өлөр-өлүү абааһы уола
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Түтүм бараан төрөлүн
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөххө,
Хаан чађаан сэбэрэтин
Сиһилии көрдөххө,
Тобугун алларaатыттан
Икки салаа буолбут
Икки атахтаахха дылы,
Иннинэн илиилээххэ дылы,
Кэннинэн илиилээххэ дылы,
Элгээн күөл тааҥнаан
Тиэрэ тэппитин курдук
Дьэс туралба,
Эт бэргэ харахтаах эбит,
Тэтинньиэр ойууру
Тиэрэ баттаабыт курдук
Тимир тэллээнискэй хаан
Баттахтаах эбит.
Олус сүрдээх
Төрөл көрүҥнээх киһи эбит.
Ол бађайыны

прямо к сердцу ему приставил
и с таким вот *тойуком*
к нему обратился.
(Ноо!)
(Могучий Эр Соготох:)
«*Дьэ-э!*
Таас Джаантаар Дара Буурай,
золу твою, смеясь-ликуя, перемешаю,
пепел твой, ликуя-радуясь, развею*,
ну же, *нойоон*,
скорей просыпайся.
"Кто же такой, мол,
пришел?" — если спросишь, [отвечу]:
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше черного леса-колка,
к тебе приехал.
О смерти своей подумай,
к гибели своей приготовься,
пришла пора прервать
светлое твое дыхание, ну же!» — сказал.
После этого —
если к сыну гибели-смерти племени *абаасы*
Таасу Джаантаару Дара Буураю,
к внешности-плоти его,
внимательно присмотреться,
внушительный вид его
попристальней разглядеть:
от одного колена
раздвоенные
две ноги он имеет вроде бы,
спереди руку имеет вроде бы,
сзади [тоже] руку имеет вроде бы,
будто бы озеро-старица
мутной наледью вспучилось —
мясисто-красный, как шрам,
глаз он имеет, оказывается,
будто бы сухостойный лес
корнями вверх вывернули —
железные растрепанные космы
он имеет, оказывается.
Вот такой страшный,
внушительный с виду он человек, оказывается.
Если к чудищу этому

Өйдөөн-дьүүллээн көрдөххө,
Сатаан оҥорбот киһи
Саах кэлиитин курдук
Сантаархай хаан таныылаах эбит,
Онтукатыгар тонолоҕор диэри
Хокуоскалаан буккуйа ооннььуу сылдьыбыта.
(Һэ [Күлсэллэр!])
Онуоха анараа киһитэ соһуйан,
"Бачах-тачах" диэбитинэн
Ойон тура эккирээбитэ.
(Харабылларын абын-хомуһунун эрэммитэ, барыта эстэн хаалбыттар, онтун эрэнэн таах утуйа сытар идэлээх эбит)
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис болотунан
Сүрэҕин туһунан тирээн турар эбит.
(Hoo!)
Көрдөһөрүгэр тиийбитин
Өйдүү биэрбитэ даҕаны,
Аргыый аҕай
Олоро биэрэн баран,
Саманнык диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Аргыый аҕай налыччы
Соҕус буола олорбута эбит.
(Hoo!)
(Таас Дьаантаар Дара Буурай:)
«Ба-ай, доҕо-ор
Модун Эр Соҕото-ох
Тускулаах бэйэҕэр,
Тоҥ күөҥнэр
Дорообуйа буоллун!
Мин диэтэх киһини
Абааһы уола баҕайы
Ааннйа буолуо дуо дии
Санаахтыырыҥ буолуо,
Олус үчүгэй
Оҕонньорбун, нойо-он,
Чэйий, нойоон,
Ол тугуй диэтэргин,

внимательней приглядеться:
похожие на ступы, неумехой
из мерзлого коровьего навоза вылепленные,
безобразно широкие красные ноздри он имеет, оказывается.
[Эр Соготох], в те ноздри руку по локоть всовывая,
кукиш ему подставляя, стал забавляться.
(Вот тебе! [Смеются])
От щекотки чудище спросонья
с криком "*бачах-тачах*"
вскочило было —
(на колдовские хитрости стражей понадеялся он, а те все перебитыми оказались. На них надеясь, привычку имел поспать беспечно, оказывается)
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
свой на триста верст окрест грозно звенящий меч,
медно-красный огненно-кровожадный
обоюдоострый меч
прямо в сердце ему упирая, стоит.
(Ноо!)
Тут сразу смекнул,
что пощады просить придется,
медленно-медленно
приподнялся и сел.
Вот такие слова,
такие речи,
не торопясь — не спеша,
повел, оказывается.
(Ноо!)
(Таас Джаантаар Дара Буурай:)
«Ну что ты, друг,
Могучий Эр Соготох,
вот к тебе
обращаясь,
"здорово!" тебе говорю.
С таким человеком, как я,
с сыном дрянным *абаасы*
считаться-то и не стоит, мол,
думаешь ведь,
а я очень хороший
старик, *нойоон*.
Ну же, *нойоон*,
для чего говорит, мол, если спросишь, [отвечу]:

Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куону
Дьиэбэр аҕаламмын сытыарбытым
Биэс сылтан орто-оо.
Миэхэ ойох буолар
Санаата суох дьахтары аҕалбыппын,
Онтукайгын ылан
Адаҕыйбыт аан дойдугар,
Торолуйбут туруу дойдугар
Төннөнңүн, ыччат ууһатанңын,
Олох олоронңун, олоруу-уй.
Мин итинник киһибин.
Хата, кэлин
Билләхтии дьоннор
Билсиһэр буолуохпут,
Өлөр-хаалар күннэ
Атас-доҕор наада буолуоҕа.
Дьэ, нойоо-он», — диэбитэ.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн биһиги киһибит
Итини иһиллээн баран,
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотун
Төттөрү ылан,
Илиитигэр тутан,
Тайахтанан кэбиспитэ.
Уонна "Бу адьарай,
Кырдьык даҕаны,
Аллараа дойду саамай
Аатырбыт аарыма адьырҕатын
Ыт курдук өлөрөн кэбиһэр
Куһаҕан буолуоҕа,
Манньык утуйа сытар киһини
Мээнэ өлөрөн кэбистэхпинэ,
Албан аатым киртийиэҕэ,
Уоран өлөрөөччүнэн
Бэрт аатым киртийиэҕэ", — диэн,
Мантан туттунан
Бу киһини өлөрбөккө,
Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куо барахсаны
Ол диэкки
Тимир ханаат быанан

с косою в девять корхов
Туналыкаан Куо-красавицу,
в обитель свою приведя,
больше пяти лет держу [в заточении],
привел же я, оказалось, женщину,
быть мне женою даже не помышлявшую,
так вот, эту свою забирай,
в изначальную страну, где ты родился,
в родной край, где ты возмужал,
возвратись, умножай потомство,
жизнь наладив, живи, —
я такой человек.
И даже потом,
как родные [по жене],
заведем дружбу,
когда день гибели-смерти нагрянет,
друг-приятель понадобится ведь,
ну же, *нойоон-о!*» — сказал.
(Ноо!)
После этого наш человек,
вот такое послушав,
свой на триста верст окрест
грозно звенящий
медно-красный огненно-кровожадный
обоюдоострый меч
отвел от него,
взялся за рукоять,
как на посох, руками оперся:
"Это чудище
правду [говорит], кажется,
[если] Нижнего мира
самого именитого матерого хищника,
как собаку, убить —
худо будет, наверно,
если спящего человека
тайно прикончить —
славное имя мое опорочится,
по-воровски убить —
доброе имя мое опозорится", — подумал.
От этого удержавшись,
того человека не умертвил,
Туналыкаан Куо-красавицу
с косою в девять корхов,
которая там,
железным канатом

Түүрэ кэлгиллэн,
Ытыы-сонуу, ыллыы-туойа сытарын,
Ону ылан
Ат сылгытыгар
Мэҥэстэн кэбиспитэ дађаны,
Адађыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Айыытын сиригэр
Айаннаан кэлбитэ эбитэ үһү.
(Ноо!)
Ол курдук
Адађыйбыт аан дойдуларыгар,
Торолуйбут туруу дойдуларыгар
Арђаа өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим;
Арађас сылгым
Арђаһын түүтүн
Адаарыччы туппут курдук,
Ардай хара тыалаах,
Сођуруу өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим:
Сур сылгым
Сургунньађын түүтүн
Субуруччу туппут курдук,
Суһал хара тыалаах
Илин өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим:
Эрдэђэс көтөрүм
Түөһүн түүтүн
Кэккэлэччи туппут курдук
Эрис хара тыалаах;
Хоту өттүн
Эргитэ көрөн кээспитим:
Куба көтөрүм
Хотођойун түүтүн
Холбуу туппут курдук,
Хохудал хара тыалаах;
Уордаах мохсођолум
Отут хонон
Уоруйан-туоруйан
Уҥуоргу дьоргул хара тыатын
Кыайан туттубатах,
Урсун дуолай, улуу тумарык
Алаас эбэ хотуҥҥа
Айыы Дьаҥсаар Тойон оҕонньорго,

туго скрученная,
стеная-плача, причитая-рыдая, лежала,
поднял,
на коня
позади себя посадил,
в изначальную страну, где родился,
в родной край, где возмужал,
в страну племен *айыы*
прибыл, оказывается.
(Ноо!)
Вот так —
изначальной страны, где он родился,
родного края, где он возмужал,
западной стороны
окрестности оглядев, увидел:
будто у рыжей моей лошади
гривастую холку
взъерошили-вздыбили —
черные леса-перелески она имеет;
южной стороны
окрестности оглядев, увидел:
словно пучки волос на хребте
бурой моей лошади
один за другим разложили —
колки темных лесов она имеет;
восточной стороны
окрестности оглядев, увидел:
словно грудное оперение
глухариной самки моей
на ряды разделили —
густые черные леса она имеет;
северной стороны
окрестности оглядев, увидел:
будто у лебедя-птицы моей
маховые перья
в пучок собрали —
гладкоствольные черные леса она имеет;
[такого], что грозный сокол мой
за тридцать дней,
летя изо всех сил,
окраинного высокого темного леса
достичь не может,
необъятно-необозримо просторного
великого *алааса* достигли,
к старику Айыы Джангсаару Тойону,

Айыына Сиэр Хотун эмээхсингнэ,
Айаннаан тиийэн кэлбиттэрэ эбитэ үһү.
(Hoo!)
Кинилэр дабаны эрдэттэн
Билэн олорбут курдук,
Эр Соботох ол курдук
Айаннаан кэлиэбэ диэннэр.
Биһиги кыыспытын
Илдьэ кэлэрэ буолуо диэбит курдук
Онгостунан-туттунан
Олорбуттара эбитэ үһү.
Бу олороннор
Адабыйбыт аан дойдуларыгар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Бар дьоннорун
Кыамматтарын-кырдьабастарын
Отут обуһунан
Суксурбанынан тартараннар,
Ыраахтан-чугастан
Барабаанынан тартараннар,
Ол курдук
Кингкир хара тыа курдук
Киэнг урууларын ынгыраннар,
Баай хара тыа курдук
Бар дьоннорун хомуйаннар,
Үөрүү-көтүү онгорбуттар эбит.
(Hoo!)
Бу үөрүү-көтүү онгороннор,
Арбаһыттан тэһииннээх
Аан ийэ дойдубутун
Көмүскүүр ыччаттаннахпыт диэннэр,
Аллараттан аргыар аргыйдабына,
Атабынан саба үктүөбэ диэннэр,
Орто дойдуттан
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаба моойдоохтор
Буулуур күннэригэр
Көхсүнэн да бүөлүөбэ диэннэр,
Үөһээ дойдуттан
Үөрбэ буолан түстэхтэринэ,
Үтүлүгүнэн дабаны бүөлүү анньыаба,
Күн айыы дьонун
Көмүскүүр киһилэннэхпит диэннэр,
Бар дьонноро үөрэн-көтөн

к старухе Айыына Сиэр Хотун
приехали, говорят.
(Ноо!)
А те же, будто заранее
зная о том,
что Эр Соготох вот так
приехать к ним должен, мол,
что дочь их
с собой привезти должен, мол,
приготовившись-подготовившись,
жили, оказывается.
Так живя,
в их изначальной стране, где родились,
в их родном краю, где возмужали,
весь свой народ [позвав],
немощных и престарелых
на тридцати быках,
запряженных в [сани] ползучие, привезя,
дальних и ближних
барабанным боем созвав,
вот столько:
словно деревья в дремучем лесу,
многочисленных родственников собрав,
словно деревья в густом лесу,
всех сородичей собрав, —
веселый пир устроили они, оказывается.
(Ноо!)
Веселый пир устроили, [говоря]:
"С поводьями за плечами
изначальная мать-страна
достойного защитника обрела, мол;
если из [пасти] Нижнего мира сквозняком потянет —
он подошвой ее прикроет, мол;
если Среднего мира
крутолобые,
с крепкими шеями силачи
досаждать станут —
он спиной [от них] заслонит, мол;
если Верхнего мира [оборотни],
острогой оборотясь, низринутся —
рукавицей своей [проход им] заткнет, мол".
Все люди солнечной земли —
защитника обрели, мол, —
радоваться-ликовать стали.

10 Заказ № 442

Бу дойдуга
Ыллам өттө
Ыллаан дьиэрэппит,
Хомоҕой өттө
Хомустаан дьырылаппыт,
Бөҕө өттө
Бүүрүктэһэн тустубуттар,
Ол курдук
Көйүү кымыһынан
Күөмэйдэрин оностубуттар,
Үөрэн-көтөннөр,
Аан дойдуларын айхаллааннар,
Улуу бухатыырдарын уруйдааннар,
Субу курдук
Тоҕус тутум сыһыахтаах
Туналыкаан Куо
Эр Соҕотох буоланнар
Өр бириэмэҕэ
Үчүгэйкээн баҕайтык
Олорбуттар эбит.
(Ноо!)
Үтүө аатыттан куттананнар,
Үөһэ дойдуттан
Ургүөр үргүйбэккэ,
Албан аатыттан дьулайаннар,
Орто дойдуттан
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаҕа моойдоохтор
Буулаабаккалар,
Аллараа дойдуттан
Атара буолан күөрэйбэккэлэр,
Субу курдук олорбуттар эбит.
(Ноо!)
Ол олорон эрэн
Эр Соҕотох бухатыыр
Аҕыс үрэх баһын арҕаран,
Тоҕус үрэх баһын орҕорон,
Айалаан-аһаан,
Бултаан-алтаан
Сылдьар идэлэммит эбит.
Хаан сүөл баайы ханыылаан,
Сыһыыга баппат
Сырпай сиэллээҕи мунньан,
Атырдьах муостаах,

На этой земле
самый смелый
звонко запел,
самый умелый
звучно заиграл на *хомусе*,
сильные,
за пояса схватившись, стали бороться;
вот так:
крепким кумысом
горло прочищая,
ликуя-радуясь, —
изначальную страну свою восхваляли,
великого богатыря своего славили.
Вот так
с косою в девять корхов
Туналыкаан Куо-красавица
и Эр Соготох
на долгие времена
очень хорошо
зажили, оказывается.
(Ноо!)
Славы его страшась,
из Верхнего мира
сквозняк напускать не смели,
грозной славы его опасаясь,
Среднего мира
крутолобые,
с крепкими шеями силачи
не досаждали,
из Нижнего мира,
острогой оборотясь, не высовывались —
вот так жили, оказывается.
(Ноо!)
Так живя,
богатырь Эр Соготох,
верховья восьми рек обходя,
верховья девяти рек обшаривая,
самострелами [дичь] добывать,
охотиться-промышлять
заимел привычку, оказывается.
Обильное богатство накапливая,
в поля не вмещающиеся
табуны долгогривых собрали,
круторогих,

Аһыллаҕас туйахтаах
Арыы ахталаах,
Сүөгэй сүмэлээх
Анах* сүөһүнү
Алыс ууһатан,
Баай байан,
Тот тотон,
Былыттаах таҥараҕа
Быһахтанан быччаҥнаан,
Халлааннаах таҥараҕа
Хардаҕастанан хантаҥнаан,
Быччары көрөн,
Быһаҕас тыынан,
Дубук тыынан
Дуолатаан бөҕө олорбуттар эбит.
(Ноо!)
Бу олордохторуна,
Арай биир бириэмэҕэ
Эр Соҕотох бухатыыр
Хантан даҕаны
Үргүөр үргүйбэт,
Аргыар аргыйбат буолан,
Алыс сэрэммэккэ сылдьар буолан,
Куйаҕа-таҥаһа суох сылдьан,
Биирдэ тиэргэнин таһыгар
Киэһэ боронгуй саҕана
Ииктии тахса сырыттаҕына,
Хантан да кэлбитэ биллибэт
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан,
Үрдэ дьөлө ыстанарга дылы гыммыта даҕаны,
Этиҥ буолан үлтү түһэн,
Хатан игии курдук
Булгу тэбэн кэбиспиттэрэ.
Ол курдук
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотоҕу
Суоруматык өлөрөн кэбиспиттэр.
(Ноо! Тоҕо дьиктитэй доҕор!)
Киҥкиниир хара тыа курдук
Киэҥ уруулара,
Баай хара тыа курдук
Бар дьонноро
Ытыы бөҕөнү ытааннар,

с раздвоенными копытами,
масло источающий,
сливки испускающий
рогатый скот
изобильно размножили.
Без меры разбогатев,
изобилием пресытившись,
на облачное небо
глаза таращa, ножом грозить ему стали,
к ясному небу
головы задирая, поленом грозить ему стали,
от сытости и богатства
пучеглазыми сделались,
одышкой страдать стали,
чересчур гордясь-чванясь, жили, говорят.
(Ноо!)
Когда вот так жили,
однажды,
когда богатырь Эр Соготох,
[думая]: "Ни с какой стороны
холодом не веет, мол,
сквозняком не сквозит, мол", —
не чуя опасности,
без щита и доспехов
в вечерние сумерки
во двор
по своей нужде вышел, —
откуда взялось — неизвестно:
бурного высокого белого неба
верх будто бы раскололся,
что-то громоподобное, ударив,
[Эр Соготоха,] как ломкий напильник,
напрочь сломало.
Вот так
Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
неожиданно погубили.
(Ноо! Что за диво, друзья!)
Словно деревья в дремучем лесу,
многочисленные родственники его,
словно деревья в густом лесу,
все сородичи его,
горьким плачем его оплакивая,

Соҥуу бөҕөнү соҥоонноp,
Хомойуу бөҕөнү хомойоннор,
Алааһын хаба ортотугар
Туур көмүс булгунньахха илдьэннэр
Араҥастаан дьыратан кэбиспиттэр.
Ити кэнниттэн
Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куо барахсаны
Сол түһүүтүгэр,
Холоруk буолан,
Өрө кыыратан
Таһааран истэҕинэ,
Дьахтар киһи
Ытыы-соҥуу,
Ыллыы-туойа
Айаннаабыта эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Туналыкаан Куо:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Ыгыый ыгыыйбын!
Ытаабатах бэйэм
Ытаатаҕым ыгыччытын,
Соҥооботох бэйэм
Соҥоотоҕум соһуччутун.
Үлүгэр бөҕө үтүрүйдэ,
А-алдьархай бөҕө ааҥнаабыт
Аанай-туонай абаккабын,
Сүүнэй-туонай сүптүкэбин
Билинитиий.
Күнүм дьоно-о,
Дьэ миигиттэн оҕо төрөөн,
Ороммор хаалла,
Наай диэн бүөбэйдээҥгит
Киһи-хара оҥорооругутуу-ууй,
Дьэ ол киһи
Туох киһи буолуой диэтэргит,
Күн-халлаан анныгар
Көтөн-мөҥөн үөскээбит
Көҕөлчөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр диэн
Албан ааттаах бухатыыр киһи буолуоҕа.
Өлөр-хаалар күҥҥүтүгэр
Халын хахха,
Суон турда* буолуоҕа-а!
(Ноо!)

скорбным рыданьем рыдая,
глубокой горечью горюя,
на высокий серебряный холм его понесли*,
на самой середине *алааса* [стоящий],
и на высокий *арангас* [богатыря] положили.
После этого —
[когда] с косою в девять корхов
Туналыкаан Куо-красавица,
тем низринувшимся,
как вихрем, подхваченная,
вверх к небесам
возноситься стала,
безутешная женщина
с плачем-рыданием,
с горестным причитанием
удалялась, оказывается.
(Ноо!)
(Туналыкаан Куо:)
«*Дьэ-хэ-хэ!*
Горькое горе мое!
Еще не плакавшая,
как громко я плачу,
еще не рыдавшая,
как безутешно рыдаю,
большая беда нагрянула,
великое несчастье пришло —
досадно-то как,
обидно-то как,
поймите-ка!
Солнечные люди мои,
дитя, рожденное от меня,
на постели осталось,
обязательно его выпестуйте,
человека из него вырастите.
Ну, тот человек
каким человеком станет, мол, если спросите, [отвечу]:
прославленным богатырем
по имени Кёмюс Кыырыктай,
владеющим сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим.
Когда день вашей гибели-смерти [придет],
крепкой защитой,
надежным заслоном он вам станет!
(Ноо!)

Ир суолбун ирдээн,
Ириэнэҕэр тириэрдэр,
Тоҥ суолбун тордоон,
Тобураҕар тиэрдэр,
Адаҕыйбыт аан дойдубун,
Торолуйбут туруу дойдубун
Харахтатан өлөр киһи буолуо, баҕар.
(Ноо!)
Күнүм дьоно,
Быдан ыраах дьылга
Быралыйар быдан быраcтыы буоллу-ун», — диэн
(Ноо!)
Дьахтар киһи
Ытыы-соҥуу, ыллыы-туойа,
Киҥкиниир киэҥ халлаан диэки
Киирэн бара турбута үһү.
Оол барбытын кэннэ,
Оронун киирэн көрбүттэрэ:
Кыһыл оҕо мөҥө сытарын
Таайдара, эбэлэрэ ыланнар,
Ньылбы ойутан ылан.
Суусан-тараан,
Бу оҕону бүөбэйдээбиттэр эбит.
Бүөбэйдээбиттэрин
Бу оҕо буоллаҕына,
Биир хоноот биирдэммит,
Икки хоноот иккилэммит,
Үс хоноот үстэммит,
Үөскүлэҥник үүммүт,
Омуннаахтык улааппыт эбит.
Оол улаатан иһэн,
Айыы айбыта диэн аһымматах,
Күн айбыта диэн көмүскээбэтэх,
Аҥардастыы айбардаабыт,
Соҕотохтуу сураҕырбыт
Аттаах баппах оҕо
Үөскээн тахсыбыт.
(Ноо!)
Оол курдук
Сүлбэтэ хонууга*
Сөтүөлүү оонньуу сылдьан эрэ,
Кырдал хонууга
Кылыйа оонньуу сылдьан эрэ
Эмискэ биллибэккэ-көстүбэккэ,
Мэлийэн-сүтэн хаалбыт.

Может, по теплым следам моим следуя,
до горячих следов моих дойдет.
по остывшим следам меня отыскивая,
к еще теплым следам моим придет
и страну изначальную, где я родилась,
край родной, где я возмужала,
увидеть перед смертью поможет тот человек.
(Ноо!)
Солнечные люди мои,
на долгие-долгие годы
последнее "прощай" пусть будет».
(Ноо!)
Женщина та
с плачем-рыданием, с горькими причитаниями
в сторону широкого гулкого неба
уносилась-удалялась, говорят.
После того как она исчезла,
вошли, на ложе ее посмотрев,
увидели: младенец лежит-бьется.
Дядья по матери и бабушка, его взяв,
быстренько [к себе] принесли,
умыв-причесав,
нянчиться с ним стали, оказывается.
Когда стали нянчиться,
этот ребенок-то
через день — в годовалого,
через два — в двухгодовалого,
через три — в трехгодовалого
крепыша вырос,
так удивительно рос, оказывается.
Вот так подрастая,
[других] созданий-*айыы* не жалел,
[других] творений солнца не защищал,
и, единственным себя именуя,
единственным прославляясь,
очень озорным ребенком
он вырос.
(Ноо!)
Вот так —
в чистом поле [один], как ободранная кора,
забавляясь-играя,
на высохшей речке,
в *кылыы* играя-прыгая,
[однажды] незаметно-невидимо
исчез-пропал.

(Дьэ! Ноо!)
Бу уол ханна бардаҕай диэннэр,
Онтон-мантан
Сураһан көрбүттэрэ даҕаны,
Хайа да өттүттэн
Кимтэн даҕаны истибэтэхтэрэ.
"Күн туллубатаҕа буолуо,
Күһэнэ быстыбатаҕа буолуо,
Ааттаах баппах оҕо
Сүрдээх күүстээх-уохтаах оҕо этэ,
Ханна ыллахтара буолуой?" — диэн өйдөөн-дьүүллээн,
Бүтэйдии кэтэһэ сатыы олорбуттара.
Онтон биирдэ
Өр бириэмэ ааспытын кэннэ
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан
Холоруктанан киирэн барбыта,
Сир үрдэ сиккиэрдэнэн киирэн барбыта,
Киэҥ халлааннара
Дьэс алтан күөһү
Түҥнэри ууран кээспит курдук,
Кыһыл эбир түһэн кээспитин кэнниттэн
Арай үлүскэннээх
Түтүм дьүккүөр холорук
Түҥнэри сөрөөн тиийэн
Кэлбитин кэнниттэн
Арай, үөһээ халлаан төбөтүттэн
Кынатын төбөтүгэр
Кыырпах-иирпэх харалардаах,
Кыраасхалаах тумустаах
Кыталык көтөр кэлэн,
Үрдүлэригэр эргийэ сылдьан эрэ
Киһилии кэпсээннээх,
Сахалыы саҥалаах
Буола сылдьыбыта эбитэ үһү.
(Кыталык:)
«Дом силик, буоллунууй,
Айхалбына дьаралык,
Ээй, ээй, оой, оой!
Эгэй-баҕас буоллунууй!
Тоҥолоҕум төбөтүгэр
Лоҥкунуу мөнүтэлиир
Лоҥкур бөдөҥ чуорааттаар,
Лоомууппуна* чөкчөҥө буолуталаан,
Чоҥуйуҥ,
Сотобунан долгуйар

(Ну и ну!)
"Куда же девался, мол?" — думая,
везде и всюду
узнавали-спрашивали,
однако ни с какой стороны
ни от кого ничего не услышали.
"*Кюн* не упала, наверно,
кюсэнгэ не оборвалась, наверно,
очень непоседливым ребенком был,
мощным-сильным мальчиком был,
куда-то же его взяли?, — так рассуждая-думая,
стали жить, его поджидая.
Вот однажды,
когда много времени прошло,
по бурному высокому чистому небу
вихри завихрились,
на земле ненастье началось,
широкое небо,
словно дно медно-красного
опрокинутого котла,
красной рябью покрылось,
после этого [сверху]
буйный сокрушительный вихрь
стремительно налетел,
вслед за ним
с высокого небосвода спустилась
с черными крапинами
на концах крыльев,
с красным клювом
птица-стерх
и, над ними кружа,
по-человечески молвила,
по-якутски заговорила,
оказывается.
(Стерх:)
«*Дом силик* вам,
щедрое благословение вам мое!
Э-эй, э-эй, о-ой, о-ой!
Пусть будет так!
У локтей моих
звонкозвучные
крупные колокольчики,
став снежными куликами,
бойко прочокайте,
до щиколоток моих

Солко нуоҕай бытырыыс
Субуруйа долгуйууй.
Ээй, ээй, ээй!
Хайа бэйэлээх киһи
Хаһыытаатар саҥата иһиллибэт,
Хантан кэллиҥ диэтэргит,
Үөгүлээтэр иһиллибэт
Үөһээбинэ баҕас салгынтан
Дорообону туһаайдыҥ диэхэйиктээн,
Ыйытаахтыыр буолларгыт,
Үөһээҥи халлааныгым
Аҕыс халлаан арчыһыта,
Тоҕус халлаан домньута
Айыы дьаргыл удаҕаттар
Аҕастара кэлээхийдээн,
Кэстииригэ тылларбын
Кэпсэтэлээн эрэбин.
(Ноо!)
Ээй, ээй, ээй!
Оҕолорум сүтүктээн,
Умса-төннө барыахтара диэннэр бу,
Үөһээҥилэр айыылар
Тыллабырга ыыттылар.
Оҕобутун дьэ дуо!
Аллаах атым кыайаммына тардан дьалкыппат
Албан дьаһах аттарыга иҥэрдилэр,
Соноҕос сылгым
Соһутулаан дьулуруйбат
Сонуммуна сурахтаах
Киһибинэн оҥордулар.
Кимий-ханныгый диэтэргит
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөҥөн үөскээбит
Көҕөччөрө бороҥ аттаах
Көмүһүгэ Кыырыктай диэхэйиктээн
Аатыырыга иҥэрдилэр.
Уоттууруга Чумуду муораҕа
Үстүүр төгүл
Умсаахтатан таһаардылар,
Оҕокойгут этэҥҥэ үчүгэйдик таҕыста.
Улуу дойдум мохсоҕоло,
Аанныыр дойдум адьырҕата
Буолуохуйа дииллэр дуу,
Чэйиҥ, нойоттоор,
Ээй, ээй!

ниспадающая-трепещущая
шелковая бахрома, проколыхайся-ка.
Э-эй, э-эй, э-эй!
"Из какого далекого края,
куда и крик человеческий не доходит,
пришла, мол?" — скажете;
"С какого верхнего неба
куда и вопль не доносится,
к нам с приветствием
прилетела, мол?" — спросите, [отвечу:]
верхнего [многослойного] неба,
восьми небес его — освятительница,
девяти небес его* — ворожея,
звонкоголосых шаманок-*айыы*
самая старшая, сюда прилетев,
заповедные слова
говорить начинаю.
(Ноо!)
Э-эй, э-эй, э-эй!
"Дитя свое потеряв,
в уныние впадут, мол", — думая,
верховные *айыы*
вестником меня к вам отправили.
Ваш ребенок-то!
Таким, что даже резвый конь
сдвинуть не сможет,
славным именем его нарекли;
таким именитым, прославленным,
что даже молодой конь
тащить не сумеет, человеком его сделали.
Какое же это имя, [спросите] —
богатырь Кёмюс Кыырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим, —
таким именем его нарекли.
В огненном Чумуду-море
три раза
его окунув, вытащили —
ваше дитя благополучно это перенесло.
"Великой страны соколом,
изначальной страны сильнейшим
станет, мол", — говорят они.
Ну-ка, *нойоны*!
Э-эй, э-эй!

Арчыһытым иннигэр
Арчылардаан көрдөхпүнэ,
Арҕаһыттан тэһииннээх
Айыы хааным аймаҕын
Араҥаччылыа диэхтиибиэн,
Көхсүтүттэн тэһииннээх
Күн хаан улууһун
Көмүскүөҕэ буолуоҕа.
Ээй, дом силик», — диэн.
Ити курдук
Ыллаан-туойан барбытын кэннэ,
Оҕонньордоох эмээхсин
Дьэ, сүрэхтэрэ-быардара
Нус буоланнар,
Кэтэһэн аххан олорбуттар эбит.
Бу кэтэһэн аххан олордохторуна,
Биир бириэмэҕэ
Кэтэһэн-кэтэһэн
Кинигэлэрэ тардыбытын кэннэ,
Күүтэн-күүтэн
Күүстэрэ быстыбытын кэннэ,
Кэмниэ кэнэҕэс,
Хомнуо хойут
Анысханнаах арҕаа халлаан
Алын кырыытын диэккиттэн
Түөрт түрүлүөкэлээх
Тутүм дьүккүөр холорук
Түннэри сөрөөн кэлбитин кэнниттэн,
Туох бэйэлээх айдаана
Буоллаҕай диэн,
Оҕонньордоох эмээхсин
Уолларын да сураһаары
Ойон тахсыбыттара,
Көрдөр харахтарын дьүккэтэ,
Көтүрдэр тиистэрин миилэтэ
Илэ бэйэтинэн
Бу тиийэн кэлэн турар эбит.
Бу киһини
Тутүм бараан төрөлүн,
Хаан чаҕаан сэбэрэтин
Одуулаан көрдөххө:
Түөрт кырыылаах
Ыстаал тимир куйахтаах киһи эбит,
Биэс былас

Провидицей будучи,
так предвижу:
великое племя *айыы*
с поводьями за плечами
он оградит,
почтенные *улусы* [племен] *айыы*
с поводьями за спиной
наверняка защитит.
Э-эй, *дом силик!*» — вот так.
Когда, вот так пропев,
она улетела,
старик со старухой,
сердцем-душой
успокоившись,
в ожидании жить стали, оказывается.
Когда так, ожидая, жили,
однажды,
когда от ожидания-пережидания
шейное сухожилие их стянуло,
от пережидания-ожидания
силы их истощились,
наконец
позднее позднего
из-под нижнего края
западного студеного неба
четырехтревожный
стремительный вихрь,
все сокрушая, обрушился.
"Что за суета-суматоха
случилась, мол", — думая,
старик со старухой,
чтобы о внуке спросить,
во двор выскочили:
зеница их глаз смотрящих,
десна их зубов выпадающих,
[их внук] в истинном своем облике
наяву перед ними стоит ведь.
[Если] к этому человеку,
к виду его внушительному,
к грозному облику,
внимательно приглядеться:
из четырехугольных
стальных пластин броня на нем,
в пять маховых саженей

Биэкэйэр бииллээх,
Аҕыс былас
Дарайар сарыннаах
Киһи эбит,
Уолах тиит уллуктаах,
Хастаабыт тиит харылаах,
Суллаабыт тиит сотолоох
Киһи эбит.
(Ноо!)
Саабылаах батаһын
Таҥнары тайахтаммытынан,
Кыырыктаах үҥүүтүн
Өрө уумматунан кэлэн,
Тус иннилэригэр турар эбит.
Оҕонньордоох эмээхсин тахсаннар,
Сиэннэрин сүүһүттэн
Сүүс хамыйах хаан
Баһыллыар диэри ууратылар,
Уоһуттан сэттэ хамыйа хаан
Баһыллыар диэри сыллаатылар.
Ол кэнниттэн
Уол оҕо барахсан
Хонук хонуо баара дуо,
Күн өрүө баара дуо?!
Ийэлээтэр ийэтин
Былдьаан барбыттарын
Билэр эбит.
Ол быһыытынан буоллаҕына,
Ир суолун ирдээн,
Ириэнэҕэр тиэрдиэхтээхпин,
Тор суолун тордоон
Тобураҕар тиэрдиэхтээхпин диэн,
Көҕөччөр бороҥ ат сылгы
Эрдэттэн бэлэм сылдьарын
Сыһыыттан сылгылаан,
Хонууттан хомуйан таһааран,
Тоҕус уостаах тойон сэргэҕэ
Чолоччу баайан кэбиспитэ.
(Ноо!)
Сиирэ астахха
Симэһин тахсыбат буолтун кэннэ,
Хайа астахха
Хаан тахсыбат буолтун кэннэ,
Сатыы былыт

стан у него,
в восемь маховых саженей
широкие плечи у него —
[такой] человек, оказывается;
бедра его — как крепкие лиственницы,
голени его — как окоренные лиственницы,
предплечья его — как очищенные лиственницы —
[такой] человек, оказывается.
(Ноо!)
На большой меч,
вниз острием [опущенный], опираясь,
свирепое копье
вверх острием держа,
прямо перед ними стоит, оказывается.
Старик со старухой, к нему подойдя,
внука так в лоб
поцеловали,
что крови со сто ложек выступило,
так его в губы поцеловали,
что крови с семь больших ложек выступило.
После этого —
наш парень
ночевать, что ли, будет,
дневать, что ли, будет?!
[Что] родную мать его,
силой [отняв], увезли,
знал об этом, оказывается.
Вот потому:
"По теплым следам ее следуя,
до горячих следов ее должен дойти,
по еле заметным следам ее отыскивая,
к четким следам ее должен прийти", — так считая,
сиво-серого коня своего,
заранее ему предназначенного,
на лугу найдя,
в поле поймав, привел,
к главной коновязи с девятирядной резьбой
его привязал так, что голову конь запрокинул.
(Ноо!)
Когда [выстоял так], что пырнешь его —
сукровица не выступит,
проткнешь —
кровь не вытечет, [тогда]
седлом, подобным низко летящему облаку,

Ынгыырын ынгыырдаабыта,
Сүүрэр былыт
Сөрүөтүн сөрүөлээбитэ,
Курбуу-дьирбии
Холунун тардыбыта,
Күлэр уодьуганын
Көлөһөтүн булан,
Көннөрөн кэтэрдибитэ.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Аан дойду иччитэ өрүһүйэн,
Алгыы-силийэ турбут эбит,
Эмээхсин дьахтар,
Аҕыс салаалаах
Аар хатынтан
Эмиийин кэрэтигэр дылы
Быган олорон,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола олорбута.
(Ноо!)
(Аан Алахсын:)
«Дьэ, һэ-һэ!
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөнөн үөскээбит
Көҕөччөр боронг аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр,
Өлбөт үөстэнэргэр
Үтүөлээх буолуо,
Эмиийим үүтүттэн
Биир өҕүрүйүүнү бэрсиэхпин
Кэлиий», — дии олордоҕо.
"Эттин дуу, эппэтин дуу" диэбит курдук,
Уол оҕо барахсан
Онно өрө сүүрэн тиийбитигэр,
Эмээхсин дьахтар
Аңаар эмиийин
Быктаран биэрбитин
Иккитэ оборон
Үсүһүн түһээри гыммытын
Түөһүттэн ылан,
Тиэрэ анньан кээспитэ,
Чуут олоро кэлэн түһэ сыһан баран,
Ат сылгытыгар
Хараалдьыктан көппүт

его оседлал,
потником, подобным высоко несущемуся облаку,
его покрыл,
узорно-плетеной подпругой
его затянул,
веселых удил
колечки найдя,
взнуздал его как положено.
(Ноо!)
После этого —
дух-хозяйка изначальной земли, его поджидая,
благословляющая-напутствующая
старая женщина,
из восьмиветвистой
Священной Березы
до сосков груди своей
высунувшись,
вот с такими словами,
вот с такими речами
сидела, оказывается.
(Ноо!)
(Аан Алахсын:)
«Дьэ, хэ-хэ!
Богатырь Кёмюс Кырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
чтобы неуязвимым стать,
хорошо тебе будет
из моей груди молока
один раз всосать,
подойди-ка», — проговорила.
"Сказала ли, не сказала ли", — [думая],
наш молодец
проворно к ней подскочил,
когда старая женщина
одну свою грудь
подставила,
дважды всосав [молока],
в третий раз хотел приложиться было,
она, его за грудки схватив,
от себя оттолкнула —
чуть не свалился,
но тут же, на коня своего
проворней, чем черный глухарь,

Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Ханха дьолуо ыҥыырыгар
Хатана түспүтэ,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон кэбиспитэ.
Ол кэнниттэн
Ат сылгытын
Куус гына кымньыылаан кэбиспитэ.
Тэхтир сиртэн,
Тэбинэн көппүтэ,
Очур сиртэн
Ойуолатан киирэн барбыта.
Ити кэнниттэн
Көнүтэ тэптэрэн кэбиспитэ
Күөл онно буолан чөнүрүспүттэрэ,
Сыыйыта тэптэрбитэ —
Сырҕан эһэ буолан сырсыбыттара.
Ол курдук
Уохтаахтык айаннаан,
Үүнэр мас таҥнары сыыйыллар
Уохтаах этиҥ сирдьиттэнэн,
Сааллар чаҕылҕан арчыланан,
Аҕыс айдааннаах,
Тоҕус сугулааннаах*
Айаннаан-сэмэлээн
Киирэн бара турбута.
(Ноо!)
Ол айаннаан
Айыытын сириттэн араҕан,
Абааһытын сирин диэкки
Араҕарын саҕана
Үөһэ көрдөххө халлаан,
Аллараа көрдөххө,
Көҕөрөр күөх муора,
Аттаах киһи
Айаннаабат сиригэр
Тиийэн турдаҕына,
Аартык иччитэбин диэн,
Хоту-соҕуруу субуллаҥныы-субуллаҥныы,
Иннинэн-кэнниниэн сыыйыллаҥныы-сыыйыллаҥныы
Киһиттэн эмиэ атыҥҥа дылы,
Абааһыттан эмиэ атыҥҥа дылы
Туох эрэ
Бу курдук диэн тойуктаах,
Ити курдук диэн кэпсэллээх буола

взлетевший с проталины,
в крепкое гладкое седло
ловко вскочил,
словно токующий глухарь,
откинув голову, горделиво уселся.
После этого
коня своего
со свистом [плетью] хлестнул —
от бугристой земли отталкиваясь,
[конь] взвился,
по ухабистой земле
вскачь пустился;
после этого:
от копыт коня выбоины
в ложа круглых озер превращались,
вывороченные коряги,
лютыми медведями оборотясь, разбегались.
Вот так
стремительно мчась,
так, что растущие деревья следом стелились,
грозными громами сопутствуемый,
сверкающей молнией сопровождаемый,
с восемью шумами,
с девятью гулами,
стуча копытами,
мчался он.
(Hoo!)
Вот так мчась,
со страной *айыы* расставаясь,
в страну *абаасы*
путь держал.
Туда, где вверх взглянешь — небо,
вниз глянешь —
море, синью синеющее,
где всаднику
не пройти — не проехать,
доехал было, [перед ним]:
"Я — дух *аартыка*", — [говоря],
на север и юг извиваясь-протягиваясь,
взад-вперед извиваясь-вытягиваясь,
и на человека-то не похожее,
и с *абаасы* не схожее
нечто —
вот с такими словами,
вот с такими речами,

Быһаҕас тыына,
Итэҕэс этэ сылдьыбыт эбит.
(Ноо!)
(Аартык иччитэ:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Дьэ, доҕор, бу диэн!
Аартык иччитэ
Ала Туйгун
Айахтатан эрэбин.
(Ноо!)
Көҕөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай атаскааны-ыам,
Аартык суолун
Аан бастаан арыйаҥнын
Айанныыргар
Уон тарбах уунуута,
Биэс тарбах бэригэ
Ханнаный, нойоон», — диэбитигэр.
(Ноо!)
"Бэриктээх-үөдэннээх
Сахтаах", — диир даҕаны
Атын чокуур таас гынан,
Сиэбигэр уктар даҕаны
Үҥкүлүс-күөһэлис гынар даа,
Кутуругар хоболоох
Моонньугар мойбордоох,
Аалай, мохсоҕол кыыл буолар да,
Үс өрөһөлөөх
Көҕөрөр күөх муораны
Үөһэ өттүнэн
Көтөн куугунаан испитэ.
Били көтөн куугунаан иһээн эрэн,
Абааһытын сиригэр
Хайаҕас курдук
Тоҕус субан туруйа куолайын
Субуруччу тардыбыт курдук
Суккуор хаан аартыгы
Көрө биэрбитэ —
Алталаах атыыр сылгы таҥалайын
Кэчигирэччи уурбут курдук
Лабыгырас хаан аартык көстүбүтүгэр
Саманан түһэр буоллахтара диэн,
Түһээри гыммыта,
Сэттэ хахай кыыл

вполдыхания придыхая,
вполслова молвя, ползало, оказывается.
(Ноо!)
(Дух *аартыка:*)
«Дьэ-хэ-хэ!
Ну же, дружище, вот что!
Я — дух *аартыка*
Ала Туйгун —
начинаю говорить.
(Ноо!)
Дружище Кёмюс Кыырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
впервые дорогу свою открывая,
через *аартык*
собираешься ехать,
десяти пальцев твоих подношение,
пяти пальцев твоих дарение
где же, *нойоон?*» — так сказал.
(Ноо!)
"Еще ему дарение-подношение", —
так подумав, [наш молодец]
коня своего, в камень-кремень превратив,
в карман сунул,
кувыркнулся-перевернулся —
с белой каймой на хвосте,
с белым опереньем на шее
алым соколом обернулся,
над трехярусным
синью синеющим морем
по небу
с гулом полетел.
Так с гулом летя,
вдруг заметил
в страну *абаасы*
подобный дыре
кровавый проход:
словно вытянутые горла
девяти журавлей,
словно нёбо жеребца-шестилетки,
вдоль растянутое,
неровная гибельная дорога открылась.
"Здесь, видно, спускаются", — думая,
хотел было спуститься —
там семь львов-зверей,

Айахтарын атан тураллар эбит.
Ханан да ааһар сирэ суоҕуттан куттанан
Тохтоон чугуйан көрөн турбута.
(Ноо!)
Оол тохтоон чугуйан туран эрэ,
"Ханан да ааһар сирим суох эбит", — диэн баран,
Эмиэ үҥкүлүс-күөһэлис гынар да,
Үс кырыылаах
Ыстаал тимир ох буолан,
Айахтарын иһинэн түһэн баран,
Эмэһэлэрин үүтүнэн
Таҥнары күөрэйэн тахсыбыта.
(Һок! Ноо! Тоҕо бэрдэй!)
Өлөр өлүү хахай кыыллар
Өлбүттэрин бэйэлэрэ да билбэккэ,
Аспытын кэннэ
Кэмниэ кэнэҕэс
Кэннилэрин хайыһан көрөөрү гыммыттара,
Өлөн өрө адаарыһа түспүттэрэ.
"Бэттэх кэл" диэтэххэ,
Ынтах ынарыйа сүүрэр,
"Ынтах бар" диэтэххэ,
Бэттэх мэтэрийэ сүүрэр
Мастаах-оттоох дойду,
Кэлтэгэй күннээх,
Кэлтэгэй ыйдаах
Барбатах балык миинин курдук
Бадыа-бүдүө дойдулаах,
Буспатах мунду миинин курдук
Бутугас-итигэс дойдулаах,
Өҕүрүмэр оҕус саҕа
Үллэҥнии сүүрбүт үөннээх,
Хороҥнуу сүүрбүт хомурдуостаах,
Кылыйа сүүрбүт кымырдаҕастаах,
Арбайа сүүрбүт абааһылаах,
Сүөдэйэ сүүрбүт сөһүөккэлээх,
Тоҕус куочай тумуһахтарын аайы
Кыыра-кылыйа ооннььообут удаҕаттардаах
Тумуһахтарын туораталаабыта,
Сэттэ дьиибэлээх кырыыларын чиэрэстээбитэ.
Ол курдук
Уохтаахтык айаннаан,
Арай биир сиргэ тиийбитэ:
Таас Дьаантаар Дара Буурай

пасти разинув, стоят, оказывается.
Испугавшись, что невозможно пройти мимо них,
остановился-попятился, стал приглядываться.
(Ноо!)
Когда так стоял:
"Не объехать мне их, оказывается", — сказав,
опять кувыркнулся-перевернулся —
трехгранной
стальной стрелой обернулся,
в разинутые пасти [львов] ринулся,
через задние их проходы
обратно вырвался.
(Ух! Ноо! Вот здорово!)
Смерти-гибели львы-звери,
опомниться не успев, умерли:
когда он уже промчался,
спустя долгое время
назад оглянуться хотели,
но тут же упали замертво вверх ногами.
По стране, где травы-деревья,
если скажешь: "Поди сюда", —
быстро прочь убегают,
если скажешь: "Уйди отсюда", —
прытко к тебе прибегают,
где и солнце щербатое,
где и луна ущербная,
по мутной, как ненаваристая уха,
сумеречной стране,
по мутной, как недоваренная уха из гольяна,
мглистой стране,
где величиною с бычка-трехлетка
гады вприскочку носятся,
жуки вприпрыжку бегают,
муравьи на одной ноге скачут,
бесы беспорядочно мельтешат,
домовые, как тени, мелькают, [он прошел,]
мимо девяти жертвенных мысов,
где неистово шаманки камлают, —
мимо тех мысов он прошел,
семь злокозненных преград миновал.
Вот так,
стремительно мчась,
доехал до одного места,
до изначальной страны, где родился,

Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Тиийэн кэлбит быһыылаах
Били урут өгнүүллэрин курдук сиргэ
Тиийэн кэлбитэ.
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Ыырыгар киирдэҕим диэн
Алларaa хороон сиринэн
Лабыгырыйан түһэн истэҕинэ,
Эмиэ биир
Кып-кыһыл кытарбыт хобордоохтоох
Абааһы кыыһа
Эдьэнгнээн-ходьонгноон кэлбитэ.
Үчүгэйи эттиҥ диэн үөрбэтэҕэ,
Куһаҕаны эттиҥ диэн хомойботоҕо,
Сол курдук
Тимир хобордооҕун
Курдары атыллаабыта даҕаны
Киирэн бара турбута.
Ол киирэн иһэн көрдөҕүнэ,
Ийэтэ тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куону
Тимир ханаат быанан,
Түүрэ кэлгийбитэ,
Сытар быһыылаах эбит.
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Эркин бысаҕаһынан
Утуйан дыгдайа сытар эбит.
Онно тиийэн
Отут күннүктээх сиргэ
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут
Сытыы кылыс болотунан
Сүрэҕин туһунан тирээн туран,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута эбитэ үһү.
(Көмүс Кыырыктай:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Таас Дьаантаар Дара Буурай,
Түүннү сырыылаах
Түүлээх уллунгах,
Күнүскү орoспуой,
Хааннаах айах,
Хара түөкүн,

до отчего края, где возмужал
Таас Джаантаар Дара Буурай,
туда, наконец, приехал.
Как раньше обрисовали,
в то самое место прибыл [в Нижний мир].
"В места обитания
Тааса Джаантаара Дары Буурая вхожу, мол", — думая,
по проходу, норе подобному,
с грохотом вниз стал спускаться,
тут — опять одна
с раскаленной докрасна сковородой
девка-*абаасы*,
вихляясь-раскачиваясь, подошла.
Наш человек, хорошим словам не обрадовавшись,
на худые слова не обидевшись,
вот так —
через ту железную сковороду
перешагнув, напрямик
дальше последовал.
Спускаясь туда, увидел:
с косою в девять корхов
Туналыкаан Куо — его мать,
железным канатом
туго связанная,
лежит, кажется.
А Таас Джаантаар Дара Буурай,
от стены до стены громоздясь,
спит-лежит, оказывается.
[Наш человек], к нему подойдя,
на триста верст окрест
грозно звенящий
медно-красный огненно-кровожадный
обоюдоострый меч свой
прямо к сердцу его приставив,
вот с такими словами,
вот с такими речами
стоял, говорят:
(Кёмюс Кыырыктай:)
«*Дьэ-хэ-хэ*!
Таас Джаантаар Дара Буурай,
ночью крадущийся
с волосатой подошвой [тать],
средь белого дня грабитель,
кровавая пасть,
черный варнак,

Иэ-иэнгин таһыйаммын
Эппиэккин этитиэҕим,
Халын тириигин хайытаммын,
Ийэҕэр-аҕаҕар эппэтэх
Элэ-была тылгын этитиэҕим,
Хоолдьуккун эрийэммин,
Хоруйгун хостуур,
Күнүм тиийэн кэллэ.
Эр Соҕотох уола-а
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөнөн үөскээбит
Көҕөччөр борон аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр
Тиийэн кэллим.
(Ноо!)
Чэ-эйии-ий,
Өлөр сиргин өйдөн,
Охтор сиргин оноһун,
Нойо-он», — дии турбута.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Ынараа обургу
Соһуйан-өмүрэн
"Бачах-тачах" диэн,
Ойон туран эккирээн иһэн көрбүтэ:
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөнөн үөскээбит
Көгөччөр борон аттаах
Көмүс Кыырыктай обургу
Былыргы үйэҕэ киһи буолан,
Ир суолун ирдээн,
Тор суолун тордоон,
Бу тиийэн кэлбит эбит.
Кэлбитин билэ охсон,
Суос соҕотох эт бэргэ хараҕынан
Эриличчи көрөн баран,
Кини диэкки наҕыл соҕустук
Эппиэттии олорбута.
(Ноо!)
(Таас Дьаантаар Дара Буурай:)
«Эр дьаалы-ы!
Аппын-суолбун
Уруккуттан билэр
Уоллаатар уолум,
Оҕолоотор оҕом барахсан

спину твою исхлестав,
ответа добьюсь,
толстую кожу твою вспоров,
матери-отцу не высказанные тобой
покаянные слова сказать заставлю,
шею тебе свернув,
показания из тебя вырву,
время мое пришло —
я, сын Эр Соготоха
богатырь Кёмюс Кырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
вот прибыл.
(Ноо!)
Н-ну-ка же,
о смерти своей подумай,
к гибели своей приготовься,
нойо-он!» — так сказал.
(Ноо!)
После этого
чудище то,
всполошившись спросонья,
с криком "*бачах-тачах*"
на ноги вскочив, увидело:
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
отважный Кёмюс Кырыктай,
давно уже возмужавший,
по теплым следам его выследив,
по остывшим следам его отыскав,
сюда добрался, оказывается.
Увидев его и сразу узнав, [чудище]
единственным глазом, похожим на шрам,
в него вперившись,
глядя в упор,
спокойно так отвечать стало.
(Ноо!)
(Таас Джаантаар Дара Буурай:)
«*Эр дьаалы-ы*!
Мое имя
давно знающий
сыночек мой,
дитя мое милое,

Оҕо буолан,
Оммунааҕын бэрт буоллаҕа дии.
Итинник да буолбатар,
Аҕалаах киһи
Аҕатын кытта
Айах атан
Амалыйар баҕайыта, тоҕойуом.
Чэй эрэ, нойоон,
Аҕаҥ муҥнааҕы
Араҥастаан барыам диэн,
Кэлэн тураҕын дуо, нойо-он,
Ис дьиҥэр буоллаҕына,
Эр Соҕотох иннигэр
Мин Туналыкаан Куону
Кэргэн гына сылдьыбытым,
Ону кини кэлэн,
Былдьаан барбыта-а.
Кибис кирдьиктээх дьыалабын
Кэпсии олоробун.
Онон тоҕойум,
Мин уолум буоларыҥ
Биэс тыла суох биллэр дьыала, нойо-оон.
Чэ, эрэ нойоон,
Оттоох ороммор олороҥҥун
Аһаан-сиэн,
Аргыый наллаан кэпсэтиэхпитин
Сөптөөх буолуо дии саныыбы-ын», — дии олордоҕо.
(Ноо!)
Биһиги киһибит
Ону ол диэ баара дуо?
Биир диэн мэккиспэтэ(ҕэ),
Икки диэн этиспэтэҕэ.
Туллэр таас түөскэ
Түһэн кэбиспитэ.
Ити кэнниттэн
Охсуһуу гиэнэ омуннааҕа,
Бу дойдуга үөскээбитэ,
Кырбаһыы гиэнэ кыырыктааҕа
Субу дойдуга үөскээбитэ.
Биир ый хонуга
Отут хонук устатыгар
Туруулаһан көрбүттэрэ даҕаны,
Хайа хайалара
Өлөр үөстэрин булсуспатахтара,
Тохтор хааннарын хайытыспатахтара,

юнцом будучи,
ты запальчив ведь.
Если это и не так,
отца имеющий человек
со своим отцом не так,
уста размыкая,
разговаривать должен, дитя мое.
Ну же, *нойоон*,
отца-беднягу своего,
на *арангас* положив, схоронить, мол, [думая],
сюда пришел ты что ли, *нойо-он*?
На самом деле я
раньше Эр Соготоха
с Туналыкаан Куо
как с женою жил,
позже придя,
он у меня ее отобрал.
Совершенную правду
тебе говорю.
Потому-то, дитя милое,
что ты сыном моим являешься,
и без пяти слов ясное дело, *нойо-оон*.
Ну-ка, *нойоон*,
на мою постель, сеном устланную, присядь,
за едой-угощением
неспешные разговоры вести нам
сподручнее будет, думаю», — сказал.
(Ноо!)
Наш человек
такое примет, что ли?
"Раз" сказав — не стал спорить,
"два" сказав — не стал препираться.
В могучую каменную грудь его
ударил.
После этого
самая грозная из битв
на этой земле началась,
самая яростная из схваток
на этой земле пошла.
В течение тридцати дней,
в продолжении одного месяца
упорную борьбу вели,
но никто из них
уязвимого места у противника не нашел;
льющейся крови не пролили друг у друга,

Чэгиэн эттэрин тохсуспатахтара,
Халыҥ тириилэрин сэймэктэспэтэхтэрэ.
Ол да буоллар
Охсуһууларын мөлтөппөккөлөр,
Ол дойдуга
Ириэнэх сирдэрин
Иэрчэхтэрин хараҕар диэри
Илдьи тэпсибиттэрэ,
Тоҥ сирдэрин
Тобуктарын хараҕар диэри
Тобулута үктээбиттэрэ,
Ол кэнниттэн
Абааһы уола
Кэннинэн ыстанан баран,
Манньык диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсээннээх,
Киҥкир-хаҥкыр буола сылдьыбыта.
(Ноо!)
(Таас Дьаантаар Дара Буурай:)
« Бай да, бай да, нойоон!
Эн даҕаны, мин даҕаны
Ааттаах дойду
Адьырҕалара буоллахпыт.
Биһиги кэннэ дьоннор
Эмиэ олоруохтара буоллаҕа дии.
Ханна эмэ
Хампа күөх кырыс хаалбыт буоллаҕына,
Хагдарыйбатын, нойоон,
Сумантан тус хоту
Бэртэр билсиһэр
Билиитэ таас миэстэлэригэр,
Хахай кыылым тыҥыраҕа хатамматах
Таас туруут чыыстай буолагар
Тиийэ охсуой», — диэн баран,
Үҥкүрүс-күөһэлис гыммыта да,
Кутаалаах уот буолан,
Тус хоту диэкки
Субурус гынан хаалбыта.
(Ноо!)
Биһиги да киһибит
Аҕыс аҥаарыйар албастаах,
Тоҕус куотар кубулҕаттаах эбит.
Үҥкүрүс-күөһэлис гынар да,
Үрүҥ буруо буолан,

толстой кожи не распороли друг другу,
крепкого тела не растерзали друг другу.
Все же,
пыла битвы не умеряя,
той страны
талую землю
до бедер своих истоптали,
в месиво превратили,
мерзлую землю
до коленных чашек
всю истоптали,
после этого
парень-*абаасы*,
назад отскочив,
вот такой *тойук* затянул,
вот такую речь повел
громким голосом.
(Ноо!)
(Таас Джаантаар Дара Буурай:)
«*Бай да, бай да, нойоон*!
И ты, и я
знаменитых стран
лучшие силачи ведь.
И после нас
люди жить будут ведь,
если где-нибудь
зеленый покров земли остался еще,
пусть он не увядает, *нойоон*.
Отсюда прямо на север,
на место из каменных плит,
где лучшие познаются,
на ровную каменную площадку на вершине скалы,
куда когти льва-зверя вонзиться не могут,
быстрей приходи», — сказал,
кувыркнулся-перевернулся и
огненным пламенем оборотился,
прямо на север
унесся стремительно.
(Ноо!)
Наш человек,
восемь волшебных превращений,
девять колдовских хитростей знает, оказывается,
вмиг кувыркнулся-перевернулся —
белым дымом оборотился,

Кэнниттэн тунаарытан испитэ,
Ол тунаарытан тиийбитэ,
Киһитэ былыргы үйэҕэ тиийэн,
Кырыаран чонгкуйан турар эбит.
(Ноо!)
Этиһиилэрэ эрдэ бүппүт,
Иирсээннэрэ уруккуттан биллибит
Дьон быһыытынан
Үгүс элбэх кэпсэтиитэ суох
Түллэр таас түөскэ
Түһүспүтүнэн барбыттара,
Килиин курдук
Кэтиһэ түспүттэрэ,
Аал курдук
Анньыһа түспүттэрэ.
Дьэ уонна
Кыһыл этинэн
Кырбаспыттарынан киирэн барбыттара.
Чэгиэн этинэн сэймэктэһэннэр,
Солуурчах этинэн сууллларсаннар,
Күөс этинэн көнүрүтүһэн, барбыттара
(Тоҕо сүрэй, доҕор!)
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотторунан
Охсуһан көрбүттэрэ да,
Собо балык ойоҕоһун унгуоҕун курдук
Тангнары сойуодуйан тахсыбыттарын кэннэ,
Кэннилэригэр эһэн кэбиһэн баран,
Сүүрбэ бууттаах
Сүлүгэс дьаакырдарынан биэртэлэспиттэрэ,
Инчэҕэй тиэстэ курдук
Илдьиририйэн хаалбыттарын
Илиилэрин таһынан
Кэннилэринэн эһэн кээспиттэрэ,
Сутуруктарынан батарҕатыһан киирэн бардылар.
Ол кэнниттэн
Биһиги киһибит
Үс ый хонуга
Тоҕус уон хонук мүлтү туолуутугар
Абааһы уола
Тоҕус күннүктээх сири
Туруйалаан барбытын

вслед за ним, неясно мелькнув, устремился.
Когда, неясно мелькнув, прибыл,
тот человек, давно придя,
толстым слоем [инея] уже покрывшись, стоит, оказывается.
(Ноо!)
Как люди,
которым говорить-то уже не о чем,
выяснять причин распри уже незачем,
без долгого разговора
крепкой каменной грудью на грудь [сойдясь],
друг на друга надвинулись,
как клинья,
друг в друга воткнулись,
как плоты,
друг с другом столкнулись.
И потом
красное мясо тел друг друга
рубить начали,
крепкие тела друг друга терзая,
куски мяса величиной с горшок вырывая,
комья мяса величиной с котел отдирая.
(Как страшно, друг!)
[Затем], на триста верст окрест
грозно звенящие
медно-красные огненно-кровожадные
обоюдоострые мечи свои выхватив,
стали было сражаться —
мечи, словно реберные кости карася-рыбы,
назад изогнулись,
тогда, прочь их отбросив,
двадцатипудовыми
тяжелыми палицами молотили друг друга,
когда, будто мягкое тесто,
их измесили,
тогда, прочь
их отбросив,
кулаками друг друга дубасить стали.
После этого
наш человек,
когда девяносто дней
трех месяцев едва истекли,
парня-*абаасы*, [изловчившись,]
на расстояние девятидневного пути [отбросил];
[когда тот] по-журавлиному заковылял,

Харсыылаах оҕус курдук
Кэнниттэн батыһан тиийэн,
Үрдүгэр ыстанан тахсыбыта да,
Хаатын иһигэр сылдьан,
Хааннааҕы көрдөөбүнэ,
Хаачыргыы-хаачыргыы хаһыытыыр,
Кыынын иһигэр сылдьан,
Кыалааҕы көрдөөбүнэ,
Кыычыргыы-кыычыргыы кыланар
Кынчаал тимир быһаҕын
Сулбу ойутан ылан,
Өлөр сирэ манан буолуо диэн,
Үрүҥ сүнньүн толкуйбутунан барбыта.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Ынараа баҕайы
Тиэрэ быраҕан түһэрбитигэр,
Үрүҥ сүнньүн толкуйан
Хабаҕын түгэҕэр диэри
Өҕүрүйэн тыына-тыына
Субу курдук саҥалаах,
Сити курдук кэпсэллээх
буола сыппыта үһү.
(Ноо!)
(Таас Дьаантаар Дара Буурай:)
«Абытайбын-халахайбын!
Айаларбын-дьойолорбун!
Өлөллөрө-өһөллөрө диэн,
Ыныгык да буолар эбит.
Ынчыктыыллара-ыалдьаллара диэн,
Манныгк буолар эбит.
Чэй эрэ, уоллаатар уолум,
Уһун унуохпун урусхаллаатыҥ,
Аҕалаатар аҕаҕын
Араҥастаатыҥ, нойоон,
Албан аатыҥ киртийиэҕэ,
Ким да уола диэхтэрэ суоҕа,
Миигин уола диилэрэ, нойоон,
Чэй эрэ!
Үрүҥ тыыным быстара
Кыраттан хаалла.
Эрэйдээмэ кырдьаҕас киһини,
Салгыы тардыый», — диэбитигэр,
Уол отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар

словно бодливый бык,
подбежав сзади,
вскочил ему на спину,
[нож], который кровь завидев,
еще в ножнах,
скрипя-скрежеща, кричать начинает,
алую [кровь] завидев,
еще в чехле,
скрежеща-скрипя, вопить начинает,
свой железный нож-кинжал
вмиг выхватил,
"Уязвимое место вот это, мол", — полагая,
становую жилу [противнику] стал разрывать.
(Ноо!)
После этого
чудище то,
когда [наш человек], навзничь его опрокинув,
становую жилу стал ему разрывать, —
до глубины живота своего
тяжко вздыхая,
такими словами,
такими речами
заговорило, лежа, говорят.
(Ноо!)
(Таас Джаантаар Дара Буурай:)
«Ой, горе мне, ой, жутко как!
Ой, больно, ой, горько-то как!
Умирать-погибать
страшно-то как, оказывается,
стонать-страдать
каково-то, оказывается.
Ну же, сынок мой, сыночек,
длинные кости мои ты разломал,
отца своего родного
на *арангас* ты поднял, *нойоон.*
Славное имя свое очернил,
ничьим сыном не назовут,
моим сыном будут считать, *нойоон.*
Ну-ка!
Белому моему дыханью прерваться
самая малость осталась,
старого человека не мучай,
добей скорее!» — как только сказал,
парень своим на триста верст окрест
грозно звенящим

Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотунан
Саҥардыы охсуочча буолан эрдэҕинэ,
Ийэтэ сарылаабытынан кэлэн,
Тоҥолоҕуттан иилистэ түспүтэ,
Оҕустарбатаҕа үһү.
(Ноо!)
Онуоха аннараа баҕайы
Эмиэ саҥалаах буола сыппыт.
(Таас Дьаантаар Дара Буурай:)
«Айа-һа-һа!
Куйахатын аҥаара кубаҕай,
Баһын аҥаара маҥаас,
Өлөр күммэр эйиэхэ
Ыыс куруһун талбын
Эппэккэ сылдьыбытым,
Этэр күнүм дьэ кэллэ.
Миигин өлөттөрөҥҥүн
Өрөгөйүҥ үрдүүрэ биллибэт.
Кыыс оҕоҥ
Кыптыыйынан оонньуурун саҕана,
Уол оҕоҥ
Оноҕоһунан оонньуурун саҕана,
Холумтаныҥ аннынан
Хара хамсык буолан,
Көбүөхтүммүн эрэ», — диэн баран,
Хоҥкуйан түһэн өлөн хаалбытын
Суор сокуускаta,
Мэкчиргэ мэҥиэтэ,
Тураах дуйаҥа оҥорбут эбит.
Ол курдук
Ый ыһыаҕа,
Күн күдэнэ гынан,
Бөдөҥ уҥуоҕунан
Сир дойду тэхтирин тэҥнээбитэ,
Кыра уҥуоҕунан
Дойду бөҕө оҥкучаҕын толорбута.
Ол курдук
Суох оҥорон баран,
Ийэтин ылан,
Ааттаах бэркэ
Алгыстаах алҕаабытын курдук,
Тойуктаах туойбутун курдук,
Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар

медно-красным огненно-кровожадным
обоюдоострым мечом
хотел было ударить —
мать его с плачем-воем к нему подбежала,
на локте его повисла —
ударить не дала, говорят.
(Hoo!)
Тогда чудище то
заговорило опять.
(Таас Джаантаар Дара Буурай:)
«*Айа-ха-ха*!
Тебе, чье темя наполовину белесое,
тебе, чья голова наполовину белая,
до дня своей гибели
недобрых горестных слов
еще не высказывал,
время сказать теперь наступило.
Убив меня,
счастье свое возвысишь ли — неизвестно.
Когда твоей дочери
ножницами играть время настанет,
когда твоему сыну
стрелами забавляться время придет —
из-под очага твоего,
черным сквозняком обернувшись,
я вынырну!» — сказал.
Когда, поникнув, умер —
закуской для ворона,
приманкой для совы,
угощением для вороны сделал его богатырь, оказывается.
Вот так — в крошево
искрошив,
в прах растоптав,
крупными костями его
неровности земли заровнял,
мелкими костями его
ямы в земле засыпал.
Вот так —
его истребив-уничтожив,
мать свою забрал,
и славно да хорошо,
будто благословенный благословил
благостными *алгысами*,
в изначальную страну, где родился,
в край родной, где возмужал,

Айаннаан тиийэн кэлбитэ.
Айаннаан тиийэн кэлэн,
Алааһыгар кэлэн
Босхо хара тыаны
Мооннвоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Дьиэтигэр-уотугар аҕалан,
Ийэтин хаппахчытыгар уган баран,
Аҕатын араҥаһыгар тиийэн
Өлбөт мэҥэ уутун
Хаппар кунуттан
Хайа анньан ылан,
Иһин уҥунуохтаабыта,
Таһын имэрийбитэ.
Ол кэнниттэн
Босхо хара тыаны
Мооннвоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Урукку бэйэтиннээҕэр
Ордук буолан,
Ойон туран эккирээн
Түөһүн толору тыынан,
Имэ тэтэрэн
Уоһун хаана кэйэн
Ойон тура эккирээбитэ.
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөҥөн үөскээбит
Көгөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр
Аҕатын
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотоҕу
Өргөстөөх үҥүү курдугунан
Өрө көрөн туран эрэн,
Бу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Көмүс Кыырыктай:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Тойон аҕам,
Босхо хара тыаны
Моойноох баһынан куотар

прибыл-приехал.
Прибыв-приехав,
на *алаас* свой ступил,
в дом-жилище Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка,
мать свою привезя,
в *хаппахчи* ее поместил,
сам к *арангасу* отца подойдя,
ляжку разрезав,
вынул оттуда
живую воду,
внутри [тело отца] полечил,
снаружи его помазал.
После этого
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастою головою
выше темного леса-колка,
лучше, прекраснее став,
чем прежде,
проворно на ноги встал,
полной грудью вдохнул,
с разрумянившимися щеками,
с раскрасневшимися губами
вскочил на ноги.
Богатырь Кёмюс Кыырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
на отца своего,
Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем,
острым, как копье, [взглядом]
снизу вверх глядя,
такими словами,
такими речами
заговорил, оказывается.
(Ноо!)

(Кёмюс Кыырыктый:)
«*Дьэ-хэ-хэ*!
Господин отец мой,
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем

Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Уолун Көмүс Кыырыктайтан
Тускулаах дорообо буоллун!
Чэйиий!
Аллараа дойду атамаана
Таас Дьаантаар Дара Буурай
Албаһыгар киирэҥҥин,
Ийэлээтэр ийэбин
Эрэйгэ мунҥа тэппиккин,
Ир суолун
Ирдээн тиийэммин иинниэтим,
Тор суолун
Тордоон тиийэммин,
Уһун уҥуоҕун урусхаллаатым,
Кыра уҥуоҕун кыдьымахтаан кэлэммин,
Иэримэ дьиэбэр
Эргиллэн кэлэн турабын.
Чэй!
Оттоох оронҥор тахсан олоронҥун,
Иэримэ дьиэни иччилээриий!
Мин эдэр киһи
Суолум кэтэһэн,
Уһун айан суола күүтэр», — дии турбута.
Ол кэнниттэн
Эр Соҕотох
Көмүс Кыырыктай буоланнар,
Уоллуу аҕалыы тоҥолохтоһон
Дьиэлэригэр кэлэннэр,
Ыраах бөҕөлөрүн ыҥыраннар,
Сугас бөҕөлөрүн хомуйаннар
Үөрүү-көтүү тэрийбиттэр,
Көхсүттэн тэһииннээх
Күн айыы дьоно
Көмүскүүр киһилэннэхпит диэннэр,
Арҕаһыттан тэһииннээх
Айыы хаан аймахтара
Харыстыыр ытчаттаннахпыт диэннэр,
Икки сүллэр бухатыыр баар сиригэр
Тохтор хаанын
Уҥунуохтанарга холообут,
Чугастаһыа баара дуо,
Өлөр тыынын
Утуйарга холообут
Биһиэхэ чугаһыа баара дуо диэн,

с гривастою головою
выше темного леса-колка,
от сына своего, Кёмюса Кыырыктая,
доброе "здравствуй!" прими.
Ну же!
На уловки
атамана Нижнего мира
Тааса Джаантаара Дара Буурая попавшись,
ты мою мать наиродимейшую
на горе-страдание обрек ведь,
я, по теплым следам его выслеживая,
придя, в могилу его вогнал,
по остывшим следам
выслеживая, настиг —
длинные кости его разломал,
мелкие кости его в шугу превратил,
в изобильную родную обитель
возвратившись, перед тобою стою.
Ну!
На ложе, устланное сеном, воссев,
изобильной родимой обители духом-хозяином будь!
А мне, молодцу,
священную путь-дорогу
открывать предстоит», — так сказал.
После этого
Эр Соготох
и Кёмюс Кыырыктай,
сын и отец, под локти взявшись,
в обитель свою вошли;
всех дальних созвав,
всех ближних созвав,
радостное веселье устроили.
С поводьями за спиной
люди солнечных *айыы*:
"Защитник у нас появился, мол", — думая,
с поводьями за плечами
племена священных *айыы:*
"Заступник у нас появился, мол", — полагая, [решили:]
на землю двух грозных богатырей
[те], кто кровь свою льющуюся
за смазку [тела] считают, —
не приблизятся же,
смерть свою
за сон почитают, —
не подойдут же,

Үөһэттэн үргүөр буолан
Үргүйбэттэрэ буолуоҕа,
Аллараттан атара буолан
Куөрэйбэттэрэ буолуоҕа,
Орто дойдуттан
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаҕа моойдоохтор
Буулаабаттара буолуоҕа диэн,
Толкуйдананнар,
Үөрүү-көтүү буолла.
Киҥкир хара тыа курдук
Киэҥ уруулара мунньустаннар
Баай хара тыа курдук
Бар дьонноро мунньустаннар,
Субу курдук
Үөрүү-көтүү буолбутун кэнниттэн,
Көмүс Кыырыктай бухатыыр
Хаҥка дьолуо ыҥыырыгар
Хараалдьыктан көппүт
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Хатана түспүтэ,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон кэбистэ.
Куус гына кымньыылаата даҕаны,
Быраһаай да, дорообо да суох
Киҥкиниир киэҥ халлаан
Алын кырыытын диэкки
Киирэн куһуйа турбута.
(Ноо!)
Көмүс Кыырыктай бухатыыр
Уохтаахтык айаннаан
Уохтаах этиҥ дуксуурданан,
Саалаар чаҕылҕан арчыланан,
Субу курдук айаннаан-сэмэлээн,
Аллараа дойдуга
Эмиэ тиийэн кэлбитэ.
Ол тиийэн кэлэн,
Биир сиринэн айаннаан истэҕинэ,
Буспатах мунду миинин курдук
Бутугас-итигэс дойдунан
Аан туман арчыламмыт,
Күһүҥҥү ый быыһа хараҥа буолбут
Им туппах дойдунан
Киирэн айаннаан испитэ.
Ол истэҕинэ эмискэ,

став сквозняком,
сверху холодом веять не будут же,
став острогой,
снизу вынырнуть не посмеют же,
из Среднего мира —
с крепкими лбами,
с могучими шеями
досаждать не станут же.
Так решив,
радостный пир устроили.
Словно деревья в дремучем лесу,
многочисленных родственников собрали,
словно деревья в густом лесу,
всех сородичей собрали.
Вот когда
радость-веселье закончилось,
богатырь Кёмюс Кыырыктай
проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с проталины,
в крепкое гладкое седло
ловко вскочил,
словно токующий глухарь,
откинув голову, горделиво уселся,
со свистом плетью [коня] хлестнул —
без прощанья-приветствия
в сторону нижнего края
необъятно широкого неба
помчался стремительно.
(Ноо!)
Богатырь Кёмюс Кыырыктай,
грозными громами ведомый,
сверкающей молнией сопровождаемый,
вот так стремительно мчась,
к Нижнему миру
снова подъехал.
Вот подъехав,
по такой стране,
где мутный сумрак
подобен недоваренной ухе из гольяна,
по мглистой стране,
где кромешный туман спустился,
по сумеречной стране,
где осенняя безлунная темень настала,
спустившись, ехал.
Когда так ехал, вдруг —

Уот чаҕылыгныырга дылы гыммыта,
Туох да ааттаах тахсыбыта биллибэтэҕэ,
Эмискэ өлөр өлүү абааһы уола
Иннигэр бэрикис гына түспүтэ.
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Самаҕын туорайыттан алларaa
Үүнэн тахсыбыт
Суоч-соҕотох атахтаах,
Түөһүн тылыттан
Үүнэн тахсыбыт
Суоч-соҕотох моҕооччох курдук илиилээх,
Сүүһүн ортотуттан
Элгээн күөл тааҥнаан
Тиэрэ тэппитин курдук,
Суоч-соҕотох дьэс туралба
Эт бэргэ харахтаахха дылы.
Өлөр өлүү абааһы уола
Өттүгүн таһына-таһына
Үллэх-үллэх ойуолаабыта,
Иһин таһына-таһына
Эйэҥ-эйэҥ эккирээбитэ,
Сатаан оҥорбот киһи
Саах кэлиитин курдук
Сантархай хаан таныытыгар
Табытыаркатын халҕааныскай ыстаанын сиэбиттэн
Тас гына тардан ылан,
Тоҥсуйан тоһугуратан баран,
Боруоскалаан боллоҥнообута,
Сыҥсыйан сыллаҥнаахтаабыта
Сырайын кирэ
Тоһута ыстанан түһэн,
Бойбурун көтөхпүт
Ыт оҕото буоланнар,
Хоту-соҕуруу бойборуспуттара.

[Күлсэллэр]

Ол баҕайы,
Өлүү күлгэри үөнү
Куйаастааҕы отууга үөлэн,
Күүгэн бачыгыраппыкка холобурдаах
Күөх чалахай тылын
Мооннньун иккитэ эргитэн баран,
Үсүһүн аҕалан баран,
Салбана турбута.

(Ноо!)

будто огонь ослепительно засверкал:
что вышло [из тьмы] — неизвестно.
Тут сын *абаасы*, смерть-гибель несущий,
перед ним, неясно мелькая, предстал.
Когда внимательно пригляделся, [увидел:]
из середины таза
выросшую
одну-единственную ногу имеет,
из середины груди
выросшую
одну-единственную, словно кувалда, руку имеет,
посредине лба —
будто круглое озеро-старица
мутной наледью вспучилось —
один-единственный мясисто-красный,
как шрам, глаз имеет, оказывается.
Сын *абаасы*, смерть-гибель несущий,
по бедрам себя похлопывая,
трясясь-колыхаясь, подпрыгивал,
по животу себя шлепая,
раскачиваясь-вихляясь, подскакивал.
Из широченного оттопыренного кармана
табакерку с треском выхватив,
дробно по ней постучал,
безобразно широкими ноздрями,
будто ступы, неумехой
из замерзшего коровьего навоза вылепленными,
скорчив рожу, понюхал табак,
шмыгнув носом, втянул табак [и так чихнул],
что куски грязи с его лица,
отваливаясь,
вставшими на ноги
щенками-сосунками оборотясь,
неуклюже на север и юг перекатывались.
[Слушатели смеются]
То чудище
с пенистым сине-слизистым языком,
похожим на ядовитую ящерицу,
исходящую пеной,
когда ее в жаркий день в шалаше на рожон натыкают,
два раза им шею обвив,
в третий раз его вытянув,
облизываясь, стояло.
(Ноо!)

Ол туран эрэ
Сан дьаары сангалаах,
Кэри-буру кэпсэллээх,
Ыыс будаан ырыалаах,
Харса суох
Хаһыытаан хабырытта,
Үөтэтэ суох
Үгүрүөлээн мэнийэ турбута үһү.
(Ноо!)

(Буор Кудустай:)
«Бай, бай, да, диибиэн!
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөнгөн үөскээбит
Көгөччөр борон аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр,
Аартык арыммыт суолгун истэммин,
Тоһуйан аххан олорбутум
Тоҕус сылтан орто, нойон.
Ол тоҕо диэтэргин
Алларaa дойдуну
Аҕыс бииһин ууһун
Атаҕастыырга анаан айылҕылаах
Диэбиттэрин иннигэр,
Ыйааһынгна уурдахха кэлтэгэйдээбэт,
Акка ыыртаххa ангардастаабат
Киһи буолуон диэннэр,
Миигин тоһута олороллор.
Нойоон,
Ким бэйэлээх киһи
Тылланнын-өстөннүн диэннин
Ыйытар буолларгын
Буор Кудустай диэн
Албан ааттаах,
Сонун сурахтаах киһибин,
От-мас аһылыктаах,
Үкэр куйаас өттүктээх
Күн оҕолорун
Уон хонук
Утары көрдөрбөтөх
Улуу дьаалыбын», — дии турбута.
(Ноо!)

Биирдэһэ буоллаҕына,
Элбэҕи-үгүһү кэпсэтиэн баҕарбатаҕа,
Аан дойдутуттан аттанар күнүгэр

Вот так —
с бестолковою речью,
с бессовестным разговором,
с бранной песней,
в нахально-бесстыжем
крике зайдясь,
надсадно-бессвязно,
как выпь, вопя-задыхаясь, стояло [чудище], говорят.
(Ноо!)

(Буор Кудустай:)
«*Бай, бай,* друг, говорю,
богатырь Кёмюс Кырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
что ты путь-дорогу открыл, услышав,
вот уже более девяти лет, *нойон,*
нетерпеливо тебя поджидаю,
если спросишь меня: "Почему?" — отвечу:
восемь родов-племен
Нижнего мира
обижать-притеснять
ты предназначен, сказали,
на весы положить — не перетянет,
на коня навьючить — не перевесит, —
такой [равный мне] человек, сказали,
потому, рассудив, меня встретить тебя поставили.
Нойоон,
если спросишь,
какой же такой человек
болтает-надоедает, мол, —
со славным именем
известный я человек
Буор Кудустай,
вам, растениями питающимся,
в теплой неге воспитанным
солнечным детям
и десяти дней
противостоять себе не позволял я,
великий страшилище», — так говорил.
(Ноо!)

А тот другой-то
в долгие разговоры вступать не стал,
когда свою изначальную страну покидал,

Аллараа аҕыс бииһин ууһун
Атыйахтаах уу курдук
Тангнары үктүөн дьалкытаар,
Тордуйалаах уу курдук
Тоҕо үктээн долгутаар диэбиттэрэ,
Ол элбэҕи иссэр наадата суох диэбит курдук,
Саах кэлиини,
Тангнары анньан кээспит курдук,
Сантархай хаан таныытыгар
Тонголоҕор диэри
Хокуоскалаан буккуйа оонньуу сылдьыбыта.
Өһүргэнсиэ да суох дьон
Онтон өһүргэнистилэр,
Кыыһырсыа да суох дьон
Онтон кыыһырыстылар быһыылаах.
Охсуһуу гиэнэ омуннааҕа
Субу дойдуга буолла,
Кыргыһыы гиэнэ кытаанаҕа
Субу дойдуга буолла,
Солуурчах этинэн
Суулларсыбытынан бардылар,
Күөс этинэн
Көнүрүспүтүнэн киирсэн бардылар.
Биир ый хонуга
Отут хонук мүгүлтэр туолуор диэри,
Халын тириилэрин хайытыспатылар,
Чэгиэн эттэрин сэймэктэспэтилэр.
Хайа хайалара
Тимир тимиртэн тэйэрин курдук,
Таас таастан тэйэрин курдук,
Тэйиэлэһэ оонньуу сырдьыбыттара.
(Ноо!)
Ол гынаннар
Икки ый хонуга
Алта уон хонук мүгүлтэр туолуута
Абааһы уола
Кэннинэн ыстанан баран,
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
буола сылдьыбыта.
(Ноо!)
(Буор Кудустай:)
«Аарт татай!
Алаатагарбын!
Туох бэйэлээх

[наказали]: "Восемь родов-племен Нижнего мира,
как воду в берестяном лукошке,
ногой его задев, заставь расплескаться,
как воду в берестяном сосуде,
ногой на него наступив, вынуди волноваться" —
поэтому: "Долго спорить не стоит, мол", — думая,
в безобразно широкие его ноздри,
подобные перевернутым ступам,
из замерзшего коровьего навоза [вылепленным],
руку свою по локоть всовывая,
кукиш вертя, стал забавляться.
И необидчивый человек
от этого оскорбится ведь,
и терпеливый человек
от этого рассердится ведь —
самая грозная из битв
на этой земле началась,
самая яростная из схваток
на этой земле пошла:
куски мяса величиной с горшок
друг у друга вырывать стали,
комья мяса величиной с котел
друг у друга отдирать стали.
До исхода полных тридцати дней,
в течение одного месяца
толстой кожи друг другу не распороли,
крепких тел друг друга не растерзали,
каждый из них,
как железо от железа, отскакивает,
как камень от камня, отскакивает —
так отскакивая друг от друга, ходили.
(Ноо!)
После этого
на исходе полных шестидесяти дней,
по истечении двух месяцев
сын *абаасы*,
назад отскочив,
такими словами,
такими речами
заговорил, сказывают.
(Ноо!)
(Буор Кудустай:)
«*Аарт татай*!
Вот досада!
На молозиве какой же нетели

Туҥуйун уоһаҕар торолуйбут
Ураанхай эбиккиний,
Хайа бэйэлээх дьахтар киһи
Түүлээх түһэҕэр батан
Төлө ыстаммыт
Түөкүн эбиккиний,
Ханнык бэйэлээх аҕам дьахтарым
Хапчаҕайын хайыппакка
Айаннаан түспүт адьарай эбиккиний,
Нойоон, чэй эрэ, диибиэн,
Үөл талах курдук,
Эрийсэрбит буолуо.
Тэгил дойдуттан
Тэҥнээхтэр билсистэхпит,
Улуу дойдуттан
Холоонноохтор көрсүстэхпит буолуо.
Бачча сааспар дылы
Тыйыс сындааһыммын
Сылытыах киһи
Көстүбэккэ сылдьыбыта,
Тарбаҕым хараатаабакка
Миигин накаастыы сылдьыбыта,
Нойо-он!
Хата, биир эмэ бириэмэни
Атаарар киһи буоллум быһыылаа-ах.
Мин убайдаатар убайым
Албан ааттаах
Сонун сурахтаах киһини
Элэс муора*
Истэриҥ буолуо,
Алах-былах ааттыыллара буолаарай?
Уот Урбалдьын диэн
Убай курдук убайдаахпын,
Өлөрөр да күҥҥэр
Үрдүк бэйэҕин
Кини кэмниэ буоллаҕа», — дии турбута
(Hoo!)
Ол кэнниттэн
Биһиги киһибит
Элбэҕи иирсэ барбатаҕа,
Үгүһү саҥарса барбатаҕа,
Түллэр таас түөскэ
Түһүспүтүнэн барбыта.
Ити кэнниттэн
Үс ый хонуга

ты раздобрел,
ураангхай?
Промеж волосатых колен
какой женщины, не уместившись,
ты вывалился,
разбойник?
Из чресл-прохода какой пожилой женщины,
не разорвав его,
ты выскользнул, дьявол?
Ну же, *нойоон*, тебе говорю:
словно гибкий тальник,
сцепимся мы с тобою еще,
дальних краев
равные встретились,
великих краев
достойные встретились, видно.
До этих моих лет
не было человека,
который крепкие мои сухожилия мог бы разогреть,
пальцы мои,
без дела измучившиеся,
мог бы размять,
нойо-он!
Хорошо, что время скоротать
человек мне нашелся, кажется.
О старшем моем брате
со славным именем,
всюду известном,
мимоходом,
может, слышал,
как зовут, случайно
слыхал, наверное.
Уот Урбалджын — достойный мой брат.
Если меня убьешь,
твою высоту, померявшись,
он уж точно укоротит», — сказал.
(Ноо!)
После этого
наш человек,
в долгую ссору не ввязываясь,
в длинный спор не вступая,
на крепкую каменную его грудь
[с силой] обрушился.
После этого —
когда девяносто дней

Тоҕус уон хонук
Мултү туолуутугар
Абааһы уолун
Алын тирэҕин
Айгыратан киирэн барбыта,
Үрүт күүһүн
Үлтүрүтэн киирэн барбыта.
Эриэн ытыһын иһигэр
Элэгилдьиппитэ,
Хара дабыдалын иһигэр
Талахачыппыта.
Онно-манна үнсэр кыаҕы биэрбэтэҕэ,
Сири сэттэ бэчээтинэй
Быһа быраҕан түһэрэн баран,
Саахтыыр сириттэн
Саары муннугар диэри
Хайа баттаан кэбиспитэ.
(Тоҕо сүрэй, тоҕо бэрдэй! Айака!)
Ити кэнниттэн
Ый ыһыаҕа,
Күн күдэнэ,
Мэкчиргэ мэнгиэтэ,
Тураах дуйаҥа,
Суор сокуускатa гынан,
Кыра унгуоҕунан
Сир дойду төхтүрүн тэнгнээн,
Уһун унгуоҕунан
Дойду бөҕө дьуоҕатын толорон баран,
Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Били дьонум
Хайдах эрэ олороллор диэн
Онно төннүөх курдук гынан истэҕинэ,
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан
Үрдэ дьөлө ыстанарга дылы гынна,
Хантан да баар буолбуттарын билбэтэҕэ,
Үс аттаах айыы бухатыыраттара
Иннигэр субу
Дьирэс гына түспүттэр.
Ол гынан баран
Улахан бухатыыр
Барыыстааҕынан батары көрөн,
Соргулааҕынан супту көрөн туран,
Субу курдук диэн кэпсэллээх,
Сити курдук диэн тойуктаах

трех месяцев
едва истекли,
нижнюю опору
сына *абаасы*
он расшатывать начал,
верхние силы его
он разрушать начал,
в пестрых ладонях своих
быстро его завертел,
в сильных руках своих
трепыхаться заставил.
Куда-нибудь жаловаться возможности не дал —
в глубь земли
на семь печатных саженей вогнав,
от вонючей задницы
до перепончатых ноздрей
надвое разорвал.
(Как ужасно! Вот здорово! Ой, жутко!)
После этого,
в крошево искрошив,
в прах растоптав,
в приманку для совы,
в угощение для вороны,
в закуску для ворона его превратил ведь.
Мелкими костями
неровности земли выровнял,
крупными костями его
топкие места замостил ведь.
"Как же родня моя
поживает", — думая,
в изначальную страну, где родился,
в край родной, где возмужал,
хотел возвращаться было,
как вдруг верх бурного высокого белого неба
будто разверзся,
откуда взялись — не заметил:
три богатыря-*айыы* верхом
прямо перед ним
навытяжку встали,
после этого
старший из богатырей,
счастливым взглядом его пронзая,
радостно на него глядя,
вот с такими речами,
вот с таким *тойуком*

Буола турбут үһү.
(Ноо!)
(Уот Дугуй:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Көҕөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр
Тускулаах бэйэҕэр,
Тоҥ күөнҥэр
Дуолан кирдик
Дорообуйа буоллун!
Ким бэйэлээх дьоннор кэлэн,
Кэпсэл кэпсээтигит диэн
Ыйытар буолларгын,
Үөһээ халлаан бухатыыра.
Уот Дугуй бухатыыр диэн
Киһи тиийэн кэллим.
Туох соруктаах буолан,
Суол мунгнаан тоҕоостуҥ,
Ыллык мунгнаан түбэстиҥ диэнгин,
Ыйытар буоллаххына,
Эйиэхэ суон сорукпут диэн,
Эйигин кытта
Биир хоруонка үүтүнэн
Айыллан үөскээбит
Айыына Хотун эмээхсин ийэлээх,
Архааннял Тойон оҕонньор аҕалаах,
Сэттэ былас сыһыахтаах
Тэмэликээн Куо диэн
Үтүө аттаах,
Үрдүк сурахтаах
Кыыс дьахтар.
Ойох ылангнын,
Кэскил тэринэн,
Кэнчээри ыччаты тэнитэнгин,
Кэнэҕэски ыччаты ууһатангнын,
Иэримэ дьиэни иччилээнгин,
Көрүөххүн хайдаҕый?!
Сүбэлиир сүбэбитин
Ылына туруу», — диэн бараннар,
(Ноо!)
Үөһээ халлаан бухатыырдара
Ити тылларын эттилэр да,
Үрдүк халлаан диэкки
Өрө куугунуу турдулар.
Биһиги киһибит

стоял перед ним.
(Ноо!)
(Уот Дугуй:)
«*Дьэ-хэ-хэ*!
Богатырь Кёмюс Кырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
именно тебе
огромное искреннее
"здравствуй!" говорю.
С каким же именем люди,
сюда прибыв,
речь, мол, держат,
если спросишь, [отвечу]:
мы — богатыри Верхнего мира.
Я, Уот Дугуй-богатырь,
вот сюда прибыл.
С каким поручением,
эту дорогу выбрав, [с тобой] встретился,
эту тропу отыскав, столкнулся, мол,
если спросишь, —
к тебе великое поручение наше:
вместе с тобой
сквозь отверстие одной бисеринки
пропущенная-сотворенная
женщина-дева есть,
Айыына Хотун-старуха ее мать,
Архааннъал Тойон-старик ее отец,
с добрым именем,
с высокой славой
с семисаженной косою
Тэмэликээн Куо-красавица.
Вот ее в жены взяв,
будущее свое устроить,
множество детей расплодить,
потомство свое увеличить,
священного дома хозяином стать —
каково же тебе будет?
Совет наш
прими же», — сказал.
(Ноо!)
Богатыри Верхнего неба,
как только эти слова были сказаны,
в сторону высокого неба
с гулом вверх унеслись.
Наш человек,

Ону өйдөөн-дьүүллээн истэн баран,
Төбөтүн тарбаммыта,
Иһин имэриммитэ.
"Кирдьик даҕаны,
Кэргэннэнэр кэмим
Сөп буолбут буолуохтаах", —
Диэн өйдөөбүтэ.
Ол иһин
Инискэннээх илин халлаан
Истиэнэтин аннын диэкки
Архааннььал Тойон оҕонньор
Айыына Хотун эмээхсин
Адаҕыйбыт аан дойдулара,
Торулуйбут туруу дойдулара
Туһа бу буолуо диэн,
Хараллдьыктан көппүт
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Хаҥха дьолуо ыҥыырыгар
Хап гына хатана түстэ,
Токутар улар курдук
Чоноччу олоро түстэ.
Бу киһи ат сылгытын
Куус гына кымньыылаан баран,
Субу дойдунан
Айаннаан-сэмэлээн
Киирэн бара турбута.
Өр да айаннаабытын
Өтөр да айаннаабытын билбэтэҕэ,
Күһүҥҥү бөҕөтүн
Өксүөнүнэн билэн,
Сааскы бөҕөтүн
Хахсаатынан сабаҕалаан,
Сайыҥҥы бөҕөтүн
Самыырынан билэн,
Кыһыҥҥы бөҕөтүн
Кырыатынан билэн,
Тымныы хонугу хонон,
Дьыбардаах айаны айаннаан,
Субу курдук айаннаан истэҕинэ,
Улуу дойду уххана көстүбүтэ,
Бэрт сир бэлиэтэ биллибитэ,
Үтүө дойду үркэнэ көстүбүтэ,
Уордаах мохсоҕол көтөр
Отут хонон
Уоруйан-суоруйан

со вниманием в это вслушавшись-вдумавшись,
свой затылок почесывая,
свой живот поглаживая:
"И вправду,
жениться пора
приспела ведь", —
так подумал.
Вот потому
в сторону сводов
просторного восточного неба —
там, мол,
Археанньала Тойона-старика,
Айыына Хотун-старухи
изначальная страна, где они родились,
край родной, где они возмужали, —[направился],
проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с проталины,
в крепкое седло
ловко вскочил,
словно токующий глухарь,
откинув голову, горделиво уселся.
Этот человек коня своего
плетью со свистом хлестнул,
в ту страну
стремительным бегом
помчался.
Долго ли ехал,
Недолго ли ехал — не знал,
множество осеней
по ненастью узнавая,
множество весен
по заморозкам ощущая,
множество лет
по дождю определяя,
множество зим
по пороше распознавая,
студеные ночи коротая,
в лютый холод не останавливаясь, так ехал.
Вот когда так ехал,
великая страна приближаться стала,
прекрасный край обозначился,
замечательная страна показалась,
такая, что грозный сокол,
летя из последних сил,
за тридцать суток

Үҥүоргу дьоргул хара тыатын
Кыайан туттубатах
Урсун дуолай,
Улуу тумарык
Айыы дойдута
Аһылла нэлэһиийбитэ.
(Ноо!)
Архааннньал Тойон оҕонньор
Айыына Хотун эмээхсин
Олорор сирдэригэр,
Ааттаах улахан
Баай тэриллээх дьиэ көстөрүн диэкки
Айаннаан-сэмэлээн тиийбитэ.
Үс уостаах
Үрүҥ көмүс сэргэлэригэр
Тоҕуста туомтаан,
Аҕыста аралдьыйан,
Онуһун олбуйа тардан баран,
Түөрт кырыылаах
Ыстаал тимир куйахтаах,
Саабылаан батаһын,
Тангнары тайахтанан,
Сүүрбэ бууттаах сүлүгэһи
Тонолоҕор иилинэн,
Бухатыыр киһи
Аргыый киирэн,
Унга оронгно олороору гыммыта,
Оронноро уйбакка,
Суулаары гыммытын
Такымыгар өйөөн олорбута.
(Тоҕо бэрдэй! Ноо!)
Ол олордоҕуна,
Эмээхсин дьахтар
Киис тириитэ бэргэһэтин
Кэдэрги анньыммытынан,
Саарба тириитэ бэргэһэтин
Санныгар ууруммутунан,
Иннигэр туора кэлэн туран,
Субу курдук тойуктаах,
Сити курдук кэпсэллээх
Буола турбута үһү.
(Ноо!)
(Айыына Хотун эмээхсин:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Күн халлаан анныгар

окраинного высокого черного леса
достичь не может,
гладкая и просторная,
великая, в мареве теряющаяся
страна *айыы*
открылась-простерлась.
(Ноо!)
Туда, где живут
Архааннььал Тойон-старик,
Айыына Хотун-старуха,
где огромный-громадный
в богатом убранстве дом показался,
приехал-примчался.
Вокруг серебряной коновязи
с трехрядной резьбой
[повод] восемь раз обмотав,
на девятый раз распускной петлей затянув,
на десятый раз узлом крест-накрест стянув,
человек богатырского вида,
в броне из четырехугольных
стальных пластин,
обоюдоострый свой меч
острием вниз опустивший,
двадцатипудовую палицу
к локтю своему прицепивший,
[в дом] неторопливо войдя,
на правые нары хотел было сесть —
нары, не выдержав,
чуть не сломались,
тогда, подколенками их придерживая, уселся.
(Вот здорово! Ноо!)
Когда так уселся,
старая женщина,
шапку свою из собольих шкур
к затылку сдвинув,
шапку свою из собольего меха
на плечи откинув,
сбоку к нему подойдя,
вот с такими словами ли,
вот с таким *тойуком* ли
стоял, говорят.
(Ноо!)
(Айыына Хотун-старуха:)
«Дьэ-хэ-хэ!
Кёмюс Кыырыктай-богатырь,

Көтөн-мөнөн үөскээбит
Көгөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр,
Эйигин кэтэһэн-кэтэһэн
Кинигэбит тардан олордубу-ут
Чэйиий, нойоон,
Кэс тылгын кэпсээнҥин,
Оттоох ороммутугар олорууй,
Алтан айаххын амалыйан көрүөххүн,
Туох соруктаах буолан,
Суоруйан тиийэн кэллин,
Нойоон», — дии турбута.
(Ноо!)
Онуоха биһиги киһибит
"Кыыскытын кэргэн кэпсэтэ кэллим", — диэн,
Биир тылынан быһаарбыта.
"Күөх иннэни субуйбатах,
Сүөһү диэни көрбөтөх,
Иис диэни иистэммэтэх,
Иһит диэни сууйбатах [кыыс],
Ону омсолообот буоллаххына,
Кэргэн кэпсэт", — диэбиттэригэр,
Биһиги киһибит
Сөбүлэспэттээх буолуо дуо,
Аттаан-суоллаан
Кэлбит киһи быһыытынан,
Күтүөт киһи быһыытынан
Онно олорунан кэбиспитэ.
Ыраах бөҕөлөрүн тардынаннар,
Чугас бөҕөлөрүн хомуйаннар,
Сыа сыбаайба тэрийбиттэр.
Бу дойдуга
Ыраас күөмэйдээх
Ыллаан дьиэрэйбит,
Бөҕө өттө
Бүүрүктэһэн туһунна,
Бэһэлэйдээн оонньооннор,
Аан дойдуларын
Аймах урууларын мунньаннар,
Үөрэн-көтөн субу курдук
Тэмиликээн Куону,
Көмүс Кыырыктай бухатыыры
Ыал дьон гынан,
Айан-кэрдэн,
Алҕаан-силийэн кэбиспиттэр.

владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
так долго ожидали-поджидали тебя,
что шейные сухожилия стянуло у нас.
Ну же, *нойоон*,
заветные слова говоря,
на постель нашу, устланную травой, присядь,
медными устами сказать попробуй,
за какой надобностью
важно так появился,
нойоон?» — так она говорила.
(Ноо!)
На это наш человек:
"Вашу дочь в жены просить приехал, мол", —
одним словом им объяснил.
"Сизой иглы не выдергивавшая,
никаким шитьем не занимавшаяся,
за скотиною не ходившая,
никогда посуды не мывшая [она дева],
если это изъянами не считаешь —
тогда бери в жены", — сказали.
Наш человек
разве не согласится?
Как человек,
за этой надобностью приехавший,
как будущий зять их —
с основательностью уселся.
Всех дальних своих созвав,
всех ближних своих собрав,
изобильную свадьбу устроили.
В этой стране
звонкоголосый
песню звонко запел,
самые сильные, крепкие
на поясах боролись,
веселые игры игрались,
со всей изначальной страны
родню-родственников собрав,
вот так с радостью-ликованием
Тэмиликээн Куо-красавицу
с Кёмюсом Кыырыктаем-богатырем
соединив, семейными людьми сделав,
наставляли-советовали,
благословляли-напутствовали.

(Һоо!)
Күн халлаан анныгар
Көтөн мөҥөн үөскээбит
Көҕөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр,
Сити курдук олорболоон баран,
Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Аҕатын аахха киирэрдии,
Кэргэнин мэҥэстибитинэн
Киирэн бара турбута.
Ол курдук айаннаан,
Аҕатын аахха тиийэн,
Икки аатырбыт бухатыырдар
Субу курдук олорбуттар эбит.
Икки аттаах [бухатыыр]
Аҕа баһыгар аатырбыт,
Дойду баһыгар сураҕырбыт,
Үөһээ дойдуга
Иһиллэр аттара сэрэхтээх,
Көстөр дьүһүннэрэ дьулаахтаах,
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох,
Көмүс Кыырыктай бухатыыр
Бу дойдуга
Биир сиргэ олороллоруттан,
Үөһээ дойдуттан
Үөрбэ буолан түһүөхтэрэ суоҕа,
Аллараа дойдуттан
Атара буолан күөрэйиэхтэрэ суоҕа,
Орто дойдуттан
Буулаҕа моойдоохтор,
Будьур сүүстээхтэр,
Буулуохтара суоҕа диэн,
Күүстэрин холбоон,
Аттарынан, санныларынан бүөлээннэр,
Бу курдук
Үчүгэйкээн баҕайытык
Олорбуттар эбит.
(Һоо!)
Аҕыс үрэх баһыгар
Айалаан сии(р)
Тоҕус үрэх баһыгар
Туһахтаан сии(р)
Сэттэ үрэх баһыгар

(Ноо!)
Богатырь Кёмюс Кырыктай,
владеющий сиво-серым конем,
привольно-беспечно
под солнечным небом выросшим,
там недолго прожив,
в изначальную страну, где родился,
в край родной, где возмужал,
к отцу своему с семьей поехал,
жену позади себя на коня посадив,
в путь отправился.
Вот так путь пройдя,
к отцу своему с семьей приехал,
два славных богатыря
вот стали жить, оказывается.
Два славных богатыря,
в отцовских родах — известные,
в окраинных землях — прославленные,
в Верхнем мире — услышанные,
даже именами своими опасность внушающие,
даже внешним видом своим устрашающие,
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем,
и богатырь Кёмюс Кырыктай
в этой стране
вместе жить стали.
"Из Верхнего мира [захватчики],
оборотясь острыми копьями, не обрушатся,
из Нижнего мира [*абаасы*],
оборотясь острогой, не вынырнут,
из Среднего мира
с крепкими шеями,
крутолобые [силачи]
досаждать не станут", — [так думая,]
силы объединив,
именами своими, спинами
[свой край] заслонив,
славно-хорошо
жили, оказывается.
(Ноо!)
В верховьях восьми речек
самострелами охотиться,
в верховьях девяти речек
петлями-силками [дичь] добывать,
в верховьях семи речек

Сохсолоон сиир
Идэлэммиттэр эбит.
Ол кэнниттэн
Баай бөҕөнү байаннар,
Тот бөҕөнү тотоннор,
Сыспай сиэллээҕи
Сыһыыны толору мунньаннар,
Ханнын сааҕа аалыстаҕына,
Хаан таммалыыр
Хаан сүөл баайы ханыылааннар,
Субу курдук байан-тайан,
Быһаҕас тыынан,
Быччары көрөн,
Былыттаах халлаанна
Быһахтанан быччангнаан,
Халлааннаах тангараҕа
Хардаҕастанан хантаннаан,
Биһиги бэйэлээхтэргэ
Туох бэйэлээх
Тохтор хаанын
Унгунуохтанарга толкуйдаабыт
Чугастаһыаҕай,
Өлөр тыынын
Утуйарга холообут
Биһиэхэ ааттаан-суоллаан
Айаннаан кэлиэҕэй диэн,
Субу курдук
Аатыран-суолуран,
Олорбуттара эбитэ үһү.
(Ноо!)
Ол бултаан-астаан,
Кэрийэ сырыттахтарына,
Арай биир бириэмэҕэ
Түөрт түрүлүөкэлээх
Түтүм дьүккүөр холорук
Эмискэ түллэн кэлбит даҕаны,
Тоҕус былас суһуохтаах
Туналыкаан Куону
Хаппахчытын иһиттэн
Көтүтэн-күүгүнэтэн ылан баран хаалбыт.
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох

пастями-ловушками [зверей] промышлять
приноровились они, оказывается.
После этого —
огромное богатство себе наживая,
сытостью пресыщаясь, [жили];
долгогривых
столько в лугах собрали,
так изобильно их размножили,
что когда набитыми брюхами они шоркались,
то кровь капала;
вот так разжившись-разбогатев,
одышкой страдая,
пучеглазыми сделались,
на облачное небо
глаза таращa, ножом угрожать ему стали,
к ясному небу
головы задирая, поленом грозить ему стали:
"К нам, именитым,
кто же из тех,
кто льющуюся свою кровь
смазкой [тела] считает,
приблизится, мол?
Кто последний свой вздох
за сон принимает,
нашего высокого имени опасаясь,
придет-приедет, мол?" — думали;
вот так
возвеличиваясь,
жили они, оказывается, говорят.
(Ноо!)
Вот когда промышляя-охотясь,
[угодья] свои обходили,
вдруг в одночасье
четырехтревожный
неистово-буйный вихрь
внезапно обрушился,
с девятисаженной косою
Туналыкаан Куо
из *хаппахчы* выкрав,
с шумом-гулом с ней унесся.
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка,

Кэлэн көрбүтэ:
Аан алаһата алдьаммыт,
Кэй бараана сууллубут,
Хаппахчытын үрдэ үрэллибит.
Туох ааттаах
Аҕыс алдьархайай,
Тоҕус сугулаанай
Буоллаҕай диэн,
Дьонноро бүтүннүүтэ
Утары сырсан кэлбиттэр.
"Биллибэт күүс былдьаата", — диэн
Үҥсүүлээх-хассыылаах тоһуйбуттар.
(Ноо! Дьэ, дьаабыны!)
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Уоҕа уох дуо,
Күүһэ күүс дуо,
Кини обургу
Үс сиринэн булгу хаппыт
Хатан укулаат сырайдаммыта*,
Түрүлүөкэлээх уот дьааны харахтаммыт.
Бычӌыҥын иҥиирэ
Дьороххой балык курдук
Сүүрэкэлии оонньообута,
Сутуруктуу тутта-тутта,
Ыһыктан кэбистэҕин аайы,
Тарбаҕын төбөтүттэн
Хара хааннар сындьылыспыттара.
Ити кэнниттэн
Сыһыттан сылгылаан,
Хонууттан хомуйан,
Ат сылгытын таһаарбыта,
Ымыттыбат ыҥыырдаабыта,
Холбуруйбат холуннаабыта,
Күлэр уодьуганын
Көлөһөтүн булларан,
Көҥнөрү тутан
Кэтэрдэн баран,
Куус гына кымньыылаабыта даҕаны,
Алларaа дойду туһа субу буолуо диэн,
Аҕыс дьалхааннаах
Ала холорук аргыстанан,
Түөрт түрүөкэлээх

придя, увидел:
обширная усадьба разрушена,
просторное жилище развалено,
верх *хаппахчы* разбросан.
"Что же
за восемь бедствий,
за девять несчастий
случились, мол?" — думая,
весь народ его
навстречу выбежал.
"Неизвестная сила ее отняла-выкрала", — говоря,
с жалобой-сетованием [Эр Соготоха] встретили.
(Ноо! Ну, безобразие же!)
У могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастою головою
выше темного леса-колка, —
разве мощь его — не мощь ли,
разве сила его — не сила ли? —
у него, молодца, лицо,
словно перезакаленный булат,
в трех местах изломанный, перекосилось,
взор тревожным пламенем запылал,
мышцы его,
словно рыбы-щурята,
забегали-заиграли,
зычно он закричал,
так сжал кулаки,
что из кончиков пальцев
темная кровь тягуче закапала.
После этого,
в поле поймав,
с луга пригнав,
коня своего привел,
седло покрепче приладил,
подпруги потуже подтянул,
веселых удил
колечки найдя,
их подправил, [коня] взнуздал.
Так взнуздав,
со свистом стегнул,
"в Нижний мир в эту сторону", — думая,
с восьмью треволнениями
яростным вихрем сопутствуемый,
с четырьмя тревогами

Түтүм дьүккүөр холоруk сирдьиттэнэн,
Уохтаах этин сирдьиттэнэн*,
Сааллар чаҕылҕан аргыстанан,
Субу курдук
Уохтаахтык айаннаан,
Күһүнгү бөҕөтүн
Өксүөнүнэн билэн,
Сааскы бөҕөтүн
Хахсаатынан сабаҕалаан,
Сайынгы бөҕөтүн
Самыырынан билэн,
Кыһынгы бөҕөтүн
Кырыатынан билэн,
Субу курдук
Айаннаан-сэмэлээн испитэ.
Уруккуттан сылдьа үөрүйэх киһи
Ингниэ толлуо баара дуо?
Арбайа сүүрбүт абааһылаах,
Сүөдэйэ сүүрбүт сөһүөккэлээх,
Алларaа дойду
Тоҕус куодуйар кубулҕаттаах
Тумуһахтарын туоратaлаан,
Сэттэ дьибилгэттэх
Аптаах тумуһахтарын чиэрэстэтэлээн,
Айаннаан-сэмэлээн истэҕинэ,
Арай биир бириэмэҕэ
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Айыы дойдута нэлэһийэн көстүбүтэ,
"Бай, бу абааһы дойдутугар
Айыы дойдута
Хайдах баар буолар баҕайытай", — диэн,
Маннa киирэн
Айаннаан-сэмэлээн иһэн эрэ,
Аргыый аҕай тохтоон көрө,
Айаннаан испитэ.
Дьингнээх айыы дойдута
Бу дойдуга айыллыбыт эбит.
Туох аттаах
Буолбут баҕайыный,
Анах сүөһү маннa үөскээбит,
Сырпай сиэллээх
Сылгы бөҕө баар буолбут эбит.
Арай онно
Сэттэ айыы дьахталлара
Атын тэһиинниттэн

буйно-стремительным вихрем сопровождаемый,
грозными громами ведомый,
сверкающей молнией сопровождаемый,
вот так
быстро он мчался,
множество осеней
по ненастью узнавая,
множество весен
по заморозкам угадывая,
множество лет
по дождям определяя,
множество зим
по инею-снегу распознавая, —
вот так
ехал-мчался он.
С давних пор к езде человек привычный
остановится-устрашится что ли?
С бесами, беспорядочно мельтешащими,
с домовыми, тенью мелькающими,
Нижний мир [миновав],
с девятью безмерными козними
мысы проехав,
с семью коварствами
волшебные мысы пройдя,
так продолжая ехать,
вдруг однажды
внимательно всмотрелся-вгляделся:
перед ним страна *айыы* широко простерлась.
"*Бай*, в этой стране *абаасы*
земля *айыы*
как оказаться может?" — подумал,
сюда въезжая,
дальше следуя,
останавливаясь, неторопливо разглядывая,
свой путь продолжал.
Настоящая земля *айыы*
в этой стране создана, оказывается.
Что же такое,
напасть какая,
рогатый скот тут расплодился,
долгогривые
здесь размножились, оказывается.
И вот
семь женщин-*айыы*,
за поводья коня его

Сиэтэн ылаллар, арай,
Биир айыы дьахтара
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута үһү.
(Ноо!)

(Айыы дьахтара:)
«Дьэ-һэ-һэ!
Босхо хара тыаны
Моонньунан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох убайкааммыт,
Тускулаах бэйэҕэр,
Дуолан кирдьик
Дорообуйа буоллунууй!
Ким бэйэлээх дьон
Кэс тылгытын
Кэпсээтигит диэнҥин
Ыйытар буолларгын,
Орто дойду кыргыттара сылдьабыт.
Уот Урбалдьын бухатыыр обургу
Айыы дьахталларын
Бу дойдуга таһааран
Хаайа сытар.
Ону ким бэйэлээхтэри
Хаайан-кэлгийэн сытарый диэн,
Ыйытар буоллаххына,
Эн диэтэх киһи
Хоойго сытар
Холоонноох доҕоргун,
Тэллэхэ сытар
Тэҥнээх атаскын
Уоран-талаан аҕалан,
Биһигини кытта олордор.
Онно киирэнҥин,
Оттоох ороммутугар олоронҥун,
Кэскиллээх тылы кэпсэтэнҥин,
Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куо барахсанҥын
Нохтолоох сүрэҕин тобуланҥын,
Ыр былыт ытыыр харахтаммытын,
Ыылаах мэйиилэммитин
Уоскутан-уҕарытан көрүөххүн
Хайдах буолуой?
Ытык тылбытын ылынан көрүөххүн,

взяв, повели,
одна из женщин-*айыы*
вот с таким *тойуком*,
вот с такими речами
стояла перед ним, говорят.
(Ноо!)
(Женщина-*айыы*:)
«*Дьэ-хэ-хэ*!
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастою головою
выше черного леса-колка,
вот тебе именно
громадное искреннее
"здравствуй!" пусть будет.
"Какие же это люди
заветные слова
говорят, мол!" —
если спросишь, [отвечу:]
Среднего мира девы, мы тут пребываем.
Уот Урбалджын, богатырь-чудище,
женщин-*айыы*
в эту страну уведя,
их в заточении держит.
"Это каких же таких,
заключив-связав, держит, мол?" —
если спросишь, [отвечу:]
у такого, как ты, молодца,
достойную рядом лежать
подругу твою,
вместе с тобой лежать
равную подругу твою,
похитив-украв, сюда приведя,
с нами вместе держит.
Сюда войди,
на постель, устланную травою, присядь,
о заветном речь поведи
с милой своей
Туналыкаан Куо с девятисаженной косой,
в сердце ее вникая,
ее, с заплаканными, как дождевая туча, глазами,
с одурманенным разумом,
успокоить-утешить
не попробовал бы?
Почтительные наши слова прими,

Хаарыан тылбытын хаалларыма,
Көрдөһүү бөҕө күртүөннээх,
Аартаһыы бөҕө ахсааннаах,
Үс күдэн хара күлүккэр сүгүрүйэбит,
Тоноҕостоох бэйэҕэр тонхойобут».
Ол курдук Эр Соҕотох
Дьонун-сэргэтин бүлбүт киһи быһыытынан
Адаҕыйбыт аан дойдутунааҕар
Ордук санаан туран эрэ,
Айыы дьахталларын кытта
Аргыстаһан киирбитэ:
Кэргэнэ субу олорор эбит.
Уостарыттан уон хамыйах хаан
Баһыллыар диэри ураһан ыллылар
Сүүһүттэн сыллаата.
Кэргэнин бүлбүт киһи быһыытынан
Аа-дьуо сыгыынньахтанна.
Ыал дьонгно күүлэйдии
Хоно киирбит киһи быһыытынан
Налыччы олорунан кэбистэ.
Ол кэнниттэн
Кэргэнин кытта хоонньоһон баран,
Уол оҕо барахсан
Кыыс дьахтар
Үрдүк мындаатыгар тахсан,
Үөмэлии оонньоото,
Хонгор хаас курдук
Холборонгнуу оонньоото,
Сара хаас курдук
Дайыалыы оонньоото.
Ол кэнниттэн
Кыыс дьахтар
Буом очоҕоһугар
Булдьугур гыннарда,
Хапчаҕайын иһигэр
Халдьыгыр гыннарда.
Ол курдук
Үчүгэй баҕайытык
Утуйан хаалбыттар*.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Сарсыарда аннараатах диэкки
Эргийээри гыммыта,
Ангаар өттө
Тоҕо эрэ хамсаабат буолбут.

в последней просьбе нашей не откажи.
Ведь просьбой зря не тревожат,
Мольбой часто не докучают,
трем темным теням твоим* кланяемся,
перед тобой, позвонки имеющим, склоняемся».
Вот так Эр Соготох как человек,
родных и близких обретший,
эту страну лучше, чем родная страна,
где родился и вырос, нашедший,
за женщинами-*айыы* последовав,
вошел и увидел:
жена его перед ним наяву сидит, оказывается.
Поцеловались так крепко,
что крови
с десять разливочных ложек выступило.
Как человек, жену обретший,
неторопливо разделся,
как человек, у своих гостящий,
как человек, ночевать остающийся,
чинно-важно уселся,
После этого,
с женой своей вместе улегшись,
наш молодец,
на высокое лоно
жены-девицы забравшись,
подскакивать-забавляться стал,
словно гусь-гуменник,
скользить-елозить стал,
будто линный гусь,
взлетать-трепыхаться стал.
После этого
в женскую утробу
жены-девицы своей
с бульканьем спустил,
в женское чрево
с журчанием пустил.
Вот так —
хорошо-спокойно
уснули-заснули они.
(Ноо!)
После этого
утром на другой бок
перевернуться захотел было —
одна половина его
почему-то недвижимой стала.

Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Дьахтар да суох, туох да суох.
Хайа охсубут ангаара,
Быhа охсубут бычаҕаhа*,
Дьардьамайа эрэ хаалбыт.
Этин туох эрэ сиэн кэбиспит.
(Ноо!)
Эркинин өрө көрөн таhаарбыта:
Хаан бастаах
Киргил көтөр
Тангнары көрөн баран,
Ол олорон эрэн
Субу курдук тойуктаах,
Сити курдук кэпсэллээх,
Итэҕэс этэ,
Быhаҕас тыына олорбута эбитэ үhү.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Иэhэлиги-таhаалыгы,
Иэхэйииги-чуохаайыгы,
Эминэ да тугуйбуна!
Чэйиийбинэ,
Эрдииригэ Соҕотуга
Эчи баҕас,
Тускуллардаах дорообуйа!
Сангалыта дорообобун тутуталаа.
Кимниир диэтэх киhикэйим
Сангабына сангардын диэн да,
Тойукпуна туойталаатын диэхэйиктээн,
Ыйыппалыыр буолларгын да,
Иэhэлиги-таhаалыгы,
Эмийбинэ-тугуйбуна,
Субуммуна илин халлаан
Истиэнэтин анныгар
Аллараангы дойдукаларым
Арбайаахтыы сүүрүтэлиир
Абааhыларын баhылыга
Тоҕуспуна дорҕооннордоох
Суоллууруга ийэлэрим хотунуга
Уоттууруга Чолбоодой удаҕан диэн,
Албан ааттаах,
Сонуммуна сурахтардаах
Дьахтар киhи буолаахтыыбын.
Эрдииригэ Соҕотоҕо
Субуммуна түүннэргэ

Внимательно огляделся:
и жены нет, и ничего нет.
Лишь отсеченная половина,
отрубленная половина —
скелет-остов остался,
кто-то [тело] его съел.
(Ноо!)
По стене вверх глазами повел:
с кровавою головой
черная птица дятел,
вниз поглядывая, сидит, оказывается.
Вот так —
с таким *тойуком*,
с такими речами,
вполслова молвя,
вполдыхания выдыхая, сидела.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Входы-выходы мои,
беды-напасти мои,
всякая всячина моя!
Ну же,
Эр Соготох, —
э, да что, —
мое [тебе] "здравствуй!" снова,
сначала "здорово!" мое прими.
"Какой же такой человек,
речь говорит, мол,
тойук заводит, мол?" —
если спросишь, [отвечу:]
входы-выходы мои,
всякая всячина моя,
под кромкой
восточного неба лежащей
Нижней страны
беспорядочно мельтешащей
нечисти глава,
с девятью гулами
дороги-матушки госпожа,
шаманка по имени Уот Чолбоодой
со славным именем,
с громкой известностью —
такая женщина я.
Эр Соготох,
когда этой ночью

Хоонньосполоон утуйаҥҥын
Орто диэтэр
Оһоҕостоох хааллым.
Бастарыктан атаххар диэри
Баһыыбата тута баҕас
Сытаахтаарыый.
Эчэйбити эмтэтэлиир
Сирдэриги буллаххына,
Бэйэкэйин үтүөрээхтээн,
Оннукаларгын-туойдаргын
Буулаахтыаҕыҥ,
Нойоо-он», — диир турбута.
Ол кэнниттэн
Биһиги киһибит
Абарбыт-сатарбыт киһи быһыытынан
Ойон-тура эккирээри гыммыта
Аҥаар өттө кыайтарбат эбит,
Дьардьамата эрэ хаалбыт эбит.
Хаппар куҥун хайа анньан ылан,
Өлбөт мэҥэ уутун сүүрдэн ылан,
Таһын оҥунуохтаммыта*,
Иһин эмтэммитэ.
Ол кэнниттэн
Урукку бэйэтинээҕэр
Уон оччо буолан,
Ойон тура эккирээбитэ даҕаны
Абааһы удаҕанын
Түллэр таас түөскэ
Түһэн кэбиспитэ.
Ол кэнниттэн
Охсуспалаан истэҕинэ,
Дьахтар киһитэ
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх,
Итэҕэс этэ,
Быһаҕас тыына
Сылдьыбыта эбитэ үһү.
Ол кэнниттэн
Биһиги киһибит
Кэннинэн чугуруйан,
"Ким диэн кэпсэллээх,
Туох диэн тойуктаах,
Буолар эбитий", — диэн,
Иһиллээн турдаҕа.
(Hoo!)

ты со мной переспал,
в полсрока
беременной уже стала.
От головы до пят
"спасибо" мое приняв,
тут полежи-ка.
Если раненого врачующее
место отыщешь,
сам по себе вылечишься,
вид свой изначальный
найдешь-отыщешь,
нойоо-он», — так говорила.
После этого
наш человек,
очень разгневанный-возмущенный,
вскочить на ноги хотел было —
да половина тела не поддалась,
только один скелет остался.
Внутреннюю мышцу бедра своего распоров,
живую воду слив,
снаружи себя помазал,
потом внутри себя полечил.
После этого
в десять раз
лучше прежнего став,
вскочил на ноги,
на вздымающуюся каменную грудь
шаманки-*абаасы*
с силой обрушился.
После этого —
когда только начали биться,
эта женщина
вот с такими речами,
вот с такими словами,
вполслова молвя,
вполдыхания выдыхая,
ходила-говорила, оказывается.
На это
наш человек,
назад отступив,
"с какими словами,
с каким *тойуком*
мол, будет?" — думая,
стал вслушиваться.
(Ноо!)

(Уот Чолбоодой:)
«Иэһэлиги-таһаалыгы
Иэхэйигэ-чуохайыга!
Оонньоһоохтуур диэхтээбиитим,
Охсуһаталыыр эбиккин дуу?
Кыылыҥкайдыыр диэхтээбитим,
Кырбаахыйдыыр эбиккин дуу?!
Оонньоон гынар инигин даа,
Орто диэтэр оһоҕостоох
Дьахтарыгы кытта баҕас
Охсуһаахтыы сылдьаахтыырыҥ
Омуннардаах буолаахтыаҕа,
Үөһээбинэ, сүллэр баҕас айыыларыҥ
Сиһилии-хоһулуу хаалыахтара,
Халыҥ хара тыакаллалыыр курдукпуна
Халыммына баҕас урууларыҥ
Сиилээн-хоһулаан
Кэпсэл баҕас оҥостоннор,
Үтүө аакҕын киртитэргэ тиийтэлиэн,
Тохтоо, болҕой,
Нойокоммуна.
Минниир диэтэх дьахтар киһи
Тойоммуна убайыгым
Уоттуруга Урбалдьын
Энниирэгэ кэргэҥҥин
Туналыкаан Куокаллааны
Уоран-талаан ааспытыга.
Онно баҕас тиийдэххинэ,
Таҕылларгын тарҕатыаҕа,
Дьында тииттиир* саҕабына,
Тыйыс баҕас
Сындааһыннын сылытыаҕа.
Чэйии-ий, тохтоо, долҕой,
Нойон уолум,
Иһиликпин-таһыылыкпын,
Идээникпин-кудааныкпын!
Саакка-суукка барымыахха,
Нойоо-оҥ», — диэбитэ.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Биһиги киһибит:
"Кирдьик даҕаны
Албан аатым киртийиэ,
Үтүө аатым суйуйулларыгар тиийдэ.
Абааһы удаҕаны кытта

(Уот Чолбоодой:)
«Входы-выходы мои,
беды-напасти мои!
Заигрывает, мол, подумала,
а ты ведь бьешься, оказывается?!
Забавляется, мол, подумала,
а ты ведь колотишь, оказывается?!
В шутку так делает, видно, [думала],
с женщиной ведь
вполсрока уже беременной
биться тебе сподручно ли,
достойно ли будет.
Ведь верхние грозные твои же *айыы*
осуждать-порицать станут,
как деревья в черном густом лесу,
многочисленные твои родственники
слух-молву разнесут,
порочащими разговорами
доброе имя твое очернят,
остановись, одумайся,
нойон мой.
Разве не у меня, такой женщины,
есть старший брат-господин
Уот Урбалджын,
который, твою жену-то
Туналыкаан Куо-то,
выкрав-похитив, [к себе] ушел,
если туда приедешь,
спесь он твою собьет,
подобные большой лиственнице,
крепкие, жесткие
твои сухожилия он размягчит.
Ну-ка, остановись, одумайся,
нойон мой,
входы-выходы мои,
горести-напасти мои!
Срама-стыда не поимей,
нойоо-он», — сказала.
(Ноо!)
После этого
наш человек:
"И вправду,
славное имя мое очернится,
доброе имя мое опорочится,
ведь с шаманкой-*абаасы*

Хооннььоһон турабын.
Аны туран, кинини кытта,
Хат дьахтары кытта,
Охсуһа турарым,
Алыс сааттаах-сууттаах буолууһу,
Кырдьык, хаалан көрдүн", — диэбит курдук
Чинэс гына түспүтэ.
(Ноо! Тоҕо бэрдэй!)
Чинэс гына түһэн баран,
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас ат сылгытын
Ойутан аҕалан,
Хаҥха дьолуо ыҥыырыгар
Хараалдьыктан көппүт
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Хатана түспүтэ,
Токутар улар курдук
Чоночу олорон кэбистэ.
Уохтаах этин сирдьиттэнэн,
Сааллар чаҕылҕан аргыстанан,
Алларaa дойдуга
Буспатах мунду миинин курдук
Бутугас-итигэс дойдуларынан,
Барбатах балык миинин курдук
Бадьа-бүдүө дойдуларынан,
Өҕүрүмэр оҕус саҕа
Үллэҥнии сүүрбүт үөннээх,
Хороҥнуу сүүрбүт хомурдуостаах,
Кыйманныы сүүрбүт кымырдаҕастаах,
Арбайа сүүрбүт абааһылаах,
Сүөдэйэ сүүрбүт сөһүөккэлээх,
Аҕыс уон аҥаарыйар албастаах,
Тоҕус уон куодуйар кубулҕаттаах,
Тумуһахтарын туорааталаан,
Сэттэ дьибилгэттээх
Кырыыларын чиэрэстээн,
Уот Урбалдьын обургу
Олорор сиригэр тиийбитэ.
Ол дойдуга тиийэн
Тиҥ гына саайбыта,
Арай анараа баҕайыта,
Тоҕус чоҥ тимир куйахтаах киһи,
Утуйан тылла сытарыгар
Эмискэ ойутан тиийэн,

ложе я разделил
и теперь с ней,
с беременной женщиной,
биться-сражаться мне
стыдно-позорно будет,
и вправду, пусть остается себе", — так подумав,
выпрямился-остановился.
(Ноо! Как удивительно!)
Выпрямившись-остановившись, [Эр Соготох]
темно-рыжего коня своего
с гривастою головою
выше темного леса-колка
тут же привел,
в крепкое гладкое седло
проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с проталины,
ловко вскочил,
подобно токующему глухарю,
откинув голову, горделиво уселся.
Грозными громами ведомый,
сверкающей молнией сопровождаемый,
в Нижний мир [спустился],
по мглистым, туманным краям,
подобным недоваренной ухе из гольяна,
по сумрачным, мутным странам,
подобным ненаваристой ухе,
где величиной с быка четырехтравного
гады вприскочку носятся,
жуки вприпрыжку бегают,
муравьи кишмя кишат,
бесы беспорядочно мельтешат,
домовые, как тени, мелькают,
с восемьюдесятью коварными волшебствами,
с девяноста злокозненными уловками
мысы проехав,
с семью колдовствами
леса пройдя, [Эр Соготох]
в место обитания
Уот Урбалджына-чудища приехал.
В ту страну приехав,
глухо со стуком [обо что-то] ударился —
это чудище,
в броне из девяти железных закаленных пластин человек,
растянувшись, спит-лежит, оказывается.
Быстро к нему подскочив, [Эр Соготох]

Төбөтүн унуоҕун
Тоҥсуйа оонньуу сылдьыбыта.
(Һоо!)
Ол тоҥсуйбутугар,
Ол обургу,
Туох ааттаах бэйэлээх
Тоҥсуйар диэн
Өрө-таннары көрбүтэ.
Сүүһүн ортотугар үөскээбит
Дьэс туралба
Эт бэргэ хараҕынан
Ол-бу диэки көрбүтэ:
Хайа саҕаны
Халты көрөн кэбиһэр
Харалҕан идэлээх киһи эбит.
Сыыр саҕаны
Сыыһа көрөн кэбиһэр
Сыысхаллаах харахтаах киһи эбит.
(Һоо!)
Таба көрбөккө, ол-бу диэкки
Килэбэчитэ сылдьыбыта.
Ол сылдьан эрэ(н)
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх,
Көрбөккө да турдар,
Мэнээгинэн саҥара олорбута.
(Һоо!)
(Уот Урбалдьын:)
«Баа-ай, бай, доҕор!
Хайа бэйэлээх дойдум
Хараҥа хаайыытыттан
Халты туттарбыт
Хаарахаан кэлэҥнин,
Туох дойдум
Түүнүктээх түрмэтиттэн
Төлө туттарбыт
Түүлээх уллуҥах,
Түүҥҥү сырыылаах
Түптүр үлүгэр түөкүнэ-э
Кэлэҥнин, мин бэйэлээх
Улуу убаастаах* төбөбүн
Умсары ууруары
Тоҥсуйа оонньуу сылдьаҕы-ын?
(Һоо!)

по его черепу
стал стучать, забавляясь.
(Ноо!)
Когда так стучал,
чудище то,
"что же такое
стучит, мол", — думая,
вверх-вниз посмотрело.
Посередине лба угнездившимся
мясисто-красным,
как шрам, глазом
туда-сюда стал водить:
хоть с гору величиной,
не замечает —
такой косоглазый был человек, оказывается,
хоть с горку высотой,
мимо глядит, не видит —
такой худоглазый был человек, оказывается.
(Ноо!)
В упор не видя, туда-сюда
бессмысленно глазом водит.
Так водя,
вот такими речами,
вот такими словами,
хоть и не видя,
бесцельно-впустую, заговорил.
(Ноо!)
(Уот Урбалджын:)
«*Баа-ай, бай*, дружище!
Из темной темницы
какой же страны
чудом выскользнувший
негодяй,
из затхлой темницы
какого же края
случайно вырвавшийся
с волосатой подошвой [тать],
ночной пройдоха,
черный варнак, придя,
мой достойный
высокочтимый череп
ничком опрокинуть желая,
стучит-забавляется тут?
(Ноо!)

Хайа сағаны
Халты көрөр
Харалҕан да буолларбын,
Сыыр сағаны
Сыыһа көрөр
Сыысхаллаах харахтаах да буолларбы-ын.
Сүрэхпинэн-көхсүбүнэн
Сэп гына сэрэйдэхпэнэ,
Дьар гына таайдахпына,
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох буолуо-уон.
Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куо барахсан
Урууккуттан даҕаны
Алларaа аҕыс бииһин ууһугар
Атаҕа үөрэммит сирэ буолар,
Урууккуттан даҕаны
Миэхэ аналлааҕы
Мээчик гына хапса сылдьаҕыт,
Нойоо-он!
(Ноо!)
Мин бэйэлээҕи
Ир суолбун ирдээҥҥин,
Тоҥ суолбун тордооҥҥун,
Аартык муҥнаан
Айаннаан да кэлбитиҥ
Баар этэ-э.
Албан аатпыттан,
Сонун сурахпыттан дьулайбакка
Итэҕэс айыыланыах быатыгар тиксибит
Ураанхай буоллаҕын.
Чэй эрэ, нойоон,
Тонуктаах эрдэххинэ,
Дойдугун була охсууй,
Силбэһинннээх эрдэххинэ,
Сиргин була охсууй,
Үтүө тыл минньигэс,
Аҕыйах тыл чуолкай диэн
Этэллэр этэ, нойоо-он», — дии турбута.
(Ноо!)
Инньэ дии, дии
Хоту-соҕуруу диэкки

Хоть с гору величиной,
вкось глядя, не замечаю —
такой косоглазый я,
[хоть] с горку величиной,
мимо глядя, не вижу —
такой худоглазый я,
но если верно угадываю,
если точно предполагаю,
сердцем, спиной чую:
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка, ты и есть.
с девятисаженной косой
Тунальıкаан Куо-милашке
с прежних времен
в Нижний мир восьми племен*
ходить привычно,
с давних времен
мою суженую,
как мяч, перехватываем,
нойоо-он!
(Ноо!)
К такому, как я,
по теплым следам меня выследив,
по остывшим следам меня отыскав,
будто дорог больше нет,
приехать же тебя
угораздило-о!
Грозного имени моего,
громкой славы моей не убоясь,
судьбы своей не устрашась,
сюда, *ураангхай*, ты прибыл.
Ну-ка, *нойоон*,
пока кости у тебя целые,
в страну свою поскорей путь найди,
пока суставы у тебя целые,
в край свой дорогу побыстрей отыщи.
"Доброе слово — дороже,
краткое слово — вернее, мол", —
так ведь сказывали, *нойоо-он*», — говорил.
(Ноо!)
Так говоря,
ни на севере, ни на юге,

Хайа да диэкки
Киһи турарын таба көрбөккө,
Кини обургу онно-манна
Килэбэчийэн көрө сатаабыта даҕаны
Түтүм бараан төрөлүн,
Хаан чаҕаан сэбэрэтин
Билигин даҕаны
Будүйэн көрбөккө тураа эрэн,
Эмискэ хараҕын кырыытынан
Дьэ, тобулу көрбүтэ.
Биһиги киһибит
Саах кэлиини
Тангнары анньан кээспит курдук
Сантаххай хаан таныытыгар
Кокуоскалаан тонголоҕор диэри
Буккуйа ооннньуу сылдьыбыта.
Этиһиилэрэ эрдэ буппут,
Иирсээннэрэ уруккуттан биллэр
Дьон буолалларын быһыытынан
Түллэр таас түөскэ
Түһүспүтүнэн киирэн барбыттара.
(Hoo!)
Ол дойдуга
Уот Урбалдьын обургу
Кэй бараанын,
Адаҕыйбыт аан дойдутун,
Торолуйбут туруу дойдутун,
Ириэнэх сири
Иэрчэхтэрин хараҕар диэри
Илдьи тэпсэннэр,
Тон сири
Тобуктарын хараҕар диэри
Тобулу бадарааннааннар,
Ооҕуй оҕус бадарааннныыр
Кута лээби дойду гынан
Үлтү тэпсэн кэбиспиттэрэ,
Турар туруут таас хайаларын
Суугулаах от курдук
Үлтү тэпсэн кэбиспиттэрэ.
Төрүүр оҕолоро
Төттөрү домноммута,
Ыллыыр чыычаахтара
Ырыата кэхтибитэ,
Иитэр сүөһүлэрин
Күрүөтэ алдьаммыта,

нигде вокруг
стоящего человека не углядев,
это чудище туда-сюда
бессмысленно глазом водило,
человека внушительного вида,
грозного облика [богатыря]
и сейчас
толком не разглядев,
вдруг краем глаза
наконец-то узрело.
Наш человек
в его безобразно широкие ноздри,
подобные перевернутым ступам,
из смерзшегося коровьего навоза сделанным,
руку по локоть сунул,
кукиш вертя, стал забавляться.
Как люди, которым говорить
уже не о чем,
выяснять распри больше незачем,
вздымающейся каменной грудью на грудь [сойдясь],
биться начали.
(Ноо!)
Ту страну
чудища Уот Урбалджына,
обширную обитель,
изначальную страну, где он родился,
край родной, где он возмужал, —
такую землю,
ногами по бедра
всю измесив,
мерзлую землю,
по колена
насквозь истоптав, —
в зыбкую хлябь превратили,
в которой даже паук увязнет, —
вот так всю истоптали ее,
каменные скалистые горы,
словно сухое сено,
в труху превратили.
У их детей рожденных
судьба прервалась,
у их птиц поющих
песня заглохла,
у разводимого скота
изгородь рухнула,

Аан дойдуга
Үүнэр күнэ
Үүммэт буолбута,
Күннэрин-ыйдарын уота
Алтан аалыыта буолан
Саккырыы таммалаабыта.
(Ноо!)
Манньык алдьархайдаах
Аллараа аҕыс биис ууһугар
Айаланы оҥорбуттарын иннигэр,
Үөһээ үс биис ууһугар
Үҥсүү түһэрбиттэригэр,
Үөһээ дойдуттан
Удаҕан киһи кэлэн кинилэргэ,
Үөһээ халлааҥҥа
Кыталык буола сылдьан эрэ,
Хайа хайаларыгар
Көмө буолбакка,
Идьит быһыытынан
Субу курдук
Ыллаан-туойан барбыта үһү.
(Кытылык ырыата:)
«Дом силик, дом силик!
Буоллунууй!
Чэйингитиий, нойоттоор,
Минниирэлиир диэтэхпинэ,
Кыталыга көтөрүм
Кырааскалаах тумуспунан
Кынҥкынатан таһаарар
Торҕо буурай хоһооммун
Тоҕус үүттээх долоҕойгутугар
Тута баҕас туругутууй.
Ээй, оой!
Чэйингитиий, субу баҕас дойдуттан
Уларыйан тиийэнҥит
Суордууруга көтөрүм
Үстүүр төгүл кынат устан,
Тиийтэлиир сиригэр,
Көҕөрөр күөҕэ муоракам
Таастыыр туруут хайаларын
Анныгар тиийэнҥит
Охсуһаахтаан көрүнҥүтүүй.
Чээй!
Ону баҕас буолуммат буолларгыт,
Үөһээ дойду бухатыырдара түһэннэр,

в изначальной стране
восходящее солнце
всходить перестало,
лучи солнца-месяца, [расколовшись,]
подобно мелким опилкам,
сверху вниз посыпались.
(Ноо!)
За то, что нижним восьми племенам
такую страшную беду
они причинили,
верхним трем племенам
жалоба на них была послана,
тогда из Верхнего мира
шаманка, к ним придя,
в небе над ними
стерхом летая,
никому из них
помощи не оказывая,
как вестница,
вот так
петь-напевать начала, говорят.
(Песня стерха:)
«*Дом силик, дом силик!*
Да будет!
Ну-ка, *нойоны*,
вот такой
птицы стерха
с окрашенным клювом
звонко-звучную
устрашающе-грозную песню
в своих черепах с девятью отверстиями
удержите, в нее вслушавшись.
Э-эй, о-ой!
А ну-ка, эту страну
покинув-переменив,
туда, куда птица ворон,
трижды перья сменив,
долетает, [отправляйтесь],
там у подножья
каменных скал
синеюще-синих морей
сражаться попробуйте.
А ну-ка!
Если на это не согласитесь,
богатыри Верхнего мира, явившись,

Аллараанҕы дойдукам
Ооҕуй оҕус бадараанныыр
Кудан амылҕа дойдутугар
Түһэрбэлээн кээһиэхтэрэ.
Чээ-эй!» — диэбитэ.
(Ноо!)
Кыталык көтөр
Ыллыаҕын ыллаан баран,
Киҥкиниир киэҥ халлаан диэкки,
Төттөрү кыдаарыйа турбута.
Ол кэнниттэн
Кирдьик даҕаны оннук диэбит курдук
Абааһы уола
Иттэннэри кэлэн түһэр даҕаны,
Сыарҕалаах от саҕа
Кутаалаах уот буолан,
Тус хоту субуруйа турбута.
Биһиги да киһибит,
Айыы да киһитэ да буоллар
Аҥаарыйар албастаах,
Куотар кубулҕаттаах эбит,
Иттэннэри кэлэн түһэр да,
Үрүҥ буруо буолан
Кэнниттэн тунаарыйа турбута.
(Дьэ! Ноо!)
Суор көтөрүм
Үс төгүл кынат устан
Сааран тиийэр сиригэр,
Сүүрэр атахтааҕым
Сэттэ төгүл тугуттаан,
Төрөөн-ууһаан тиийэр сиригэр,
Оннук ыраах дойдуга тиийэннэр,
Үс көҕөрөр күөх муора
Таас хайатын анныгар
Билиитэ таас миэстэҕэ
Көрсүһэ түспүттэрэ даҕаны,
Уруккуларын курдук
Охсуспутунан киирэн барбыттара,
Кыһыл эттэринэн
Кырбаһан киирэн барбыттара.
Ол да буоллар
Үс ый хонуга
Тоҕус уон хонук
Мүлтү туолуор диэри
Хайа хайаларын

в Нижний мир,
в ненасытно-гиблое место,
где даже паук вязнет,
вас спустят,
ну-ка!» — так говорила.
(Ноо!)
Птица стерх,
об этом пропев,
в сторону широкого гулкого неба
обратно взвилась-улетела.
После этого,
будто подумав: "И вправду ведь так", —
сын *абаасы*,
навзничь упав,
огненным пламенем
с воз сена оборотясь,
прямо на север стремительно унесся.
Наш человек тоже,
хоть и был человеком-*айыы*,
колдовские хитрости,
волшебные превращения знает, оказывается:
навзничь упав,
белым дымом оборотясь,
за ним, неясно белея, понесся.
(Ну! Ноо!)
Туда, куда ворон-птица моя,
трижды перья сменив-поменяв,
долетает,
четвероногий зверь мой,
семь раз расплодившись-размножившись,
добегает,
до такой далекой страны дойдя,
у подножья каменных скал
трех синеюще-синих морей,
на месте из каменных плит
они встретились,
как и прежде,
сражаться начали,
крепкими телами
сшибаться начали.
Но все же
до исхода трех месяцев,
пока девяносто суток
полностью не истекли,
друг другу

Хара тириилэрин
Хайытыспатахтара,
Чэгиэн эттэрин
Сэймэктэспэтэхтэрэ,
Өлөр үөстэрин булсуспатахтара.
Тимир тимиртэн тэйэрин курдук,
Таас таастан тэйэрин курдук
Тэйиэккэлэһэ оонньуу сылдьыбыттара.
(Hoo!)
Бу гына сырыттахтарына,
Арай сир үрдэ
Сиккиэрдэнэн киирэн барбыта,
Дойду үрдэ
Холоруктанан киирэн барбыта.
Ол кэнниттэн
Эр Соҕотох
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Туох эрэ абааһы бэрдэ
Айаннаан иһэр быһыылаах.
Үс бастаах
Далан Өксөкү курдук дьүһүннээх
Тус илин диэкиттэн кэлэн,
Ийэ халлаан
Ангаарын саба халыйан,
Таас туруут хайа үрдүгэр
Олоро биэрбитэ,
Таас хайа чабырҕайа
Бу буолуо диэн
Лыҥкыныы түспүтэ
Дьибилгэтэ бу буолуо диэн,
Лиҥкинии түспүтэ.
Ол кэнниттэн
Сӱбу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсээннээх
Буола олорбут үһү.
(Hoo!)
(Уот Чолбоодой:)
«Иэһээлиги-таһаалыгы
Эминэ-тугуйбуна!
Чэйиийбинэ нойонуга!
Уоттууруга Урбалдьына
Тойоммуна убайыгым,
Тускулардаах бэйэлэригэр
Дорообуйа буоллунуй,
Чэйиийбинэ, хотуммуна балтыкайын

черной кожи они
не распороли,
крепких тел
не растерзали,
уязвимого места не отыскали.
Как железо от железа отскакивает,
как камень от камня отскакивает,
друг от друга отскакивая, ходили.
(Ноо!)
Вот когда так ходили,
вдруг над землей
легкий ветер подул,
над лоном страны
завихрился.
После этого
Эр Соготох
внимательно присмотрелся:
какой-то отменный из *абаасы*
приближается, кажется.
Трехглавый,
видом внушительный орел Ёксёкю,
с восточной стороны прилетев,
половину обширного неба
собою закрыв,
на каменную скалу
с лету уселся,
"верхушка горы
тут, мол", — полагая,
с шумом спустился,
"макушка вот здесь, мол", — предполагая,
с гулом он опустился.
После этого
вот с таким *тойуком*,
вот с такими словами
сидел, говорят.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Входы-выходы мои,
крученья-верченья мои!
Ну-ка, *нойоон!*
Уот Урбалджын,
господин старший мой брат,
вот тебе
"здорово!" пусть будет,
вот я, госпожа сестрица твоя

Уоттууруга Чолбоодой
Удаҕана диэн баҕас
Кэлитэлээн олоробун.
Туохтууруга наадаларрдаах буолутулаан,
Суодуйдаҕын соһуччутай диэтэххинэ,
Эрдииригэ Соҕотоҕо
Минниир диэтэх дьахтар киһи
Кэргэнигим.
Өлөрбөлүүр-сүтэрбэлиир буоллаххына,
Кута өлүү куртаҕайым
Куурахайдаан хаппытыга
Отут сылтан орто, баҕас,
Ыйыстаахтаан кээһэтиэҕим.
Чэйии-ий, нойон,
Тохтоон баҕас болҕойонҥун
Тоҕус былас сыһыахтардаах
Туналыкаан Куокалланы
Биэритэлээн ыыта оҕус,
Чэйии-ий», — диэн,
Удаҕан дьахтар
Этэн көрбүтэ даҕаны,
Үчүгэйи эттиҥ диэн үөрбэтэхтэрэ,
Куһаҕаны эттиҥ диэн хомойботохторо.
Кинилэр дьоннор буоллахтарына,
Кырбас этинэн
Кырбаспыттарын тохтоппотохторо,
Үөл эттэрин
Үөрэҕэстэспиттэрин кубулуппатахтара.
Ол курдук
Охсуспуттарын кубулуппакка
Охсуһа сылдьыбыттара.
Ол кэнниттэн
Абааһы уола кэннинэн
Икки саһааннаах сири
Ыстанан баран,
Субу курдук саҥалаах,
Сити курдук кэпсэллээх
Буола сылдьыбыта.
(Һоо!)
(Уот Урбалдьын:)
«Бай да, нойо-оон!
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕото-ох,

Уот Чолбоодой,
шаманкой называемая,
прилетев, вот сижу.
"С какой, мол, надобностью
вдруг пожаловала?" — спросишь, [отвечу:]
Эр Соготох-то
мне, такой женщине,
мужем приходится.
Если умертвить-погубить его хочешь, [знай,]
гибельный желудочек мой, подобный трясине,
иссушился-иссохся
вот уже более тридцати лет,
так что тебя проглочу...
Ну же, *нойон*.
остановись и вслушайся:
с девятисаженной косою
Туналыкаан Куо-то
отдай, отпусти немедленно,
ну же», — так говорила.
Женщина-шаманка
только произнесла,
они-то, люди, —
хорошее ты сказала, мол, — не обрадовались,
худое ты сказала, мол, — не огорчились,
куски мяса
вырывать друг у друга не перестали,
крепкие тела
кромсать не перестали.
Вот так,
битвы не останавливая,
сражались они.
После этого
парень-*абаасы*, задом пятясь,
на расстояние двух саженей
вдруг отскочив,
такую вот речь,
эдакий разговор
повел было.
(Ноо!)
(Уот Урбалджын:)
«*Бай да, нойо-оон*!
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,

Ийэтин саҕаттан
Ирээннээх илэчиискэ диэн,
Аҕатын саҕаттан
Айдааннаах ороспуой дииллэрэ
Отой оруннаах эбит, нойо-он,
Оннооҕор мин балтыбар кэлэҥнин
Уот Чолбоодой удаҕаҥҥа
Оҕо оҥорон,
Ойох гына сылдьар эбикки-ин.
Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куо барахсан
Ытык ыал ыччата,
Төрүт ыал төрүөҕэ
Эйигин киһи диэҕэ дии саныыгын дуо,
Нойоон?!
Хата, мин балтым
Эппитэ да сөп эбит буолбат дуо?
Нойо-он,
Күтүөт оҕо буолан
Күөгэҥнээҥнин
Ылгын оҕо буолан
Сылдьарыҥ ордук буолсу,
Нойо-оон», — дии турбута.
(Ноо!)
Биһиги киһибит
Үчүгэйи эттиҥ диэн үөрбэтэҕэ,
Куһаҕаны эттиҥ диэн хомойботоҕо,
Үгүһү-элбэҕи эппэккэ,
Үөл этин үөрэҕэстиирин,
Кыһыл этин кырбастыырын,
Үрүҥ дууһатын ылыан бэтэрээ өттүгэр
Атыны саныыр кыаҕа суох буолан,
Тугу да саҥарбакка,
Түллэр таас түөскэ
Түспүтүнэн киирэн барбыта.
Ол кэнниттэн
Хайдах даҕаны гынаннар
Төгүрүк сылы быһа охсуһаннар,
Хайа хайаларын кыайсыбаккалар,
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут сытыы кылыс
Уот илбис болотторун
Собо балык ойоҕоһун унуоҕун курдук
Таҥнары сойуодуйан тахсыбытын

от рождения
буйством известный, мол,
от рождения
ссорами знаменитый, мол,
не зря говорят, оказывается, *нойо-он*!
Даже до моей младшей сестры,
шаманки Уот Чолбоодой, добравшись,
обрюхатил ее,
сделал женой, оказывается.
А теперь Туналыкаан Куо-красавицы
с девятисаженной косой домогаешься.
Почтенных людей дитя,
родовитых людей чадо
тебя за человека сочтет, думаешь,
нойо-он?!
Слова моей младшей сестры
разве несправедливы?
Нойо-он!
Мне зятем будучи,
любимым нашим баловнем будучи,
жить-наслаждаться,
привольно жить лучше ведь,
нойо-оон!» — говорил-увещевал.
(Ноо!)
Наш человек
хорошим словам не обрадовался,
на худые слова не обиделся,
лишнего не говоря,
крепкое тело его кромсая,
красное тело его терзая,
лишь бы белую душу его прервать —
только о том помышляя,
в ответ ни слова не обронив,
в могучую каменную грудь его
бил и бил.
После этого,
как ни сражались они,
круглый год сражаясь,
друг друга одолеть не могли,
когда на триста верст окрест
грозно звенящие
медно-красные огненно-кровожадные
обоюдоострые мечи их,
словно реберные кости карася-рыбы,
источившись, выгнулись,

Илиилэрин таһынан
Кэннилэригэр эһэн кэбиһэн баран,
Сүүрбэ бууттаах
Сулүгэс дьаакырдарын
Инчэҕэй тиэстэ курдук
Илдьи сынньан бараннар,
Илиилэрин таһынан
Элитэн кэбиһэн бараннар,
Баайтаһын биэ саҕа сутуруктарынан
Батырҕатаһа оонньуу сылдьыбыттара.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Үс көҕөрөр күөх муора арыытыгар
Түөрт киһи уллунаҕа сөп түбэһэр сиригэр
Онно баран охсуһуох диэн
Айыытын киһити(эр) эппитигэр
Үрүҥ буруо буолан тунаарыйан тиийэн,
Үс көҕөрөр Уот Чумулу муора
Хабайар хаба ортотугар,
Оруобуна киһи турдаҕына,
Түөрт киһи уллунаҕа сөп буолар сиригэр
Онно тиийэн дьирэс гына түспүттэрэ.
(Ноо!)
Утарыта көрсө түспүттэригэр
Уот Урбалдьын буоллаҕына,
Биһиги киһибитин Эр Соҕотоҕу
Бабыгырыы түһэн баран,
Тиэрэ анньан кэбиспитэ,
Уот Чумулу муораҕа
Баһа атах,
Атаҕа бас буолан,
Алларaa куочайданан эрдэҕинэ,
Хантан да кэлбитин
Өйдөөн-дьүүллээн көрбөтөҕө,
Биир айыы удаҕан дьахтар кэлэн,
Дуҥүрүгэр түһэрэн ылан,
Төттөрү таһааран туруоран кэбиспитэ.
(Ноо!)
Аны туран
Эр Соҕотох
Уот Урбалдьыны
Түөһүттэн ылан,
Түҥнэри анньан кэбиспитэ,
Атаҕа бас

тыльной стороной своих рук
назад их откинув,
за двадцатипудовые
медные палицы взялись,
в мягкое тесто
исколотив их,
прочь от себя
в сторону их откинув,
кулаками с откормленную кобылицу
стали, будто играя, друг друга дубасить.
(Ноо!)
После этого:
"На остров посреди трех синеюще-синих морей,
где только четыре человеческие ступни умещаются,
биться пойдем", —
человеку из племени *айыы* он (Уот Урбалджын) сказал,
и тут же, белым дымом оборотясь,
на самой середине острова
посреди трех синеющих Уот Чумулу-морей*,
где, если стать,
только четыре человеческие ступни умещаются,
вмиг они очутились.
(Ноо!)
Очутившись лицом к лицу,
Уот Урбалджын
нашего человека
Эр Соготоха,
яростно вскрикнув, так толкнул.
что тот в Уот Чумулу-море
вверх тормашками —
ноги — голова, голова — ноги —
стремительно полетел было,
но — откуда взялась,
не успел понять-углядеть —
шаманка-*айыы*, подоспев,
на бубен свой его подхватила
и на прежнее место поставила.
(Ноо!)
Ну, а теперь
Эр Соготох
Уот Урбалджына,
за грудки схватив,
так толкнул,
что тот вверх тормашками —

Баһа атах
Таҥнары куочайданан түһэн истэҕинэ,
Ханнык да удаҕан кэлэн
Дүҥүрүгэр түһэрэн
Ылбытын билбэтэҕэ,
Төттөрү таһааран,
Туруоран кэбиспитэ.
(Ноо!)
Онтон биир бириэмэҕэ
Иккиэн дьирэһэн баран турдахтарына,
Биһиги киһибит
Уот Урбалдьыны
Эмиэ түҥнэри анньан кээспитэ.
Эмиэ түҥнэри анньан,
Баһа атах
Атаҕа бас буолан,
Түһэн истэҕинэ,
Ханнык да удаҕан кэлэн,
Дүҥүрүн дьөлө силлээбитин билбэтэҕэ,
Дүҥүрүн дьөлө силлээбитэ,
Уот Чумулу муораҕа түһэн,
Убайан өлөн хаалбыта.
(Ноо!)
Онуоха абааһы удаҕана,
Уот Чолбоодой быһыылаах,
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх буола-буола,
Тус хоту диэкки көтөн
Куйаара турбута.
(Уот Чолбоодой:)
«Иэһэлиги-таһаалыгы,
Иэҕиийиги-чуоҕуйугу!
Эминэ да тугуйбуна!
Чэйи-ийбинэ, нойукунугум.
Аҕыспына арчыларлаах
Айыыкалыыр оҕото,
Эрдииригэ Соҕотоҕум,
Чэйиийбинэн!
Үтүөкэлэргин үтүөкэнэн
Төлөөтөҕүм буоллунуу́й.
Чэйии-ий
Кимниир киһи
Саҥардаҕым диэтэргин да,
Уоттуурuга Чолбоодой
Удаҕана кэлээхтэммин

ноги — голова, голова — ноги —
стремительно вниз стал падать было,
но какая-то шаманка, подоспев,
на бубен свой подхватив,
как — понять не успел —
его подняла,
и на место поставила.
(Ноо!)
Некоторое время,
упираясь друг в друга, стояли;
тут наш человек, [изловчившись],
Уот Урбалджына
снова толкнул,
тот от толчка
вверх тормашками —
ноги — голова, голова — ноги —
вниз стал падать,
и какая-то шаманка, подоспев,
бубен насквозь проплюнула — как, не узнал,
через тот продырявленный бубен
в огненное Чомулу-море он упал,
сгорел и погиб.
(Ноо!)
Тут шаманка-*абаасы*,
кажется, Уот Чолбоодой,
вот так говоря,
вот так приговаривая,
в северную сторону полетев,
удаляться стала.
(Уот Чолбоодой:)
«Входы-выходы мои!
Верченье-крученье мое!
Всякая всячина!
Ну-ка, *нойон* мой!
Старшей сестрицы оберегаемое
дитя *айыы*,
Эр Соготох мой,
ну-ка, дружок!
За твое добро добром
отплатила — пусть будет так.
Ну что же,
"кто такая, мол,
говорит?" — спросишь [отвечу:]
это я, шаманка Уот Чолбоодой,
сюда прибыв,

Эйигин көмүскээммин,
Убайдаатар убайыкпын
Уһуммуна унуохтарын
Уоттуруга Чумулуга муоралларга
Умсардаҕым хомолтотун
Билээхтиигин-көрөөхтүгүн,
Чэйиийбинэ,
Уһун суолбун оломнуур,
Кэтит суолбун кэһитэлиир буолаайаҕын,
Кэнэҕэһин кэнэҕэс да,
Быдан дьылга
Быдалҕаннаах быраһаай!» — дии-дии,
Тус хоту диэкки
Көтөн кыйаара турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Биһиги киһибит
Кыайбыт-хоппут киһи быһыытынан
Били булгунньаҕын үрдүгэр
Үнкүрүс-күөһэлис гыммыта даҕаны
Кутуругар хоболоох,
Мооннньугар мойбордоох
Аалай мохсоҕол буолан,
Өрө көтөн уһуутаан тахсан,
Абааһы киэнин
Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Тиийэн кэлбитэ.
Ол кэлэн
Аан алаһатын алдьаппыта,
Улуу дойдутун түннэрбитэ,
Уруккутааҕар ордук алдьархайы онорон,
Нангнал таас уораҕай дьиэтин
Анныттан ылан,
Түнгнэри сүргэйэн кэбиспитигэр,
Тоҕус былас сыһыахтаах
Туналыкаан Куо барахсаны
Тимир ханаат быанан
Түүрэ кэлгийэ сытарын
Ньылбы ойутан туруоран,
Атыгар мэнэстэн баран,
Айаннаан-сэмэлээн
Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар
Айаннаан тиийэн кэлэн испитэ.

тебя защитила;
длиннющие костищи
своего старшего брата
в огненном Чумулу-море
погубив, оплакиваю его,
ведомо тебе или не ведомо.
Ну так вот,
длинный мой путь перейти,
широкую дорогу мою пересечь не смей
даже в далеком будущем.
На долгие годы,
надолго прощай!» — так говоря,
на север полетев,
исчезла вдали.

(Ноо!)

После этого
наш человек,
как человек, одержавший победу,
на вершине того холма
кувыркнулся-перевернулся —
с белой каймой на хвосте,
с белым опереньем на шее
алым соколом обернулся,
вверх взмыв, полетел.
На землю племен *абаасы*,
где густо они расплодились,
где крепко обосновались,
он прибыл.
Прибыв сюда,
изначальную ту обитель разрушил,
великую ту землю перевернул,
хуже, чем раньше делал, разорение сотворил,
уютную каменную обитель
до самого основания
вверх дном перевернув,
с девятисаженной косой
Туналыкаан Куо-красавицу,
железным канатом
туго скрученную,
проворно поднял,
на коня позади себя посадив,
резво в путь пустился,
к земле, где он возмужал,
к земле, где он вырос,
начал подъезжать.

(Hoo!)

Айаннаан-сэмэлээн кэлбиттэрэ,
Улуу дойду суола нэлэһиибитэ,
Аан дойду аартыга аһыллыбыта.
Айыытын дойдута барахсан,
Бэйэтин алааһа
Уордаах мохсоҕол
Отут хонон
Уоруйан-туоруйан,
Уҥуоргу дьоргул хара тыатын
Кыайан туттарбатах
Улуу туйгун алаас эбэ хотунҥа
Тиийэн кэлбитэ.
Ол кэлэн
Кэй бараанын,
Иэримэ дьиэтин көрбүтэ:
Илдьирийбит быһыылаах,
Аан дойдута
Алдьаммыт быһыылаах.
Хаан-сүөл баайа
Хампарыйбыт быһыылаах,
Туох ааттаах улуу алдьархайа
Буолбутай диэн,
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Сэттэ былас сыһыахтаах
Тэмэликээн Куо барахсаны
Ким уоран-талаан барбытын
Хантан даҕаны
Кыайан быһаарбакка
Өрө таҥнары көрө турбута.
Хотон кэннин диэккиттэн
Симэхсин Эмээхсин
Ытаабытынан сүүрэн иһэн,
Этэрбэһин быатыттан
Иҥнэн охтон сытан,
Саманнык диэн саҥалаах,
Сити курдук кэпсэллээх
Буола сыппыта.

(Hoo!)

(Симэхсин Эмээхсин:)

«Идэээникпин-куудааныкпын,
Эминэ да тугуйбуна,
Эркин анныытттан
Идээнигэ буолла,
Атахпына анныытттан

(Ноо!)
Когда резво, быстро подъехали,
великой страны дорога широко распахнулась,
изначальной земли путь открылся
На ласковую землю племен *айыы*,
на родной его *алаас*,
такой, что и грозный сокол мой
за тридцать дней,
летя изо всех сил,
окраинных высоких темных лесов его
достичь не сможет, —
на прекрасный *алаас*-бабушку
он прибыл.
Прибыв сюда,
на широкое подворье свое,
на уютную обитель свою посмотрел:
все обветшало, кажется,
родная страна
разорена, кажется,
несметное богатство
разграблено, кажется.
"Что за напасть великая
случилась, мол?" — [думая,]
внимательно стал всматриваться:
с семисаженной косой
Тэмэликээн Куо-красавицу
кто-то похитил-увел,
а куда и кто — определить не мог,
то вверх, то вниз глядя,
в растерянности стоял.
Тут из-за хлева
Симэхсин Эмээхсин,
с плачем выбежав,
в завязках торбазов
вдруг запутавшись, упала,
и вот такими речами,
вот такими словами,
лежа, заговорила.
(Ноо!)
(Симэхсин Эмээхсин:)
«Горе-горе мое,
да что же это такое!
Из под стен
напасть нахлынула,
из-под ног

Алдьархайбына буолла,
Чэйиий, баҕас, били маары,
Түүннүүрүгэ төрөөхтөөбүт,
Чөнөчөккө үнүтэлиир,
Дүөдэлэргэ сүрэхтэммит
Төбөт Туурай кэлитэлээн,
Сэттэ былас сыһыахтардаах
Тэмэликээн Куокалланы
Уоран-талаан барбытыгар,
Көмүһүгэ Кыырыктайын
Оҕолоотор оҕобут барыталаан,
Үрдүк бөҕөтүн кэмнэтэлээн,
Үтүө бөҕөтүн өһөрөөхтөөн,
Үрүн күнэ өлбөөдүйбүт
Үһү баҕас, нойоон.
Үтүө тыыныгар да
Өрүһүктэ булунун да,
Хаарыамына тыыннарыгар
Харыһыкта булунун да,
Чэйии-ий», — дии сыппыта.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Олох да олоруллуо
Суох быһыылаах диэн,
Аллараа дойдуга
Адьырҕа күүстээхтэрэ
Аарыма бэртэрэ
Бааллары тухары
Ыал буолан,
Ыыр үктээн,
Оҕо төрөтөн,
Иэримэ дьиэни иччилииирбит,
Ыччат ууһатарбыт, араана,
Суох буолсу быһыылаах — диэн толкуйдаммыта.
Онон аллараа дойду адьырҕаларын,
Улуу бэттэрин түөрэлэрин
Суох гыннахпытына эрэ
Биирдэ сатаныыһык диэн өйдөөбүтэ.
Ол кэнниттэн
Кэргэнин ханна гыныан булбакка,
Субу курдук

горе нагрянуло,
ну-ка, не тот ли это —
порождение ночи кромешной,
пням поклоняющийся,
в болоте крещенный,
Тёбёт Туурай-головорез, придя,
с семисаженной косой
Тэмэликээн Куо
насильно увез-похитил.
Когда Кёмюс Кырыктай,
наше дитя, в погоню пустился,
могучая сила его уже убавилась,
высокая слава его уже уменьшилась,
белое солнце его уже потемнело, —
кажется, так говорят, *нойоон*.
Потому для доброй души его
спасенье найдите-ка,
для драгоценной души его
защиту найдите-ка
побыстрее!» — так говорила.
(Ноо!)

После этого
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
решил: мирной жизнью
ему не жить!
"Пока свирепые силачи,
лихие удальцы
Нижнего мира
живы будут —
семью создавать,
подворьем обзаводиться,
детей рожать,
уютного дома хозяином быть,
потомство производить,
видно, нельзя будет", — подумал.
"Поэтому самых свирепых,
самых отъявленных злодеев Нижнего мира
всех уничтожив,
только тогда мирно жить можно", — решил он.
После этого,
не зная, куда девать жену свою,
вот так,

Хайа да диэкки барбакка,
Толкуйданан-дуумайданан,
Суманна тохтоон тэһийэн турбута.
Үөһээ халлаан диэккиттэн
Үлүскэнннээх үрдүк маҥан халлаан
Үрдэ алдьанна быһыылаах,
Дьэс алтан күөһү
Түҥнэри ууран кээспит курдук
Кыһыл эбир түһэн кээспитин
Кэлин өттүттэн
Түөрт түрүлүөкэлээх
Түтүм дьүккүөр холорук
Түҥнэри сөрөөн кэллэ,
Аҕыс татылҕалаах
Ала дьалхаан холорук
Таҥнары сатыылаата.
Туох бэйэлээх айаннаан
Иэримэ дьиэбитин иҥнэрээри,
Тобоҕун тобоҕолоору
Истэхтэрэ буолуой, — диэн,
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут, уот илбис
Сытыы кылыс болотун
Утары тоһуйан турбута.

(Hoo!)

Ол турдаҕына,
Үлүскэнннээх үрдүк маҥан
Халлаан диэккиттэн
Аҕыс хааҕыргыыр
Хара маҥаас суордар
Хааҕырҕаан ааһан иһэллэр эбит.
Ол хааҕырҕаан ааһан иһэн иһэннэр,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола испиттэр эбит.
[Кини] алларааттан туран эрэ
Истэ турбут.

(Hoo!)

(Хара суордар:)
«Бай, бай, доҕор!
Чэйиий!
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах

не трогаясь с места,
стоял, думая.
Когда так стоял,
свод необъятного
высокого белого неба
как будто бы раскололся,
[небо] красной рябью покрылось,
подобной дну опрокинутого медного котла.
После этого
со стороны Верхнего неба
четырехтревожный
внезапный сильный вихрь
сверху обрушился,
восьмикратным громом сопутствуемый,
черно-белый буйный вихрь
низринулся.
"Кто же с таким шумом едет
родной наш очаг разрушить,
остаток жилища, мол, уничтожить?" —
так подумав,
на триста верст окрест
грозно звенящий
медно-красный огненно-кровожадный
обоюдоострый меч свой
навстречу выставив, стал поджидать.
(Ноо!)
Когда так стоял, увидел:
в необъятной выси
белых небес
восемь кровожадно каркающих
белоголовых воронов
с криком пролетают, оказывается.
С кровожадным карканьем пролетая над ним,
вот такую песнь повели,
вот такие вести поведали
они, оказывается.
К этим речам, внизу стоя,
он прислушался.
(Ноо!)
(Черные вороны:)
«*Бай, бай*, дружище!
Ну-ка!
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой

Модун Эр Соҕотох,
Уоллаатар уолгун,
Көмүрүйдэр сүрэҕин чопчутун
Төбөт Туурай бухатыыр
Үрдүк бэйэтин кэмнээн,
Үтүө бөҕөтүн өһөрөн эрэр дииллэ-эр.
Биһиги хайа дойду хамаандалара
Халыйан иһэҕит диэнгнин,
Ыйытар эбит буоллаххына-а,
Үөһээҥи айыыларга
Үнсүү түспүтүгэр
Дьүүллэнэн аххан иһэби-ит.
Алларaa дойдум
Арбыйа Тойон оҕонньоро(о) тахсан,
Кыттыы ылан,
Кытта дьүүллээн, сиэн-аһаан ытта,
Ингиирбититтэн ингиир көҕүрэтэн,
Аан дархан андаҕары ылан,
Күүдээх кутуйах
Тыынын быһыа суох буоламмы-ыт,
Орто дойдуттан
Чооруос чычаах да төбөтүн
Алдьатыа суох буолан,
Андаҕар туттаран кэллиби-ит.
Чэ-эй, нойоон,
Тура-олоро толкуйдана туруу́й,
Сыта-тура сыаналанан
Көрдөҕүн буолуо-уо», — дии-дии,
Ырыалаах-тойуктаах
Тус хоту диэкки көтөн
Күпсүүрдүү турбуттара.
Ити кэнниттэн
Биһиги киһибит
Сыһыыттан сылгылаан,
Хонууттан хомуйан
Моҕул кугас ат сылгытын аҕалан,
Хангха дьолуо
Ынгыырын ынгыырдаан,
Сүүрэр былыт
Сөрүөтүн сөрүөлээн,
Курбуу-дьирбии
Холунун тардан,
Сол ыккардыгар
Өр бириэмэлэр ааспыттарын кэннэ,
Айаннаары аххан турдаҕына,

выше темного леса-колка,
ведь твоего сына-сынища,
средоточия бьющегося твоего сердца,
богатырь Тёбёт Туурай
высокую славу уменьшает,
могучую силу начал убавлять, говорят.
"Какой страны посланцы
в эту сторону завернули, мол?" —
если у нас спросишь, [ответим:]
мы, у верховных божеств
по жалобе на нас
на суде побывав, теперь возвращаемся.
Даже владыка Нижнего мира
Арбыйа Тойон-старец, поднявшись,
в суде том участвовал,
судил нас немилосердно;
силы сухожилий наших уменьшили,
клятву страшную с нас взяли,
что и серой мыши
дыхания не прервем
в Среднем мире,
и головы воробышка
не тронем, мол,
клятву дав, мы возвращаемся.
Ну, а ты, *нойоон,* [о сыне своем]
стоя-сидя, быстрее надумать,
лежа-стоя, скорее решить
должен», — так говоря,
с карканьем-пением
прямо на север
стремительно полетели.
После этого —
наш человек,
пока, по лугам разыскивая, нашел,
по полям бегая, поймал
темно-рыжего коня своего,
[пока] большим тяжелым
седлом оседлал его,
да подобный летучему облаку
потник подложил под седло,
да узорно-плетеными
подпругами туго его затянул,
времени между тем
изрядно ушло;
когда уже был готов в путь тронуться, —

17 Заказ № 442

Сир үрдэ сиккиэрдэннэ,
Дойду үрдэ долгуннурда,
Түөрт түрүлүөкэлээх
Түтүм дьүккүөр холорук
Түҥнэри сөрөөн кэллэ,
Аҕыс таталҕаннаах
Ала дьалхаан холорук
Таҥнары сатыылаабыта,
Аҕыс аанын хаххалаата,
Түөрт үөдэнин бүөлээтэ.
Маҥаната байааттан ылла,
Ураһата охто сыста,
Ол кэнниттэн
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ:
Тыһаҕас ынах саҕа
Тибилгэннэнэн,
Бургунас ынах саҕа
Бургуннанан,
Сордоҥ балык тахсан,
Туһахха иҥнибитэ,
Куобах кыыл
Тууга киирбитэ.
Куоҕас баһа быстар,
Кус хараҕа тэстэр
Аҕыс айдаана,
Тоҕус сугулаана буолбутугар
Туох ааттаах бэйэлээх
Үрдүк бэйэбин кэмнээри,
Үтүө бэйэбин өһөрөөрү,
Истэҕэ буолуой диэн,
Кэтэһэн аххан турбута.
(Ноо!)
Кэтэһэн аххан турдаҕына,
Хаһан даҕаны
Көрүөх даҕаны суох,
Көрбүт да суох,
Оннук үлүгэрдээх улахан
Аттаах киһи тиэргэнин диэкки,
Сиэллэрэн дибдитэн кэлэн,
Тохтуу биэрбитэ.
(Ноо!)
Бу киһини
Түтүм бараан дьүһүнүн
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөххө,
Абааһы да бухатыырыгар,

над землей ветром повеяло,
покров земли взволновался,
четырехтревожный
внезапный сильный вихрь
сверху обрушился,
восьмикратным громом сопутствуемый,
черно-белый буйный вихрь
вниз устремился,
у дома восемь дверей захлопнул,
четыре входа завалил
так, что опоры-столбы зашатались,
так, что жилище чуть не рухнуло.
После этого
внимательно пригляделся:
с телку-двухлетку
наносы намело,
с телку-трехлетку
завалы нанесло,
щука-рыба, из воды выпрыгнув,
в силки угодила,
заяц-зверь
в вершу попал.
Такая, что голова гагары сама собой отвалиться может,
глаз утки сам по себе лопнуть может, —
неимоверная круговерть поднялась,
несусветная суета началась.
"Кто же такой дерзкий
высокую славу мою уменьшить,
могучую силу мою убавить
идет сюда, мол?" — [думая],
в ожидании настороже стоял.
(Ноо!)
Когда так стоял, ожидаючи,
никогда никем еще
даже в мыслях не представляемый,
в глаза не виданный —
огромный всадник
на подворье его,
быстрой рысью примчавшись,
остановился.
(Ноо!)
Если к этому человеку,
к внешнему виду его
внимательно присмотреться —
ни на богатыря-*абаасы*,

Айыы да бухатыырыгар
Итинник төрөл көрүҥнээх аттаах,
Төрөл көрүҥнээх бэйэлээх
Ураанхай саха баарын
Сатаан сыаналаабатаҕа,
Ол баҕайыта
Аттыгар кэлэн туран эрэн,
Абааһы диэхтэн абааһы курдук,
Айыы диэхтэн абааһы курдук
Дьүһүннээх киһи кэлэн туран эрэн,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх,
Ыыс будаан ырылаах,
Туман туурай тойуктаах
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Босхо хара тыыны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох,
Ту-ускулаах бэйэҕэр,
Дуолан кирдьик
Дорообону тосхойдум,
Тута баҕас туру-уй!
Тыыннаах бэйэҕэр
Үс күдэн хара күлүккэр
Үс төгүл сүгүрүйэби-ин.
Ки-им бэйэлээх киһи кэлэҥҥин,
Толоон хаба ортотуттан
Дорообонон тосхойдуҥ,
Баһыыбалаан матаҥнаатын диэтэрги-ин
Били маары
Уот Чолбоодой удаҕан диэн
Ийэ курдук ийэлээхпин,
Айан-дьайан үөскэппит
Аар тойон аҕам,
Арааһа, эн буолуо диэн,
Кэлэн турабы-ын
Ким ааттаах
Киһи кэллиҥ диэтэргин,
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыдьылаан Бэргэн диэн

ни на богатыря-*айыы*
дородством коня своего,
своим дородством он не походит,
кто бы из *ураангхай саха*
был бы ему сродни — не додумался.
А громадина эта,
к нему подойдя, рядом стала,
сказать *абаасы* — на человека-*айыы* вроде похож,
сказать *айыы* — на *абаасы* вроде похож —
такой вот человечище, рядом встав,
вот такой *тойук* затянул,
такие слова сказал,
со скрытым смыслом
замысловатый *тойук*
запел, говорят.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ-хэ-хэ*!
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
к тебе именно
от чистого сердца
со своим "здравствуй!" я обращаюсь,
прими его!
Тебе именно, живому,
трем темным теням твоим
трижды поклоны бью.
"Какой-такой человек, сюда придя,
среди поля
приветствием встречает,
благодарность приносит, мол?" — спросишь, [отвечу:]
это я, тот, которому
шаманка Уот Чолбоодой
родной матерью приходится,
а породившим
почтенным отцом,
наверно, ты приходишься, думая,
приехал сюда.
"Каким именем нареченный
человек пришел, мол?" — спросишь, [отвечу:]
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи, — с таким именем

Киhи-и тиийэн кэлли-им.
Айан-дьайан үөскэппит
Аар тойон аҕам,
Сүүспэр диэри
Сүбэҕин сүктэр,
Үтүө алгыскын
Үрдүбэр сүктэриэ диэммин,
Айаннаан-сэмэлээн
Аат ааттааммын,
Албан уккуйан,
Тиийэн кэллим,
Чээй, туох дииргин
Биир биллэрэ охсу-уй», — дии турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Биhиги киhибит
Бэйэтэ да соhуйан хаалла.
Туох бэйэлээх
Ол ыккардыгар* оҕо
Бачча̄лаах алдьархайдаах
Улахан бухатыыр буола,
Айыллан кэлбит бэйэтэ буолуо (дуо) диэн,
Итэҕэйбэтэх киhи курдук
Өрө-таҥнары көрбөхтөөн баран,
Уол киhитигэр дороободо уунан,
Илиитин туттаран кэбиспитэ.
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук кэпсэллээх
Буола турбута эбитэ үhү.
(Ноо!)
(Модун Эр Соҕотох:)
«Дьэ, hэ, hэ!
Тускулаах бэйэҕэр
Дуолан кирдьик
Дорообуйа буоллу-унууй.
Мин бэйэлээх киhи
Айан-дьайан үөскэппит
Аар тойон аҕаҥ
Сонун сураҕын,
Албан аатын
Аҕыс дойдуга аалынҥаабыты-ын
Истэ сылдьарын буолуо, нойон.
Айа эстэр
Араллаана буолла,
Кирис быстар

человек приехал сюда.
Думая, что меня породивший
почтенный отец мой
выше головы
советов даст,
добрыми *алгысами*
меня благословит, думая,
долгий путь пройдя,
имя твое называя,
к славе твоей взывая,
сюда я прибыл.
Ну-у, что ты на это скажешь,
быстрей выкладывай-ка», — сказал он.
(Ноо!)
После этого —
наш человек
в растерянности стоял:
"Какое же такое дитя
так быстро, однако,
таким устрашающим,
стало, мол, огромным богатырем?" — думая,
глазам своим не веря,
вверх-вниз смущенно поглядывая,
тому человечищу для приветствия
руку свою вперед протянув,
подал ее,
и вот такими словами,
вот такими речами
заговорил, говорят.
(Ноо!)
(Могучий Эр Соготох:)
«*Дьэ, хэ, хэ!*
К тебе обращенное
от чистого сердца
"здравствуй!" пусть будет.
Я тот человек,
который тебя породил,
почтенный отец твой,
о том, что весть обо мне,
о моем прославленном имени
на восемь стран разнеслась,
ты уже слышал, *нойон*, наверное.
Нацеленному самострелу выстрелить
тревожная пора наступила,
натянутой тетиве оборваться

Киччиргэнэ тирээтэ.
Эн убайыҥ
Кун халлаан анныгар
Көтөн-мөҥөн үөскээбит
Көгөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыы-ыр,
Тэмэликээн Куо диэн
Кэргэнин уоран барбыттарын
Ирдээн барбытын
Үрдүк бэйэтин кэмнээн,
Үтүө бөҕөтүн өһөрөн
Эрэллэр үһү.
Ол кимий диэтэргин
Түүн төрөөбүт
Дүөдэҕэ сүрэхтэммит,
Төбөт Туурай бухатыыр
Уоран-талаан
Иэримэ дьиэбитин
Илдьи тэпсэн,
Аан дойдубутун алдьатан,
Атаҕастаан барбыт эби-ит.
Чэйиий,
Күүс көмө буолан көрүөххүн
Төһөлөөх буолу-уой», — диэбитэ.
(Hoo!)
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадыылаан Бэргэн
Итиччэни истэн баран,
Туруо баара дуо?
Урукку-хойукку өттүгэр
Охсуһуу диэни билбэтэх киһи да буоллар,
Ол курдук
Илин халлаан
Истиэнэтин анньн диэкки
Харыады маҥаас атын
Салайа баттаан кэбиспитэ даҕаны,
Ол курдук
Уохтаах этиҥ сирдьиттэнэн,
Сааллар чаҕылҕан аргыстанан,
Үүнэр мас таҥнары сыыйыллан, [барбыта,]
Көнүтэ тэптэрэн кээспитэ,
Күөл онно буолан чөҥөрүспүттэрэ,
Сыыйыта тэптэрэн кээспитэ,

неизбежное время пришло.
У твоего старшего брата
Кёмюса Кырыктая-богатыря,
владеющего темно-серым конем,
под солнечным небом
привольно-беспечно выросшим,
жену его по имени Тэмэликээн Куо
тайно выкрали-увезли,
он вдогонку пустился было,
да высокую славу его уменьшать,
могучую силу его убавлять
начали, говорят.
"Кто на такое осмелился?" — спросишь, [отвечу:]
это ночью рожденный,
в болоте крещенный
Тёбёт Туурай-богатырь
на нас напал,
уютную нашу обитель
совсем разорив,
родную нашу землю в прах истоптав,
всех нас обидев, ушел ведь.
Ну-ка,
опорой-подмогой нам быть
не согласишься ли?» — сказал он.
(Ноо!)
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
такое услышав,
на месте устоит, что ли?
Хоть раньше-прежде
он и не знал, что такое битва,
все же
к нижнему краю
восточного небосклона
черного с белою головой коня своего
поспешно повернув, туда направился,
вот так —
грозными громами сопутствуемый,
сверкающей молнией сопровождаемый,
так, что растущие деревья травой стелились,
выбоины от копыт коня
в ложа круглых озер превращались,
отлетавшие комья земли

Сырҕан эһэ буолан сыналыспыттара.
Ол курдук
Ханнык да бухатыырдааҕар
Уохтаахтык-күүстээхтик айаннаан,
Өр илии айаннаабытын билбэтэҕэ,
Өтөр илии айаннаабытын билбэтэҕэ.
Айаннаан-сэмэлээн,
Алларaa дойдуга
Тиийэн кэлбитэ
[Икки бухатыыр]
Сэттэ хахай кыыл
Кыайан таба тирэнэн турбатах,
Таас туруу тиэргэҥҥэ
Билиитэ таас миэстэтигэр
Охсуһан бөҕө
Өлө оонньуу сылдьалларын
Көрө биэрбитэ.
(Һоо!)
Оол көрө биэрбитэ даҕаны
Аттыларыгар тиийэн туран эрэн,
Атыттан түспэккэ эрэ
Түүн төрөөбүт
Дүөдэҕэ сүрэхтэммит,
Чөҥөчөккө үҥпүт
Төбөт Туурай бухатыыры
Атын үрдүгэр олорон эрэ
Саҕатыттан ньылбы тардан ылан,
Үлтү таһыйан баран,
Уот Чумулу муораҕа
Быраҕан биэрбитэ.
(Һоо!)
Уот Чумулу муора иччитэ обургу
Хабан ылан, ыйыстан кэбиһэн баран,
Субу курдук диэн сангалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола сыппыта:
(Һоо!)
(Уот Чумулу иччитэ:)
«Абытайбын, халахайбын!
Арҕаһыттан тэһииннээх
Айыы хаан аймахтара
Төрөппүт оҕобунан
Айахпар бэлэх уунан аһаппыт
Аанай-туонай абабын!

свирепыми медведями становились,
вот так —
быстрее, чем любой другой богатырь,
мощно-стремительно в путь пустился,
долго ли ехал — сам не знал,
недолго ли — сам не ведал.
Только ехал-ехал
да в Нижнем мире
и очутился.
Двух богатырей,
там, где семь львов,
упираясь когтями, устоять не смогли бы,
на каменной площадке
высокого каменного уступа
в битве жестокой
насмерть схватившихся
сразу увидел.
(Ноо!)
Вот их увидев,
к ним подъехал
и, с коня своего не слезая даже,
тут же ночью рожденного,
в болоте крещенного,
пням поклонявшегося
Тёбёт Туурая-богатыря,
на коне своем сидя,
за ворот проворно схватил
да как следует его отхлестав,
в Уот Чумулу-море
с размаху бросил.
(Ноо!)
А дух-хозяин-то Уот Чумулу-моря,
подхватив его, вмиг проглотил
и вот с такими словами,
с такой вот речью
внизу лежал.
(Ноо!)
(Дух-хозяин Уот Чумулу:)
"Горе-горе мое!
С поводьями за спиной
племена *айыы-хаан*
родным дитем моим,
в пасть мне его сунув, угостили меня,
о горесть-досада!

Бэйэлээтэр бэйэм
Сүрэҕим чопчутун,
Быарым тулаайаҕын
Айахпар аһаталларын билбэккэбин,
Көрөр хараҕым сабылламмын,
Истэр кулгааҕым бүөлэнэммин,
Оҕобунан аһылыктаммыт абабы-ын
Көрүнүтүүй!
Чэй эрэ, нойоон
Харыадьылаан Бэргэн,
Эн диэтэх киһи,
Орто дойду диэкки буолангнын,
Ийэбит ууһун
Иҥнэри баттаан эрэҕи-ин,
Төрөтөр оҕон,
Уол оҕон
Оноҕоһунан оонньуурун саҕана,
Кыыс оҕон
Кыптыыйынан кырпалыы
Оонньуурун саҕана
Хара хапсыыр буоламмын,
Сэргэн төрдүгэр хатанаммын,
Хара хапсыыр буолан,
Үс үйэ тухары
Өнүппэтим буолуо, нойоон», — диир сыппыта.
(Ноо!)
Биһиги киһибит
Үчүгэйи эттин диэн үөрбэтэҕэ,
Куһаҕаны эттин диэн хомойботоҕо.
Сэттэ былас сыһыахтаах
Тэмэликээн Куо барахсаны
Ньылбы тутан ылбыттара даҕаны,
Аҕаларыгар,
Эр Соҕотох дойдута
Субу туһунан буолуо диэбиттэрэ даҕаны,
Аттарын миинниилэр даҕаны,
Бу дойдуга айаннаан-сэмэлээн,
Алгыстаах алҕаабытын курдук,
Тойуктаах туойбутун курдук,
Адаҕыйбыт аан дойдуларыгар,
Торулуйбут туруу дойдуларыгар
Айаннаан-сэмэлээн кэлбиттэр эбит.
(Ноо!)
Онно бэйэлэрин

Когда собственного из собственных,
средоточие моего сердца,
придаток моей печени,
в пасть мне сунули,
смотрящие глаза мои — закрыло ведь,
слышащие уши мои — заложило ведь,
родное дитя, не узнав, проглотил, о горе мое,
поглядите-ка!
Ну-ка, *нойоон*
Харыаджылаан Бэргэн,
хоть ты такой молодец,
на сторону Среднего мира став,
материнский наш род*
на погибель ведь обрекаешь,
в будущем, когда рожденным тобою детям:
сыну твоему
стрелами забавляться время придет,
дочери твоей
ножницами бойко
резать-играть время наступит, —
я, черной весенней стужей оборотясь,
у подножья коновязи твоей схоронюсь,
черной весенней стужей морозя,
на три века потомкам твоим
житья не дам, *нойоон*», — сказал.
(Ноо!)
Наш человек,
хорошим словам не обрадовавшись,
на худые слова не обидевшись,
с семисаженной косой
Тэмэликээн Куо-красавицу
проворно схватив,
к родителю своему [отправился].
"Родина Эр Соготоха
вот там, мол", — решив,
[вместе с братом] на коней своих сели,
в ту страну доехали-добрались,
будто кто их *алгысом* благословлял,
будто кто их *тойуком* сопровождал —
в благословенном своем краю,
в благодатной своей стране
благополучно очутились, оказывается.
(Ноо!)
А там

Аймах уруулара,
Аан дойдулара
Уруккуттан даҕаны
Билэн олороллор эбит,
Бэлэмнээн олороллор эбит.
Кинкир хара тыа курдук
Киэн урууларын мунньаннар,
Баай хара тыа курдук
Бар дьоннорун мунньаннар,
Үс чулуу бухатыыраттар
Баар сирдэригэр,
Ол аайы баҕас
Үөһээттэн үөрбэ буолан
Түспэт буолуохтаахтар,
Алларааттан атара буолан,
Күөрэйбэт буолуохтаахтар,
Орто дойдуттан
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаҕа моойдоохтор
Буулаабат буолуохтаахтар диэннэр,
Эрдэттэн тэрийэн олороннор,
Үс бухатыыр киһини
Көрсө биэрэннэр,
Аймах уруулара,
Аан дойдулара
Субу курдук
Айхаллыы-уруйдуу
Тоһуйбуттар эбит.
(Hoo!)
Үөрүүлэрэ үрдээн,
Уоттара күөдьүйэн,
Уордаах мохсоҕолум
Отут хонон уоруйан-суоруйан,
Унуоргу дьоргул хара тыатын
Кыайан туттубатах,
Урсун дуолай
Улуу тумарык
Алаас эбэ хотунгна
Субу курдук
Тиэргэн тэринэннэр
Дьиэ тутаннар,
Ханкыйар хаалдьыгар дылы
Харыады мангаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн,
Күн-халлаан анныгар

родня и сородичи,
страна родимая
давным-давно уже
знали, оказывается, что они едут,
подготовились к встрече, оказывается.
Словно деревья в дремучем лесу,
многочисленные родственники, собравшись,
словно деревья в густом лесу,
сородичи все, собравшись, [думая:]
"На это место,
где три отменных богатыря живут,
вот теперь-то
сверху, копьем обернувшись,
на нас никто не обрушится,
снизу, острогой оборотясь,
на нас никто не нагрянет,
из Среднего мира
крутолобые,
с могучими шеями
напасть не посмеют, мол", —
заранее приготовились,
тех трех богатырей
торжественно встретили,
родня и сородичи,
страна их родимая
приветствиями-восхвалениями —
вот так
встретили их, оказывается.
(Ноо!)
Радость их приумножилась,
ярко их очаг разгорелся,
на таком, что и грозный сокол,
летя изо всех сил, за тридцать дней
окраинных высоких темных его лесов
достичь не сможет,
на неохватно просторном,
на необъятно великом
почтенном *алаасе*
вот так
подворье свое устроили,
дом себе возвели;
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
Кёмюс Кырыктай-богатырь,

Көтөн-мөҥөн үөскээбит
Көҕөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр,
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох буоланнар,
Аарыма дойду
Атыырдара буоланнар,
Улуу дойду
Буойуттара буоланнар,
Үөһээттэн үргүөр
Үргүйүөн иннигэр
Үтүө аттарыттан куттананнар,
Алларааттан аргыар
Аргыйыан иннигэр
Аттаах аттарыттан чаҕыйаннар,
Орто дойдуттан
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаҕа моойдоохтор
Бурууһуохтарын иннигэр
Кинилэр үтүө аттарыттан,
Үрдүк сурахтарыттан куттанан,
Ыраағынан тумнан ааһар
Дойдулара буолан биэрэр.
(Ноо!)
Бу курдук
Үөһээттэн үргүөр үргүйдэҕинэ,
Үтүлүктэринэн бүөлүү анньаннар,
Аллараттан аргыар аргыйдаҕына,
Атахтарынан саба үктээннэр,
Орто дойдуларын
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаҕа моойдоохтор
Буулуур күннэригэр
Дарайар санныларынан хаххалааннар,
Аан дойдуларын,
Аймах урууларын
Атаҕастыыр киһи көстүбэккэ,
Өр бириэмэлэргэ
Үчүгэйкээн баҕайытык
Олорбуттара эбитэ үһү.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Аҕыс үрэх баһын арҕараннар,

владеющий темно-серым конем,
под солнечным небом
привольно-беспечно выросшим,
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка, — все
необъятной страны
первейшими стали,
великой страны
воинами-защитниками стали;
сверху подуть сквозняком
хоть и хотели бы —
да имен их доблестных устрашались,
снизу повеять холодом
хоть и хотели бы —
да имен их прославленных остерегались,
из Среднего мира
крутолобые,
с крепкими шеями
нагрянуть хоть и хотели бы —
да грозных имен их,
высокой славы их испугавшись,
окольными путями обходить стали —
такой их страна стала.

(Ноо!)

Вот так:
если сверху сквозняк подует —
рукавицами дыру заткнут,
если снизу холод повеет —
ногами дыру закроют,
если из Среднего мира
крутолобые,
с крепкими шеями
наседать станут —
широкими спинами загородят,
потому-то страну их,
родню и сородичей
никто обижать не смел,
долгие времена
благоденствуя,
хорошо жили они, говорят.

(Ноо!)

После этого
по верховьям восьми рек расселяясь,

Тоҕус үрэх баһын торҕороннор,
Хаан-сүөл баайы ханыылааннар,
Хантан да, туох да кэлбэккэ [олордохторуна],
Хаҥкыйар хаалдьыгар дылы
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн,
Күн-түүн аайы сүгүннэммэккэ,
Иҥиирин тыаһа
Истэнэр массыына тыаһын курдук
Лиһигирии кыынньан,
Быччыҥын иҥиирэ
Дьороххой балык курдук
Сүүрэлии ооннььоон,
Бу киһи
Сатаан сылдьыбат кутталламмыта.
Ол гынан
Өр бириэмэҕэ сылдьыбытын кэнниттэн,
Инискэннээх илин халлаан
Истиэнэтин аннын диэккиттэн
Илигириир тыал тыалыран
Илигирэтэн киирэн барбыта.
Ол кэнниттэн
Киэҥ халлаан өҥө
Кыһыл эбир түһэн кээспитин
Кэлин өттүгэр,
Дьэс алтан күөһү
Түҥнэри ууран кээспит курдук
Кытара убайан хаалбытын
Кэлин өттүттэн
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ;
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан
Үрдэ дьөлө ыстанарга дылы гыммыта да,
Үс кыталык көтөр
Үрдүнэн көтөн тэлээрэ сылдьан,
Суманнык диэн саҥалаах,
Ситинник диэн кэпсэллээх
Буола сылдьыбыттар эбит.
(Ноо!)
(Кыталыктар:)
«Дом силик, дом буоллунуй,
Айхалбына дьаралык
Хаҥкыйбалыыр хаалдьыгар дылы
Харыадылыыр маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэни
Үөһээҥи айыыларыҥ ыҥыраллар.

по верховьям девяти рек процветая,
несметные богатства наживая,
никем не притесняемые, они жили.
Вдруг Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
днем и ночью покоя лишился,
его сухожилия,
подобно швейной машинке,
стали стучать-трещать,
мышцы его,
подобно щурятам,
стали сновать-играть —
этот человек
беспокойным, неистовым стал.
Когда он вот так,
сдерживая себя,
долгое время жил,
из-под свода
восточного неба
легкий ветер повеял.
После этого
широкое небо
красной рябью покрылось,
потом —
будто опрокинутый
медно-красный котел,
красным заревом заполыхало,
после этого,
если внимательно приглядеться:
у высокого грозного белого неба
будто бы верх разверзся —
оттуда три стерха спустились
и, над ними на крыльях паря,
вот такими словами заговорили,
вот такие речи повели,
оказывается.

(Ноо!)

(Стерхи:)
«*Дом силик, дом*, пусть будет!
Тебя приветствуем,
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
тебя верхние *айыы* призывают.

Онно баҕас баранҥын,
Кэпсэтээхтиир үһүгүн.
Эйиэхэҥ аналлаах
Дьахтар баҕас киһини
Сурукка суруйан,
Олороллор үһү, нойоон,
Бэрт түргэнник
Тиийэ охсуоҥ үһү», — диэннэр,
Үс кыталык көтөрдөр
Үөһээ дойдуга
Төттөрү көтөн
Куугунуу турбуттар үһү.
(Ноо!)
Онуоха
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн
Толкуйдана түһэн баран,
Үөһээ дойдуга
Абааһыттан аҥаардаах
Киһи буолуоҕа диэтэхтэрэ,
Абааһы айыы буоларым туһунан
Дьэ, быһааран кэлиэх тустаахпын диэн,
Үҥкүрүс-күөһэлис гынан баран,
Кутуругар хоболоох,
Мооньугар мойбордоох
Аалай мохсоҕол кыыл буолан
Үөһээ дойдуга
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан диэкки
Көтөн куйааран тахсыбыта.
Ол куйааран тахсан,
Үөһээ дойдуга
Үрүҥ Айыы Тойон оҕонньорго
Тиийэн кэлбитигэр
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх,
Оҕонньор буолан
Олорбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Үрүҥ Айыы Тойон:)
«Алаата, алаатыга, оҕолоор!
Чэйиҥ, нойоон,
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн,

Туда прибыв,
ты должен с ними поговорить, сказали.
Предназначенную тебе
достойную женщину
вписав в письмена,
тебя они ожидают, *нойоон*, сказали.
Пусть быстрее
прибудет, сказали», — это проговорив,
три стерха
в Верхний мир
полетели обратно, говорят,
только крылья их засвистели.
(Ноо!)
Им вслед [глядя],
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
поразмыслив, решил:
«В Верхнем мире
обо мне: "Этот человек
наполовину *абаасы*", — думают ведь;
абаасы я или *айыы* — это
наконец-то узнав, должен вернуться».
Кувыркнулся-перевернулся —
с белой каймой на хвосте,
с белым опереньем на шее
алым соколом обернулся,
в Верхний мир,
к высокому грозному белому небу
стремительно полетел.
Стремительно так долетев,
в Верхнем мире
перед старцем Юрюнгом Айыы Тойоном
он очутился,
тот старец вот такими словами
вот такими речами
встретил его,
оказывается, говорят.
(Ноо!)
(Юрюнг Айыы Тойон:)
«*Алаата, алаатыга*, ребятушки,
Ну-ка, *нойоон*
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,

Тускулаах бэйэҕэр
Дуолан кудэнгнэр
Тосхоллоох дуолан кирдьик
Дорообобун тута баҕас туруу-уй
Нойоон, мин диэтэх киһи
Тугуй диэтэргин,
Чэйиий, нойоон,
Абааһы удаҕана
Уот Чолбоодой удаҕан
Уола буолаҕын, нойоон,
Айан-дьайан үөскэппит
Аар тойон аҕанг
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох диэн
Ытык ыал ыччата,
Төрүт ыал төрүөҕэ буолар.
Нойоон, чэйиий, нойоон,
Айыы киһитин быһыытынан
Аҕыс аркыамалаах кинигэҕэ
Анньан олоробун, нойоон.
Айыы Дархан Тойон оҕонньор (аҕалаах)
Айыы Сарыадыман Хотун эмээхсин ийэлээх
Кыыс Сарыадыман Куо диэн баар, нойоо-он.
Үрдүк ааттаах,
Үтүө сурахтаах дьахтар киһини
Эйиэхэ анаан олоробун.
Наай диэн төлө туттар буолаайаҕын», —
Дии олорбута.

(Ноо!)

Оҕонньор киһи
Кырдьаҕас ыт баттатан эрэрин курдук
Ыллаан кэбиспитин
Кэлин өттүгэр,
Биһиги киһибит буоллаҕына,
Субу курдук диэн кэпсэллээх,
Сити курдук диэн тойуктаах
Буола турбута үһү,
Уун утары көрөн туран,
Барыыстааҕынан батары көрөн туран,
Соргулааҕынан тобулу көрөн туран,
Тойуктаах-ырыалаах буола турбут.

(Ноо!)

(Харыадьылаан Бэргэн:)

к тебе, счастливому,
к твоей могучей тени обращаюсь
от всего сердца,
приветствие мое прими!
Нойоон, если "кто я такой?" —
о себе спросишь, [отвечу:]
ну-ка, *нойоон*,
ты шаманки-*абаасы*,
шаманки Уот Чолбоодой
родной сын, *нойоон*.
Сотворивший-породивший тебя
почтенный отец твой —
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка,
уважаемых родителей сын,
почтенных людей потомок.
Нойоон, ну-ка, *нойоон*,
за человека-*айыы* тебя считая,
в толстую архивную книгу тебя включив,
я сижу тебя поджидаю, *нойоон*.
Старца Айыы Дархана Тойона отцом имеющую,
старуху Айыы Сарыадыман Хотун матерью имеющую,
Кыыс Сарыадыман Куо,
вот эту с высоким именем
прославленную женщину
я для тебя предназначил, *нойоо-он*.
Смотри, не упусти свою судьбу», —
так он сказал.

(Ноо!)

Когда почтенный старец,
подобно старой собаке, во сне скулящей,
тойук свой протяжно пропел,
после этого
наш человек-то
вот такими словами,
вот такими речами
отвечал, говорят.
На старца в упор глядя,
взглядом в него впиваясь,
с любопытством его разглядывая,
песню в ответ пропел.

(Ноо!)

(Харыаджылаан Бэргэн:)

«Дьэй, һэ, һэ!
Үрүҥ Айыы Тойон оҕонньорум,
Үҥэр таҥарам,
Үҥсэр суутум,
Тускулаах бэйэҕэр,
Тоҥ күөҥҥэр
Дуолан кирдьик
Дороо-обуйа буоллу-ун!
Туох тойуктаах,
Ханнык саҥалаах
Киһигиний диэҥҥин,
Ыйытар буолларгын,
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Айан-дьайан үөскэппит
Аар тойон аҕабар кэлэн,
Олох булан олоробу-ун
Чэйиий, мин диэтэх киһиэхэ
Хоойго сытар
Холоонноох доҕору,
Тэллэххэ сытар
Тэҥнээх доҕору
Ыйан биэрбиккэр
Тоноҕостоох бэйэҕэр
Тоҕус уон бокулуон буоллунуй,
Байҕал дириҥин саҕа
Махталлаах баһыыба буоллун!» —
Дии турбута.

(Ноо!)

Ити кэнниттэн
Үөрбүт-көппүт киһи быһыытынан
Үөрэн-көтөн,
Өрөйөн-чөрөйөн
Босхо хара тыаны
Моонньоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Дьиэтигэр-уотугар
Эргиллэн тиийэн кэлбитэ.
Ол тиийэн кэлбитигэр
Аар тойон аҕата
Модун Эр Соҕотох,
Тойон убайа

«*Дьэй, хэ, хэ*!
Старец Юрюнг Айыы,
почитаемое мое божество,
высший мой судья,
тебе, почтеннейшему,
к крепкой груди твоей припадая,
от чистого сердца
свое приветствие приношу!
"С такими словами,
с такими речами,
что за человек, мол?" —
если спросишь, [отвечу:]
к Могучему Эр Соготоху,
владеющему темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
к почтенному отцу,
меня породившему, возвратясь,
жизнь свою там устроив, я живу-поживаю.
Ну-ка, за то, что мне, молодцу,
на ложе лежащую
достойную подругу,
на постеле рядом лежащую
равную подругу
указал, — за это
от меня тебе, спинной хребет имеющему,
девяносто поклонов приношу,
равное глубине моря
"спасибо" с благодарностью говорю», —
Так сказал.
(Ноо!)
После этого
как человек, радость познавший,
ликуя-радуясь,
смеясь-ликуя,
к Могучему Эр Соготоху
владеющему темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
к жилищу-очагу своему
опять возвратился.
Когда возвратился,
почтенный отец его,
Могучий Эр Соготох,
и уважаемый старший брат его,

Көмүс Кыырыктай
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэни
Аҕыс ахтар айыылара
Айыы киһитинэн аахпыттарынан
Үөрэн-көтөн тураннар,
Күн сирин күүстээҕэ,
Айыы сирин ааттааҕа
Киһилэннэхпит диэннэр,
Үрдүк үөрүүнэн көрсөннөр,
Уруй уруйдаатылар,
Айхал айхаллаатылар.
Ол кэнниттэн
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыдьылаан Бэргэн
Алааһын ортотуттан үүнэн тахсыбыт,
Аҕыс салаалаах
Аар хатыҥ иннигэр тиийэн,
Аан дойду иччитэ
Аан Алахсын Хотун эмээхсин
Үс күдэн үтүө күлүгэр
Сүгүрүйэн туран,
Көрдөһө-аартаһа турбута эбитэ үһү.
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ-буо!
Аан дойдум иччитэ
Аан Алахсын эмээхсин
Атаарҕаабаккар
Аартаһыы* бөҕө ахсааннаах,
Көрдөһүү бөҕө күттүөннээх
Үтүө алгыскын
Үрдүбэр сүктэриэххин
Төһөлөөх буолуоҕай,
Аартык-аартык аайы аргыстаһар
Ааттаах алгыскын
Аныаххын хайдах буолуой?!
Эмиийин үүтүттэн
Эмтэрэн ыытыаххын
Айыы оҕотобун диэммин
Саныахпар да үчүгэй буолуо.
Көрдөһүү бөҕө күттүөннээх,
Аартаһыы бөҕө ахсааннаах», — диэбитэ.
(Ноо!)

Кёмюс Кырыктай,
Харыаджылаана Бэргэна,
владеющего черным конем с белой головой
до изгиба шеи,
его, признанного восемью почитаемыми *айыы*
за человека-*айыы*,
с радостью-ликованием встретили,
"на солнечной земле сильнейшего,
на земле *айыы* отменнейшего
человека заимели", — так толкуя,
с великой радостью его встретили,
"*уруй*" говоря — прославлять начали,
"*айхал*" говоря — возвеличивать стали.
После этого —
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
перед восьмиветвистой,
посреди *алааса* выросшей
Священной Березой стоя,
к духу-хозяйке земли
Аан Алахсын Хотун,
к трем темным теням ее обращаясь,
колено свое перед ней преклонив,
стал умолять-упрашивать ее, говорят.
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ-буо*!
Хозяйка земли
старушка Аан Алахсын,
своей защиты меня не лишай.
Ведь просьбой зря не тревожат,
мольбой часто не докучают,
добрыми *алгысами* своими
[благословить] меня
каково тебе будет?
Лучшим своим *алгысом*,
на всех путях-дорогах сопутствующим,
[благословить] — каково тебе будет?
Своим грудным молоком
меня накормив, отпусти-ка.
Тогда: "Дитем *айыы* являюсь, мол", —
и думать мне приятно будет.
Ведь просьбой зря не тревожат,
мольбой часто не докучают», — молил он.
(Ноо!)

Ити кэнниттэн
Аҕыс салаалаах
Аар хатыҥ анныттын
Аҕыс салаатын быыһыттан
Аан дойду иччитэ
Аан Алахсын Хотун эмээхсин
Саннын байаатыгар дылы түһэр
Арыы саһыл астаах
Эмээхсин дьахтар
Эмиийин кэрэтигэр дылы
Быган тахсыбытыгар,
Харыадьылаан Бэргэн
Ойон тиийэр да,
Эмээхсин дьахтар эмиийиттэн
Биирдэ нүрүйэн баран,
Иккиһин өҕүрүйээри гыммытыгар,
"Хаарахаан, абааһы эбиккин дуу", — диэн баран,
Уолугуттан ылан баран,
Тиэрэ анньан кэбиспитэ.
Ол кэнниттэн
Эмээхсин дьахтар
Быкпытынан олорон эрэн,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сыыйа-баайа саҥалаах
Буола олорбута үһү.
(Аан Алахсын:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Хаҥкыйар хаалдьыгар дылы
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн,
Нойоо-он,
Субу күнтэн ыла
Арҕаһыттан тэһииннээх
Айыы хаан аймаҕын
Аһыныгас санааланаар,
Көхсүттэн тэһииннээх
Күн хаан улууһун
Көмүскэс сүрэхтэнэн көрөөрү-үй!
Илин өттүҥ
Ибирэ суох буоллун,
Кэлин өттүҥ
Кэбирэ суох буоллунуу-уй!
Охтоохтон охтоойоҕун,
Саалаахтан самнаайаҕын,
Уоттаах тыллаах уҕарыйдын,

После этого —
из-под восьмиветвистой
Священной Березы,
между восемью ветвями ее
дух-хозяйка земли
Аан Алахсын Хотун
в образе старой женщины
с пожелтевшими волосами,
ниспадающими до лопаток,
по соски грудей своих
только высунулась было —
Харыаджылаан Бэргэн
вмиг подскочил,
к груди старой женщины
только раз приложиться успел,
когда во второй раз хотел пригубить:
"Великое чудище, оказывается *абаасы*, что ли?" — промолвив,
она, за грудки его схватив,
прочь от себя оттолкнула.
После этого
старая женщина,
из-под ветвей выглядывая,
вот такие речи
стала тихо-степенно
петь-сказывать, говорят.
(Аан Алахсын:)
«*Дьэ, хэ, хэ*!
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
нойоо-он,
с этого самого дня
к племенам *айыы хаан*,
поводья за плечами имеющим,
будь сострадательным,
к племенам солнечного *улуса*,
поводья за спиною имеющим,
будь сердобольным!
Впереди себя
преград не знай,
позади себя
препон не ведай!
От имеющих луки — не падай,
от имеющих оружие — не сгибайся,
пусть разящие огненные языки уймутся,

Сытыы харахтаах сынтарыйдын,
Этэҥҥэ эргиллэн кэлэҥҥин,
Иэримэ дьиэни иччилээҥҥин.
Ыал буолан,
Ыччат ууһатан көрсөөрүүй,
Уруй-хоруй буоллу-ун», — диэн
Алҕаан кэбиспитэ.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Хаҥкыйар хаалдьыгар дылы
Харыады маҥаас ат сылгы
Тус иннигэр кэлэн туран,
Тойуктаах-ырыалаах
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Ат ырыата:)
«Анньы-ыһаҕы, анньыһаҕы
Эминэ баҕас тугуйбуна,
Хаҥкыйаахтыыр хаалдьыгар дылы
Харыадына маҥааспына аттардаахый
Харыадьылаан Бэргэмминэ
Тускулардаах бэйэлэргэр
Тоҥнууруга күөннэриккэр
Доро-обуйа буоллунугуй!
Анньы-ыһаҕы, анньыһаҕы!
Эминэ да тугуйбуна,
Туохтаах буолан тойугурдуҥ,
Ханныктардаах буолуталаан,
Саҥа баҕас аллайаҥҥын
Алтан чуораан айахтаргын
Амалыйдыҥ диэхийиктээн,
Ыйыппалыыр буолларгын да,
Чэйиий, нойоон,
Эннииригэ бэйэлэрдээх киһикээни
Утарыта көрүтэлээн,
Уоннууруга хонуктарга
Утарыта туруталыыр
Аҕыйаҕа буолуо, нойон,
Алларааҥы дойдукайым
Арсан дьааман айахтардаах,
Далан хапсыыр далаҕайдаах
Ааттаах бииһин уустарыгар
Албаһыгар хаптарыаҕыҥ,
Ону баҕас сэрэнээриий.
Нойоннуура уолчааным,

пусть губящие острые взоры притупятся,
благополучно вернувшись,
уютный дом обоснуй,
семьею обзаведись,
потомство постарайся умножить,
да будет *уруй-хоруй*», — так говоря,
благословила его.
(Ноо!)
После этого
черный конь с белою головой
до изгиба шеи
перед ним вдруг предстал
и, запев-заржав,
стоял, говорят.
(Ноо!)
(Песня коня:)
«*Анны-ысагы, анньысагы*!
Ты ли,
Харыаджылаан Бэргэн ли,
владеющий черным конем с белой головой
до изгиба шеи,
тебе ли, прославленному,
перед твоей ли крепкой грудью [стоя],
"здравствуй!" говорю.
Анны-ысыгы, анньысагы!
"Кто же это такой запел?" —
если спросишь,
"с чем придя,
речь завел,
ртом, как медный колокольчик,
растрезвонился, мол?" —
если спросишь, [отвечу:]
ну-ка, *нойоон*,
тебе, такому молодцу,
противоборствуя,
в течение десяти дней
в поединке устоять
немногие могут, наверно, *нойон*,
но [кому-то] из племени Нижнего мира
с кровожадной пастью,
с загребущими ручищами,
с дурной славой
на обман можешь попасться —
этого остерегайся.
Нойоон, паренек мой,

Тэргэн куйаар кулгаахпынан
Онтон-мантан
Оттуур-мастыыр иччититтэн
Иститэлээн турардаахпын.
Сарыадыман Куокаллалыыр барахсаны
Аллараанҥы дойдуларга
Уоран-талаан барыталаан,
Олохторун олоҕой-солоҕой* туппуттара.
Туппуттара дииллэр этэ.
Онон баҕас
Оттордоохуй оронугар
Олороруҥ саарбах буолуо.
Сэптиир курдук сэрэнээхтээр,
Охтуур курдук оҥостоохтоор,
Чэйиий, нойоон,
Оллуур кимий диэтэххинэ,
Таастыырыга Кудустайа
Бухатыырдыыр диэхийиктээн,
Үөһээҥҥилиир улуукалыыр
Бухатыыры умсарбыта
Отут сылтан орто баҕас,
Тэги-иллиирэ дойдулартан
Тэҥнээхтэр да тиксиһэргит буолаахтыаҕа,
Холлууруга дойдулартан
Холоонноохтор булсуһаргыт буолаахтыаҕа.
Ыйааһыҥҥа уурдахха да,
Кэлтэгэйдээн барбат ини,
Акка баҕас ыыртахха да,
Аҥардастаан түспэт
Дьоннор буолуохтыаххыт.
Чэйи-ийбинэ,
Минниир диэтэх
Соноҕостуур сылгыбына
Этэрбинэ эттиир нуурай тылланыкпын
Иккибинэ иэдэстэйгэр
Илдьэ турар,
Тэргэн куйаар кулгааххынан
Иститэлээн турууй, баҕас,
Анньы-ыһа анньыһаҕы, анньыһаҕы», — дии турбута.
(Ноо!)
Ол курдук
Ханкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн

огромными ушами своими
здесь ли, там ли
от духов трав и деревьев
мне доводилось слышать:
Сарыадыман Куо-будняжку,
в Нижний мир,
похитив-украв, увели, мол,
жизнь расстроили, мол,
нарушили, говорят.
Поэтому
на ее ложе с мягкими травами
вряд ли тебе сидеть придется.
Как самострел, настороже будь,
как стрела, наготове будь.
Ну-ка, *нойоон*,
"кто же похитил?" — спросишь [отвечу:]
богатырь по имени
Таас Кудустай,
более тридцати лет назад
великого богатыря
Верхнего мира одолевший ведь.
Из дальних стран
равные, сойдетесь, видимо,
из дальних земель
достойные, повстречаетесь, видимо,
хоть на весы положить —
на одну сторону не перетянете,
хоть на коня навьючить —
на один бок не перетянете —
вот такие вы люди ведь.
Ну-ка,
то, о чем я, славный
молодой конек,
мясистым мягким язком тебе рассказал,
не отворачиваясь, выслушай,
навсегда запомни,
большими своими ушами
вслушайся-ка,
анньы-ыса анньысагы, анньысагы! — сказал.
(Ноо!)
Вот так
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,

Ханка дьолуо ынъырыгар
Харалдыктан көппут
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Хатана түспүтэ,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон кэбиспитэ.
Харыады манҕаас ат сылгытын
Куус гына кымньыылаабыта,
Ол курдук омуннаахтык айаннаан,
Үүнэр мас таннары сыыйыллар
Түтүм дьүккүөр холорук төргүүлэнэн,
Аҕыс таталҕалаах
Ала дьалхаан холорук аргыстанан,
Сааллар чаҕылҕан дуксуурданан,
Сүүллэр этин дьөһүөлдьүттэнэн,
Субу курдук айаннаан испитэ.
(Ноо!)
Күһүнну бөҕөтүн
Өксүөнүнэн өйдөөн,
Сааскы бөҕөтүн
Хахсаатынан билэн,
Кыһынны бөҕөтүн
Кырыатынан билэн,
Сайынны бөҕөтүн
Самыырынан билэн,
Дьүккүөрдээх айаны айаннаан,
Тымныы хонугу хонон,
Субу курдук айаннаан испитэ.
Тоҕус уон буомнары
Туораталаабыта,
Сэттэ уон дьибилгэттээх
Тоҕус биттэхтээх
Суол ийэ хотуну туораабыта.
(Ноо!)
Ол истэҕинэ
Арай биир бириэмэҕэ
Өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ,
Иннигэр-кэннигэр эриэн үөн курдук
Түллэнгниргэ дылы гыммыта.
Иннигэр-кэннигэр күөх уот
Сардыргыырга дылы гынар.
Ол кэнниттэн арай туох эрэ
Ырыалаах-тойуктаах буола-буола,
Атын кутуругар эйэнэлиир курдук гыммыта.
(Ноо!)

в крепкое свое седло,
проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с весенней проталины,
ловко вскочил,
подобно токующему глухарю,
откинув голову, горделиво уселся.
Черного своего коня с белою головой
со свистом плетью хлестнул —
тот стремительно в путь пустился,
вершины растущих деревьев до земли стали стелиться, —
таким сильным вихрем сопровождаемый,
в восьми местах спутанным
черно-белым вихрем сопутствуемый,
будто сверкающей молнией сопровождаемый,
будто грозными громами ведомый,
вот так он ехал.
(Ноо!)
Множество осеней
по ненастью узнавая,
множество весен
по холодным заморозкам ощущая,
множество зим
по снежной пороше распознавая,
множество лет
по дождю узнавая,
трудный путь держа,
в лютый холод не останавливаясь, —
вот так он путь продолжал.
Девяносто преград
он одолел,
с семьюдесятью преградами,
с девятью коварными переходами
госпожу мать-дорогу преодолел он.
(Ноо!)
Когда так ехал,
вдруг однажды
стал внимательно всматриваться:
спереди-сзади будто змея
извиваться стала,
спереди-сзади
будто бы синий огонь зашипел,
после этого
вдруг что-то запело-заговорило будто бы,
у хвоста коня что-то замельтешило вроде бы.
(Ноо!)

(Аартык иччитэ:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Хайа доҕоор,
Аартык иччитэ
Ала Туйгун
Алтан айахпын
Амалыйа турабыан,
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри-э
Харыады маҥаас аттардаахый
Харыадьылаан Бэргэн,
Улуу дойдум бухатыыра,
Орто туруу дойдум
Уордаах мохсоҕоло,
Улайдаах оноҕоһо* буолан оҥоһуллубут
Мин диэтэх киһи
Туойар тойукпун
Тоҕус үүттээх долоҕойгор
Тутан туруой, нойоо-он,
Ол тугуй диэтэргин
Чэ, эрэ, нойоон,
Тоҕус биттэхтээх
Суол ийэни тобулаары-ыгын,
Аҕыс адьырҕаннаах арҕастаах
Айан суолун аартыгын арыйар күнҥэр
Аал уоккар аста кээһэн,
Уон тарба-ах уунуута,
Биэс тарбах бэригэ
Ууна охсу-уой!
Үтүө алгыспытын
Үрдүгэр сүктэриэхпит,
Ааттаах алгыспыт
Аартык, аартык аайы
Аргыс буолан аргынныаҕа,
Аҕыс хаттыгастаах
Араҕас маҥан халлааным
Ардаҕа тэстэн
Бадьыыстыа суоҕа,
Тоҕус хаттыгастаах
Толуу маҥан халлааным
Тобураҕа киирэн,
Тоҥоруо суоҕа, нойоон», — дии турбута.
(Ноо!)
Кирдьик даҕаны,
Оннук эбит диэбит курдук,
Ойон түһэн,

(Дух перевала:)
«Дьэ, хэ, хэ!
Что же, друг,
это я, дух перевала
Ала Туйгун,
медные уста свои
открывая, говорю:
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белой головой
до изгиба шеи,
богатырь моей великой страны,
грозный сокол
несокрушимого моего Среднего мира,
разящей его стрелой быть сотворенный,
ну, мой ли, такого славного человека,
складываемый *тойук*
в свою голову, имеющую девять отверстий,
прими, *нойоон*.
Если спросишь, о чем пойдет речь,
ну-ка, *нойоон*, [отвечу:]
перед тем как с девятью преградами
мать-дорогу пробивать будешь,
через восемь хребтов-перевалов
путь открывать будешь,
священному огню гостинцы оставь,
то, что протянуть могут десять пальцев,
то, что дать могут пять пальцев,
быстрее подай-ка мне!
Добрые наши *алгысы*
на плечи твои возложим,
славные наши *алгысы*,
спутниками тебе став,
на каждом перевале оберегать тебя будут.
Тогда с восьмиярусного
чистого белого неба*
льющийся ливень
тебе помехой не будет,
с девятиярусного
белоснежного неба*
падающий град
тебя холодить не будет, *нойоон*», — сказал.
(Ноо!)
"Ведь и вправду
так надо сделать", — подумав,
с коня [богатырь] спрыгнул,

Атын сиэлиттэн
Быһа баттаан ылбыта.
Ол кэнниттэн
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыадыы маҥаас атын
Алтынньы ыйым
Алта саҥатын курдук
Артыаллаһан айыллыбыт
Икки тэргэн куйаар кулгааҕын
Хаҥас өттүттэн
Айыы аһын арааһыттан
Амтаннааҕа буолуо диэбитин
Аҥаар илиитинэн
Тарыйа тардан ылан,
Уот оттунан
Онно ас кээспитэ.
Ол кэнниттэн
Атын үрдүгэр төттөрү
Хап гына түспүтэ да,
Айаннаабытын курдук
Айанныы турбута.
(Ноо!)
Ол айаннаан-сэмэлээн,
Алларaa аҕыс бииһин-ууһун диэкки,
Айаннаан испитэ.
Алларaa дойдуга
Айаннаабатах буолан,
Атын дойдуга киирэн иһэр быһыылаах,
Урукку бэйэтин сиринээҕэр
Ордук атын дойдуга киирэн иһэн,
Барбатах балык миинин курдук
Бадьыа-будуө дойдуга тиийэн кэлбитэ.
"Кирдьик даҕаны
Абааһы дойдута,
Бу мин дойдум,
Сүрдээх куһаҕан дойду эбит.
Охтон баранар маастаах,
Уолан суоруйар уулаах,
Ойон тэмтэйэр күннээх
Орто туруу бараан дойдутааҕар
Олус куһаҕан дойду эбит", — диэн өйдөөбүтэ.
(Ноо!)
Ити курдук айаннаан,
Өҕүрүмэр оҕус саҕа
Өрөҥнүү сүүрбүт үөннээх,

от гривы своего [коня]
пучок [волос] отрезал.
После этого
к черному коню с белою головой
до изгиба шеи,
два огромных торчащих уха которого
подобны луне
шестого дня
шестого месяца*,
с левой стороны подойдя,
подумав: "Из разной снеди племен *айыы*
вкуснейшая эта будет, мол", —
одной рукой [из уха коня]
достал [еду]
и, огонь разведя,
в него угощение бросил.
После этого
опять на коня своего
проворно вскочил,
как ехал раньше,
так и дальше путь продолжал.
(Ноо!)
Долгий путь продолжая,
к восьми нижним племенам
путь держал.
В Нижнем мире
раньше он не бывал,
потому, в другой мир спускаясь,
заметил: [в страну], на его прежние места
совсем не похожую,
в мутно-сумрачную страну,
подобную недоваренной ухе, прибыл.
"И вправду ведь,
страна племен *абаасы*
и мне родной приходится ведь,
очень уж неприглядная эта страна, оказывается;
хуже, чем страна, где деревья, падая, погибают,
где воды, испаряясь, мелеют,
где высоко солнце восходит, —
если сравнить с неколебимым Средним миром,
очень неприглядной эта страна оказалась", — подумал.
(Ноо!)
Вот так приехав
увидел страну,
где величиной с четырехтравных быков

Хоронгнуу сүүрбүт хомурдуостаах,
Кылыйа сүүрбүт кымырдаҕастаах
[Дойдуга тиийбитэ]
Сэттэ уон дьэс эмэгэт иччилэрэ
Иннигэр-кэннигэр
Элэңнии оонньообуттара.
Тоҕус уон куочай өлүү куорхаабыт
Удаҕан аймахтара
Онтон-мантан одуулаан көрбүттэрэ,
Аптаах аймахтара
Онтон-мантан чарапчыланан көрбүттэрэ.

Туох ааттаах бухатыыра
Бу туохпутун сиэри
Айаннаан истэҕэй диэбиккэ айылаах,
Кырыыс [кыргыттара]
Кырыы өттүгэр
Кыптыый тутан кыламмыттара,
Оһол уолаттара
Уҥа өттүгэр
Оноҕос тутан орулаабыттара.
(Ноо! Тоҕо сүрэй!)
Ити кэнниттэн
Биһиги киһибит
Айаннаан-сэмэлээн истэҕинэ,
Арай биир сиргэ тиийбитэ:
Сир анныттан
Бур-буруо тахсарга дылыта.
Ону буоллаҕына,
Булгунньаҕын тоҕо тардан,
Ураатын саба ууран кээспитигэр
Өр дуу, өтөр да буолбатаҕа,
Дьиэтин аанынан
Буруо тахсыбытыгар
Өлөр өлүү абааһы кыыһа
Ойон тахсан баран,
Иннигэр-кэннигэр
Эйэңнии-эйэңнии
Саманнык диэн саңалаах буола турбута.
(Ноо!)
(Кыскыйдаан Куо:)
«Иэһэликпин-таһыылыкпын
Иэхийигин-чуохуйугун,
Эминэ да тугуйбуна!

насекомые вприскочку носятся,
жуки вприпрыжку бегают,
муравьи на одной ноге скачут.
Духи семидесяти медных идолов,
спереди-сзади него мельтеша,
заигрывать стали,
девяносто болезнями изнуренные,
безумием страдающие шаманки
отсюда-оттуда дико на него озирались,
из рода колдовством владеющих
со всех сторон, ладони ко лбу козырьком приставив,
в него всматривались:
что за богатырь
к нам на нашу погибель
издалека пожаловал, мол.
Оттого-то, сбоку подступив,
девы Кырыыса,
ножницы [наготове] держа, завизжали,
с правой стороны
сыновья Осола,
стрелы [настороже] держа, заорали.
(Ноо! Ну и ужас!)
После этого
наш человек,
дальше следуя,
к одному месту подъехав, [заметил]:
из-под земли
еле-еле дымок курится.
Тогда он
холм выворотил,
им дымоход заткнул наглухо,
долго-недолго ли —
когда из дверей жилища
дым повалил,
дева смерти-погибели
оттуда выскочила,
спереди-сзади него
корчась-кривляясь,
вот такую речь повела.
(Ноо!)
(Кыскыйдаан Куо:)
«Входы-выходы мои,
радости-напасти мои,
всякая всячина моя!

Чэйииийбинэ!
Хаҥкыйбалыыр хаалдьыгыгар диэри баҕас
Харыадылыыр маҥааспына аттардаахый
Харыадьылаан Бэргэнигим,
Кэтэспитим сэттэ сылтан орто баҕас,
Эйигин да кэлээхийдиэ диэхийиктээн,
Үстүүр дойдум
Уллэр баҕас үчүгэйин,
Астаабыппын барыкатын
Мунньуталаан,
Кэһиикэйбин уурбутум да,
Эрдиир киһи сыттарыга
Сытыы тумус муннуларбар
Сабыталаан биэрбитэ
Үстүүрүгэ төгүрүгэ сылланыктан
Орто баҕас,
Хайа дойдум хамаандата,
Туохтуур дойду норуоттара
Субулуура саҥабын саҥардым да,
Тойукпуна туойдум баҕас диэтэххинэ,
Били маары алларааҥы дойдукайым
Аттырбаахтыыр кыыстарыга
Кыскыйдаана Куолууруга диэхийиктээн
Анал минэ аттардаахпын.
Чэйи-иий, нойон,
Оттоохпуна оронукпар олороҥнун,
Ортомнордоох кэпсэтиини кэпсэтиэхэйиҥ.
Чэйи-иий, диэн», —
Көрдөһө-аттаһа турбута.
(Ноо!)
Онуоха биһиги киһибит
Туох астаах-үөллээх,
Туохтаах буолар эбитий диэн,
Дьиктиргээбит курдук
Дьиэтигэр киирэн кэллэ.
(Ноо!)
Киирэн кэлбитэ:
Өлүү күлгэри үөнү
Остуолугар куорманнаан баран
Чохчолуу ууран кэбиспит.
Аан дойду чохутун-баҕатын мунньан,
Буһаран баран,
Остуолугар ууран кэбиспит.
Сэттэ уон сэттэ эмэгэт иччилэринэн

Ну-ка же!
Мой Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем
с белою головой до изгиба шеи,
больше семи лет тебя поджидаю уже.
Как дух твоей мужской плоти
в мой остроклювый нос
ударил,
тому три кругленьких годика
миновало уже.
Зная, что ты прибудешь,
наилучшие яства
трех миров отобрав,
их тебе приготовила,
гостинцы собрав,
тебя поджидала.
"Какой страны,
какого народа [женщина]
речь повела,
разговор завела, мол?" — скажешь, [отвечу:]
это Нижнего мира
сильнейших владык дочь,
Кыскыйдаан Куо —
вот мое имя.
Ну-ка, *нойон*,
на устланную травой постель мою присядь-ка,
важные разговоры [с тобой] поведем-ка, ну!» —
так она
умолять-упрашивать стала.
(Ноо!)
Тогда наш человек:
"Что же за яства-кушанья у нее
имеются, мол?" — [думая],
будто из любопытства
в обитель ее вошел.
(Ноо!)
Вошел туда и увидел:
ядовитых ящериц
изжарив, на стол их
кучками она выложила.
Со всего света жуков-лягушек собрав,
в изобилии их наварила
и на стол все выставила.
Семьюдесятью семью идолама своими

Эркиннэрин киэргэтэлээбит эбит.
(Ноо! Тоҕо сүрэй!)
Мэкчиргэ мэйиитэ*
Миискэлээх эбит,
Суор мэйиитэ
Хомуостаах эбит,
Хаххан мэйиитэ
Хамыйахтаах эбит,
Кукаакы сыҥааҕа
Ньуоскалаах эбит.
Чабычах түгэҕэ чыһыылаах,
Мэһэмээн түгэҕэ мэтээллээх,
Уллуҥ түгэҕэ уордьаннаах
Уолан киһи чоҥкутун уҥуоҕа
Илин-кэлин кээһинэр
Киэргэллэрдээх эбит.
(Ноо! Бай!)
Маныаха буоллаҕына,
Биһиги киһибит киирэн,
Барыыстааҕынан батары көрөн туран,
Соргулааҕынан тобулу көрөн туран,
Субу курдук диэн тойуктаах
Буола олорбут эбит.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!)
Аллараа дойдум
Адьарайын бииһин ууһуттан,
Алыс да үчүгэй
Дьахталлардаах буолар эбит.
Мин саҥардыы көрөн
Сөрү сөхтүм,
Бэри бэркиһээти-им
Ол да буоллар
Туойар тойугум
Торҕо дуулай хоһоонун
Тоҕус үүттээх долоҕойгор
Чопчу тутан туруу-уй
Таас Кудустай бухатыыр диэн киһи
Айыы кыыһын
Кыыс Сарыадыман Куону
Уоран-талаан барбытын
Ир суолун ирдээммин,
Тон суолун тордооммун,

стены жилища украсила она, оказывается.
(Ноо! Ужас какой!)
Из черепа совы
миска у нее, оказывается,
из черепа ворона
ковш у нее, оказывается,
из черепа филина
черпак у нее, оказывается,
из челюсти кукши
ложка у нее, оказывается.
Сама из дна *чабычаха* часы она сделала,
из дна лукошка [сделанную] медаль нацепила,
из подошвы [вырезанный] орден приладила,
из голенных костей дородных молодцев
нагрудные-наспинные
украшения имела она, оказывается.
(Ноо! Бай!)
Так вот,
наш человек, войдя,
на нее пристальным взором глядя,
насмешливым взглядом ее буравя,
такой вот *тойук*
пропел, говорят.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ, хэ, хэ!*
Злые племена
Нижнего мира
таких распрекрасных
женщин имеют, оказыватся,
я вот, их впервые увидев,
очень уж удивился,
слишком уж изумился,
но все же,
моего песнопения
сокровенный смысл
девятью отверстиями своей головы
воспринимай-ка.
Богатырь по имени Таас Кудустай
женщину племени *айыы*,
Кыыс Сарыадыман Куо-красавицу,
выкрав, скрылся,
вот я, по свежим следам его выслеживая,
по старым следам его выискивая,

Ириэнэҕэр тиэрдээрибин,
Аҕыс хаттыгастаах
Аан суолун
Арыйан тиийэн кэллим.
Ону ыйан биэрбэт буолларгын
Күлгүн күлэ-күлэ буккуйуоҕум,
Көмөргүн үөрэ-үөрэ кыыбахтыаҕым.
Чэйии-ий, мин диэтэх киһи-и
Албан аатым
Аҕыс биис ууһугар
Аартык аайы ыйаммыта,
Үтүө аатым
Үс дойдуга
Үргүүк таба түүтэ буолан,
Үрэлийбитэ-э.
Чэй, элэс муора
Истэриҥ буолуо,
Абыр-табыр ааттыыллара буолаарай.
Ону иккиттэн биирдэһин
Биллэрбэт буолларгын
Халыҥ тириигин хайытыаҕым,
Үрүҥ тыыҥҥар туруоҕум,
Чэй-эй», — диэн,
Ыыстыы-буруолуу
Ырыттыы-буруттуу
Турбута эбитэ үһү.
Ол кэнниттэн
Абааһы кыыһа
Ону-маны ыйбатаҕа буолан,
Астаабыта-үөллээбитэ буолан,
Налыҥныы сырыттаҕына,
Тэчинньиэр ойууру
Тиэрэ баттаабыт курдук
Тимир тэллээнискэй баттаҕыттан
Хабан ылбыта да,
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотунан
Таһыйан имитэ сылдьыбыта.
(Hoo!)
Таһыйан-таһыйан,
Эппиэтин ылаары
Таһыйбахтаабытын кэннэ,
Абааһытын кыыһа

чтобы на неостывший след его выйти,
по восьмислойной
большой дороге-матери,
путь прокладывая, сюда прибыл.
Если ты дорогу мне не укажешь,
то золу твою, смеясь-ликуя, перемешаю,
пепел твой, ликуя-радуясь, развею.
Ну-ка, не мое ли
славное имя
по всем дорогам,
где восемь племен обитают, распространяется,
не моя ли добрая слава,
подобно шерстинкам пугливого оленя,
на три мира
разносится?!
Ну-ка, может, хоть мимоходом
слышать тебе приходилось [о Таасе Кудустае],
может, хоть шепотом имя его где-нибудь называли?
Одно из двух укажешь.
Если не скажешь,
толстую кожу твою вспорю,
белую душу твою прерву,
ну-ка же!» — так говоря,
дерзко бранился,
грубо препирался он,
говорят.
После этого,
когда девка-*абаасы*
то-се, мол, не желая указывать,
будто бы приготовлением пищи занявшись,
неторопливо расхаживала,
вдруг ее за железные куцые космы,
похожие на лес с засохшими сучьями,
вверх корнями вывернутый,
он схватил
и на тридцать верст окрест
грозно звенящим
медно-красным огненно-кровожадным
обоюдоострым мечом [плашмя]
стал ее бить.
(Ноо!)
Бил и бил он ее,
чтоб ответ получить,
бил до тех пор,
пока девка-*абаасы*

Абытайдаан-халахайдаан,
Саҥалаах-иҥэлээх
Ытыы-соҥуу сылдьыбыта үһү.
(Ноо! Бай!)

(Кыскыйдаан Куо:)

«Иэһэликпин-таһыылыкпын,
Абытайбын-халахайбын,
Эминэ тугуй!
Тохтоо, болҕой, нойонугум,
Иэдэстэһэр диэхтээбитим,
Эттээн киирэн бардын дуу,
Оонньоһоохтуур диэхтээбитим,
Охсуталыыр эбиккин дуу,
Дьээбэлэнэр диэхтээбитим
Тэбиэлээхтиир эбиккин дуу,
Дьахтар киһи таһылларын
Таптыыр баҕас диэхэйиктээн,
Өстүүрүгэ хоһооннoруга баардыырыга
Өһүргэнэ истээхтээмэ.
Дойду-дойду туттар тыла
Тустуур туспа буолаахтаачы.
Чэ-эйбинэ, нойонугум,
Били маары
Таастыырыга Кудустайа бухатыырым
Энньииригэ кэргэн, баҕас,
Ылыахтардаах дьахтардаргын
Кыыстыырыга Сарыадыман Куокалланы
Уоран-талаан барбытыга
Үстүүр сылтан орто-о
Чэйиий, нойоон, ону баҕас
Барыталаан туруораахтаан тийээхийдээн,
Ирдиир суолун ирдээхийдээн тиийдэххинэ,
Баҕа бөҕөҕүн ханнарыаҕа,
Маҥалайгын толоруоҕа.
Үрүҥ тыыммын хаалларталаа», —
Дии сылдьыбыта.
(Ноо!)

Ити кэнниттэн
Биһиги киһибит
Үчүгэйи эттиҥ диэн үөрбэтэҕэ,
Куһаҕаны эттиҥ диэн хомойботоҕо.
Ол абааһы кыыһын
Үлтү үрэйэн,
Суор сокуускаата гынан,
Мэкчиргэ мэҥиэтэ гынан,

от боли не заголосила,
не взмолилась, не запросила [пощады]
с плачем-причитанием, говорят.
(Ноо! Бай!)
(Кыскыйдаан Куо:)
«Входы-выходы мои,
ой горячо, ой жарко,
что же это такое-то!
Погоди, уймись, *нойоон* мой,
в щеку меня поцелуешь, думала, —
а ты стал колотить, оказывается.
Заигрываешь со мной, думала, —
а ты стал бить, оказывается,
подшучиваешь надо мной, думала, —
а ты стал пинать, оказывается.
"Женщина любит,
когда ее бьют, мол", —
в пословице говорится ведь,
не в обиду тебе будет сказано.
Но в каждой стране употребляемые слова
бывают разными ведь.
Ну-ка же, *нойон* мой,
тот давешний,
богатырь Таас Кудустай,
женщину, на которой
жениться ты должен был,
Кыыс Сарыадыман Куо,
выкрав, скрылся,
тому более трех лет уже миновало.
Ну-ка, *нойоон*, смотри,
дойти-то дойдешь,
по свежим следам его следуя,
но он вожделения твои уймет,
ненасытную утробу твою насытит.
Жизнь мою пощади же», —
молила она.
(Ноо!)
После этого
наш человек,
хорошим словам не обрадовавшись,
на худые слова не обидевшись,
ту девку-*абаасы*
на куски разрубил,
ворону на закуску,
сове на приманку,

Тураах дуйаҥа гынан,
Кукаакы хоһуога гынан,
Үлтү эттээн,
Үөл этин үрэҕэстээн,
Сиикэй этин кырбастаан,
Кыра уҥуоҕунан
Сир дойду тэхтирин тэҥнээн,
Бөдөҥ уҥуоҕунан
Дойду бөҕө дьуоҕатын толорон,
Ол курдук
Ыһан-бурайан кэбиһэн баран,
Айаннаабытын курдук
Айанныы турбута.
(Ноо!)
Бу курдук
Абааһы дойдутун
Кэлтэгэй күннээх,
Кэлтэгэй ыйдаах
Кэдэр бараан дойдутунан
Кэдэритэ сиэллэрэн,
Кыараҕаһы быыһынан кыпчырытан,
Кэтити быыһынан кэдэритэн,
Аартык бөҕөнү чиэрэстээн,
Суол бөҕөнү тобулан,
Тоҕус тоҕойдоох
Суол бөҕөнү чиэрэстээн,
Аҕыс биттэхтээх
Аан ийэ дойдуну сыыйталаан,
Бэрт ыраах сири айаннаабыта.
Арай биир сиргэ
Тиийэн көрбүтэ:
Таас туруут хайа иһиттэн,
Бур-бур буруо тахсар эбит.
Ханан да бу таас хайаҕа
Киирэр сирин көрбөтөҕө.
(Ноо!)
Төгүрүйэ сылдьан
Онон-манан саайталан көрөр даҕаны,
Таас хайа таас хайа курдук
Туох да суох эбит,
Киирэр хайыыр кыаҕа суох эбит.
Дьэ манна туран эрэ,
Төгүрүйэ мөнө сылдьыбыта.
"Бу Таас Кудустай бухатыыр

вороне на угощенье,
кукше на лакомство
по частям разбросал,
крепкое тело ее разделал,
сырую мякоть ее порубил,
мелкими костями ее
земные колдобины заровнял,
крупными костями ее
земные овраги заполнил, —
вот так ее
в прах развеяв,
как раньше ехал,
так и дальше поехал.
(Ноо!)
Ну так вот,
по стране племен *абаасы*,
где и солнце щербатое,
где и луна ущербная,
по сумрачным ее равнинам
легкой трусцой мчась,
в узких местах [коня] придерживая,
в широких местах вскачь пускаясь,
через множество перевалов перемахнув,
по разным дорогам пройдя,
с девятью излучинами
путь благополучно преодолев,
с восемью распорками-скрепами
изначальную мать-землю проехав,
очень большое расстояние проехал.
Вдруг, на одно место прибыв
и оглядевшись, [увидел:]
из-под каменной горы
чуть-чуть дымок курится, оказывается,
но входа внутрь каменной горы
нигде он не нашел.
(Ноо!)
Вокруг [горы] обошел,
там-сям постучал на пробу,
но каменная гора как каменная гора,
ничего нет,
нет туда никаких проходов, оказывается.
Вот так, здесь находясь,
вокруг [горы] ходил-бился.
"Наверно, Таас Кудустай-богатырь

Саманна олороро буолуоҕа", — диэн,
Төгүрүйэ мөнөр да,
Ханан да киирэр сирин булбатаҕа.
Ол булбакка эргичийэн, сылдьан эрэ,
Хайа төбөтүгэр тахсан турдаҕына,
Тус хоту диэккиттэн
Далан Өксөкү көтөн күпсүйэн кэлэн,
Аттыгар олоро түспүтэ.
(Ноо!)
Аттыгар олоро түһэн баран,
Кэлбит киһи диэкки
Тонхос гынан баран,
Субу курдук диэн кэпсэллээх,
Сити курдук диэн саҥалаах
Буола олорбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Иэһэлиги-таһыылыгым,
Эминэ да тугуйбуна,
Чэйдиир эрэ!
Ханкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥааспына аттардаахый,
Харыадьылаан Бэргэммин уолукайым,
Тускулардаах бэйэлэргэр
Тосхоллордоох дорообобун
Тутуталыы тураахыйдаа.
Тыыннардааҕый бэйэлэргэр
Тоҕус уона бокулуона буоллун!
Абааһыта ийэлэрин кэлитэлээн,
Дорообол оон тонхонноото диэхэйиктээн,
Өһүргэнэ, өлөрсөөхтүү бараайаҕын!
Оллуур даҕаны буолтун иһин
Минниир син биир ийэкэйин буоллахайым,
Уоттууруга Чолбоодуйан
Удаҕана диэхэйиктээн.
Оллуур даҕаны күннэриккэ
Этитэлээн тураахтыыбын,
Буордууруга буомчалардаах
Өлөр-хаалар күннэриккэр
Миннийэлиир баардыыр буолуом диэхэйиктээн,
Этитэлээн тураахтыыбын.
Чэйии-ий, нойон,
Таастыырыга Кудустайа бухатыырым
Субу энниир тураахыйдыыр сиргиттэн да,
Үктэл хара буорданыгым

здесь проживает, мол", — думая,
вокруг горы ходил,
но входа нигде найти не мог.
Когда так, входа не найдя,
на вершину горы взобравшись, стоял,
вдруг с северной стороны огромная птица Ёксёкю
с шумом прилетела
и рядом с ним опустилась.
(Ноо!)
Рядом присев, птица,
в сторону пришлого человека
кивнув головой,
вот такими словами,
вот такими речами
заговорила.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Входы-выходы мои,
что же такое же,
ну-ка же!
Харыаджылаан Бэргэн, сын мой,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
именно тебе
с поклоном "здравствуй!" говорю —
прими же его,
лично тебе живому
девяносто поклонов пусть будет!
Думая: "Мать-*абаасы*, придя,
здоровается со мной, раскланивается, мол", —
не обижайся, в борьбу [со мной] вступать не смей!
Хоть и такая,
все равно я тебе мать —
Уот Чолбоодой,
шаманкой прозываемая.
В те давние дни
я тебе уже говорила:
если перед тобой преграда встанет,
если нагрянет день погибели,
я буду рядом с тобой —
тебе уже говорила.
Так вот, *нойон*,
этот богатырь Таас Кудустай
с того места, где ты стоишь,
с черной поверхности этой земли

Үктэнэргин уурайталаан,
Тоҕус баҕас үллэрбинэ үөстэрдээхий
Көҕөрөр күөхтүүр муоракайым
Уҥуоргута өттүтүгэр,
Байҕалбына хаастааныгар,
Хайа баҕас истэригэр
Олорбохтуур нойонуга,
Кыыстыырыга Сарыадыман Куокалланы
Онно илдьэн
Тимир ханаат быакалланан
Кэлгийтэлээн,
Туспа баҕас сытыарталыыр
Сирдэригэ баардыырыга.
Онно баҕас тиийдэххинэ,
Чэйии-ий, нойон,
Утарыта тутуһаҥҥыт
Кыайыахыйдыаҥ суоҕа, нойон,
Ураанхайа сахакайым
Сиккилиирэ симэһиннээх
Чугастаспат ураанхайа
Өлбөт үөстээх киһи буолуо.
Сүрэхэйин хайа эрэ
Хайакайым түгэҕигэр
Кистээн сытар диэхэйдииллэр.
Ону баҕас булаахтыаххар диэри, баҕас,
Киникэни иннин ылыах суоҕа, нойон,
Чэйи-ий
Сэптиир курдук сэрэнээхтээ,
Охтуур курдук оҥостоохтоо,
Ийэкэйиҥ тылларыгын иститэлээ.
Нойон уолум,
Албыннааммын кииритэлээн,
Көрө баҕас сылдьыбытым.
Ону баҕас иннибинэн киллэрбэтэ.
Кистэлэҥэ сирдэригин
Хойуппуна биллэхпинэ,
Хоолдьуктарын эрийтэлээн,
Хоруйугун хостотуохпут.
Ыксал-бохтол ыксаахтаама,
Чэйиий, нойоон,
Быдан дьылга
Быдалҕаннаах бырастыы!» — диэбитэ.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Биһиги киһибит,

уже ушел,
за пределами
синеюще-синего моря
с девятью вздымающимися в девять саженей руслами
на высоком берегу того моря
внутри горы
живет, *нойон*,
красавицу Кыыс Сарыадыман Куо унес
и там ее спрятал,
железными канатами
привязав,
в одиночестве держит
в укромном месте.
Ну-ка, *нойон*,
когда прибудешь туда,
с ним в единоборство вступив,
вряд ли победишь его, *нойон*,
ураангхай саха
с живою мокрою плотью
с ним тягаться не может,
потому что бессмертный он.
Сердце его, где-то
в глубине горы спрятанное,
там полеживает, говорят.
Вот пока не найдешь его сердца,
одолеть его не сможешь, *нойон*.
Ну-ка же,
как оружие, начеку будь,
как стрела, настороже будь,
в слова матери вслушайся.
Сын мой, *нойон*,
хитростями-обманами разными
пробовала я подступиться к нему,
но он не поддался мне.
Если о потайном месте
потом разузнаю-разведаю я,
то, шею ему своротив,
ответ держать заставим.
Не спеши понапрасну,
ну-ка, *нойоон*,
на долгие годы
"прощай"», — сказала.
(Ноо!)
После этого
наш человек, думая:

"Кирдьик даҕаны,
Оннук киһи буолуо дуо?
Ама, мин бэйэлээҕи
Үрдүк бэйэбин кэмниэх,
Үтүө бэйэбин өһөрүөх
Көхсүм өһөҕүн дьөлүтэ сынньан,
Күөх иринэнэн силлэтиэх,
Ама, туох бэйэлээх баар буолуоҕай?" — диэн,
Итэҕэйбэтэҕэ.
(Hoo!)
Ол итэҕэйбэккэ,
Ол курдук ууннаран-оҕустаран,
Үс көҕөрөр күөх муора
Кыттыытыгар тиийэн баран,
Үнкүрүс-күөһэлис гыммыта,
Моонньугар мойбордоох,
Кутуругар хоболоох
Аалай мохсоҕол буолан,
Көтөн куугунаан иһэн,
Хайа иһиттэн
Бур-бур буруо тахсарын көрөн,
Арааһа, бу манна буолуо диэн,
Үөһэттэн көрө түспүтэ даҕаны,
Өссө эргичийэн, кубулунан,
Үс кырыылаах
Үөрбэ буолан,
Хайа тэллэҕэр
Кылыгыр гына түспүтэ.
(Hoo!)
Хайа тэллэҕэр кылыгыр гына түһэн,
Балайда сыппахтаабытын кэннэ,
Өөр буолан баран,
Бур-бур буруолуур хайа иһиттэн
Хайа эрэ хайаҕаһынан
Эриэн үөн курдук дуу,
Моҕой кыыл курдук дуу дьүһүннээх,
Уһун-уһун баҕайы унньулуйан тахсан,
Үс кырыылаах ыстаал тимир үөрбэни
Ытыран баран хороонун устунан
Төттөрү дьиэтин иһигэр киллэрэн кэбиспитэ.
(Бай!)
Дьиэтин иһигэр киллэрэн баран,
Суманнык диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута үһү.

"И вправду
тот человек такой ли?
У меня, именитого,
высоту мою укоротить,
мне, удальцу, грозить гибелью,
из хребта моего густую кровь пустить,
зеленым гноем меня плевать заставить —
неужто такой человек найдется, мол?" —
не поверил.
(Ноо!)
Вот тому не поверив,
он, однако,
берегов трех синеюще-синих морей
тут же достиг,
кувыркнулся-перевернулся —
с белой каймой на хвосте,
с белым опереньем на шее
в алого сокола превратился,
над морями со свистом летя,
из-под горы струящийся
чуть-чуть дымок приметил.
"Видно, вот здесь он", — подумал,
с высоты примечая,
стал вокруг облетать и, обернувшись
трехгранной
острою пикой,
к подножию горы той
вдруг со звоном упал.
(Ноо!)
К подножью горы со звоном упав,
довольно долго лежал он,
прежде чем из-под чуть-чуть дымящей горы,
из какой-то расщелины
то ли на пеструю гидру похожее,
то ли на змея похожее
что-то длинное выползло,
трехгранную стальную пику
пастью схватив,
через нору в обитель свою
пику ту затащило.
(Бай!)
В обитель же затащив,
вроде такую речь повело,
вот так
заговорило, оказывается.

(Hoo!)

(Таас Кудустай:)
«Баай, да доҕор!
Үөскүөхпүттэн ыла
Саа саадах диэни
Саннымбар сүкпэтэх ураанхай эти-им,
Үөрбэ кылаан диэни
Илиибэр туппатах киһи эти-им.
Туос таҥарам
Тос гыннардаҕа дуу, доҕор,
Мас таҥарам
Балк гыннара быраҕан биэрдэҕэ дуу?
Өлүө суох быатыгар
Өрөгөйдүөх киһи буоламмын,
Ити курдук гынтара буолаарай?!
Көрүөххэ даҕаны сэп барахсан
Үчүгэй да сэп эбит.
Үөрбэ буолан өтөрү түһүөххэ
Тугун үчүгэйэ-эй,
Дьэ, мантыкайбын киллэрэммин,
Айыы кыыһа алардыырбар,
Күн кыыһа күөгэрдиирбэр,
Хата, көрдөрүөххэ
Бэрт да сэп эби-ит».

(Hoo!)

Дьэ ити кэнниттэн, "Арай,
Көхсүттэн тэһииннээх
Күн хаан улуустара
Абааһы дойдутугар
Ааҥныы сылдьан,
Төлө туттан,
Түһэрэн кэбиспит үлүгэрдэрэ
Эбитэ дуу-уу", — диэн баран,
Били үс кырыылаах
Ыстаал тимир үөрбэни
Ылан тайахтаммытынан
Кэлгиллэ сытар
Кыыс Сарыадыман Куоҕа
Көрдөрөөрү киллэрбитэ.

(Hoo!)

Ол киллэрэн туран,
Онтукатын килбэҥнэтэн,
Көрдөрө-көрдөрө,
Субу курдук диэн саҥалаах,

(Ноо!)

(Таас Кудустай:)

«*Баай*, ну, друг!
С сотворения своего
такого оружия, мол, не знал,
на плечах своих не носил,
острую пику, мол,
в руках своих не держал еще.
То ли мой берестяной божок
ее мне подкинул, друг,
то ли мой деревянный идол
сверху сбросил ее, что ли?*
Видно, чтобы я не погиб,
чтобы восторжествовал,
так они сделали?!
И на вид-то оружие славное,
добротное ведь,
такой пикой насквозь пронзать
как хорошо-то будет!
Ну-ка, вот ее-то и отнесу
милашке своей из племени *айыы*,
голубке своей из солнечной земли,
покажу-ка ей,
уж очень хорошее оружие ведь».

(Ноо!)

Ну вот, после этого:
"Видно, с поводьями за спиной
солнечных *улусов* богатыри,
над землей *абаасы* пролетая,
часто проезжая,
из рук своих выпустив,
нечаянно обронили ее,
что ли", — так подумав,
ту трехгранную
стальную пику взял,
опираясь на нее, как на посох,
Кыыс Сарыадыман Куо,
лежащей на привязи,
понес показать.

(Ноо!)

Туда занеся,
оружием тем поблескивая,
стал показывать,
такие вот речи,

Ситигирдик диэн кэпсэллээх,
Буола турбута.
(Ноо!)
(Таас Кудустай:)
«Дьэ, ньыгы-ньыгыйыгым,
Кунүм оҕото күөгэддиирим,
Алтан түөстээх далбарайы-ым.
Кууттэн куутэнгин
Күүһүн быһынна ини-и,
Мин диэтэх киһи
Силлибэт сиртэн сэтэлгэлээх,
Туллубат сиртэн тутаахтаах,
Киһи аххан буоллаҕым.
Арҕаһыттан тэһииннээх,
Айыы хаантан кытта ыйаахтаах
Киһибин, хотуой!
Сымыйа диэтэр(гин)
Үөһээ айыылартан
Мас таҥарам
Балк гыннаран,
Туос таҥарам
Тос гыннаран, биэрдэ.
Өстөөххүн сүрэхтээх-быарыгар
Өтөрү түһэрдиҥ диэн,
Үөрбэ кылааны түһэрэн биэрдилэ-эр», —
Дии турбута.
(Ноо!)
Ол кэннэ илдьэн,
Кыыс Сарыадыман Куо иннигэр
Туруору анньан кэбиспитэ.
(Ноо!)
Онуоха Кыыс Сарыадыман:
"Көрүөхпэр үчүгэй, итини ылыма,
Көрөммүн саатыаҕым", — диэбитэ.
Онуоха, кирдьик, ээх, оннук диэбит курдук,
Эриэн үөн буолан,
Хороонун устун субурус гынан хаалта.
(Айакабын!)
Кыыс Сарыадыман Куо
Кэлгиллэ сытан көрдөҕүнэ,
Үс кырыылаах
Ыстаал тимир үөрбэ
Иэҕэнгнээтэр иэҕэнгнээн,
Хамсаатар хамсаан,
Кини обургу барбытын кэннэ,

такие слова
стал говорить.
(Ноо!)
(Таас Кудустай:)
«Ну, милашечка,
солнечная голубка моя,
медногрудая пташечка моя,
меня ожидая-поджидая,
силы свои истощила, наверно!
Я же человек,
крепкими узами с землею связанный,
прочными крепами нерушимой землей удерживаемый —
такой вот я человечище.
Людским племенам с поводьями за спиной,
племенам *айыы* я тоже сродни,
такой я, *хотуой*!
Если думаешь, что это ложь, —
вот от верхних *айыы*
деревянное мое божество
сбросило,
берестяное мое божество
подкинуло,
эту острую пику
сверху спустили,
чтобы я печень и сердце своих врагов насквозь пронзал», —
вот что говорил.
(Ноо!)
После этого
перед Кыыс Сарыадыман Куо
ту пику воткнул.
(Ноо!)
На это Кыыс Сарыадыман Куо:
"Смотреть на нее приятно мне, не забирай,
на нее глядя, коротать время буду", — сказала,
на это: "И вправду, пусть будет так", — будто бы соглашаясь,
снова пестрым змеем оборотясь,
из норы вмиг выскользнул.
(Вот как!)
Кыыс Сарыадыман Куо,
лежа связанной, глянула:
трехгранная
стальная пика,
из стороны в сторону покачиваясь,
задвигалась вдруг,
и как только [змей] отсюда выскользнул,

Харахтанан сирэйдэнэн кэлбитэ.
Сиргэ "чолк" гына түспүтэ даҕаны,
Үс кырыылаах
Ыстаал тимир куйахтаах
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн
Бэйэтэ бэйэтинэн буолан,
Дьирэс гына түспүтэ.
(Чэй, айакабын!)
Ол туран
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута.
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Кыыс Сарыадыман Куо,
Урут да билбэтэрбин,
Тускулаах бэйэҕэр,
Дуолан күөҥҥэр
Тосхоллоох дуолан кирдьик
Дорообо-о буо-оллун!
Ким киһи кэлэҥҥин
Кэпсэл кэпсээтиҥ,
Тойук туойдуҥ диэҥҥин,
Ыйытар буолларгын,
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэрҕэн диэн киһини
Элэс муора
Истибитиҥ буоллаарай,
Бырах муора
Сурахпын судурдаабытыҥ буолаарай,
Чэй-эй!
Үөһээҥи айыыларга
Тахса сылдьыбытым,
Эйигин миэхэ
Биир хоруоҥка үүтүнэн
Үөскэтэммит
Кэргэниҥэн анаатыбыт диэн эттилэр.
Ол иһин
Таас Кудустай бухатыыры
Ир суолун ирдээн,
Иинээрибин,

на пике глаза и лицо обозначились,
она с грохотом о землю ударилась,
и имеющий стальную броню
из треугольных пластин
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем
с белой головой до изгиба шеи,
наяву сам собой
перед нею предстал.
(Ну и диво!)
После этого
вот такой *тойук* запел,
вот такие слова завел,
стоя там.
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«Дьэ, хэ, хэ!
Кыыс Сарыадыман Куо,
хоть с тобой раньше я не знакомился,
но вот лично тебе,
почтенному твоему лику
искреннее свое
"здравствуй!" говорю.
Если спрашивать станешь,
кто такой, придя,
разговор затеял,
тойук затянул, мол, [отвечу:]
о человеке по имени Харыаджылаан Бэргэн,
владеющем черным конем
с белой головой до изгиба шеи,
может, мимоходом
слышать тебе приходилось,
может ненароком
весть обо мне доходила.
Ну же!
Когда к верхним божествам
я поднимался,
мне сказали, что тебя,
через отверстие одной бисеринки
вместе со мной пропустив,
в жены, мол, предназначили.
Вот потому
Тааса Кудустая-богатыря,
по свежим следам преследуя,
чтобы в могилу свести,

Тоҥ суолун тордооммун,
Тобулан тиийэн кэлли-им.
Чэй!
Кинини ханна эрэ
Сүрэҕин кистээн сытар
Ону булуохха диэри
Өлөр үөһэ суох диэн,
Кэпсээбиттэрин иннитигэр
Кубулунан,
Эйиэхэ киирэн турабы-ын.
Чээй!
Билэ сатыырыҥ буоллар,
Хайдахтаах буолуо этэй,
Хоту-уй», — диэбитэ.
(Ноо!)
Дьахтар киһи:
"Итинник дьыаланы билбэппин,
Истибэтэҕим даҕаны", — диэтэ.
Инньэ диэбитин кытары,
Харыадьылаан Бэргэн
Үс кырыылаах ыстаал тимир үөрбэни
Хайдах абааһы уола анныыбытын курдук
Туран хаалбыта.
(Ноо!)
Кэмниэ кэнэҕэс,
Хомнуо хойут
Утуйан турбута дуу,
Хайаабыта дуу,
Хороонун устунан эриэн үөн буолан,
Уһун баҕайы субуруҥнаан,
Хап хара дьүһүннээх,
Уот курдук
Кылаалдьыар харахтаах баҕайы
Соҕотох хараҕынан
Өрбөччү көрбүтүнэн
Эмиэ тиийэн кэлэн баран,
Үөрбэтин төрдүгэр кэлэн төгүрүйэн,
Сытырҕалыы-сытырҕалыы
Сыҥсырыйарга дылы гынна.
Хараҕын аннынан [уот]
Хабырыттарга дылы гынна,
Айаҕын чамсыммахтаан ылаттаата,
Өрө салаталаан ылла,
Сытырҕалаан көрө-көрө,

по стылым следам преследуя,
вот настиг и сюда прибыл.
Ну же!
Где-то, мол,
сердце свое он схоронил,
пока его не найдешь —
он, мол, бессмертный, —
о том слышал,
потому-то, к хитрости прибегая,
к тебе придя, стою.
Ну же!
Если бы ты о том разузнала,
как хорошо было бы,
хотуой», — он сказал.
(Ноо!)
На это женщина:
"Об этом не ведаю,
даже не слышала", — сказала,
как только она так сказала,
Харыаджылаан Бэргэн,
стальной трехгранной пикой оборотясь,
как его парень-*абаасы* воткнул,
на то место встал.
(Ноо!)
Через какое-то время,
позднее позднего,
после сна, видать,
или после чего еще,
пестрым змеем обернувшись,
длинный-длинный, извиваясь,
в нору [вполз],
черным-черным,
огнем сверкающим
единственным глазом
зорко вглядываясь,
опять появился,
вокруг пики кольцом свернувшись,
будто принюхиваясь,
воздух втянул,
из глаза его
будто искры посыпались,
пасть разверзая,
облизнулся было,
принюхиваясь,

Айаҕа ньыллыргыырга дылы гынна,
Таҥалайа таһырҕыырга дылы гынна,
Ол гынан баран,
Саманнык диэн саҥалаах,
Ситинник диэн кэпсэллээх
Буола сылдьыбыта.
(Таас Кудустай:)
«Бай, доҕоор!
Бу тимирбит
Муокастаах сыттаах буолар эбит!
Хайа дойдум
Хаҥкыччаҕа* бөҕө кэлбитин
Хабан ылан
Киллэрбитим буолуой?
Сымара сыта
Дьикти да буолар эби-ит,
Дьэ, баҕар,
Улуу бухатыыр
Кубулунан киирэн,
Турарыҥ буолаара-ай,
Илэ бэйэҕинэн,
Сигэ дьүһүҥҥүнэн
Кэпсэтиэх тустааххын, нойо-он,
Били маары
Төрүүр күнүгэр
Төрөтөр оҕо
Төлкөтө төннүбүт,
Иитэр сүөһү
Күрүөтэ сууллубут,
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн диэн,
Баар дииллэр этэ.
Эн буоллаххына,
Үөл талах курдук
Эрийсэрбит буолуо,
Нойо-оон.
Бэскигэ* уурдахха
Мэһэмээннэспэт дьон,
Акка ыыртахха
Аҥардастаабат адьарай буолуохпут,
Эн даҕаны миигиттэн
Тутайбатах киһи буолуоҥ.
Чэй эрэ!
Эн биһиги

стал языком причмокивать,
о нёбо им гулко постукивать.
После этого
вот так стал говорить,
вот такую
повел речь.
(Таас Кудустай:)
«Ну, друг!
Вот у этой железки
какой-то чудной запах появляется, оказывается.
Какой же страны
за негодностью брошенное оружие
подобрав,
сюда я занес?
Запах этой железки
какой-то диковинный,
а может,
могучий богатырь,
на хитрость пойдя,
оборотнем передо мною стоит?
В настоящем обличье предстань-ка,
истинное лицо покажи-ка,
тогда и поговорим с тобою, *нойо-он.*
Это не давешний ли [богатырь],
с рожденьем которого
участь детей рождаемых
на погибель обречена была,
загоны скота разводимого
на разрушенья обречены были,
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем
с белою головой до изгиба шеи,
есть, мол, говорили ведь.
Если ты это —
как гибкий тальник,
сцепившись, еще потягаемся,
нойо-оон.
Хоть на весы положить —
друг друга не перевесим,
хоть на коня навьючить —
друг друга не перетянем.
Мощь твоя
моей не уступит ведь.
Ну-ка же!
Нам с тобой

Оҕо төрөтөн,
Ыыспа тэринэн,
Ыал буолан,
Ыччат ууһатан,
Уурайдахпыт буолуоҕа-а.
Чэй, эрэ нойоон!
Биир биллэрэ охсууй!» —
Дии турбута.
(Һоо!)
Онуоха биһиги киһибит:
"Көстөр дьүһүммүн,
Илэ бэйэбин
Көрүөххүн баҕарар буоллаххына,
Бу баарбын", — диэн баран,
Түөрт кырыылаах
Ыстаал тимир куйахтаах киһи
Ойон тура эккирээбитэ.
(Бай!)
Онуоха анараа обургу
"Бачах-бачах" диэн баран,
Хороонун устун төттөрү
Субурус гынан хаалбытын буоллаҕына,
Биһиги киһибит
Хайатын аҥаар өттүн
Биирдэ хайа көтөн,
Туох баарын үлтү көтөн,
Тоҕо сиэлийэн тахсыбыта.
(Тоҕо сүрэй!)
Тоҕо сиэлийэн тахсыбытыгар
Аннараа баҕайыта
Утары көрсөн туран эрэн,
Иирсээннэрэ эрдэ
Бүппүт дьон быһыытынан,
Түллэр таас түөскэ
Түсүһэн киирэн барбыттара,
Үс сүллэр этин
Тиксиһэн кээспиттэрин курдук,
Икки өттүттэн
Дьиэһийэн киирэн барбыттара.
Турар таас хайаларын
Суугулаах от* курдук
Тоҕо кээспиттэрэ.
Бу дойду
Аҕыс араллаана,
Тоҕус сугулаана,

детей рожать,
дом устраивать,
семью заводить,
потомство множить —
нет уже времени.
Ну же, *нойоон*!
Быстрее решайся!» —
сказал он.
(Ноо!)
На это наш человек:
"Если истинный образ мой,
настоящее обличье мое
увидеть хочешь,
так вот я", — так сказав,
человеком в броне из четырехугольных
стальных пластин оборотясь,
вскочил на ноги.
(Бай!)
На это другой молодец,
"*бачах-бачах*!" вскричав,
из норы выскользнул,
наш человек
через гору
пошел напролом,
одну ее сторону на куски разнес,
отодвинул прочь,
[из подземелья] вышел.
(Ну, какой сильный!)
Когда, все раскидав, вышел,
то чудище
уже против него стояло;
как люди, которым
уже говорить не о чем,
могучей каменной грудью
друг на друга пошли,
будто трехкратный гром прогремел —
друг с другом сошлись,
друг на друга
яростно бросились.
Каменную гряду, на которой бились,
как сено в валках,
в труху истоптали.
На этой земле
восемь трам-тарарамов устроили,
девять суматох-неразберих

Субу дойдуга буолбута.
Таас хайаны
Иэрчэхтэрин хараҕар диэри
Илльи кээспиттэрэ,
Үлтү бадарааннаабыттара,
Аан дойдуларын
Тоҕо кэспиттэрэ,
Турар туруут таас хайаларын
Тоҕута тэпсэн түһэрбиттэрэ.
Баай тиит барчаламмыта,
Уолах тиит урусхалламмыта.
Ол гынаннар
Биир ый отут хонуга
Усталаах туоратыгар
Уурсан туран,
Охсуһан көрбүттэрэ.
Чараас сирбит буолуо диэн,
Тапсан туран табыспыттара,
Чэгиэн сирбит буолуо диэн
Тиксэн туран тэбиэлэспиттэрэ,
Хайа хайалара даҕаны
Кылааннара даҕаны
Кыларыйан көрбөтөҕө.
(Ноо!)
Икки ый хонуга
Алта уон хонук устатыгар
Охсуһан көрбүттэрэ даҕаны
Хайа хайаларын кыайсыбатахтара.
Суүрбэ бууттаах
Сүлүгэс дьаакырдарынан
Инчэҕэй тиэстэ курдук
Илльи сынньан баран
Илиилэрин таһынан
Эһэн кээспиттэрэ.
Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотторунан
Охсуһан көрбүттэрэ даҕаны
Таҥнары ньыкырыйан тахсыбытын
Илииллэрин таһынан
Эһэн кэбиһэн баран,
Сутуруктарынан киирэн
Содуомнаһан киирэн барбыттара.
(Ноо!)

вот на этой земле учинили.
Каменную гряду
по бедра свои
сплошь истоптали,
в грязь измесили,
изначальную землю
в крошево превратили,
нерушимую каменную гряду,
ногами топча, сокрушили.
Могучие деревья с шумом валили,
высокие деревья с треском ломали.
Вот так вот
в течение месяца,
тридцати дней одного месяца
без устали
друг с другом бились ведь,
"уязвимое место здесь, мол", — [считая,]
беспощадно друг друга дубасили,
"нетронутое место здесь, мол", — [думая,]
беспощадно друг друга пинали, —
ни у того, ни у другого
даже боевой пыл
не охладел, не притупился.
(Ноо!)
В течение шестидесяти дней,
полных два месяца
они сражались,
но друг друга одолеть не сумели.
Двадцатипудовые
тяжелые палицы
в мягкое тесто
исколотив,
прочь от себя
отбросили в стороны.
На триста верст окрест
грозно звенящими
медно-красными огненно-кровожадными
обоюдоострыми мечами
попробовали сражаться,
да те прогнулись было,
прочь от себя
их отбросили
и кулаками своими
друг друга дубасить стали.
(Ноо!)

Ол соҕуоллаһаннар
Үс ый хонуга
Тоҕус уон хонук
Мүлтү туолуутун саҕана
Абааһы уола
Кэннинэн ыстанан баран,
Субу курдук диэн саҥалаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута.
(Ноо!)

(Таас Кудустай:)
«Ба-ай, да доҕор!
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн, доҕоруом,
Чэй мин диэтэх киһи,
Эрдэттэн сэп гына сэрэйбитим,
Дьар гына таайбытым
Акка ыыртаахха
Аҥардастаабат дьон буолуохпут
Диэбитим, нойоон,
Кирдьик эбит, доҕор,
Көхсүттэн тэһииннээх
Күн-хаан улууһун
Хайа бэйэлээх дьахтарын
Хапчаҕайыгар батан,
Төрөөбүтүҥ буолуой,
Нойо-оон!
Эн диэтэх киһини
Сыккын-сымаргын
Ылан көрдөхпүнэ,
Айыы да сытыҥ суох курдук ээ,
Ханнык эрэ быраатым
Кубулунан кэлэҥҥин,
Олохпун мэһэйдээн
Эрэҕин быһыыла-ах.
Чэй эрэ нойоон!
Тура-олоро дуумайдаа,
Сылдьа-тура сыаналаарыый,
Нойо-он!
Мин бэйэлээҕи
Кыайан-хотон төннүөм диэн,
Искэр да санаама,
Таскар да таһаарыма, нойон,
Миигин кытта

Тому побоищу
девяносто суток
трех полных месяцев
едва исполнилось,
тут сын *абаасы*,
назад отпрыгнув,
вот такими словами заговорил,
вот такую речь
повел, говорят.
(Ноо!)
(Таас Кудустай:)
«Ну же, друг!
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем
с белой головой до изгиба шеи,
ну, я, такой удалец,
заранее угадал ведь,
загодя предвидел ведь:
"Если нас на коня навьючить —
тяжестью равными будем, мол", —
не я говорил ли, *нойоон*?
Так и оказалось, дружище.
От какой же крепкой женщины
солнечного племени
с поводьями за спиной,
в лоне ее уместившись,
ты на свет появился,
нойо-оон!
Если к духу-запаху
такого молодца, как ты,
принюхаться —
духом племени *айыы* ты не пахнешь ведь,
похоже, мне каким-то братом приходишься,
придя, приняв иной облик,
жизни моей помешать
ты захотел, видно,
ну же, *нойоон*!
Сидя-стоя, одумайся,
стоя-ходя, оцени поступки свои,
нойо-он!
Меня ли, такого молодца,
одолев-победив, "возвращусь, мол", —
об этом и про себя не думай,
и вслух не говори, *нойон*!
Если со мною

Дьурҕуөн даҕаны
Үллэр үйэң,
Саллар сааһың
Онно бүтүөҕэ.
Өлөр тыына суох киһибин, нойон,
Чээ-эй!» — дии турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Биһиги киһибит
Өлөрсүбүтүн ууратар
Санаата суох буолан,
Түллэр таас түөскэ
Түспүтүнэн киирэн барбыта.
Оол курдук
Үөл талах курдук сөрөссөннөр,
Хатың мас курдук хатыссаннар,
Төһө даҕаны
Сыл да, хонук да,
Өлөрсүбүттэрин билбэтэхтэрэ,
Хайа хайаларыттан
Халың тириилэрин хайытыспатахтара,
Кырбас эттэрин кыыратыспатахтара,
Өлөр үөстэрин булсуспатахтара.
Ол сылдьан эрэ
Биһиги киһибит
Биир бириэмэҕэ түбэһиннэрэн,
[Абааһы уола]
Тоҕус күннүк сири
Туруйалаан баран истэҕинэ,
Төбөтүн быһан охсон охсон кэбиһэр.
(Ноо!)
Төбөтүн быһан охсон кэбиспитигэр
Анараа баҕайыта сырсан тиийэн,
Төбөтүн төттөрү олордон баран,
Өлөрсүбүтүнэн киирэн барбыта.
(Айакабын!)
Биһиги киһибит дьэ өйдөөбүтэ:
"Бу ханна эрэ кистэнэ сытар
Сүрэхтээх киһи дииллэрэ.
Ол иһин буоллаҕына,
Өлөр үөһэ суох киһи диэн,
Ол иһин этэллэр".
Дьэ өй булан,
Кэнниттэн икки саһааннаах сири ойон баран,
Субу курдук диэн саңалаах,

ты свяжешься,
то весь твой век,
вся твоя жизнь
на этом и кончится.
Я ведь бессмертный, *нойон*,
ну-у!» — закричал он.
(Ноо!)
После этого
наш человек,
схватку закончить
вовсе не помышляя,
на вздымающуюся каменную грудь [врага]
снова бросился.
Вот так вот,
как гибкий тальник, скрутившись,
как [ветви] березы, сцепившись,
долго ли —
годы ли, дни ли
бились они — сами не знали,
но друг у друга
толстой кожи пропороть не сумели
и куска мяса не выдрали,
уязвимого места не отыскали —
вот так они бились.
Наш человек,
изловчившись,
[парня-*абаасы*]
на расстояние девятидневного пути [отбросил],
когда тот по-журавлиному заковылял,
отсек ему голову.
(Ноо!)
Вот когда отсек ему голову,
то чудище, за ней припустившись,
голову свою на место приставило —
и опять стали биться.
(О ужас!)
Наш человек тут призадумался:
"Ведь сердце его
где-то запрятано, говорили,
потому-то смерти он не подвержен,
недаром бессмертным его прозвали,
оказывается".
Одумавшись, наконец, [наш человек,]
на расстояние двух саженей назад отскочив,
вот такими словами заговорил,

Сити курдук кэпсэллээх
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Таас Кудастай бухатыыр
Доҕоттоотор доҕорум,
Тус бэйэҕэр
Байҕал дириңин саҕа
Баһыыбабын туттарабын,
Ми-ин диэтэх киһи-ини
Дьында тиит саҕа
Тыйыс сындааһыммын сылытаңңын,
Тарбаҕым хаанын тарҕаппыккар.
Чэ-эй, чэй!
Аны үс төгүрүк сылынан
Эргийэн көрсүһүөхпүтүн
Төһөлөөх буолуой,
Чэ-эй, нойоон,
Аан дархан андаҕары ылсыһабын,
Үс төгүрүк сыл бэтэрээ өттүгэр
Андаҕарбын кэһэммин,
Охсор буоллахпына,
Икки илиибин
Ытык өлүү булан сиэтин.
Эн диэки көрөр буоллахпына,
Икки харахпын
Чээкэй өлүү булан уулаатын.
Аҕыс уон
Ааньыал таңаралларым
Киэр хайыстыннар,
Тоҕус уон
Ньукуола таңаралларым
Кэлэйэн киэр хайыстынна-ар», — диэн,
Биһиги киһибит
Андаҕайан кэбиспитэ.
Ол кэнниттэн
Абааһы уола
Таас Кудустай обургу эмиэ
Итиннэ сөбүлэспит киһи курдук
Андаҕар тылын
Этэн киирэн барбыта.
(Ноо!)
(Таас Кудустай:)

вот такую речь
повел, говорят.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ, хэ, хэ!*
Богатырь Таас Кудустай,
дружок из дружков,
тебе самолично,
подобное глубокому морю,
"спасибо" свое воздаю,
за то, что у меня, молодца,
подобные стройному дереву,
крепкие сухожилия мои размял,
в пальцах моих кровь разогнал.
Ну же!
Если мы через три полных года
снова встретимся —
как на это посмотришь?
Ну, *нойоон*,
страшной клятвой клянусь,
если раньше, чем через три полных года,
клятву свою нарушив,
тебя ударю —
пусть обе руки мои
костная болезнь* поразит.
Если в твою сторону косо взгляну —
пусть оба глаза моих
глазная болезнь* выпьет.
Пусть тогда восемьдесят
моих божеств-ангелов*
прочь от меня отвернутся,
девяносто
моих Никол-божеств*
с отвращением от меня отрекуться, мол», —
иаш человек
клятву такую дал.
После этого
и парень-*абаасы*,
Таас Кудустай, молодчага,
с этим будто бы согласившись,
слова клятвы
произносить стал.
(Ноо!)
(Таас Кудустай:)

«Ар дьаа-алы!
Аарт татайбын!
Ити-и ол да и-иhин
Этэллэр этэ, нойон,
Айыы хаан аймахтара
Улуу өйдөөх дьон диилллэр этэ, нойон,
Ол да иhи-ин
Бэртээх тылы эттин, нойоон,
Чэ-эй эрэ, нойоон,
Кыыс Сарыадыман Куону кытта
Оҕо төрөтөрбүт,
Ычкат ууhатарбыт
Ыраатыаҕа, нойоон,
Онно диэри
Ыраах буолсу, нойоон,
Иккиттэн биирэ
Быhаарыллан хаалыа суох,
Ол да буолар
Сөрү сөбүлэстим, нойоон,
Үс төгүрүк сыл иhигэр
Эйигин көрөр буоллахпына,
Икки көрөр харахпы-ын
Чээкэй өлүү булан уулааты-ын,
Икки атахпын
Ытык өлүү булан сарбыйдын,
Икки туттар илиибин
Анаарар өлүү булан буулаатын.
Чэ-эй эрэ!
Андаҕар диэни
Аҕыйах тылы билэби-ин,
Чэй эрэ!
Көрсүөххэ диэри буоллу-ун», — дии турбута.
(Ноо!)
Ол курдук икки бухатыыраттар
Андаҕайсан бараннар,
Иккиэн аҥы-аҥы арахсан хаалбыттара.
(Ноо!)
Аҥы-аҥы арахсан баран
Биhиги киhибит ат сылгытыгар
Хараллдьыктан көппүт
Хара улардааҕар хапсаҕайдык
Хатана түспүтэ да,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон кэбиспитэ
Уонна Уот Чолбоодой удаҕан

«Ар дьаа-алы,
аарт татай!
Не зря
говорят ведь, *нойон*,
что люди солнечного племени
великие мудрецы, мол, *нойон*,
потому-то
веское слово ты сказал, *нойоон*,
ну-ка, *нойоон*,
хоть время с Сарыадыман Куо соединиться,
детей рожать,
потомство множить
отдалится, *нойоон*,
хоть до того
далековато будет, *нойоон*,
как один из нас двоих
определится [ей в мужья],
тем не менее
согласен с тобой, *нойоон*,
если в пределах трех полных лет
косо на тебя посмотрю —
пусть оба глаза моих
глазная болезнь выпьет,
обе ноги мои
костная болезнь укоротит,
хватающие руки мои
ужасная болезнь судорогой сведет.
Ну же!
Клятвенных слов
совсем мало знаю.
Ну же!
Пусть так до встречи будет», — сказал.
(Ноо!)
Вот так оба богатыря,
клятву друг другу дав,
в разные стороны разошлися.
(Ноо!)
Когда в разные стороны разошлись,
наш человек на коня своего
проворней, чем черный глухарь,
взлетевший с проталины,
ловко вскочил,
словно токующий глухарь,
откинув голову, горделиво уселся.
"Уот Чолбоодой-шаманки

Олоҕо суманан буолуо диэн,
Бу киһи буоллаҕына,
Ол диэки ойута турбута.
(Ноо!)
Ол курдук
Дорҕонноохтук айаннаан,
Тымныы хонугу хонон,
Дьыбардаах айаны айаннаан,
Абааһы дойдутунан айаннаан,
Уот Чолбоодой олорор сирин
Таайан даҕаны билэр эбит.
Ол дойдуга
Айаннаан тиийэн кэлэн,
Уот Чолбоодой удаҕаҥҥа
Дьиэтигэр кэлэн туран,
Тоҥсуйан тобугурата-тобугурата,
Субу курдук хоһоонноох буола турбута.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн диэн
Уолуҥ кэлэн турабы-ын,
Уу-утуйа сытар буолларгын
Үһукта охсууй,
Өлбүт да буолларгын
Тиллэ охсууй,
Чээ-эй!
Туох наадалаах кэллиҥ диэҥҥин
Ыйытар эбит буолларгын
Били Таас Кудустай бухатыыры кытта
(Үс) төҥүрүк сылтан ордук
Охсуһан-охсуһан
Хайа хайабытын
Кырбас эппитин кыыратыспакка,
Халыҥ тирии(би)тин хайы(тыс)пакка,
Чэгиэн эппитин сэймэктэкспэккэ,
Өлөр үөс(пүтүн) бул(сус)паккабын
Тиийэн кэллим.
Сүүнэ диэн сүбэҕэр наадыйан,
Тиийэн кэллим.
Ийэлээтэр ийэкэйим,
Этэ охсон кулу-унуүй,

жилище вот там, мол", — [думая,]
наш человек
в ту сторону поскакал.
(Ноо!)
Вот так —
гулкой дорогой следуя,
студеные ночи коротая,
в лютый холод не останавливаясь,
по стране *абаасы* проехав,
до жилища Уот Чолбоодой,
предчувствием ведомый, добрался, оказывается.
До той страны
путем-дорогой добравшись,
к обители Уот Чолбоодой прибыл
и в дверь жилища ее
дробно заколотил,
вот такие слова говоря при этом.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ, хэ, хэ!*
Я, Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
сын твой, придя, стою.
Если ты спишь —
быстрей просыпайся-ка,
если ты даже умерла —
скорей воскресни-ка.
Ну же!
Какая, мол, нужда привела,
если спросишь, [скажу:]
с тем известным богатырем Таасом Кудустаем
более трех полных лет
бились-бились мы,
но никто из нас [друг у друга]
и куска мяса не выдрал,
толстой кожи пропороть не сумел,
уязвимого места не отыскал,
крепкого тела не искромсал,
поэтому сюда прибыл,
в твоем большом совете нуждаясь,
вот я прибыл.
Наироднейшая моя мать,
подскажи-ка быстрее,

Арҕаһыттан тэһиинээх,
Айыы хааным аймаҕыгар
Аһыныгас санааланыах буоламмын,
Хааннаах андаҕарбын биэрэн кэлбитим», — диэн
Эппитин кэнниттэн.
(Ноо!)
Абааһы удаҕана
Ойон тахсыбыта даҕаны
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Иһилик-таһылык,
Эдьэн-ходьоҥ буола
Турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Иэһээликпин-таһаалыкпын,
Иэдээйиниги-кудааныгы!
Хаҥкыйбалыыр хаалдьыгыгар диэри баҕас
Харыадыма маҥааспына аттардаахый
Харыадьылаан Бэргэмминэ
Тойонуга уолчааныгым,
Чэйиий, нойоон,
Эйиэхэҕэ урут эмиэ
Этитэлээн тураахтыыбын.
Ханнык эрэ хайаларын анныттыгар
Аптыыр хомуһун
Билбэтигэ сирдэригэр,
Сүрэхэйин кистээн сытар диэхэйиктииллэр,
Онно киирэ сатаабыт
Тоҕус халлаан буойуттарын
Оллуур иһин сарбыйбыта.
Ону даҕаны эннииригэ кыайыталаан
Булуоҥ суоҕа, нойоо-он.
Атыммына суоллуурругу булуталаан,
Кэриэстэргин этитэлээн көрүүй, баҕар,
Ханнык эрэ айыыбына удаҕаттара
Сэптиир гына сэрэйэллэрэ буолуохтаарай,
Дьардыыр гына таайаллара буолуохтаарай,
Аймахпына урууларгар тиийитэлээн,
Ыйыппалаан көрүөхүйгүн
Төһөлөрдөөх буолуоҕай», — дии турдаҕа.
(Ноо!)
Эмээхсин дьахтар
Ити курдук ыллаан-туойан,

я, человек племен с поводьями за спиной,
от *айыы-хаан* происходящий,
сердобольный нрав имеющий,
кровавой клятвой поклявшись, к тебе пришел», —
так он сказал.
(Ноо!)
Шаманка-*абаасы*,
[из жилища] тут же выскочив,
вот такой *тойук* заговорила,
вот такую речь повела,
туда-сюда поворачиваясь,
туда-сюда раскачиваясь,
стала причитать, говорят.
(Ноо!)
(Уот Чолбоодой:)
«Входы-выходы мои,
горести-напасти ли!
Харыаджылаан Бэргэн, мой ли,
владеющий черным конем с белой головой ли
до изгиба шеи ли,
господин сынок мой,
ну-у же, *нойоон*,
и раньше я тебе
говорила ведь:
под какой-то горой, мол,
что не ведома колдовским хитростям,
запрятал сердце свое, говорят,
богатырей девяти небес,
туда дойти пытавшихся,
он всех погубил.
Хоть ты удалой молодец,
но и тебе не найти,
не одолеть его, *нойоо-он*.
Другой путь поискать нужно,
взывай с мольбой,
может, какая из шаманок-*айыы*
о том чуть-чуть догадывается,
о том немножко ведает,
до родни своей дойди,
у них расспроси,
что ты на это скажешь?» — так говорила.
(Ноо!)
Когда мать-старуха
так причитать-приговаривать

Бүппүтүн кэнниттэн
"Эн даҕаны
Туһата суох эбиккин", — диэбит курдук
Харалдьыктан көппүт
Хара улар курдук
Хатана түстэ даҕаны,
Токутар улар курдук
Чоноччу олорон,
Айыытын сирин диэки
Киирэн күдэҥнэтэ турбута.
(Ноо!)
Ол курдук
Дорҕоонноохтук айаннаан,
Үүнэр мас таҥнары сыыйыллар,
Күһүҥҥү бөҕөтүн
Өксүөнүнэн билэн,
Сааскы бөҕөтүн
Хахсаатынан билэн,
Сайыҥҥы бөҕөтүн
Самыырынан сабаҕалаан,
Кыһыҥҥы бөҕөтүн
Кырыатынан билэн,
Тымныы хонугу хонон,
Дьыбардаах айаны айаннаан,
Субу курдук
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Олорор сиригэр кэлбитэ.
Кэлэн баран,
Аҕыс салаалаах
Аар хатыҥ анныгар кэлэн,
Аан дойду иччитигэр туһаайан,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута үһү.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Аан дойдум иччитэ
Айыы Алахсын Хотун эмээхсин
Оҕолоотор оҕоҥ,
Бүөбэйдээтэр бүөбэйиҥ,
Хаҥкыйар хаалдыгар дылы

кончила,
"и от тебя
никакого прока, мол", — думая,
подобно черному глухарю,
взлетевшему с черной проталины,
на коня своего вскочил,
словно токующий глухарь,
горделиво уселся
и в сторону своей земли *айыы*,
коня хлестнув, быстро умчался.
(Ноо!)
Вот так вот —
по гулкой дороге так помчался,
что деревья растущие вслед стелились,
множество осеней
по ненастью узнавая,
множество весен
по заморозкам ощущая,
множество лет
по дождю определяя,
множество зим
по пороше распознавая,
студеные ночи коротая,
в лютый холод не останавливаясь, —
вот так
добрался до земли, где жил
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка.
Прибыв туда,
под восьмиветвистой
раскидистой березой остановился
и, обращаясь к духу изначальной земли,
вот такими словами заговорил,
вот такую речь
повел, говорят.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ, хэ, хэ!*
Дух изначальной земли,
старушка Айыы Алахсын Хотун,
тобою выпестованное дитя,
тобою вынянченный ребенок
Харыаджылаан Бэргэн,

Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн диэн киһи
Тиийэн кэллим.
Туох соруктаах буолаҥҥын,
Суол муҥҥаан тоҕоостуҥ диэтэргин,
Ы-ыллык муҥнаан түбэстиҥ диэҥҥин
Ыйытар ибит буолларгын,
Би-или маары
Таас Кудустай бухатыыры кытары
Төгүрүк сылтан ордук охсуһаммыт,
Хайа хайабытын
Халыҥ тирииибитин хайытыспатыбыт,
Өлөр үөспүтүн булсуспатыбыт,
Хайа, сөрү диэммин сөхтүм,
Сүбэлиэ-амалыа буолаайаҕын.
Сарыадымаан Куо диэн
Хоойго сытар
Холоонноох доҕорбун,
Тэллэххэ сытар
Тэҥнээх атаспын былдьатты-ым.
Күүс көмө буолан көрүөххүн
Төһөлөөх буолуоҕай.
Үс төгүрүк сыл устатыгар
Хайа хайабытын
Тыытыһыа суох буоламмыт,
Аҥы-аҥы арахсан кэлэммин,
Сүбэ-ама көрдүү сылдьабы-(ы)н».
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Аҕыс салаалаах
Аар хатынтан
Саннын байаатыгар диэри түһэр
Арыы саһыл астаах
Айыы Алахсын Хотун эмээхсин
Төбөтө эрэ быган олороо эрэн
Саманнык диэн саҥалаах,
Ситинник диэн кэпсэллээх,
Олордоҕо үһү.
(Ноо!)
(Аан Алахсын:)
«Сы-һы, һэ, һэ-эн!
Нойонум,
Этиэххин эттэҕиҥ,
Туойуоххун туойдаҕыҥ,
Буолуо буолан баран

владеющий черным конем с белою головой
до изгиба шеи,
к тебе пришел.
За какой, мол, нуждой,
по дорогам мыкался,
по тропам петлял,
если спросишь, [отвечу:]
с тем известным
богатырем Таасом Кудустаем
более полного года мы бились,
но никто из нас друг у друга
толстой кожи пропороть не сумел,
уязвимого места не отыскал —
очень уж удивился я,
может, ты пособишь-посоветуешь мне.
Ведь суженую мою Сарыадыман Куо,
[предназначенную] рядом со мной лежать
достойную голубку мою,
[предназначенную] вместе со мною спать
равную мне подругу мою, похитили.
Не сможешь ли ты
мне опорой-подмогой стать.
В течение трех полных лет
друг друга
не тронем, мол, договорившись,
в разные стороны мы разошлись.
Теперь совета-помощи я ищу».
(Ноо!)
После этого —
из восьмиветвистой
раскидистой березы
старушка Айыы Алахсын Хотун
с ниспадающими ниже плеч
пожелтевшими волосами,
только голову свою высунув,
такими словами заговорила,
такую речь повела,
сидя там, говорят.
(Ноо!)
(Аан Алахсын:)
«*Сы-хы, хэ, хэ-эн!*
Нойон мой,
сказать-то сказал ты,
пропеть-то пропел ты,
однако ведь я,

Мин эрэйдээх
Аан дойдубар,
Алаһа дьиэбэр
Алгыспын эрэ билэр,
Ханнык даҕаны
Аба-хомуһуна суох
Ураангха-ай буолабы-ын
Чэйи-ий,
Ааттаах хомуһуннаах
Дойдуларынан сырыттаххына,
Субу мантан
Көтөр кынаттаах
Үс төгүл кынат устан
Тиийэр сиригэр,
Түөрт атахтаах
Түөрт төгүл тугуттаан,
Төрөөн-ууһаан тиийэр сиригэр
Уот Кудустай удаҕан диэн
Баар дииллэр.
Онно барангын
Биэс тарбах бэриктээх,
Уон тарбах уунуулаах тиийэнгин,
Көрдөһөн көрүөххүн
Хайдах буолуой», — дии турбута.
(Ноо!)
Биһиги киһибит
"Эттин дуу, эппэтин дуу", — диэбит курдук,
Атыттан түспэккэ эрэ,
Тангнары хайыһыннаран,
Күлэр уодьуганын
Көлөһөтүн булан,
Көннөрү туппута даҕаны,
Аччыктыам диэн ыһык ылбатаҕа,
Тонгуом диэн тангас ылбатаҕа,
Айаннаабытын курдук
Төттөрү бугуйан,
Айанныы турбута.
(Ноо!)
Дьэ субу сордоох сүөһү араата,
Мин сырыыларбын кыайан уйуо суох
Диэбиккэ айылаах,
Эбэтэр бытаана бэрт
Диэбиккэ айылаах,
Көтөр кынаттаах
Үс төгүл кынат устан,

бедняжечка,
в изначальной своей земле,
в родимой своей обители
только *алгысы* свои знаю,
никакими другими
колдовскими хитростями не владею,
такая я, *ураангхай*.
Но все же,
когда по странам, известным своим колдовством,
проходить будешь,
то прямо отсюда
в стране, куда пернатые,
трижды перья меняя,
едва долететь могут,
четвероногие,
четырежды в пути расплодившись-размножившись,
едва дойти могут,
Уот Кудустай-шаманка
живет, говорят.
Туда добравшись,
пятью пальцами подношения держа,
десятью пальцами дары протягивая,
с мольбою к ней обратиться
каково тебе будет?» — так сказала.
(Ноо!)
Наш человек:
"Сказала или не сказала, мол", — долго не думая,
даже с коня не слезая,
обратно его повернул,
веселых удил
колечки найдя,
прямо [коня] направил,
"в пути оголодаю, мол, — думая, — еду не взял,
в пути замерзну, мол, — думая, — одежду не взял",
как и прежде,
в обратный путь
пустился.
(Ноо!)
"Ну, бедная эта скотина
странствий моих не вынесет, кажется", —
так, что ли, подумав,
или же: "Слишком медлительная", —
так, что ли, решив,
"Ведь страна, куда пернатые,
трижды перья меняя,

Сараан тиийэр сиригэр
Ыраах сир буолуохтаах диир даҕаны,
Атын чокуур таас гынар даҕаны,
Үҥкүрүс-күөһэлис гынар даҕаны,
Моонньугар мойбордоох,
Кутуругар хоболоох
Аалай мохсоҕол кыыл буолан,
Үлүскэннээх үрдүк маҥан халлаан
Араҕас хаймыытын аллараа өттүнэн,
Көҕөрөр күөх хаймыытын үөһээ өттүнэн
Көтөн куугунаан испитэ.
(Ноо! Тоҕо бэрдэй!)
Оол көтөн куугунаан иһэн арай,
Биир сиргэ туох эрэ
Бур-бур буруо тахсар курдук,
Хайдах эрэ бадык-будук быыһынан
Аппаал хайа анныгар
Туох эрэ көстүбүтүгэр
Манна дьикти сир баар эбит диэн,
Онно халыйан, туһэн кэлбитигэр
Биир өлөр өлүү абааһы кыыһа кэлэн,
Киниэхэ субу курдук
Иннигэр-кэннигэр,
Эдьэҥнии-ходьоҥнуу
Сылдьыбыта эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Абааһы кыыһа:)
«Иэһэлигэ, таһыылыга,
Иэхэйигэ, чуохуйуга,
Хотуммуна эдьиийигим
Уоттууруга Кудустайа удаҕан,
Били маары,
Хаҥкыйбалыыр хаалдьыгытар диэри, баҕас,
Харыадылыыр маҥааспына аттардаахый
Харыадьылаан Бэргэниги
Чэйиий!
Кэтэспэхтээн кэттэгэйэ буолбутуҥ,
Сэттэ сылтан орто баҕас,
Чэйиий, баҕар,
Наадалардаах киһикэйиҥ
Дьэ тиийэн кэллибинэ,
Утуйбута буоллаххына,
Уһуктаахтыы охсууй баҕас,
Өлбүтүгэ буолларгын
Тиллитэлии охсуталаа.

трижды линяя, едва долетают,
очень далекая страна, мол", — [решив,]
коня своего в кремень превратил,
а сам кувыркнулся-перевернулся
и, с белым оперением на шее,
с белой каймой на хвосте
алым соколом обернувшись,
по высокому грозному белому небу,
ниже его желтеющих краев опускаясь,
выше его синеющих краев поднимаясь,
крыльями свистя, полетел.
(Ноо! Вот здорово!)
Когда вот так летел,
вдруг приметил, что в одном месте
чуть-чуть дымок струится вроде бы,
сквозь серый дым будто бы
на дне глубокого ущелья
что-то чудиться стало.
"Видно, здесь диковинная земля", — [подумав,]
в ту сторону повернув, стал опускаться было,
тут смерти-погибели дева-*абаасы*
вот так перед ним —
сзади-спереди мельтеша,
слева-справа мелькая —
стала ходить-кружить, говорят.
(Ноо!)
(Дева-*абаасы*:)
«Входы-выходы мои,
радость-веселье мое!
Госпожа сестра моя старшая,
Уот Кудустай-шаманка,
не тот ли это
Харыаджылаан Бэргэн,
который владеет черным конем
с белою головой до изгиба шеи?
Ну же!
Более семи лет его поджидая,
уже исхудала наполовину,
ну же, может,
нужный тебе человек
наконец-то явился,
если спишь —
проснись поскорее,
если и умерла —
воскресни быстрее.

Күлбүтүн күлэ-күлэ буккуйуоҕа,
Көмөрбүтүн үөрэ-үөрэ таптайыаҕа,
Чэйи-ий», — дии турбута.
(Hoo!)
Ити кэнниттэн
Аппаал хайа иһиттэн
Туох эрэ эриэн үөн курдук дьүһүннээх,
Туох эрэ хороон курдук дьүһүннээхтэн,
Субуллан тахсарга дылы гыммыта.
Кэлин өттө сылбыгырга дылы,
Илин өттө ньылбыгырга дылы,
Үөһээ өттүнэн саллаҕарга дылы,
Киһи диэхтэн киэлги,
Саха диэхтэн саарбах,
Ураанхай диэхтэн ураты,
Кыыл диэхтэн киһи курдук,
Киһи диэхтэн кыыл курдук,
Балык диэхтэн кыыл курдук,
Кыыл диэхтэн балык курдук дьүһүннээх
Сыалбайан тахсан, кэлбитэ.
(Hoo!)
Өйдөөн-дьүүллээн көрдөҕүнэ,
Кэтэҕинэн эмиэ харахтааахха дылы,
Иннинэн эмиэ биир харахтааахха дылы,
Кэнниинэн эмиэ айахтааахха дылы
Иннинэн эмиэ айахтааахха дылы,
Субу курдук тахсан туран эрэ,
Ыыс быдаан ырыалаах,
Туман туурай тойуктаах,
Кэри-буру кэпсэллээх
Ыыстыы-буруолуу сылдьыбыт эбит.
(Hoo!)
(Уот Кудустай:)
«Иэһэлиги-таһылыгы,
Эминэ да тугуйбуна,
Эриэхситин-эгэлгэтин билингнитиий!
Били маары
Аҕаҕытын уустарыттан айдааннардаах,
Ийэ ууһун саҕаттан иирээннэрдээх,
Босхо хара тыакалланы
Мооньуурунан куотуталыыр
Моҕул кугас аттардаахый
Модун Эр Соҕотох
Уот Чолбоодойо удаҕангна
Онгорбута уолчааныга

А не то он, смеясь, нашу золу перемешает,
пепел наш, радуясь, [ладонью] прихлопнет,
ну-у же!» — запричитала она.
(Ноо!)
После этого
со дна глубокого ущелья
что-то на пестрого змея похожее,
по проходу, на нору похожему,
извиваясь, что-то длинное выползло вдруг,
сзади вроде бы суженное,
спереди вроде бы сплющенное,
сверху вроде бы расширяющееся,
человеком назвать неловко,
якутом назвать невозможно,
ураангхай назвать — не то,
зверем назвать — вроде на человека похожее,
человеком назвать — вроде на зверя похожее,
рыбой назвать — вроде со зверем схожее,
зверем назвать — вроде с рыбою схожее, —
нечто неуклюжее выползло.
(Ноо!)
К нему пристальней приглядеться:
на затылке глаз тоже имеется вроде бы,
спереди глаз тоже виднеется вроде бы,
сзади рот тоже имеется вроде бы,
спереди рот тоже виднеется вроде бы, —
нечто такое, выползя,
стало истошным голосом петь,
стало бестолковый *тойук* петь,
стало бессвязные речи вести,
поносить-сквернословить, оказывается.
(Ноо!)
(Уот Кудустай:)
«О, входы-выходы мои,
о, всякая всячина,
диковинное чудовище это узнайте же!
Это не ты ли,
по отцовскому роду ссорами знаменитый,
по материнскому роду буйством известный,
Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
с Уот Чолбоодой-шаманкой
прижитый сын,

Тийиитэлээн кэлбиккин дуу?
Тускулардаах бэйэлэргэр
Тосхоллордоох дорообуйа буоллуун.
Чэйибинэ эн киир диэтэх киһибинэ
Туохха баҕас наадыйталаан
Кэлитэлээн тураахтыыргын
Билээхийдээн олоробун.
Чэйиий, нойоон,
Кэлбит суолуҥ ити турар,
Кэбэлий да киэрдиир буолууй,
Умса барыый, уҕарыйыый,
Чэйиий!
Үөллүүр эккин үөрэҕэстиэм,
Кыһыл эккин кырбастыам
Бэтэрээҥи өттүнэ,
Барабына охсуу, баҕар», — дии турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Биһиги киһибит
Кэлбит наадалаах киһитэ
Бу баар эбит гынан баран,
Киһиттэн киэлги,
Сахаттан саарбах,
Ураанхайтан ураты
Киһи кэпсэтэн туһаммат
Киһитэ быһыылаах диэх
Курдук санаабыта да буоллар,
Көрдөһүөх санаатын
Син биир көрдөспүтүнэн
Киирэн кэлбитэ.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Уот Кудустай удаҕан
Эдьийдээтэр эдьиийим,
Тускулаах бэйэҕэр,
Дуолан кирдьик
Дорообуйа буоллунууй,
Үс күдэн хара күлүккэр
Үс төгүл сүгүрүйэн,
Нуоҕайа тураммын,
Көрдөһүү бөҕө күртүөннээх,
Ааартаһыы бөҕө ахсааннаах.
Таас Кудустай бухатыырга
Хоойго сытар,

сюда придя, стоишь?
Вот именно тебе самому
"здравствуй" свое говорю.
Ну же ты, такой человечище,
с какой такою нуждой
сюда прибыл —
я уже знаю-догадываюсь.
Так вот же, *нойоон*,
дорога, которой ты прибыл сюда, вот она —
убирайся обратно, прочь уходи,
сгинь, исчезни ты.
Ну же!
Пока живое тело твое на части не разорвала,
пока красное тело твое на куски не изрубила,
до этого не доводи меня —
убирайся-ка побыстрее», — сказала.
(Ноо!)
После этого
наш человек, [думая:]
"Вот та, до которой, нуждаясь, добрался,
такой оказалась ведь:
как с человеком поговорить с ней — с человеком не схожая,
как с якутом поладить — с якутом не схожая,
как с *ураангхай* договориться — с *ураангхай* не схожая,
по-людски разговаривать с ней,
видно, проку не будет", —
все же, подумав,
с просьбой решил к ней обратиться,
все же с мольбой
обратился к ней.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ, хэ, хэ!*
Уот Кудустай-шаманка,
из всех сестер моих самая почитаемая,
вот к тебе именно обращаясь,
искреннее "здравствуй!"
свое говорю,
трем темным твоим теням
трижды кланяясь,
колени сгибая, стою, —
ведь просьбой зря не тревожат,
мольбой часто не докучают.
Богатырь Таас Кудустай
[предназначенную] рядом со мной лежать

Холоонноох доҕорбун,
Тэллэххэ сытар
Тэҥнээх ата́спын былдьатты-ым
Кини сүрэҕэ ханна сытарын
Эйигин билэр дииллэр этэ.
Чээй эрэ!
Ыйа охсон биэрбэт буоллаххына,
Сүгүнүнэн сүктүбэт
Сүдү ыалдьыт буолуом.
Аанньанан аттаммат
Амырыын ыал оҕото
Атах мэнээк кэлбэтэҕим.
Атаҕым соболонгун
Ат эттээх,
Атах соболонноох
Төннөөрү кэлэн турабы-ын.
Ону этэн биэрбэт буоллаххына,
Күлгүн күлэ-күлэ буккуйуоҕум,
Көөмөргүн үөрэ-үөрэ таптайыаҕым.
Чэйи-ийий!
Биир биллэрэ охсуу-уй», — дии турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн абааһы кыыһа
Эриэн үөн курдук суббуллан тахсыбыта,
Атаҕын кыыс бэрбээкэйиттэн
Муос хабарҕатыгар дылы
Хороччу эрийэн баран,
Төкүнүтэ оонньуу сылдьыбыта.
(Ноо!)
Били төкүнүтэ оонньуу сырыттаҕына,
Түөрт кырыылаах
Ыстаал тимир куйахтаах киһи
Таас туруут билиитэ миэстэҕэ
Үлтү сигэнэн кэбиспитэ,
Хас уон сиринэн
Быһыта баран хаалбыта,
(Ноо!)
Быһыта баран хаалбыта,
Анараа обургу
Сүрэхтээх быара тэлимнии-тэлимнии
Көҕөрөр күөх муора диэки киирэн,
Тэлээрэ турбута.
(Айака!)
Уот Кудулу иччитэ

достойную голубку мою,
[предназначенную] вместе со мной спать
равную мне подругу мою похитить себе позволил,
о том, где сердце его лежит,
ты ведаешь, говорили.
Ну же!
Если не скажешь, где оно,
по добру не уеду,
просто так не уйду, знай.
В дальний путь не напрасно пустился ведь,
дитя именитых родителей,
не напрасно сюда я приехал,
трудный путь одолев.
Коню — плата,
пешему — вознаграждение, [говорят же,]
без этого не уеду.
Если добром не скажешь —
золу твою, смеясь перемешаю,
пепел твой, радуясь, [ладонью] прихлопну.
Ну же!
Одно из двух — быстрей говори!» — сказал.
(Ноо!)
После этого дева-*абаасы*,
подобная полосатой змее,
подползла, извиваясь,
от самых щиколоток
до горловых хрящей
крепко его обвила,
и [по земле] стала кататься.
(Ноо!)
Когда так каталась,
богатырь в броне из четырехугольных стальных пластин
вдруг о твердую каменную плиту
с силой стал тереться —
и чудище на несколько десятков частей
разорвалось;
(Ноо!)
когда на куски разорвалось,
сердце и печень того чудища, трепыхаясь,
в сторону синего моря,
взмыв вверх,
улетели и стали исчезать из виду.
(Ой-ой-ой!)
Тогда дух Уот Кудулу-моря

Ойдом Суорун ойон тахсан
Биэрэккэ тахсан
Баһын быктара сытан,
Айаҕын дьаллас гыннаран баран,
Саҥалаах-иҥэлээх,
Киһилии кэпсэллээх
Буола сыппыта.
(Ноо!)
(Ойдом Суорун:)
«Ар, дьаалы-ы!
Арт татакайбын, доҕор!
Ханҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэ-эн,
Орто туруу дойдум
Улайдаах оноҕоһо,
Уордаах мохсоҕоло,
Тускулаах бэйэҕэр
Тоҥ күөнҥэр
Дуолан кирдьик
Дорообо буоллу-уун!
Ким бэйэлээх киһи
Кэпсэл кэпсээтин диэнҥин
Ыйытар буолларгын
Уолугунан айахтаах,
Кэтэҕинэн харахтаах
Уот Кудулу байҕал иччитэ
Ойдом Суорун диэн,
Аат курдук ааттаахпын,
Ол туох соруктаах буоламмын,
Тойук туойдуҥ диэнҥин,
Ыйытар буолларгын, доҕоор,
Бу дойду мин биэрэкпэр кэлэн,
Бултаммыт-астаммыт дьоннор
Бэлэспэр быраҕар буолаллар этэ.
Уон тарбаҕын уунуута,
Биэс тарбаҕын биэриитэ
Ханнаный, нойоон!
Бэлэспэр быраҕан кулууй,
Нойоон!» — диэбитигэр,
Аннараа обургу этэ-сиинэ
Онно-манна ыһылла сытарын
Хомуйа тардан,
Айаҕын дьаллачы аппытыгар,
Онно илдьэн батыччы быраҕан биэрбитэ.

Ойдом Суорун из моря выскочил,
к берегу подплыв,
голову свою высунул,
пасть широко разевая,
человеческим голосом
стал говорить,
в море полеживая.
(Ноо!)
(Ойдом Суорун:)
«*Ар, дьаалы-ы*!
Арт татай, друг мой!
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белой головой
до изгиба шеи,
неколебимого Срединного мира
меткая стрела,
грозный сокол,
именно к тебе обращаясь,
к грозному твоему облику,
самое искреннее
"здравствуй!" я говорю.
"Кто же такой
разговор затеял", —
если спросишь, —
это я, на груди пасть имеющий,
на затылке глаза имеющий,
дух Уот Кудулу-моря
Ойдом Суорун,
громкое имя имеющий;
если спросишь, о чем
тойук затянул
ты, мол, друг,
скажу: кто, на мой берег ступив,
добычу добудет,
тот в пасть мне ее кидает обычно.
Десяти пальцев твоих приношение,
пяти пальцев твоих подношение,
где же, *нойоон*?
В пасть мою брось-ка их быстрее,
нойоон!» — сказал.
[Наш человек] разбросанные
куски тела чудища
вместе собрав,
в широко раскрытую пасть все разом
с размаху бросил,

Кур-хар ыстаан баран,
Ыйыстан кэбиһэн баран,
Төттөрү көбөн бүгүллэннээн тахсан,
Төбөтүн быктара сытан эрэ
Эмиэ саҥалаах буола сыппыта.
(Ноо!)
(Ойдом Суорун:)
«Ар-дьаалы!
Аар татайбын!
Өтөр наар кэлэн,
Мин бэйэлээх бэлэспэр
Быраҕан биэрбит суох этэ-э.
Орто дойдум улуу дуолана,
Махталлаах баһыыбабын
Тутуй, доҕор!
Улуу удаҕан этин
Куртахпар хорҕоттум, нойо-он.
Өссө даҕаны
Соргун улааттын,
Сураҕын ыраттыныый,
Өрөгөйүн үрдээтин,
Үрдүк ааттан,
Үтүө сурахтан, нойо-он,
Хата, мин эйигин
Сүбэлиибин, нойо-он,
Таас Кудустай бухатыыр
Сүрэҕин була иликкинэ,
Үрдүк бэйэтин бүдүрүтүөн суоҕа-а.
Мин айахпыттан
Эриэн үөн таһааран биэриэм,
Ону илдьэннин
Таас хайатын тэллэҕэр
Ытан баранҥын
Күүтэн тураар эрэ-э.
Ол үөн кини сүрэҕин
Булан таһаардаҕына,
Таас Кудустай бухатыыры,
Элбэх собулҕалаах
Адьарай буолуохтаах,
Үрдүк бэйэтин кэмнээтэххинэ,
Мин бэлэспэр
Быраҕан көрөөр эрэ,
Нойоон!» — диэн баран,
Айаҕын аппас гыммытыгар
Эриэн үөн субуруйан тахсыбытын

[чудище], с хрустом жуя,
жадно все проглотило,
наверх всплыв, изгибаясь, подплыло,
и только голову высунув,
снова заговорило.
(Ноо!)
(Ойдом Суорун:)
«*Ар дьаалы!*
Аар татай!
Давненько уже
в мою ненасытную глотку
никто [ничего] не бросал ведь.
Могучий богатырь Серединного мира,
благодарное слово
от меня прими-ка, дружище!
Великой шаманки мясо
в желудок свой я запрятал, *нойо-он.*
Пусть еще больше
удача твоя увеличивается,
весть о тебе еще дальше распространится,
слава твоя пусть возвеличится,
высокое имя твое прославится,
добрая весть о тебе разнесется, *нойо-он.*
Однако тебе
советую, *нойо-он,*
пока сердце богатыря Тааса Кудустая
ты не найдешь —
мощь его тебе не сломить.
Я из пасти своей
полосатую змею выпущу,
возьми-ка и отнеси ее
к подножью каменной скалы,
отпусти ее там на волю,
сам подожди, пока она не вернется,
когда эта тварь его сердце,
найдя, вытащит, будь настороже:
богатырь Таас Кудустай
на многие хитрости, мол,
горазд, говорили.
Если его могущество сокрушишь,
в пасть мою останки его
подкинь, постарайся,
нойо-он!» — так сказав,
[Ойдом Суорун] пасть свою широко разинул —
оттуда змея, извиваясь, выползла;

Төбөтүттэн хап гыннаран ылан,
Атын төргүүтүгэр баанан кэбиспитэ.
(Ноо!)
Уонна Таас Кудустай бухатыыр
Туһа субу буолуо диэн баран,
Ол таас туруут тэллэҕэр
Онно өр да буолбатаҕа,
Өтөр да буолбатаҕа
Соҕурдук айаннаан тиийэн,
Эриэн үөнүн ытан баран,
Саабылаан батаһын
Тангнары тайахтанан баран,
Төттөрү-таары хаамыталыы сылдьыбыта.
Эриэн үөн обургу
Өр гыныа дуу,
Өтөр гыныа дуу
Таас Кудустай сүрэҕин
Субуллубут курдук дьүһүннээх баҕайыны
Тутан таһаарбытын
Үлтү сынньан баран,
Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Уот Кудулу байҕал иччитэ,
Уолугунан айахтаах,
Кэтэҕинэн харахтаах
Ойдом Суорун,
Ыраах да буолларгын
Чугас буолууй,
Биэс тарбах бэригэ,
Уон тарбах уунуута буоллунууй,
У-улуу муора эбэ хотунум
Кэнэҕэһин кэнэҕэс
Атынгырыы-сиилии
Көрөр буолаайаҕын», — дии турбута.
(Ноо!)
Уот Кудулу байҕал иччитэ
Уолугунан айахтаах,
Кэтэҕинэн харахтаах
Ойдом Суорун обургу
Ону истэн баран,
Өр буолуо баара дуу

[наш человек] за голову ее проворно схватил
и к своему седлу приторочил.
(Ноо!)
Решив: "Богатыря Тааса Кудустая обитель
в той стороне, мол", —
к подножию той каменной скалы отправился.
Долго ли,
недолго ли ехал —
[туда] добрался,
змею выпустил,
на обоюдоострый свой меч
опираясь,
взад-вперед похаживать стал.
Полосатая тварь —
долго ли,
недолго ли там была —
сердце Тааса Кудустая,
на что-то чудно вытянутое
похожее,
[оттуда] вынесла,
тогда изрубил его на куски
и такими словами заговорил,
такую вот речь повел.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дье, хэ, хэ!*
Дух Уот Кудулу-моря,
на груди пасть имеющий,
на затылке глаз имеющий
Ойдом Суорун,
хоть ты далеко —
приблизься ко мне,
пятью пальцами подношение отдаю,
десятью пальцами дары протягиваю,
и ты, госпожа-бабушка, море великое,
на все последующие времена
косо-насмешливо на меня
не поглядывай-ка!» — сказал.
(Ноо!)
Дух Уот Кудулу-моря,
на груди пасть имеющий,
на затылке глаз имеющий,
чудище Ойдом Суорун
услышал это,
долго ли,

Өтөр буолуо баара дуу?
Улуу муора уута
Түллэннииргэ дылы гыммыта,
Лапчаана тэрэгнээбитэ,
Төбөтө саллагнаабыта.
Өр буолбатаҕа
Биэрэккэ кэлэн
Айаҕын атан сыллас гына түспүтүгэр
Эриэн үөнүн кытта
Анараа баҕайы
Сүрэхтээх быарын
Быраҕан биэрбитигэр
Кур-хар ыйыстан баран,
Баһыыба да, дорообо да суох
Төттөрү түллэгнээн хаалбыта.
(Hoo!)
Били кэнниттэн
Үс төгүрүк сыла
Туола илигинэ,
Таас Кудустай бухатыырыгар дьэ,
Иэримэ дьиэтигэр,
Кэй барааныгар тиийэн,
Тонсуйа-тонсуйа,
Саманнык саҥалаах,
Ситинник кэпсэллээх
Буола турбута.
(Hoo!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ-э-э!
Ми-ин диэтэх киһи
Аан дойдуну
Атахпынан аймааммын,
Улуу дойдуну
Тобукпунан тобуламмын,
Аҕыс хаттыгастаах
Араҕас маҥан халлаанынан тиийэ
Айаннааммын,
Тэллэххэ сытар
Тэгнээх доҕорбун,
Хоойго сытар
Холоонноох доҕорбун
Былдьатан бараммын,
Халыҥ тириигин
Хайыта иликпинэ,

недолго ли было —
вода великого моря
будто бы вспучилась,
там плавники замелькали,
[Ойдома Суоруна] большая голова замельтешила.
Немного времени прошло —
подплыл к берегу,
пасть широко разинул,
и когда вместе с пестрой змеей
печень и сердце
того чудища
[богатырь] ему бросил,
тот все с хрустом сжевал,
не сказав ни "спасибо", ни "здравствуй",
обратно уплыл.
(Ноо!)
После этого,
когда и полных трех лет
еще не миновало,
наш человек к большому дому
богатыря Тааса Кудустая уже пришел,
в крепкую обитель его
грозно стуча,
вот такими словами заговорил,
вот такую речь повел,
говорят.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ-э-э!*
Вот я, славный человек,
по всей Вселенной
ногами своими прошел,
по шири великой страны,
коленями путь пролагая,
до восьмиярусного
белого неба добравшись,
его проехал — из-за того что
рядом со мной лежать [предназначенную]
равную мне подругу,
вместе со мной спать [предназначенную]
достойную мою голубку
похитить тебе позволил.
Теперь, пока твою толстую кожу
не распорю, не разрежу,

Өлүөр эккин
Сэймэктии иликпинэ,
Аттыгыттан арахпат
Айылгылаах ки-иһибин.
Чэйиий, нойо-он,
Көмөргүн үөрэ-үөрэ кыбаахтыаҕым,
Кулгүн күлэ-күлэ таптайыаҕым,
Аймах урууларгын самнарыаҕым,
Төрүүр оҕону
Төттөрү домнуоҕум,
Иитэр сүөһүгүн
Күрүөтүн көтүрүөҕүм.
Чэ-эй, нойо-он!» — дии турбута.
(Ноо!)
Ити кэнниттэн
Аннараа баҕайы
Таас Кудустай обургу
Очуону истэн баран
Уруккуттан охсуһа үөрэммит баҕайы,
Төгүрүк сылы мэлдьи охсуспут киһи,
Билэр киһи быһыытынан
Ойон тахсыбыта даҕаны,
Түллэр таас түөскэ
Түһэн кэбиспитэ.
Ол курдук
Үс ый хонуга
Тоҕус уон хонук
Мүлтү туолуор диэри,
Охсуһан көрбүттэрэ да,
Хайа хайаларыттан
Хаан таммалаабатаҕа,
Өлөр үөстэрин булсуспатахтара,
Быстар тыыннарын көрсүспэтэхтэрэ,
Чараас сирбит буолуо диэн,
Тапсан туран табыһан көрбүттэрэ,
Чэгиэн сирбит буолуо диэн,
Тиксэн туран тэбиэлэһэн көрбүттэрэ да,
Хайа хайаларыттан
Туох даҕаны тахсыбатаҕа.
Абааһы уола
Кэннинэн икки саһааннаах сири
Тоҕуйан кэбиһэн баран,
Кини диэкки көрөн туран,
Хайдах эрэ уруккутунааҕар
Сылайбыт-элэйбит курдук

пока твое крепкое тело
не искромсаю, не истерзаю,
не отступлюсь от тебя,
такой я человек.
Ну же, *нойо-он*,
ликуя-радуясь, золу в твоем очаге перемешаю,
пепел твой, смеясь-посмеиваясь, [ладонью] прихлопну,
кровных родичей твоих уничтожу,
рождаемых ими детей
проклятью предам,
у разводимого ими скота
загоны разрушу.
Ну же, *нойо-он*!» — пригрозил он.
(Ноо!)
После этого
то чудище
Таас Кудустай,
такое вот услыхав,
в битвах уже искушенный,
который год в поединке сражавшийся,
[недруга] своего узнавший,
стремительно выскочил
и на вздымающую грудь [врага]
стал наседать-нападать.
Вот так —
в течение трех месяцев
до их исхода,
полных девяносто дней
бились они,
но друг у друга
крови не пролили,
уязвимого места не отыскали,
жизни друг другу прервать не сумели,
[думая:] "Где тонко, там и порвется, мол", —
друг друга упрямо дубасили,
"где твердо, там и сломается, мол", —
с упорством друг друга пинали,
но ни тот, ни другой
не смогли осилить.
Тут парень-*абаасы*, изловчившись,
назад на две сажени
отпрыгнул-отпрянул
и, к богатырю повернувшись,
вроде бы против прежнего
более утомленный-усталый

Көрүннээх киһи
Сангалаах-ингэлээх турбут эбит.
(Ноо!)
(Таас Кудустай:)
«Ар дьаалы-ы!
Аар татайбын!
Эминэ тугуй!
Дьэ, нойоон,
Мин диэтэх киһи
Этэр тылбын
Икки иэдэскэр илдьэ тура-ар
Истигэн сэргэх кулгааххынан
Истэ сэргэҕэлээн туруууй, нойо-он.
Туойар тойукпун
Тоҕус үүттээх долоҕойгор
Тутууй, нойо-он.
Кэриэс тылбын кэбилэнэрбин
Истэ сэргэҕэлээн туруоххун
Төһөлөөх буолуой, нойон,
Оол тугуй диэтэргин
Чэй эрэ, нойоон,
Аппын-хомуһуммун бүтэрбиккин,
Көрөр хараҕым сабылламмын,
Кэбилэнэн олорон биэрбит эбиппин.
Бу өйдөтөхпүнэ,
Өлөн бүтэн турар эбиппин.
Кыайбыт киһи
Өрөгөйүн үрдээтэҕэ.
Ол да буоллар
Өлүөхпэр диэри
Өлөр мөнгүүбүн уйдаххына,
Соргун бөҕө үрдүөҕэ,
Суолун бөҕө улаатыаҕа.
Аппаал хайа анныгар
Кистии сытар сүрэхпин,
Этинэн мэнгиэстээри,
Хара түөкүн
Улуу байҕал иччитэ,
Ойдом Суорун хара түөкүн
Тыллаан биэрэн,
Сүрэхпин алдьатан кэбирэппит
Аанай-туонай абатын!» — дии турбута.
Ол кэннитээн
Биһиги киһибит
Оччону истэн баран,

вид имея,
скорбным голосом вот так заговорил-запричитал.
(Ноо!)

(Таас Кудустай:)
«*Ар дьаалы-ы!*
Аар татай!
Всякая всячина!
Ну, *нойоон*,
слова, которые я, человек именитый,
произносить буду,
по обе стороны твоих щек примостившимися
чутко слышащими своими ушами
выслушай-ка, *нойо-он*,
тойук, который я петь-говорить буду,
в девяти дырах своего тела
удержи-ка, *нойон*,
смысл заветных моих слов
в уши свои прими,
что на это скажешь, *нойоон*?
"О чем, мол, плакаться будет?" — [спросишь, отвечу:]
Ну же, *нойоон*,
колдовские чары мои ты уже разрушил, оказывается,
всевидящие глаза мои, закрывшись, проглядели это,
вот до чего дошел, оплошал я, оказывается.
Только сейчас уразумел я,
что уже погиб.
Ты победил,
пусть слава твоя возвысится.
Но все же знай:
если в мой гибельный час
предсмертный мой натиск выдержишь,
только тогда счастье твое утвердится,
дорога твоя удачливой будет.
Сердце мое,
на дне глубокого ущелья спрятанное,
обрек на съеденье
черный злодей,
дух великого моря
Ойдом Суорун,
он навел-подсказал, оказывается,
потому-то сердце мое растерзано,
оттого-то мощь моя иссякла, о горе мое!» — так сказал.
После этого
наш человек —
вот такое услышав,

Туруо баара дуо?
Түллэр таас түөскэ
Түспүтүнэн киирэн барбыта.
Биир ый хонуга
Орулуур отут хонук
Мүлтү туолуута
Абааһы уолун
Алын тирэҕин
Айгыратан барбыта,
Үрүт күүһүн
Өһүлэн барбыта.
Эриэн ытыһыгар
Элэгилдьитэн барбыта,
Хара дабыдалыгар
Талахачытан барбыта,
Сири сэттэ бэчээтинэй
Быһа быраҕан түһэрэн,
Саахтыыр эмэһэтиттэн
Саары муннугар диэри
Хайа баттаан кэбиспитэ.
(Айака!)
Оол курдук
Улуу далай иччитэ
Уолугунан айахтаах,
Кэтэҕинэн харахтаах
Ойдом Суорун обургу
Ону билээт,
Биэрэккэ кэлэн,
Айаҕын атан сытарыгар
Онно киллэрэн,
Быраҕан биэрбитин
Махталын-баһыыбатын
Даҕаны эппэккэ,
Улуу муора уута
Түллэҥнии-түллэҥнии,
Лапчаана тэрэс гына,
Байҕал диэки мэлис гынан хаалбыта.
(Ноо!)
Ол кэнниттэн
Кыыс Сарыадыман Куону
Тимир ханаат быатын
Быта быатын курдук
Быһыта тыытан баран,
Ат сылгытыгар
Самыытыгар олордон,

устоит на месте, что ли? —
на вздымающуюся каменную грудь
своего врага снова накинулся.
Когда полных тридцать дней
одного месяца
все стали проходить,
наконец-то парня-*абаасы*
нижнюю опору
стал расшатывать,
верхние силы его
стал изматывать.
В хватких ладонях своих
стал мять-перекручивать,
в черных ладонях своих
стал жать-выкручивать
да на семь печатных саженей
так швырнул с размаху,
что от вонючей задницы
до самого с черным сафьяном схожего носа
рассек пополам.
(Ой, ой, ой!)
Вот тут-то
дух великого моря,
пасть на груди имеющий,
глаз на затылке имеющий
Ойдом Суорун-чудище,
про это узнав,
приплыл к берегу
и, пасть разинув, уже поджидал.
Тогда [богатырь], останки собрав,
в пасть ему бросил было,
спасибо-благодарности
в ответ не сказав,
плавниками своими мелькая,
так что вода в великом море
вспучилась-вспенилась,
в пучине тут же исчез.
(Ноо!)
После этого —
[наш богатырь] опутавший Кыыс Сарыадыман
железный канат
легко, как веревку из трав, разорвал,
на широкий круп
коня своего посадил
рядом с ним лежать [предназначенную]

Хоойго сытар
Холоонноох доҕорун
Булбут киһи быһыытынан
Айыы Дархан оҕонньор
Адаҕыйбыт аан дойдута,
Торолуйбут туруу дойдута
Туһа манан буолуо диэн,
Бу киһи айаннаан-сэмэлээн,
Киирэн бара турбута.
Бу айаннаан-сэмэлээн,
Киирэн баран, истэҕинэ,
Тымныы хонугу хонон,
Дьыбардаах айаны айаннаан,
Аара очур бөҕөҕө оҕустарбакка,
Дэгдиэ бөҕөҕө тэптэрбэккэ,
[Айаннаан-астаран испитэ]
Ол баран истэҕинэ,
Улуу сир уххана көстүбүтэ,
Бэрт сир бэлиэтэ биллибитэ,
Ол кэнниттэн
Айыы дойдутугар тиийэн кэлбитэ.
Айыы Дархан Тойон оҕонньор,
Айыы Сарыадыман Хотун эмээхсин
Адаҕыйбыт аан дойдуларыгар,
Торулуйбут туруу дойдуларыгар
Көрдөр харахтарын дьүккэтин,
Көтүлүннэр тиистэрин миилэтин
Илдьэ бу тиийэн кэлбитэ.
Оол аан дойдуну
Эргитэ көрөн кээстэххэ:
Уордаах мохсоҕолум
Отут хонон туоруур
Унуоргутун булбатах
Улуу туйгун алаас эбэ хотунум
Арҕаа өттүгэр
Ыал буоланнар,
Ыыр үктээннэр,
Баай байаннар,
Тот тотоннор,
Олороллоругар тиийэ биэрбитэ,
Көрдөр харахтарын дьүккэтин,
Көтүрдэр тиистэрин миилэтин
Сиэппитинэн киирэн кэлбитигэр,
Оҕонньордоох эмээхсин
Үөрэн өлө сыспыттара.

достойную подругу свою,
как человек,
вновь обретший свое,
подумав: "Айыы Дархана-старика
обитель-страна,
цветущий незыблемый его край
в той стороне находится, мол", —
наш человек в путь пустился,
в ту сторону направился.
Вот когда, в путь пустившись,
так вот ехал:
студеные ночи коротая,
в лютый холод не останавливаясь,
на колдобинах не спотыкаясь,
на ухабинах не трясясь,
дальше путь продолжая, —
вот когда он так ехал,
перед ним великой страны простор открылся,
отменного края очертания обозначились,
после этого наконец-то
до земли племен *айыы* добрался.
Старику Айыы Дархану Тойону,
старухе Айыы Сарыадыман Хотун,
в их обитель-страну,
в их цветущий незыблемый край,
зеницу их глаз смотрящих,
десну их зубов выпадающих
привез с собой наконец-то.
Если изначальную ту страну
взором окинуть:
грозный сокол,
все тридцать дней летая,
противоположной окраины ее не достигнет —
на такой отменный *алаас*-бабушку,
на западную окраину его,
чтобы семьею обзаведясь,
тропы прокладывать,
богатство накапливать,
сыто-привольно жить, —
туда он прибыл.
Когда зеницу их глаз смотрящих,
десну их зубов выпадающих,
за руки ведя, в дом вошел,
старик со старухой
от радости чуть не умерли.

Кингкир хара тыа курдук
Киэҥ урууларын ыҥыраннар,
Баай хара тыа курдук
Бар дьоннорун мунньаннар,
Үөрүү тэрийэннэр,
Уруй уруйдааннар,
Айхал айхаллаабыттарын
Кэлин өттүгэр
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн,
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Дойдутугар тиийэн
Олорор былаахнаах,
Ол үөрүүтүн-көтүүтүн
Атааран бараннар,
Хоойго сытар
Холоонноох доҕорун,
Тэллэххэ сытар
Тэҥнээх атаһын
Кыыс Сарыадыман Куону
Мэҥэстэн баран,
Адаҕыйбыт аан дойдутугар,
Торолуйбут туруу дойдутугар,
Босхо хара тыаны
Моойдоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох
Алааһыгар тиийэ биэрбитэ.
Ону уруккуттан
Билэн олорор дьон быһыытынан
Кингкир хара тыа курдук
Киэҥ урууларын ыҥыраннар,
Баай хара тыа курдук
Бар дьоннорун ыҥыраннар,
Субу дойдуга
Үөрүү-көтүү оҥороннор,
Көйүү кымыһынан
Күөмэйдэрин оҥостоннор,
Бу дойдуга
Ыллам өттө
Ыллаан дьиэрэтэн,
Бөҕө өттө

Словно деревья в дремучем лесу,
многочисленных родственников созвали,
словно деревья в густом лесу,
весь могучий народ собрали,
радостный пир устроили,
славить стали,
поздравлять-приветствовать стали.
После этого
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белою головой до изгиба шеи,
решил добраться до родины
Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
и там поселиться-обосноваться.
Такому решению радуясь,
в путь его проводили.
[Богатырь] рядом с ним лежать [предназначенную]
достойную подругу свою,
вместе с ним спать [предназначенную]
равную ему голубку свою,
Кыыс Сарыадыман Куо,
сзади себя на седло посадив,
в свою обитель-страну, где он родился,
в свой цветущий незыблемый край, где он возмужал,
на *алаас* Могучего Эр Соготоха,
владеющего темно-рыжим конем
с гривастою головой
выше темного леса-колка,
быстро с ней прибыл.
И люди, как будто
об этом заранее зная,
словно деревья в дремучем лесу,
многочисленных родственников созвав,
словно деревья в густом лесу,
весь могучий народ собрав,
на этой земле
радостный пир устроили:
крепким кумысом
горло свое смачивая,
на этой земле
кто смелее
стал вдохновенно петь,
кто сильнее

Бүүрүктэһэн тустан,
Хомоҕой өттө
Хомуһунан оонньооннор,
Суон саалынан
Саахымат оонньооннор,
Халыҥ саалынан
Дуобат уурсан,
Субу дойдуга
Оонньоон-көрүлээн,
Уруйдаан-айхаллаан,
Субу курдук сылдьыбыттар эбит.
Ол кэнниттэн
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн
Баай хара тыа курдук
Бар дьоннорун иннилэригэр,
Киҥкир хара тыа курдук
Киэҥ урууларын иннилэригэр
Өргөстөөх үҥүүтүн
Үөһээ өрө уунан туран,
Саманнык диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсээннээх,
Буола турбута эбитэ үһү.
(Ноо!)
(Харыадьылаан Бэргэн:)
«Дьэ, һэ, һэ!
Адаҕатын кэппитинэн үөскээбит,
Арбаҕаһын бүрүммүтүнэн төрөөбүт
Аллараа аҕыс бииһин ууһун
Аҥардастыы аймааммын,
Ки-иҥкир хара тыа курдук
Киэҥ урууларбын
Баай хара тыа курдук
Бар дьоннорбун,
Кө-өхсүттэн тэһииннээх
Күн хаан улуустарын
Бүлтэспиттэн биир бүлтэс
Баарын тухары,
Өргөстөөх үҥүүбүнэн
Өрө көмүскүү туруоҕум.
Ха-ара хааммыттан
Таммах хаан баарын тухары,
Өлүү суолун

стал проворно бороться,
кто речистее,
тот на *хомусе* стал играть-сказывать,
плотным шейным жиром
в шахматы стали играть,
крепким шейным салом
в шашки стали играть*,
на этой земле,
ликуя-радуясь,
приветствуя-поздравляя,
вот так веселились, оказывается.
После этого
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белой головой
до изгиба шеи,
всему народу собравшемуся,
словно деревья в густом лесу,
всем многочисленным, словно деревья в дремучем лесу,
родственникам,
остроконечное свое копье
высоко вверх подняв,
такие слова,
такую речь
сказал, говорят.
(Ноо!)
(Харыаджылаан Бэргэн:)
«*Дьэ, хэ, хэ*!
[Всякого], с колодкой на ногах появившегося,
с облезлой дохой на плечах родившегося,
из нижних восьми племен
истребляя нещадно,
своим многочисленным, словно деревья в дремучем лесу,
родственникам,
всему, словно деревья в густом лесу,
своему народу
солнечных *улусов*
с поводьями за спиной [защитником буду].
Пока из длинных моих костей
хотя бы одна целой будет,
врагов на острие копья
нанизывать буду,
пока из черной моей крови
хотя бы одна капля останется,
гибельный вход

Үтүлүкпүнэн бүөлүү анньан туруоҕум,
Аан дархан андаҕарбын
Бар дьонум иннигэр туттарабы-ын!»
(Ноо!)
Ити курдук
Аан дархан андаҕары андаҕайаннар,
Босхо хара тыаны
Мооньньоох баһынан куотар
Моҕул кугас аттаах
Модун Эр Соҕотох,
Күн халлаан анныгар
Көтөн-мөңөн үөскээбит
Көҕөччөр бороҥ аттаах
Көмүс Кыырыктай бухатыыр,
Хаҥкыйар хаалдьыгар диэри
Харыады маҥаас аттаах
Харыадьылаан Бэргэн буоланнар,
Үс бухатыыр буоланнар
Алаастарын үс өттүгэр
Ыыспа туттаннар,
Ыыр тэринэннэр,
Ыал буоланнар,
Аҕа дойду баһылыга буоланнар,
Улуу дойду тойоно буоланнар,
Аҕа баһыгар аатыраннар,
Дойду баһыгар сураҕыраннар,
Кинилэр бээлээхтэргэ
Орто дойдуттан
Будьур сүүстээхтэр,
Буулаҕа моойдоохтор
Буулуохтарын иннигэр
Үрдүк аатарыттан,
Үтүө сурахтарыттан
Уот курдук тумнубуттара,
Дьухха уу курдук дьулайбыттара.
Үөһээ дойдуттан
Үөрбэ буолан,
Түһүөхтэрин иннигэр,
Кинилэр сүрдээх ааттарын,
Нөрүөннээх көҕүстэрин
Көнү түһэр кыахтара суоҕуттан,
Аллараа дойдуттан
Аргыар аргыйыан иннигэр
Атахтарынан саба үктэнэн олороллоруттан
Ааттаах ааттарыттан сабырыттараннар.

рукавицей своей затыкать буду, мол, —
такой великой клятвой
своему народу клянусь!»
(Ноо!)
Вот такую
великую клятву дали
Могучий Эр Соготох,
владеющий темно-рыжим конем
с гривастой головой
выше темного леса-колка,
Кёмюс Кырыктай-богатырь,
владеющий сивым конем,
под солнечным небом
привольно-беспечно выросшим,
Харыаджылаан Бэргэн,
владеющий черным конем с белой головой
до изгиба шеи.
Все три богатыря
на трех окраинах *алааса*
обитель устроили,
тропы протоптали,
семьями обзавелись,
отчизны главою стали,
в великой стране *тойонами* они зажили,
в отечестве своем возвеличились,
из края в край прославились.
На них, именитых,
из Среднего мира
крутолобые,
с могучими шеями
нагрянуть хотели бы,
да грозных имен их страшились,
добрых имен их,
словно огня, боялись,
словно глубокого омута, опасались.
Из Верхнего мира
копьями обернувшиеся
напасть хотели бы,
да грозных имен [страшась],
могучих спин
сломать не имели возможности.
Из Нижнего мира
холодными сквозняками повеяли бы,
да они ступнями от тех сквозняков всегда прикрывали,
их великой славы страшась,

Атара буолан күөрэйэртэн салланнар,
Үллэр үйэлэригэр,
Саллар саастарыгар
Үргүөр үргүйэрин
Үтүлүктэринэн бүөлүү анньаннар,
Орто дойдунан
Хааман кэлэри
Санныларынан бүөлээннэр,
Алларaa дойдуттан
Атара буолан күөрэйэллэрин
Атахтарынан саба үктээннэр,
Ыал буоланнар,
Ыыр үктээннэр
Ол курдук олорбуттара эбитэ үhү.
(Hoo!)

Айыы буолар диир буолаллар этэ. Элбэх бириэмэҕэ олонхолообут киhи кутурук салайбатаҕына, абааhы үтүктэр диир буолаллара. Ол курдук мин бэйэм төрөөбүт алаастаах киhи буоларым быhыытынан төрөөбүт алааhым туhунан тойук туойуум, ырыа ыллыым.

(Hoo!)

Дьэ, hэ, hэ!
Көҕөрөр-унаарар
Күөҕэ кырыстаах,
Күөгэйэр-нусхайар
Күндү кырыстаах,
Алаҕаркаан-тэтэкэркээн
Алаас ийэ хотуммун
Сотом ортотунан
Соймуу оонньообут
Солко нуоҕай кырыстаах,
Отонноон-дьэдьэннээн сиэбит
Улуу кырдалбар тахсан туран,
Кэҕэ буолан,
Кэҥкил хара тыабар
Кэрэ куолаhынан
Кэскиллээх олоҕу кэрэhиттээн,
Алтан чуораан айахпынан
Амылыйдаҕым буоллунууй!
Үс үйэ тухары
Үөрүктүйбүт көҕүлбүн
Өhүллэҕим.
Хоммут уоспун хонноромmун,
Хоhоон этэр күммүн
Уруй-хоруй!
Хотоол хонуубар

снизу острогами выскочить опасались.
Так всю свою жизнь,
весь свой век [эту страну]
от холодных сквозняков
рукавицами закрывая,
от набегов
со Средней земли
спинами заслоняя,
от зубьев острог
из Нижнего мира
ступнями ног прикрывая,
в этой стране семьями они зажили,
тропы они проложили, —
вот так жили они, оказывается.
(Ноо!)

"Грех будет", — говаривали бывало, когда сказитель после долгого исполнения олонхо не споет еще что-либо, мол, ему будет вторить *абаасы**. Поэтому давайте я как человек, имеющий свой *алаас*, где родился и вырос, буду о родном своем *алаасе тойук* складывать, песню петь.

(Ноо!)

Дьэ, хэ, хэ!
Необъятно просторной,
с зеленым покровом,
с волнообразно колышущимся,
нежным цветом розовеющим
цветистым покровом
почтенной моей *алаас*-матушки
до середины голени доходящий,
шелком стелящийся покров ее,
играючи, я вытаптывал,
ягоду землянику ее, срывая, ел,
теперь, на высокой долине ее стоя,
подобно кукушке,
в дремучем гулком лесу
чудным своим голосом
счастливую жизнь [всем] предвещающей,
я медным ртом-колокольчиком
воспевать [*алаас*-матушку] стал, пусть будет так!
В течение трех веков

---

*Эту песню олонхосут после исполнения олонхо пел по своей инициативе. В старину после сказывания пели песню другого содержания, чтобы умилостивить злых духов. Такую песню называли *кутурук салайар* — "хвост направить". Образец подобной песни Н.В. Емельянов записал со слов олонхосута С.В. Петрова в 1958 г. (Нюрбинский улус, Кангаласский наслег).

Холкуостаах буоламмын,
Хоро тойук туойбуппуттан
Хостооммун
Хоһуйдаҕым буоллун!
(Дьэ, бэрт!)

— Ырыан-тойугун дьэ тупсубут уонна сайдыбыт.
— Билигин өссө табыллыбыт.
— Эрчиллибит, дьэ сүрдээҕин.
— Өссө биэс чаас олонхолуура буоллар тупсуо эбит.
— Ити эрчиллиилээх, эрчиллиилээх.
— Билигин барар кыах тобус толору баар.
— Биир ыйга умунна да бүттэ.
— Ыллааммын үчүгэй буоллум ээ.
— Мин балтараа ыйга ыллаабакка сырыттым, билигин саараама, ыллыыр кыах суох.
— Ити элбэхтик ыллаатахха үчүгэй буолар. Бэҕэһээнгэ диэри отой куһаҕан этим.
— Барыта 72 ырыаны ыллаатын.
— Дьэ элбэх эбит.
— Алдьархай элбэх эбит.

нечесаную гриву свою
приглаживая,
сомкнутые уста свои размыкая,
сказывать стал — дню этому
пусть будет *уруй*!
На просторной долине моей,
став колхозником,
хоринские сказы* стал я сказывать,
из них, кое-что вспоминая,
воспел было, пусть будет так!

(Вот здорово!)

— Песни-сказания твои стали еще выразительнее и лучше.

— Сейчас еще удачнее исполнил.

— Поднаторел он, вот видишь, очень здорово.

— Еще бы ему петь часов пять, стал бы еще лучше петь.

— Это требует тренировки и тренировки...

— Сейчас исполнять олонхо у него все возможности имеются.

— Если он один месяц не будет петь — значит все, конец, [станет забывать].

— Вот пел-пел и стал лучше чувствовать себя.

— Я полтора месяца не пел, потому сейчас совсем петь не могу.

— Чем больше поешь, тем лучше. До вчерашнего дня плохо пел.

— Всего ты напел 72 песни.

— Ну, много, оказывается.

— Очень много, оказывается.

---

*Хоринские сказы (*хоро тойук*) — "хоро" — по историческим преданиям, название рода, говорящего на языке, непонятном якутам. Здесь олонхосут под "хоринскими сказами" понимает нечто священное, историческое, былое.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ К ЯКУТСКОМУ ТЕКСТУ

6 — *Аннараа* (вар.: *ынараа, анараа*) *өттүгэр* — букв. "по ту сторону", "за далью", "за границей".

18 — *Ураҕа сонноо5ум* (от словосоч. *ураҕа сон*) — по объяснению В.О. Каратаева: шуба (доха), имеющая широкие полы, что придает ей вид *урасы*.

35—36 — *Ноо!* — одобрительный возглас слушателей при исполнении олонхо.

42 — *Туруу чоҕой хара буорум* (*неколебимая черная ширь земная*) — видимо, этот стих лишний, так как в стр. 40 он уже прозвучал в логической связи с содержанием всего периода.

45 — [*Испит*] — здесь и далее в квадратные скобки заключены недостающие по смыслу слова, восстановленные составителем данного тома.

57 — *Анабы тайах* — большой лось; лось-самец во время гона.

65 — *Ханчылаан* — от слова *ханчы*: 1. Косяк рыб, собравшихся для метания икры при первой оттепели [41, стб. 3307]; 2. В вилюйских районах: болотистое место подо льдом озер, где погибают рыбы от недостатка воздуха (устное объяснение собирателя фольклора Г.Е. Федорова).

88 — *Түөрдуон* — слитное произношение словосочетания *түөрт уон* "сорок".

89 — *Болбуоттаах* — *болбуот* от рус. *подводы*.

92 — *Көрүлүөс күргүөм санаалаахтар* — здесь, видимо, олонхосут изменил общеизвестную песенную формулу *көрүлүөс күргүөм күннэргэ* "в дни разгара веселья".

93 — *Көрбүөччү харахтаахтар* — в магнитофонной записи *көрбүөччү санаалаахтар* "провидящий будущее, знахарь; способность провидеть будущее" [41, стб. 1156; 1, с. 124]. По объяснению фольклориста-собирателя Г.Е. Федорова, в старину на развилке дороги, где бывало много народу, шаманы ставили идолов, которые видели всех, кто проходил мимо них, а потом рассказывали шаманам.

109 — *Ситэрэн-ханаран испиттэр* — вариант общеизвестного якутам сочетания *ситэрэн-хоторон*: *ситэр-хотор* "выдержать", "доделывать".

140 — *Улай киинигэр* — по объяснению В.О. Каратаева, "в самом центре".

145 — *Уоруйан-туоруйан* — по объяснению сказителя, "из последних сил", "иссякая, исчерпывая последние силы". Ср., например, *аас-туор* "голодание", "истощение".

146 — *Дьоргул хара тыатын* — по объяснению сказителя, "высокий дремучий лес".

171 — *Хохудал хара тыалар* — по объяснению сказителя, "лес с длинными высохшими деревьями"; *хохудал* — "дерево, лишенное ветвей и сучьев" [41, стб. 3540].

178 — *Эргис хара тыалар* (*густые черные леса*) — диалектный вариант общеизвестной якутской эпической формулы *эргэнэ хара тыалар* "лес с высокими и большими деревьями" [47, с. 185].

205 — *Сырпай сиэллээхтэр* (*долгогривые*) — здесь в слове *сырпай* сказалось индивидуальное произношение сказителя (лит. *сыспай сиэллээх*).

222 — *Буодарай* — видимо, от русск. *бодрый*.

233 — *Дьаадарай маҥан толооннорун* (*белоснежных долин*) — по объяснению сказителя, имеется в виду неровная, широкая долина.

246 — *Өндүрүүт* — по объяснению сказителя, "высокий, большой" (дом).

404 — *Энискэннээх* — так сказитель произносит слово *аныcханнаах* "студеный, холодный" [41, стб. 113] в соответствии со словом *илин* "восточный" по закону аллитерационно-ассонансного сложения стиха.

415 — *Буотама* — по объяснению сказителя, *буотама, буотамас* — "вихрь"; Буотама — название реки, левого притока Лены.

484 — *Моойдоох* (*имеющий шею*) — от слова *моой* "шея"; сказитель произносит данное слово в разных вариантах: *моойдоох, моонньоох, моойноох*. Как полагают исследователи якутского языка, в последних двух вариантах сохраняется древняя основа слова *мойун* "шея" [19, с. 172] (ср. с др.-тюрк.: *бойын, бойун;* алт. *мойын;* тув., кирг. *моюн*); древняя субстратная основа сохранилась в говорах северных, в частности верхоянских, якутов [7, с. 74; 13, с. 74].

488 — *Судуллуун* — по объяснению сказителя, "с корнем, совсем".

518 — В магнитофонной записи: *Тиэргэннэрин иннилэригэр* (перед двором) — здесь употреблено неправильно. При расшифровке олонхосут исправил *дьиэлэрин иннигэр* — "перед домом", можно сказать и *тиэргэннэрин ортотугар* — "в середине двора".

526 — *Сигэ дьүһүнүнэн* — здесь *сигэ* в значении *илэ* (объяснение сказителя); *сигэ* (*илэ*) *дьүһүнүнэн* — синоним выражения *илэ бэйэтинэн* "лично сам", "явно своим видом", "открыто", "в собственном облике".

528 — *Түтүм бараан дьүһүнүн* — *түтүм* здесь употреблено вместо общеизвестного *дьүдьүн; дьүдьүн бараан* — "вид, наружность, облик".

537—540 — В магнитофонной записи издаваемого текста: *Аҕыс былас дарайар/Сарыннаах киһи эбит, /Биэс былас/ Биэкэйэр биилләэх эбит* (в восемь маховых саженей широкие плечи он имеет, оказывается, /в пять маховых саженей/ тонкий стан он имеет, оказывается). В записи 1975 г.: *Биэс былас/Биэкэйэр биилләэх, /Алта былас/Дарайар сарыннаах* (в пять маховых саженей / тонкий стан он имеет, /в шесть маховых саженей/ широкие плечи имеет), что более соответствует общеизвестной эпической формуле, часто встречающейся во многих олонхо.

582 — *Тэримэх кыыл* — в словарях якутского языка нет такого слова. По объяснению олонхосута, так называется рысь.

634 — *Тоҕус тутум сыһыахтаах* — с косою длиною в девять корхов (кулаков). В эпической традиции коса красавицы обычно измеряется саженями (*былас*), что сказитель иногда употребляет в ходе сказания. *Сыһыах* "коса" является фонетическим вариантом слова *суһуох*, которое считается фонетически литературным. Обычно олонхосут в быту употребляет литературный окающий вариант, а когда сказывает, в большинстве случаев акает. Это явление объясняется не только законом аллитерационно-ассонансного сложения стиха, но и тем, что сказитель, как и многие уроженцы Борогонского наслега Вилюйского района, тяготеет к акающему говору [52, с. 39—45; 13, с. 44; 25, с. 130].

883 — *Убайа* — вариант современного литературного *умай* "гореть, разгореться"; языковеды считают, что *убай* — архаическая форма, которая широко распространена в тюркских языках [52, с. 87—88; 13, с. 86].

1052 — *Суоч соҕотох* (*один-единственный*) — фонетический вариант *суос соҕотох*.

1080 — *Кэй барааммын* — вариант образного словосочетания *дьүдьүн бараан, тутум бараан* "вид, наружность, облик".

1098 — *Тоҕус чоҥ* — в характеристике злых персонажей-*абааcы* сказитель использовал звукоподражательные слова, передающие звук удара железа об железо.

1104 — *Айалан* — по объяснению олонхосута, *айалан* — синоним слова *айдаан* "суматоха, скандал".

1114 — *Буолакка* — от русск. *поле*; *чыыстай буолак* — "чистое поле".

1145—1147 — *Биир ый хонуга/Отут хонук/Мүгүлтэр туолуор диэри* (*До полного истечения/тридцати дней/одного месяца*) — эпическая формула, встречающаяся у олон-

хосутов В.О. Каратаева и А.С. Васильева; *мугүлтэр*, по объяснению В.О. Каратаева, синоним слова *мүлтү*, диалектного варианта лит. *мүлчү* (*мүччү*) "чуть-чуть, едва" [41, стб. 1647].

1175 — *Өҕүмэр* — в словарях не встречается. Судя по тексту, синоним слова *сөҕүмэр* "чрезвычайно удивительный", "изумительный".

1190 — В записи на магнитной ленте вместо *аналлааххын* "твою суженую" говорится *ийэҕин* "твою мать", что является явной оговоркой. В публикуемом тексте эта ошибка исправлена.

1513 — *Анах* — акающий вариант лит. *ынах* "корова".

1594 — *Турда* — вариант лит. *дурда* "ограда, щит, защита, оплот" [41, стб. 753].

1631 — *Сүлбэтэ хонууга* — в значении "ложбина, низина", в которой задерживается влага, талая вода, на ней обычно хороший травостой [15, с. 216].

1677 — *Лоомуут* — диалектная форма лит. *лоокуут* "кулик". Э.К. Пекарский отметил, что *лоомуут* встречается в олекминском говоре якутов [41, стб. 1474], а в вилюйском говоре — *лоокут* или *чөкчөҥө*. Трудно объяснить, каким образом повлиял на словарный состав олонхосута олекминский говор, но известно, что в молодости, когда он был охотником своего колхоза, то промышлял в тайге на границе Олекминского района и там подружился со сказителем Семеном Сагынньахом из Туобуйинского наслега Верхневилюйского района, жители которого имеют традиционную постоянную связь с олекминцами.

1875 — *Тоҕус сугулааннаах* — досл. "девять шумов (суматох)", "с громким (сильным) шумом", в порядке синонимического параллелизма к выражению *аҕыс айдааннаах* "восемь шумов (суматох)"; *тоҕус* "девять" и *аҕыс* "восемь" в этих словосочетаниях употреблены в значении "много", т.е. "великий, сильный, большой"; *сугулаан* — "общественное собрание, сбор", также "шум" (см. [41, стб. 2519]).

2560 — *Элэс муора* — редко встречаемое фразеологическое словосочетание в значении "иногда, временами, когда-то" (*элэс, элэҥэс* — "быстро проходящий, мелькающий).

2898 — *Сырайдаммыт* — фонетическая разновидность лит. *сирэйдэммит*. Якутский языковед М.С. Воронкин отмечает, что вариант *сырай* является сохранением тюркской формы.

2922—2923 — Здесь олонхосут два раза употребил слово *сирдьиттэнэн*. Видимо, во втором случае должно быть *дуксуурданан*, что и встречается далее.

2989—3048 — В магнитофонной записи при замене ленты эти стихи были пропущены. Они восстановлены со слов олонхосута во время дополнительной проверочной работы.

3057 — *Бычаҕас* — вариант лит. *быһаҕас* "неполный, недостаточный", произношение *ч*, вместо *һ* характерно для говора вилюйских якутов. По мнению исследователей, оно сохранилось в словах тюркского происхождения [13, с. 93; 52, с. 68].

3116 — *Оҥуньуохтаа* — в современном литературном языке *оҕуньуохтаа*. В разговорной речи есть еще вариант *уҥуньуохтаа* "помажь".

3168 — *Дьында тиит* — по объяснению сказителя, "толстая лиственница", в словаре Пекарского *дьында* — "озерный лед, отделившийся весною от берега" [41, стб. 102], а в некоторых говорах — "оторвавшаяся дерновина... при вскрытии льда на озере" [15, с. 102]; *дьында тиит* — здесь, вероятно, "большая лиственница".

3263 — *Убаастаах* — сокращенная форма *убаастабыллаах* "уважаемый". Вилюйские якуты предпочитают употреблять сокращенную форму.

3970 — *Ыккардыгар* — слитное произношение словосочетания *икки ардыгар* "между тем, тем временем".

4407 — *Аартаһыы* — в современном якутском языке употребляется форма *ааттаһыы* от слова *ааттаа* "умолять, упрашивать, уговаривать" [41, стб. 150].

4514 — *Олоҕой-солоҕой* — редкое словосочетание, употребленное сказителем в созвучии со словом *олохторун* в значении "беспутная жизнь их", "непутевая жизнь их", "нелепая жизнь их".

4604 — *Улайдаах оноҕос* — здесь в значении "меткая, бьющая без промаха стрела"; в Словаре Пекарского *улай* — "добыча", *улайдаах* — "пировать" [41, стб. 2993] (ср. примеч. к стр. 140, где *улай* имеет другое значение).

4761 — *Мэйии* — здесь в значении "голова, череп"; в современном литературном языке это слово имеет значение "мозг", а в говоре верхоянских, колымских якутов — "голова" [7, с. 110].

5230 — *Ханкыччах* — имеется в виду *танкыччах* "книжка (отдел желудка у жвачных)"; здесь под влиянием созвучия со словосочетанием *хайа дойдум* "какой страны" вместо звука *т* произнесен *х*.

5256 — *Бэски* — от русск. *весы*.

5301 — *Суугулаах от* — *суугулаах* — диалектный вариант лит. *субурҕа* (*субурҕан*) "тянущийся вереницей, длинный вал"; *от* — "сено"; *суугулаан от* — "сено в валках".

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

10—12 — *За чередой гибельных хребтов убежавших моих лет (куоппут дьылым кудулҕаннаах кудан өлүү уорҕатын куоһаралаах хонноҕор)* — постоянная формула в зачинах всех трех записей олонхо В.О. Каратаева, подчеркивающая древность описываемых событий.

17 — *Со ступнями продольными (уһаты уллуҥахтааҕым)* — распространенная метафора, к которой прибегают якутские сказители, говоря о людях.

23 — *Провидцы мои (ичээн эттэҕим)* — по верованиям якутов, не каждый человек может знать о присутствии злых духов. Есть люди, обладающие особой способностью "видеть" злых духов во сне или даже наяву. Они приглашались для выяснения причин заболевания и других несчастий [1, с. 124, 41, стб. 988].

24—25 С *меченой костью сородичи-шаманы мои (куодалаах уҥуохтаахтарым, ойуун аймахтарым)* — по верованиям якутов, у человека, которому суждено стать шаманом, имелась особая метка на какой-нибудь части его скелета: бугорок на кости, сросшиеся вместе пальцы рук или ног или лишняя кость — шестой палец, дополнительный позвонок и т.п.

33 — *Двухгодовалой важенки (сачарыы табам)* — здесь слово *сачарыы* образовано от эвенк. *сачари* "двухгодовалая важенка". Якуты оленеводческие термины в основном переняли от своих близких соседей: эвенков и эвенов [15, с. 205].

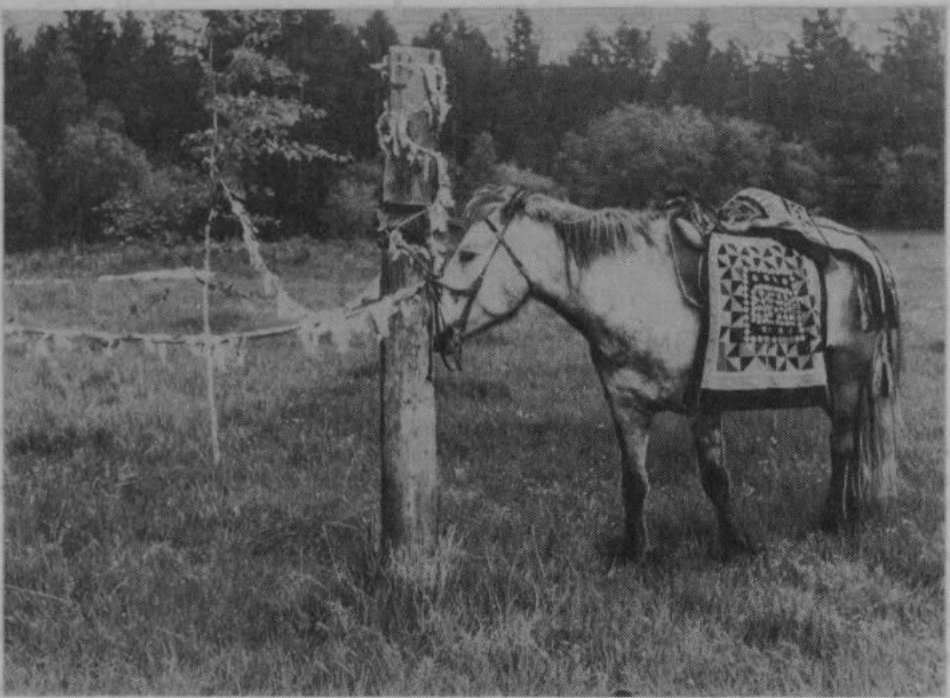
44 — *Араат-морем* — в якутском эпосе название моря находящегося на краю земли, под западную сторону этого моря закатываясь, скрывается солнце [41, стб. 137].

69 — *Среднюю изначальную мать-землю мою (орто туруу аан ийэ дойдубун)* — по космогоническим представлениям якутов, вселенная состоит из трех миров. Верхний мир состоит из восьми-десяти ярусов. Восточную и центральную его части населяют божества (*айыы* — творцы). По краям нижних ярусов (в северной, южной и западной частях неба) живут верхние *абаасы* — злые чудовища. Средний мир населяют люди и мелкие духи *иччи*. В Нижнем мире живут подземные *абаасы* [38, с. 423].

75 — *Созвездием Плеяд, как матицей, подперли его (Үргэл тойонунан өһүөлээбиттэр)* — согласно якутской мифологии, звезды, в том числе Плеяды, насылают на землю стужу. Вилюйские якуты считают, что звезды являются отверстиями в небе, через которые проходит свет на землю [30, с. 14; 55, с. 134].

89 — С *упряжью из серых зайцев (бороҥ куобах болбуоттаах)* — выражение построено на внутренней аллитерации — распространенном стихообразующем приеме народной поэзии [10; 50].

99—102 — *Восьмиободную-восьмикрайнюю, с треволнениями-беспокойствами, в роскошном наряде-убранстве отчую почтенную страну мою (аҕыс иилээх-саҕалаах, атаан-наах-мөҥүөннээх, айгырдаах-силиктээх аҕа бараан дойдубун)* — традиционное описание Среднего мира, о чем якутские фольклористы писали много раз [11, с. 83—90; 55, с. 114]. (См. коммент. к стр. 74—79 перевода "Кыыс Дэбилийэ" [32, с. 297].)



Якутская лошадь в праздничном убранстве. (Фото В.Т. Новикова.)

151 — *На этот почтенный алаас (бу алаас эбэ хотуммун)* — букв.: "Этот алаас — госпожа-бабушка"; здесь подчеркивается уважительное отношение олонхосутов к родным местам.

182—183 — *Словно пучки волос на хребте бурой моей лошади (сур сылгым сургунньаҕын түүтүн)* — *сургунньах*, по объяснению В.О. Каратаева, это "волосы вдоль хребта лошади".

205 — *Долгогривые (сырпай сиэллэхтэр)* — постоянный эпитет коней.

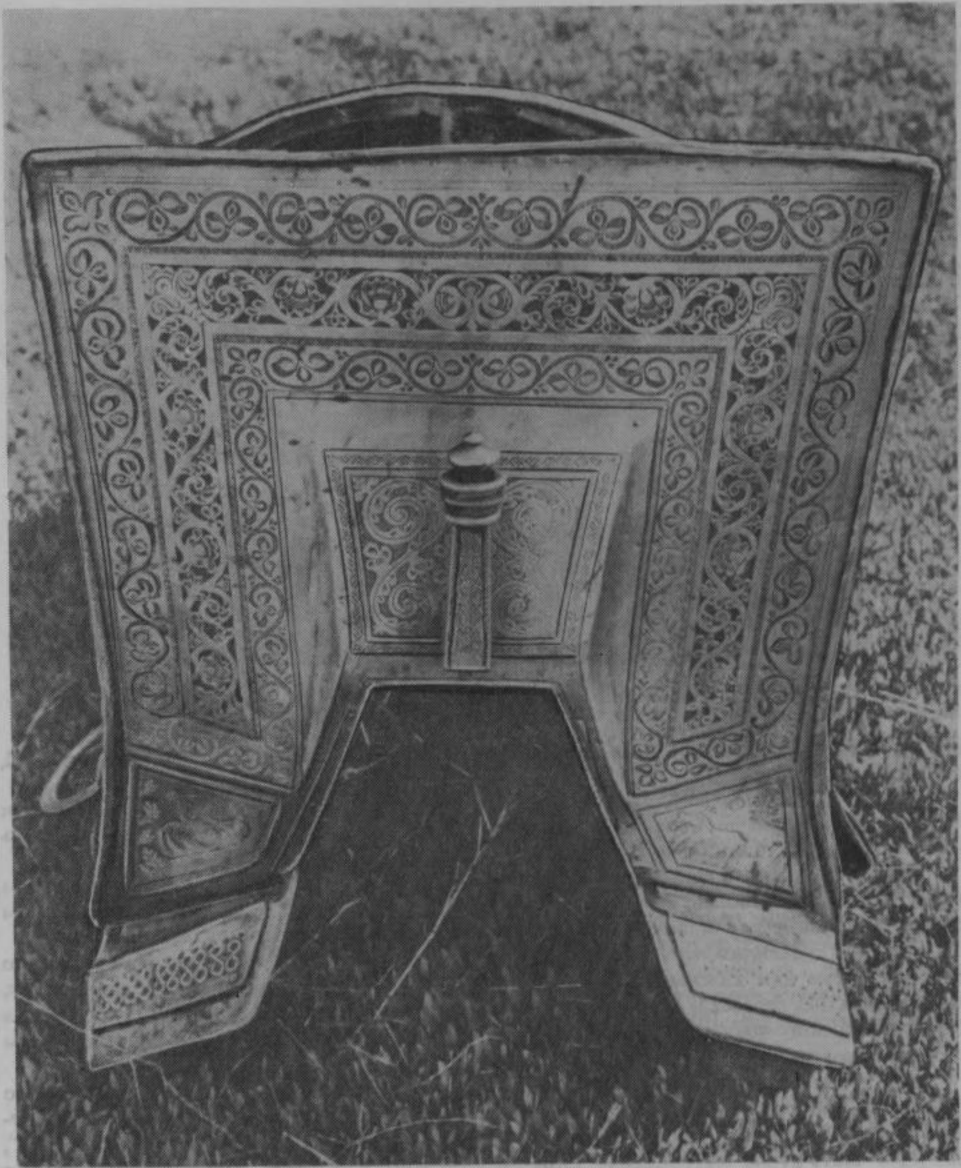
309 — *На подстилку из сена меня усадить (оттоох оронҥор олордуоххун)* — в старину якутские повитухи принимали роды на сухой траве.

329 — *Ухватив лунный свет, обняв пустоту (ыйдаҥаны ытыһан, кураанаҕы кууһан)* — образное выражение, означающее "остаться ни с чем".

356 — *Ворожея Верхнего мира (үөһээ халлаан домньута)* — в старину так называли белых шаманов и шаманок, которые совершали обряды на *ысыахе* [1, с. 141].

392 — 393 — *Значит, кюн не упала еще, кюсэнгэ не оборвалась еще (күн туллубатах эбит, күһэнэ быстыбатах эбит)* — распространенная эпическая формула, которая употребляется сказителями, чтобы подчеркнуть критический момент. Существовало поверье, что если от костюма шамана оторвутся металлические детали, символизирующие солнце, месяц, он непременно умрет [41, стб. 1297, 1340; 46, с. 632; 49, с. 143; 55, с. 391; 56, с. 202].

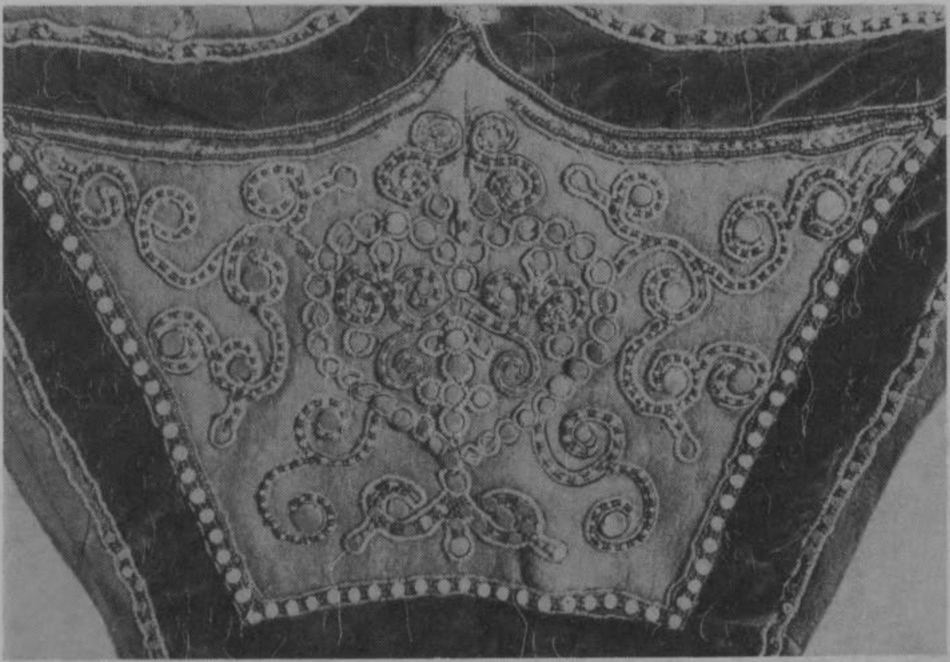
411—412 — *С восьми [сторон] входы их закрыло, с четырех [сторон] выходы их завалило (аҕыс ааннарын хаххалаабыта, түөрт үөдэннэрин бүөлээбитэ)* — постоянная эпическая формула в тексте В.О. Каратаева. *Үөдэн* — в якутской мифологии местопребывание злых духов, ад; преисподняя, бездна, пропасть [41, стб. 3136]. В данном случае сказитель, видимо, использовал другое значение этого слова — "дверь, выход". Интересно,



Якутское седло. Коллекция музея с. Черкёх. (Фото В.Т. Новикова.)

что у бурят есть слово *удэн*, означающее "ход, дверь". Данная формула по смыслу совпадает с этим понятием.

448 — *Взгромоздилась, оказывается (лөксөйөн олорор)* — в олонхо сказители широко пользуются словами, создающими зримую, живую картину событий, яркие образы, пейзажи и т.д. Они трудно поддаются адекватному переводу. Слово *лөксөйөн* — производ-



Чепрак. Коллекция музея г. Вилюйска. (Фото В.Т. Новикова.)

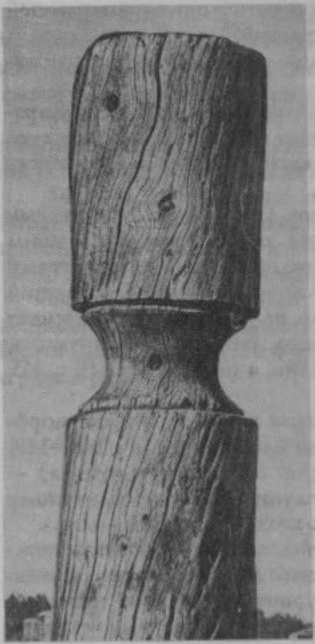
ное от *лөкөй* "масса обрубленного дерева, также всякая масса какого-либо предмета" [41, стб. 1496].

510—511 — *Когда ожидая-поджидая его, от ожидания исхудали (кэтэһэн-кэтэһэн кэлтэгэйдэрэ буолбутун кэннэ)* — букв.: "ждали его так долго, что от тела осталась лишь его часть", т.е. исхудали от муки ожидания (ср. стр. 281—284).

551 — *Почтенный отец мой (аар тойон аҕаккайым)* — *аар тойон* — "лучший в своем роде, почтенный, важный, громадный, священный, божественный" [41, стб. 126]. В данном случае обращение *аар тойон* является показателем высшей степени уважения к отцу.

553 — *Почтенная мать моя (күбэй хотун)* — словосочетание встречается только со словом *хотун* или *хатын* "госпожа; важная, достопочтенная, видная, дородная; тихая, милостивая" [41, стб. 1225]. Термин *хотун* в олонхо прилагается к именам мифологических существ женского пола, матерей богатырей и вообще ко всем почитаемым женским особам пожилого возраста.

643 — *Воздушную душу твою не трону (салгын куккун хаалларыаҕым)* — по верованиям якутов, человеческая душа состоит из трех элементов: *буор кут* — "земля-душа" (Н.А. Алексеев предлагает переводить "земляная душа"), *салгын кут* "воздух-душа", *ийэ-кут* "мать-душа, материнская душа". Кроме того, у человека имеется *сюр*, или *сюр кут* — "жизненная сила" (олицетворение энергии и силы воли); *сюр кут* употребляется также и в смысле "душа". *Салгын кут* способна странствовать во время сна, и если в это время она попадает в руки злых духов, человек заболевает. *Буор кут* находится рядом с человеком, далеко не отлетая от него. Если злые духи поймают эту душу, то человек сильно хворает и может умереть. *Ийэ кут* считается подлинной душой; она не выходит из человека даже тогда, когда злые духи терзают *салгын кут* и *буор кут* [1, с. 120—122; 30, с. 59—60; 49, с. 73].



Верхняя часть якутской коновязи.

680—681 — *Клеем из становой жилы рыбы джирибинэ крепко склеен ведь (дьирибинэ балык сиһин үөһэ силимнэммитин буолуо)* — в старину из жилы рыбы делали высококачественный клей, который предназначался, например, для столярных работ.

692 — *Стань черной погибелью! (хара хапсыыр буола тураарыый)* — формула заклинания. *Хара хапсыыр* — продолжительная весенняя засуха, вследствие которой земля долго остается черной, не покрывается зеленью [41, стб. 3322; 47, с. 161]. В данном случае это словосочетание употреблено как название духов , насылающих болезни.

712 — *К золотой коновязи своей (алтан сэргэтигэр)* — в современном якутском языке *алтан* употребляется в значении "медь". Однако в эпических произведениях под словом *алтан* обычно понимается "золото". Коновязные столбы — *сэргэ* особо почитаются якутами в связи с культом лошади. Такие столбы у персонажей олонхо устанавливаются перед домом с восточной его стороны. Их бывает три, семь или девять. Крайний с юга столб считается главным (*бастың сэргэ*) и предназначается самым почетным гостям, второй — средним (*орто сэргэ*), к этой коновязи привязывали лошадей рядовые общинники, третий (*кэтэх сэргэ*) предназначается для самых бедных, малоимущих людей. Коновязные столбы украшались орнаментом и на вершине имели особые скульптурные изображения.

734 — *Веселых удил (күлэр уодьуганын)* — эпитет, часто встречающийся в эпических текстах олонхосута. Видимо, *күлэр* "смеющийся" характеризует свободную подвижность узды во рту лошади (ср. коммент. к стр. 2155—2156 перевода "Кыыс Дэбилийэ" [32, с. 304]).

749 — *Нескладным тойуком (туман-туурай тойуктаах)* — часто встречающаяся формула в зачине песни богатыря. Труднопереводимое *туман-туурай*, видимо, употреблено в значении "бестолковый, громкий".

760—763 — *Пусть ноги твои впереди себя никаких преград не встречают, пусть ноги твои позади себя никаких помех не ведают (илин атаҕың ибирэ суох буоллун, кэлин атаҕың кэбирэ суох буоллунууй)* — эпическая формула, часто употребляемая в благопожеланиях-*алгысах*. Слово *кэбир* Э.К. Пекарский переводит со ссылкой на С.В. Ястремского как "задержка" [41, стб. 1001]. По нашему мнению, это слово восходит к понятию *кэбирэх* "некрепкий, непрочный, слабый, хрупкий, ломкий" [41, стб. 1001]. *Ибир* — фонетический вариант слова *кэбир* — употреблено в силу аллитерации.

881—883 — *Священный очаг мой, не зная, что такое потухнуть-угаснуть, вечно гори же ярким пламенем! (Аал уотум, умуллар-сөҕүрүйэр диэни билбэккэ, өрүү күөдьүйэ, убайа тураарыый!)* — эпическая формула заклинания. Обычно так просят богатыри-*айыы* перед дальней дорогой духа огня. По поверью якутов, дух огня охраняет дом от злых сил, если очаг потухнет, случится несчастье.

888 — *От сухотки в загоне пасть не дай (тааҕалаах убаһам далыгар хахсык өлүү буолан хаптайбатын)* — формула заклинания, иногда используемая в клятвах. *Хахсык өлүү* — "туберкулез", *хахсык* — "тухлый, затхлый".

899 — *Дух-хозяйка изначальной страны (аан дойдум иччитэ)* — по поверьям якутов, духи живут в Среднем мире и являются помощниками верхних божеств-*айыы*. Дух-хозяйка страны *(дойду иччитэ)* представляется женщиной преклонного возраста.

910 — *С пожелтевшими волосами (арыы саһыл астаах)* — в тексте В.О. Каратаева постоянный эпитет в описании волос духа священного дерева Аан Алахсын. По эсте-

тическим представлениям якутов, *арыы саһыл* "желтый цвет" считается признаком высшей степени красоты; *арыы саһыл* — досл. "цвет масла-лисицы (красной)".

919 — *Великое чудище (улуу хаарахан)* — выражение удивления. Обычно употребляется по отношению к богатырям-*абаасы*.

1008 — *Домовые, как тени, мелькают (сүөдэйэ сүүрбүт сөһүөккэлээх)* — В.О. Каратаев часто употребляет эту формулу. *Сөһүөккэ* — от слова *суседка (домовой)* из сибирского говора русского языка [41, стб. 2311]. Верхоянские олонхосуты часто употребляют *сөһүөккэ* вместо *абаасы*.

1015 — *Когда мимо мысов, где кровавые жертвы приносят... (куочай тумуһахтарын туоратаалаан...)* — имеется в виду место жертвоприношения злым духам, наславшим болезни; когда забивают жертвенную скотину в лесу, шкуру с головой, рогами и копытами вешают на дерево, на него же помещают деревянный указатель дороги — *куочай*, имеющий вид стрелы, острый конец которой направлен в ту сторону, где, по поверью якутов, живут злые духи, которым предназначена жертва. Обычно на юг, запад либо восток. Считалось, что наиболее сильные духи обитали именно в этом направлении, а не на севере [1, с. 155; 55, с. 394].

1018 — *Медные идолы-духи (дьэс эмэгэт иччилэрэ)* — общее название антропоморфных изображений духа из бересты или бумаги, из гнилого дерева или металла [1, с. 148—149].

1197—1198 — *В крошево искрошив, в прах растоптав (ый ыһыаҕа, күн күдэнэ)* — смысловой перевод. Букв.: "измельчил на мелкие части, равные лунному блику, солнечному лучику". Видимо, здесь идет речь о жертвоприношении духам-хозяевам луны и солнца.

1221 — 1222 — *О входы-выходы мои! О радость-веселье мое! (Иэһэликпинтаһаалыкпын! Иэхэйиги-чуохайыгы!)* — варианты традиционного запева песнопений женщин-*абаасы*, выражают ее неуемную восторженность и бурное проявление чувств. В дальнейшем эти не поддающиеся точному переводу сочетания будут переводиться по смыслу: *иэдээнигим-куодаанагым* — "о горести-напасти мои"; *эргиэним-урбааныгым* — "о верченья-крученья мои" и т.д. [32, с. 299].

1262—1263 — *Золу твою, смеясь-ликуя, перемешаю; пепел твой, ликуя-радуясь, развею (күлгүн күлэ-күлэ буккуйуоҕум, көмөргүн үөрэ-үөрэ кыыбахтыаҕым)* — эпическая формула, используемая в значении "ничего не останется от вашего очага". По верованиям якутов, разрушение семейного очага символизирует конец счастья данной семьи или полное прекращение рода.

1555 — *На высокий серебряный холм его понесли (туур көмүс булгунньахха илдьэннэр)* — олонхосуты обычно используют самые различные эпитеты, раскрывающие красоту, прелесть описываемого места. Здесь обычный *булгунньах* "холм, бугор, высокое место", где похоронили богатыря, описывается как священный и почитаемый, поэтому употреблен эпитет *туур көмүс* "серебряный".

1691—1692 — *Восьми небес его... девяти небес его... (Аҕыс халлаан... Тоҕус халлаан...)* — по представлениям якутов, небо состояло из нескольких ярусов, преимущественно из восьми и девяти, где обитали верховные божества.

3013 — *Трем темным теням твоим (үс күдэн хара күлүккэр)* — В.Л. Серошевский связывает этот образ с представлением о трех душах [46, с. 667] (см. коммент. к стр. 643).

3282 — *В Нижний мир восьми племен [Аллараа аҕыс бииһин ууһугар]* — по верованиям якутов, *абаасы* — обитатели Нижнего мира — делились на восемь племен.

3584 — *Уот Чумулу* — название мифического моря, букв.: Огненный Чумулу.

4090 — *Материнский наш род (ийэбит ууһун)* — *ийэ ууһа* — часть большого отцовского рода (*аҕа ууһа*), состоящая из семей сыновей одной матери. Члены *ийэ ууһа* считались более близкими родственниками, чем сородичи по отцу и т.д.

4625, 4629 — *Чистое белое небо (араҕас маҥан халлаан)*; *белоснежное небо (толуу маҥан халлаан)* — эпитеты "белое", "белоснежное" свидетельствуют о почитании якутами неба как святыни.

4641—4643 — *...подобны луне шестого дня шестого месяца (алтынньы ыйым алта саҥатын курдук)* — по древнему якутскому календарю новый год начинался с мая. Шестой месяц (*алтынньы ый*) — октябрь.

5062—5065 — *То ли мой берестяной божок ее мне подкинул, друг, то ли мой деревянный идол сверху сбросил ее, что ли? (туос таҥарам тос гыннардаҕа дуу, доҕор, мас таҥарам балк гыннара быраҕан биэрдэҕэ дуу?)* — здесь имеются в виду идолы (*эмэгэт*) из бересты и дерева (см. коммент. к стр. 1018), служившие домашними фетишами.

5456, 5459 — *Костная болезнь (Ытык өлүү); глазная болезнь (иэкэй өлүү)* — часто упоминавшиеся в шаманских мистериях духи болезней. Имена этих духов употреблялись как составная часть в проклятиях.

5461 — *Моих божеств-ангелов (ааньыал таҥараларым)* — христианизация якутов оставила след в их духовной жизни, потому олонхосут иногда употребляет понятия христианской религии, в данном случае слово "ангел".

5464 — *Никол-божеств (Ньукуола таҥараларым)* — см. коммент. к стр. 5461.

6281—6284 — *Плотным шейным жиром / в шахматы стали играть, / крепким шейным салом / в шашки стали играть (Суон саалынан/ Саахымат оонньоннор, / Халыҥ саалынан / Дуобат уурсан)* — неологизм, образное выражение, означающее "стали играть в разные игры".

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ ОЛОНХО "МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ"

Аан Алахсын Хотун — дух-хозяйка земли, обитающая в священном дереве Аар Хатынг (букв.: "священная береза"). В записи олонхо 1975 г. героиня названа Аан Далахсын Хотун. В других олонхо встречаются варианты имени: Аал (Айыы) Алахчын (Дархан, Малахсын, Мангхалыын, Мичил, Чалбарыын) Хотун. Функция Аан Алахсын традиционна, она помогает богатырям-*айыы*: благословляет, дает советы и т.п.

Аар Тойон — см. Юрюнг Айыы Тойон

Айыы Уот Дугуй — см. Уот Дугуй

Айыы Дархан Тойон — отец красавицы Кыыс Сарыадыман Куо. *Айыы* — общее название добрых божеств якутской мифологии, покровителей людей, *дархан* — "достопочтенный, горделивый", *тойон* — "господин"; Айыы и Тойон являются частью сложносоставных имен родоначальников [41, стб. 678]

Айыы Джангсаар (Дьангсаар) Тойон — 1. см. Юрюнг Айыы Тойон; 2. Отец красавицы Туналыкаан Куо. *Дьангсаар* — от *дьангсыйˊ* "много говорить (убеждая, внушая, разъясняя)" [56, с. 259]

Айыы Джаргыл (Дьаргыл) — шаманка-*айыы*, покровительствующая жителям Среднего мира. *Дьаргыл* — от *дьаргыйˊ* "издавать звук" [41, стб. 794]

Айыы Ньууралджан (Ньууралдьан) — шаманка-*айыы*, превращающаяся в стерха

Айыы Сарыадыман — мать красавицы Кыыс Сарыадыман Куо. *Сарыадыман* — видимо, от архаической основы *сарыы* "свечение, рассвет"

Айыына Сиэр Хотун — мать красавицы Туналыкаан Куо. *Айыына* — от *айыы*; *сиэр* — "саврасый, светло-гнедой" (о масти коней) [41, стб. 2192] (в данном имени обозначает цвет волос). В тексте К.Г. Оросина отец Нюргун Боотура носит имя Айыы Сиэр, а в записи олонхо М.Н. Андросовой-Ионовой "Потомки Юрюнг Айыы Тойона" встречается персонаж по имени Аджынга Сиэр

Айыына Хотун — мать красавицы Тэмэликээн Куо. Олонхосут нечетко передает имена родителей героинь, иногда по огласовке они очень схожи (ср. выше: Айыына Сиэр Хотун)

Айыысыт (Айыыһыт) Сиэнэ — богатырь-*айыы*. Букв.: внук Айыысыт (богиня, способствующая размножению людей и домашних животных)

Ала Туйгун — кузнец, дух огня; хозяин горного перевала. В эпической традиции он является популярным богатырем-*айыы*. *Ала*: 1) "белобокий, пестрый, пегий"; 2) "бросающийся в глаза, отменный"; *туйгун* — "отличный, превосходный" [41, стб. 678]

Анахсыт Айыы Хотун — божество, охраняющее рогатый скот

Арбыйа Тойон — глава Нижнего мира. Здесь *Арбыйа* — от *арбый* "шум, гомон" [56, с. 45]. В эпической традиции владыкой Нижнего мира, прародителем богатырей-*абаасы* обычно выступает Арсан Дуолай, иногда Арджанг Буор Мангалай

Архаанньал Тойон — отец красавицы Тэмэликээн Куо. *Архаанньал* — видимо, заимствованное русское слово "архангел" [41, стб. 152]

Буор Бургаалджын (Бурҕаалдьын) Тойон — предводитель племени Нижнего мира, отец богатыря-*абаасы* Тааса Джаантаара Дары Буурая. *Буор*: 1) "земля, почва"; 2) "сильный, жестокий, суровый" [41, стб. 560—561]

Буор Кудустай — богатырь-*абаасы*, противник сына Могучего Эр Соготоха. *Кудустай* — вероятно, от *куду* "солончак, солонец" [41, стб. 2842], "вырытое скотом углубление" (ср. эвенк. *куда* — "солончак, солонец" [15, с. 120])

Бургаалджын (Бурҕаалдьын) Хотун — мать богатыря-*абаасы* Тааса Джаантаара Дары Буурая. *Бурҕаалдьын* — от *бурҕай* "подымать, пылить" [56, с. 87]

Дара Буурай — см. Таас Джаантаар Дара Буурай

Ёксёкю (Өксөкү) — мифическая многоглавая птица, орел, облик которого принимает богатырь-*абаасы* Таас Джаантаар Дара Буурай и шаманка-*абаасы* Уот Чолбоодой. Оборотничество богатырей — распространенное явление в олонхо

Кёмюс (Көмүс) Кыырыктай — богатырь-*айыы*, сын Могучего Эр Соготоха. *Көмүс* — "золотой, серебряный"; *Кыырыктай* — от *кыырык* "дикость, злость, грозность" [41, стб. 1423]

Кустук Кутурук — кузнец. *Кустук*: 1) "радуга; 2) "стрела с костяным или железным наконечником; особый род стрелы, боевая стрела", *кутурук* — "хвост" [41, стб. 1260]

Кырыыс — букв.: "проклятие". Эпический персонаж, близкий к мифологическому персонажу Илбис Хаану — божеству-покровителю войн и раздоров. В мифах и эпических сказаниях обычно действует не Илбис Хаан, а его дочь. В публикуемом тексте упоминаются дочери Кырыыса

Кыскыйдаан Куо — красавица из племени *абаасы*. *Кыскыйдаан* — от *кыскый* "свистеть, свистать" [56, с. 252], *куо* — "красавица" [41, стб. 1220]

Кытай Махсыын — кузнец, к которому полетел Кёмюс Кыырыктай в трехдневном возрасте

Кыыс Сарыадыман Куо — красавица из племени *айыы*, невеста Харыаджылаана Бэргэна. *Кыыс* — "девица, дева"; *куо* — "красавица" [41, стб. 1220, 1428]

Могучий Эр Соготох (Модун Эр Соҕотох) — главный герой публикуемого олонхо. В других олонхо в его имени встречается определение: *эрэйдээх-буруйдаах* — "многострадальный"

Ойдом Суорун — дух-хозяин моря. *Ойдом* — "отдельно, на некотором расстоянии, поодаль"; *суорун* — "упорный, непреклонный, замкнутый" [41, стб. 3350]

Осол (Оhол) — букв.: "нечаянное несчастье". "Осол уолаттара" — сыновья Осола, сыны "Несчастных случаев" — эпические персонажи, действующие совместно с Илбис кыргыттара — дочерями божества Илбис. В сказании В.О. Каратаева действуют вместе с дочерями Кырыыса (см. Кырыыс)

Сабыйа Баай Тойон — см. Сир Сабыйа Баай Тойон

Сабыйа Баай Хотун — родоначальница племени *айыы*, мать Могучего Эр Соготоха. Такое имя встречается в олонхо "Нюргун Боотур Стремительный" К.Г. Оросина, Н.Я. Татаринова, П.А. Ойунского

Симэхсин Эмээхсин — рабыня-старуха, которая выполняет обязанности коровницы. Она является популярным персонажем олонхо. *Симэхсин* — "гнилое (лежалое) дерево"; *эмээхсин* — "старуха"

Сир Сабыйа Баай Тойон — родоначальник племени *айыы*, отец Могучего Эр Соготоха. Имя Сабыйа Баай Тойон часто встречается в эпических текстах олонхосутов. Так, это имя зафиксировано в олонхо "Эр Соготох" М.Н. Неустроева (Кангаласский улус), "Кулун Куллустуур" И.Г. Теплоухова (Чупрачинский улус), "Тонг Саар Тойон", "Сюолэлджин Боотур" С.Н. Каратаева (Вилюйский улус), "Старик Аргысаккаан". Отличие состоит в том, что в тексте В.О. Каратаева добавлен эпитет *сир* "земля"

Сээркээн Сэсэн (Сэhэн) — дух очага богатыря. В эпической традиции олонхосутов — мифический провидец, дающий советы богатырям-*айыы*. По мнению исследователей, он является мудрецом и первым исполнителем олонхо [26, с. 15; 40, с. 193]. *Сээркээн* употребляется в сочетании с *Сэhэн* — "искусный говорун"

Таас Джаантаар (Дьаантаар) Дара Буурай — богатырь-*абаасы*. *Таас* — "камень", *Дьаантаар* — видимо, от *дьантай* "держать голову вверх, закидывать голову назад" [41, стб. 705], *дара* — "взрослый, широкоплечий" [41, стб. 675], *буурай*: 1) "удалой, удалец"; 2) "грубый" [41, стб. 565]

Таас Кудустай — богатырь-*абаасы*, главный противник богатыря Харыаджылана Бэргэна. Он похищает красавицу Кыыс Сарыадыман Куо, будущую невесту Харыаджылаана Бэргэна. *Таас* — "камень". Данное слово часто является частью сложносоставных имен богатырей, преимущественно *абаасы*

Тёбёт (Төбөт) Туурай — богатырь-*абаасы*. *Төбөт* — "шалун", резвый" [41, стб. 2759]; *туурай* — синоним *дуурай*, а сочетание *аан дуурай* — "чрезвычайно сильный" [41, стб. 753]

Тимир Джигистэй — противник Могучего Эр Соготоха

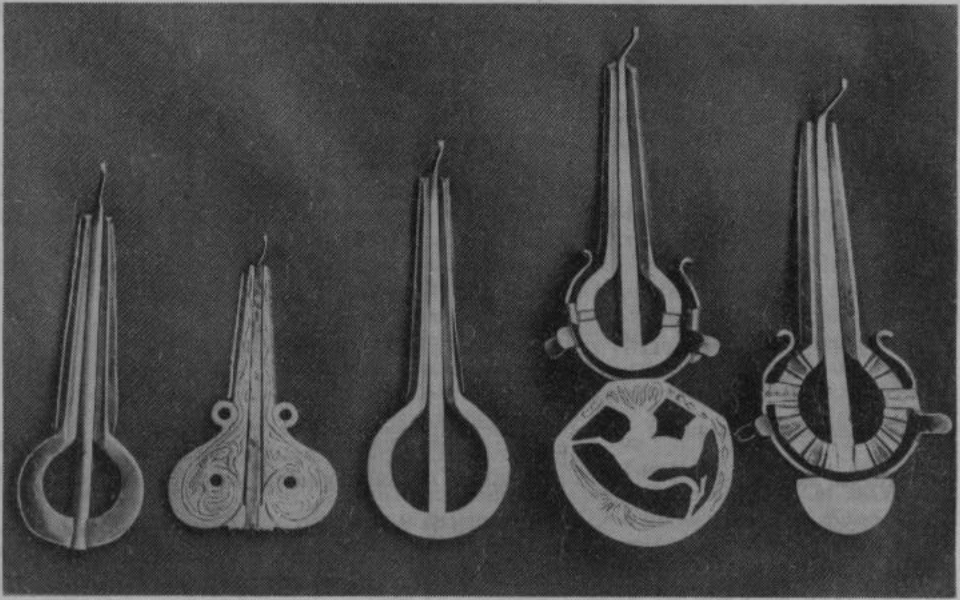
Тимир Илбиркэнтэй — шаманка-*абаасы* в образе совы

Туналыкаан Куо — красавица, жена Могучего Эр Соготоха. Интересно отметить, что так называются красавицы в олонхо вилюйских олонхосутов С.Н. Каратаева, С. Еремеева—Дэдэгэса, А.С. Васильева. *Туналыкаан* — от *туналы* "белый (бледный) с блеском" [41, стб. 2814]

Тэмэликээн Куо	— красавица, жена Кёмюса Кырыктая. *Тэмэликээн* — видимо, от *тэмэй*, значение которого в современном якутском языке утрачено. Ср. тюрк.: "скорый, удалой, ловкий" [41, стб. 2632]
Уот Дугуй (Айыы Уот Дугуй)	— богатырь Верхнего мира. *Дугуй* — "ходить, слегка касаясь земли; легконогий" [41, стб. 745]
Уот Кудустай	— шаманка-*абаасы*
Уот Солуонньай	— шаманка-*абаасы*
Уот Урбалджын (Урбалдьын)	— брат Буора Кудустая. *Урбалдьын* — от *урбай* "переворачивать, тревожить" [41, стб. 3064]
Уот Чолбоодой	— шаманка-*абаасы*. Она же Уот Солуонньай, Ытык Солуонньай. В записи 1975 г. шаманка Солуонньай выступает самостоятельно как противник главного героя. *Чолбоодой* — от *чолбоодуй*, обычно так говорят об одноглазом человеке, всматривающемся зорко, пристально, или употребляется в экспрессивно-эмоциональном значении "смотреть бестолково"
Хаан Хатылаан	— похититель Туналыкаан Куо
Харыаджылаан (Харыадьылаан) Бэргэн	— богатырь-*полуайыы-полуабаасы*, сын Могучего Эр Соготоха и шаманки-*абаасы* Уот Чолбоодой. Он является самым сильным богатырем племен *айыы* и *абаасы*. *Харыадьылаан* — видимо, от *харыа* "обуглившееся вещество, сажа, копоть; березовый уголь для окраски кожи; краска из коровьего помета" [41, стб. 3369]
Ытык Солуонньай	— шаманка-*абаасы*
Эр Соготох	— см. Могучий Эр Соготох
Юрюнг Аар Тойон	— см. Юрюнг Айыы Тойон
Юрюнг (Үрүҥ) Айыы Тойон	— верховное божество, распространенный персонаж в якутской мифологии. Олонхосут иногда использует другие имена — Айыы Джаангсаар Тойон, Юрюнг Айыы, Юрюнг Аар Тойон, Аар Тойон

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аар (Ар) дьаалы (эр дьаалы)	— слова запева-припева песнопений богатырей
Аартык	— горный перевал, горное ущелье, где проходит дорога
Ар-джаалы, Аарт татай	— восклицания, выражающие удивление, восхищение, испуг
Абаасы (абааһы)	— общее название злых духов, причиняющих людям разный вред, главным образом насылающих болезни. В олонхо — это общее название противников *айыы аймага*
Айа-ха-ха (Айа-һа-һа)	— слова запева-припева песнопений богатыря-*абаасы*
Айхал	— молитвенный возглас якутов, восклицание для выражения радости по какому-нибудь случаю, приветствия, благопожелания. В эпосе в устойчивых формулах используется как пара к возгласу "*уруй*"
Айыы	— название высших существ, божеств, олицетворяющих начала добра и творчества и соответствующих божествам и богам в мифологии других народов. По древним представлениям якутов, они являются создателями земли, человека, скота, всех полезных животных и растений; в олонхо употребляется также в значении "человек, наш человек"
Айыы аймага	— общее название людей и божеств *айыы*
Айыы хаан	— то же, что *айыы аймага*
Алаас	— елань, луговое или полевое пространство, окруженное лесом; сенокосное угодье
Алаата, алаатыга	— слова припева Юрюнг Айыы Тойона в олонхо В.О. Каратаева. Алаата — в якутских олонхо восклицание удивления, чаще всего произносилось богатырями Нижнего мира
Алгыс	— благословение, произносимое во время обрядов; благопожелание, хвала, заклинание, моление
Анньысагы, анньысагы (анньыһаҕы, анньыһыҕы)	— слова запева-припева песнопения богатырского коня. Звукоподражание ржанию коня
Арангас (араҥас)	— могильный лабаз — захоронение на дереве. В олонхо на *араҥас* иногда садятся прибывшие богатыри-*абаасы*
Бай, бай	— слова запева песнопений богатырей, выражают испуг
Бай да, бай да	— слова запева-припева песнопений богатыря-*абаасы*, выражающие испуг, ужас
Бачах-бачах (тачах)	— междометие, выражающее ужас *абаасы*



Коллекция якутских хомусов с. Верхне-Вилюйск. (Фото В.Т. Новикова.)

Джирибинэ	— название мифической рыбы. Букв: "юркий", "увертливый"
Дом, дом	— звукоподражание удару шамана колотушкой о бубен. Произносится в шаманских заклинаниях
Дом силик	— слова припева шаманки Верхнего мира
Дьэ-буо	— традиционный запев *тойуков*
Дьэ-э, Дьэ-хэ-хэ (дьэ-һэ-һэ)	— начало запева-припева песнопений персонажей-*айыы*
Илгэ	— божественная влага, дар богов, придающий силу богатырям; чудесная жидкость, которую источает священное дерево Аал Кудук Мас; белый *илгэ* — молоко, молочные продукты, желтый *илгэ* — масло и продукты из масла [41, стб. 916; 32, с. 308]
Иччи	— дух-хозяин какой-либо местности, водоема и т.п.; домовой
Иэсэлиги-тасалыгы иэгэйиги-чуогуйугу	— слова припева-запева женщин племени *абаасы*
Кёс (көс)	— мера расстояния, равная примерно 10 км
Кимиэн-имиэн	— постоянный эпитет мифической страны, где добывают материал для различных частей лука
Кылыс	— вид боевого оружия богатырей-*айыы*
Кылыы	— вид спортивной игры, представляющий собой прыжки на одной ноге в длину на 12 мет
Кюн (күн)	— досл.: "солнце", одна из металлических подвесок шаманского ритуального костюма, символически изображающая солнце. Она пришивалась на правой поле, параллельно изображению луны. Являлась знаком принадлежности шамана к "солнечному миру" и спасала шамана

Кумысная утварь, употребляемая на *ысыахе.*

от губительных взоров *абаасы*, так как последние боятся солнечного света [32, с. 309]

Кюсэнгэ (күһэнэ) — металлический круг-подвеска на шаманском костюме, прикрепляемый на "глаза спины" (көхсүн хараҕа) — "самое уязвимое место человека, находящееся в центре позвоночника". *Кюсэнгэ* прикрывает "глаза спины" шамана от "огненного взгляда" *абаасы* [32, с. 309]

Мэнэрийэр — сходить с ума, терять рассудок, быть не в своем уме [41, стб. 1554]. *Мэнэрик* — один из видов нервной болезни, распространенный в дореволюционное время среди якутов

Нойон — молодой человек, молодец, удалец

Нойоон — звательная форма от *нойон*, в олонхо так часто обращаются друг к другу противники-богатыри. В разговорной речи почти не употребляется [32, с. 310]

Нокой — уменьшительное от *нойоон*

Орон — общее название спальных мест в якутском жилище: постель, нары, топчан

Сы-хы, хэ, хэ-эн (сы-һы, һэ, һэ-эн) — слова запева-припева песнопений духа-хозяйки земли Аан Алахсын

Сэргэ — коновязь, коновязные столбы

Тойон — господин, владыка, начальник, лицо, имеющее власть

Тойук — песня, песнопение; *ойуун тойуга* — шаманское песнопение, *бухатыыр тойуга* — песнопение богатыря; в

		современном якутском языке термином *тойук* обозначаются эпические и лироэпические песни
Тумаан-имээн	—	постоянный эпитет мифической страны, где добывают материал для различных частей лука
Туут	—	охотничьи лыжи, подбитые шкурой шерстью наружу
Улус (улуус)	—	название якутской административно-территориальной единицы, восстановленной в 1993 г. Понятие *улус* употребляется также и в значении "племя", "население", "населенный пункт", в том числе и по отношению к духам, якобы живущим *улусами* на том или ином небесном или подземном слое
Ураангхай саха (ураанхай саха)	—	самоназвание якутов, часто встречающееся в произведениях устного народного творчества
Ураса (ураһа)	—	конический шатер из жердей. У южных якутов покрывался берестяными полотнищами. У северных — шкурами оленей. Якутская берестяная *ураса* представляла собой сооружение солидных размеров, служившее только летним жилищем. Столбы, поддерживающие верхнюю часть *урасы*, и берестяные полотнища богато орнаментировались
Уруй	—	молитвенный возглас якутов, обозначает призывный клич и выражение восторга. См. *айхал*
Уруй-хоруй	—	молитвенный возглас якутов, обозначает пожелания благополучия
Хамаан-имээн	—	постоянный эпитет мифической страны, где добывают материал для различных частей лука
Хаппахчы	—	чулан, комнатка для незамужних девушек
Хомус	—	варган, музыкальный инструмент, представляющий собой железную полоску, согнутую лирой, со вставленным вдоль посередине стальным язычком
Хотуой	—	обращение старших к молодым женщинам
Чабычах	—	небольшой берестяной сосуд
Ысыах (ыһыах)	—	национальный праздник якутов, устраиваемый в начале лета и сопровождаемый танцами, игрищами и кумысным питьем. В прошлом *ысыах* устраивали по случаю свадьбы и других важных событий. В олонхо их устраивают по поводу всех важнейших событий (победа героя, женитьба богатырей и т.п.), но обязательно приуроченных к лету. В настоящее время *ысыах* является всенародным национальным праздником

Сравнительная схема сюжетов олонхо "Могучий Эр Соготох" в исполнении олонхосута В.О. Каратаева

	Магнитофонная запись 1975 г. Записали В.П. Еремеев и В.В. Илларионов. Расшифровал В.В. Илларионов	Магнитофонная запись 1982 г. Записал и расшифровал В.В. Илларионов	Звукозапись 1986 г. Записали М.Л. Дидыка и Ю.И. Шейкин. Расшифровал В.В. Илларионов
1	2	3	4
Вступление	Время образования Среднего мира (1—45).	Время образования Среднего мира (1—26).	Время образования Среднего мира (1—35).
	Описание "роста" изначальной матери-земли — Среднего мира, сотворение его природы, солнца, луны, создание рыб и птиц, зверей и домашнего скота (46—113).	Описание "роста" изначальной матери-земли — Среднего мира, сотворение его природы, солнца и луны, звезд, создание рыб, птиц, зверей, людей (27—137).	Описание "роста" изначальной матери-земли — Среднего мира, сотворение его природы, людей и скота, дня и ночи, зверей и птиц (36—150).
	Кто обосновался на самой лучшей части Среднего мира (114—122).		
	Описание *алааса*, где живут не знающие своего рода старик и старуха, богатства озер, полей, скота и лошадей (123—162).	Описание *алааса*, его природы и долины, богатств (138—247).	Описание вида *алааса*, священного дерева Аар Хатынг (березы), окружающей природы, богатства скота и лошадей (151—284).
	Описание дома, где живут Сабыйа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун. Бездетность их до преклонного возраста (163—188).	На этом *алаасе* живут Сир Сабыйа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун; бездетность их до преклонного возраста (249—278).	Описание дома, где живут Сир Сабыйа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун; бездетность их до преклонного возраста (285—339).
Завязка первого звена сюжета	На старости лет Сир Сабыйа Баай Тойон и Сабыйа Баай Хотун ожидают ребенка. Рождение ребенка и его исчезновение (189—240); обращение Сир Сабыйа Баая Тойона к верхним божествам (241—280).	На старости лет ожидают рождения ребенка, роды и исчезновение ребенка, печаль родителей (279—336).	На старости лет ожидают ребенка. Роды и исчезновение ребенка, печаль родителей (340—410).
Развитие первого звена сюжета	Прилет в виде Ёксёкю богатыря-*абаасы* Тааса Джаантаара Дары Буурая, который сообщает, что их исчезнувший сын воспитывается на небе у верхних божеств и предназначен ими быть могучим богатырем — защитником племен *айыы аймага. Абаасы* просит передать сыну, чтобы он не трогал Нижний мир (287—374).	Прилет в образе стерха небесной шаманки Айыы Джаргыл, которая сообщает, что их исчезнувший сын воспитывается в Верхнем мире (337—401).	Прилет в образе стерха шаманки Джаргыл, по поручению Юрюнг Айыы Тойона она сообщает о том, что их сын воспитывается в Верхнем мире (415—487).

1	2	3	4
Развитие первого звена сюжета	Прилет в образе стерха небесной шаманки и сообщение ее о том, что их исчезнувший сын воспитывается в Верхнем мире и предназначен быть защитником (375—439).	Прилет в образе трехглавого Ёксёкю богатыря-*абаасы* Тааса Джантаара Дары Буурая, который просит, чтобы их сын Могучий Эр Соготох, владеющий темно-рыжим конем с гривастой головой выше темного леса-колка, не трогал жителей Нижнего мира (402—502).	Прилет в образе Ёксёкю *абаасы* Тааса Джантаара Дары Буурая, и его просьба, чтобы Могучий Эр Соготох не трогал жителей Нижнего мира (488—578).
		Ожидание и тоска Сир Сабыйа Баая Тойона и Сабыйа Баай Хотун. Приезд сына — могучего богатыря, его портрет. Песнопение Эр Соготоха о том, что он воспитывался у верхних *айыы* и предназначен стать защитником племени *айыы аймага*; встреча с родителями, Могучий Эр Соготох спит богатырским сном (503—583).	Тоска Сир Сабыйа Баая и Сабайа Баай Хотун по сыну, приезд могучего богатыря, его портрет; песнопение о том, что он воспитан в Верхнем мире и назначен защитником племени *айыы аймага* (580—679).
	(Пропуск в магнитофонной записи)	Появление богатыря-*абаасы* Тааса Джаантаара и его оскорбительное песнопение, в котором Могучему Эр Соготоху предлагает служить ему рабом и прислуживать Туналыкаан Куо, дочери Айыы Джангсаара Тойона и Айыына Сиэр Хотун, похищенной у родителей и увезенной в Нижний мир (584—645).	Появление Тааса Джантаара, его оскорбительное песнопение о том, что он похитил Туналыкаан Куо и предлагает Могучему Эр Соготоху служить ему (680—700).
		Гнев Могучего Эр Соготоха. Он берет свой лук, произносит заклинание над стрелой и стреляет вслед исчезающему врагу, выстрел безрезультатен (646—703).	Гнев Могучего Эр Соготоха. Он берет лук, заклинает стрелу и стреляет вслед исчезающему врагу (702—819).
		Сборы в поход Могучего Эр Соготоха, выстойка лошади, оседлание и т.п. (704—743).	Сборы Могучего Эр Соготоха в поход (820—880).

1	2	3	4
Развитие первого звена сюжета		Обращение Сир Сабыйа Баая Тойона с благословением к своему сыну Могучему Эр Соготоху (744—779).	
		Конь советует Могучему Эр Соготоху получить благословение духов-хозяев огня и страны. Духи-хозяева благословляют его, дух-хозяйка страны Аан Алахсын после благословения дает Могучему Эр Соготоху сосать грудь (780—920).	Конь советует своему хозяину Могучему Эр Соготоху получить благословение духов-хозяев страны и огня. Могучий Эр Соготох обращается к духу-хозяину огня и духу-хозяйке страны.
			Дух-хозяйка после благословения дает Могучему Эр Соготоху сосать грудь (932—1100). Обращение Сир Сабыйа Баая Тойона к своему сыну (1100—1120).
	Борьба Могучего Эр Соготоха с *абаасы*. Могучий Эр Соготох обращается к божествам. Прилет стерха-шаманки Айыы Ньууралджан; она отговаривает Могучего Эр Соготоха преследовать *абаасы*, потому что у него высокое назначение быть родоначальником людей (440—556).		
	Могучий Эр Соготох не слушает отговоров шаманки и, превратившись в трехгранную острогу, летит в Нижний мир, убивает львов, карауливших проход (557—596).	Богатырский поход. Спуск в Нижний мир (921—1031).	Богатырский поход Могучего Эр Соготоха (1190—1260). Встреча с духом-хозяином дороги Ала Туйгуном, жертвоприношение (1210—1270). Продолжение похода, прохождение прохода в Нижний мир, охраняемого львами, превращение Могучего Эр Соготоха в острогу и уничтожение львов. Поход по Нижнему миру (1273—1360).
	Встреча с девой-*абаасы*, ее радость. Поход Могучего Эр Соготоха вызывает тревогу в Нижнем мире.		
	Попытка пленения Могучего Эр Соготоха, его освобождение и расправа над *абаасы* (670—704), которые связали его железным канатом.		

1	2	3	4
Развитие первого звена сюжета		Могучий Эр Соготох подъезжает к каменному дому — обиталищу караульного *абаасы*, по призыву которого девять железных *абаасы* связывают Могучего Эр Соготоха железным канатом, но он разрывает канат и расправляется с *абаасы* (1032—1202).	Могучий Эр Соготох подъезжает к каменному дому, в котором обитает поставленный на карауле *абаасы*. Единоборство Могучего Эр Соготоха с *абаасы*, победа Могучего Эр Соготоха (1360—1600).
	Продолжение похода, встреча с женщиной-*абаасы* с раскаленной сковородой в руках и расправа с ней.	Продолжение похода, встреча с женщиной-*абаасы* с раскаленной сковородой и расправа с ней (1203—1245).	Продолжение похода, встреча с женщиной-*абаасы* со сковородой и расправа с ней (1600—1790).
	Могучий Эр Соготох проникает в дом Тааса Джаантаара, застает врага спящим и будит его. Таас Джаантаар просыпается и в испуге просит оставить его в живых, клянется не выступать против него. Могучий Эр Соготох прощает оскорбление и оставляет *абаасы* в живых (705—860).	Могучий Эр Соготох проникает в дом Тааса Джаантаара и будит его. Описание внешнего вида Тааса Джаантаара, его испуга. Таас Джаантаар добровольно уступает Туналыкаан Куо и предлагает мир и дружбу, Могучий Эр Соготох решает не убивать Тааса Джаантаара (1246—1377).	Могучий Эр Соготох проникает в дом Тааса Джаантаара и будит спящего врага. Здесь же находится похищенная Туналыкаан Куо, связанная железным канатом. Таас Джаантаар просит пощады, Могучий Эр Соготох не убивает *абаасы* (1690—1790).
Развязка первого звена сюжета	Могучий Эр Соготох приезжает свататься к Туналыкаан Куо. Его торжественная встреча с родителями и сородичами невесты; большой праздник — свадьба; песнопение — обращение Могучего Эр Соготоха к духу-хозяйке страны Аан Алахсын, клятва "быть защитником людей *айыы*".	Могучий Эр Соготох с освобожденной им Туналыкаан Куо приезжает к ее родителям — Айыы Джаангасаару Тойону и Айыыне Сиэр Хотун, всеобщий праздник, мирная жизнь на родине жены (1378—1524).	Могучий Эр Соготох с освобожденной им Туналыкаан Куо возвращается в свою страну, свадьба. Могучий Эр Соготох клянется своим сородичам защитить их, обращается к духу-хозяйке страны Аан Алахсын. Мирная жизнь женатого Могучего Эр Соготоха (1940—2050).
	Счастливая жизнь женатого Могучего Эр Соготоха (840—900).		
Завязка второго звена сюжета	Внезапная гибель Могучего Эр Соготоха, похищение Туналыкаан Куо, у которой на постели остается только что родившийся сын; она просит назвать сына Кёмюсом Кыырыктаем (914—960).	Внезапная гибель Могучего Эр Соготоха, похищение Туналыкаан Куо, у которой на постели остается только что родившийся сын; она просит назвать сына Кёмюсом Кыырыктаем (1525—1611).	Внезапная гибель Могучего Эр Соготоха, похищение Туналыкаан Куо, у которой на постели остается только что родившийся сын; она просит назвать его Кёмюсом Кыырыктаем (2050—2130).

1	2	3	4
Завязка второго звена сюжета	Кёмюса Кыырыктая воспитывают дяди по матери (*таайдара*), бабушка и дедушка. В трехдневном возрасте голый ребенок полетел к кузнецу Кытаю Махсыыну; богатырская закалка (961—1040).	Ребенка воспитывают дяди по матери (*таайдара*), дедушка и бабушка. Ребяческие шалости, озорство. Внезапное исчезновение (1612—1647).	Воспитание ребенка дедушкой и бабушкой, детские шалости, внезапное исчезновение (2130—2170).
		Прилет стерха-шаманки Айыы Джаргыл, ее сообщение о том, что Кёмюс Кыырыктай воспитывается на небесах (1648—1738).	Прилет стерха-шаманки Айыы Джаргыл, сообщение ее о том, что Кёмюс Кыырыктай воспитывается на небесах (2170—2280).
Развитие второго звена сюжета	Кёмюс Кыырыктай возвращается к дедушке и бабушке, его песнопение о том, что он прошел закалку богатыря (962—1040).	Приезд Кёмюса Кыырыктая, его портрет. Подготовка к походу за матерью, благословение Аан Алахсын, богатырь сосет ее грудь (1739—1856).	Возвращение Кёмюса Кыырыктая, его портрет, решение Кёмюса Кыырыктая ехать на поиски матери, благословение дедушки (2517—2450).
	Поход в Нижний мир на поиски матери, описание страны *абаасы*, жителей Нижнего мира; *абаасы*, поставленный у распутья, сообщает Кёмюсу Кыырыктаю, что его мать похищена Таасом Джаантааром, и предлагает возвратиться; расправа с *абаасы*, продолжение похода по Нижнему миру, описание Нижнего мира и его жителей (1040—1240).	Богатырский поход; дух-хозяин дороги (*аартык иччитэ*) Ала Туйгун просит подношения, спуск в Нижний мир через проход, охраняемый семью львами; Кёмюс Кыырыктай превращается в трехгранную острогу и проходит сквозь стены; семь львов, их гибель, встреча с женщиной-*абаасы* со сковородой (1857—1996).	Богатырский поход в Нижний мир, встреча и единоборство с *абаасы*, поставленным на карауле, поход по Нижнему миру, описание Нижнего мира, и его жителей, встреча с девой-*абаасы*, которая, увидев Кёмюса Кыырыктая, призывает Тааса Джаантаара (2450—2730).
	Борьба Кёмюса Кыырыктая с похитителем матери Таасом Джаантааром, победа над врагом, помощь матери (1240—1285).	Встреча Кёмюса Кыырыктая с похитителем матери Таасом Джаантааром, который называет его своим сыном, их единоборство; богатыри меняют место поединка, победа Кёмюса Кыырыктая, мать не дает добить раненого врага, смерть *абаасы* (1997—2266).	Встреча Кёмюса Кыырыктая с похитителем матери Таасом Джаантааром, который называет его своим сыном, их единоборство, победа Кёмюса Кыырыктая над врагом, освобождение матери (2730—2920).
	Возвращение Кёмюса Кыырыктая с освобожденной им матерью, оживление отца — Могучего Эр Соготоха живой водой, всеобщая радость (1285—1400).	Возвращение Кёмюса Кыырыктая с матерью, оживление отца — Могучего Эр Соготоха живой водой, всеобщая радость, мирная жизнь (2267—2376).	Возвращение Кёмюса Кыырыктая с матерью, оживление отца живой водой, всеобщая радость (2900—3020).

1	2	3	4
Развитие второго звена сюжета	Конь Кёмюса Кырыктая предупреждает своего хозяина, что верховные божества решили убавить силу богатыря; это сообщение коня подтверждается стерхом-шаманкой, спустившейся с небес; смущение и возмущение людей Среднего мира; Могучий Эр Соготох убивает стерха (1400—1530). Сборы Кёмюса Кырыктая в поход, обращение его к духу-хозяйке Аан Алахсын, которая благословляет богатыря в трудный поход; песня коня о том, что ему дано говорить на человеческом языке один раз в три года; он предупреждает хозяина о трудности похода и призывает быть бдительным (1530—1660). Поход по Нижнему миру, встреча со спящим *абаасы* Буором Бургаалджыном; обмен оскорбительными песнопениями; победа Кёмюса Кырыктая, продолжение похода по Нижнему миру, встреча с сестрой Буора Бургаалджына — шаманкой Тимир Илбиркэнтэй в образе совы; Кёмюс Кырыктай, превратившись в трехгранную острогу, убивает ее (1660—1950). Продолжение похода. Кёмюс Кырыктай преодолевает огненное море, превратившись в сокола. *Абаасы*-кузнецы, описание их работы, борьба с кузнецами-*абаасы*, спасение Кёмюсом Кырыктаем небесных богатырей (1950—2230).	Поход Кёмюса Кырыктая по Нижнему миру, встреча с *абаасы* Буором Кудустаем, поединок богатырей, победа Кёмюса Кырыктая, перед смертью Буор Кудустай говорит, что за него отомстит его брат Уот Урбалджын (2377—2602).	Поход Кёмюса Кырыктая по Нижнему миру, встреча с *абаасы* Буором Кудустаем, поединок богатырей, победа Кёмюса Кырыктая, *абаасы* угрожает перед смертью, что он будет мстить и в будущем (3100—3490).

1	2	3	4
Развязка второго звена сюжета	Спасенные богатыри Верхнего мира советуют Кёмюсу Кыырыктаю свататься к Тэмэликээн Куо, описание страны родителей Тэмэликээн Куо, сватовство и женитьба Кёмюса Кыырыктая (2230—2430).	Приезд трех богатырей Верхнего мира, один из них, богатырь Уот Дугуй, сообщает, что Кёмюс Кыырыктай по определению божеств должен жениться на Тэмэликээн Куо, дочери Айыыны Хотун и Архааньаала Тойона; сватовство; песнопение матери о том, что дочь выросла в неге, ничего не умеет делать; праздник-свадьба; возвращение Кёмюса Кыырыктая на родину; мирная жизнь (2603—2863).	Перед Кёмюсом Кыырыктаем появляется богатырь Айыы Уот Дугуй и сообщает, что по определению божеств Кёмюс Кыырыктай должен жениться на Тэмэликээн Куо. Поход Кёмюса Кыырыктая в страну невесты, описание страны невесты, богатого дома, сватовство; песнопение матери, что дочь росла в неге; возвращение Кёмюса Кыырыктая на родину, праздник-свадьба, мирная жизнь (3580—3820).
Завязка третьего звена сюжета		Похищение Туналыкаан Куо, гнев Могучего Эр Соготоха, его сборы в поход, поход в Нижний мир (2864—2946).	Симэхсин Эмээхсин сообщает, что Уот Урбалджыном похищена Туналыкаан Куо; Могучий Эр Соготох собирается в поход, поход в Нижний мир (3850—3970).
		Неожиданно в Нижнем мире встречается земля *айыы*, женщины-*айыы* сообщают Могучему Эр Соготоху, что Туналыкаан Куо находится с ними; Могучий Эр Соготох спит с мнимой Туналыкаан Куо, утром, проснувшись, видит, что половина тела его съедена — это волшебство и коварство шаманки Уот Чолбоодой. Могучий Эр Соготох оживляет себя живой водой и вступает в борьбу с Уот Чолбоодой. Она сообщает, что забеременела от Могучего Эр Соготоха и он прекращает борьбу и продолжает поход (2947—3220).	Неожиданно в Нижнем мире встречается земля *айыы;* женщины-*айыы* сообщают, что Туналыкаан Куо с ними; Могучий Эр Соготох спит с мнимой Туналыкаан Куо, а на самом деле с коварной женщиной-*абаасы* — шаманкой Уот Чолбоодой, Могучий Эр Соготох вступает в борьбу с Уот Чолбоодой, она сообщает, что ждет от него ребенка, Могучий Эр Соготох прекращает борьбу и продолжает путь (3970—4240).
Развитие третьего звена сюжета		Встреча Могучего Эр Соготоха с Уот Урбалджыном, поединок; разрушение Нижнего мира; обращение жителей Нижнего мира с	Могучий Эр Соготох достигает жилища Уот Урбалджына, поединок; по предложению *абаасы* меняют два раза место пое-

1	2	3	4
Развитие третьего звена сюжета		жалобой к божествам; прилетевшая шаманка в образе стерха предлагает поменять место поединка; появление Уот Чолбоодой, она просит брата Уот Урбалджына отпустить Туналыкаан Куо; богатыри продолжают поединок на острове огненного моря, где помещается только две пары ног; за поединком наблюдают шаманки *айыы* и *абаасы*, шаманка-*айыы* спасает Могучего Эр Соготоха, подставив бубен, а когда шаманка-*абаасы* подставляет свой бубен падающему в море Уот Урбалджыну, какая-то шаманка насквозь продувает бубен и *абаасы* погибает; погибнуть брату помогла Уот Чолбоодой, ее сетование о том, что ради спасения Могучего Эр Соготоха она убила своего брата (3221—3663).	динка. В третьем месте, на острове огненного моря, где помещается только две пары ног, Могучий Эр Соготох побеждает Уот Урбалджына с помощью Уот Чолбоодой, сетование Уот Чолбоодой о том, что ради спасения Могучего Эр Соготоха она убила своего брата (4240—4670).
		Могучий Эр Соготох, освободив Туналыкаан Куо, возвращается с ней в свою страну; страна его разграблена; Симэхсин Эмээхсин сообщает, что похитили Тэмэликээн Куо и Кёмюс Кыырыктай отправился на поиски своей жены (3664—3755).	Могучий Эр Соготох возвращается в свою страну с женой Туналыкаан Куо, страна его разорена (4680—4720).
		Переживания Могучего Эр Соготоха, его решение вести борьбу со злыми силами; пролетающие мимо черные вороны, возвращающиеся в Нижний мир после суда божеств, сообщают, что Тэмэликээн Куо похищена *абаасы* Тёбётом Тууураем и Кёмюс Кыырыктай ведет борьбу с ним (3756—3852).	Пролетавшие мимо черные вороны, возвращающиеся в Нижний мир после суда божеств над ними, сообщают, что Тэмэликээн Куо похищена *абаасы* Тёбётом Тууураем и Кёмюс Кыырыктай ведет борьбу с ним (4740—4800).

1	2	3	4
Развитие третьего звена сюжета		Могучий Эр Соготох собирается в поход; приезд Харыаджылаана Бэргэна — сына Могучего Эр Соготоха от женщины-*абаасы* Уот Чолбоодой, он сообщает, кто он такой; Могучий Эр Соготох признает сына, рассказывает о постигшем горе и просит помочь в поисках брата и его жены.	Могучий Эр Соготох находится в трудном положении, приезжает его сын от женщины-*абаасы* — Харыаджылаан Бэргэн, его портрет, он сообщает о себе; Могучий Эр Соготох признает сына и просит оказать помощь в поиске потерявшихся.
		Харыаджылаан Бэргэн отправляется в поход, спасает своего брата Кёмюса Кыырыктая; расправа над *абаасы* Тёбётом Тууraем, его тело жертвуют духу-хозяину Уот Чумулу-моря, плач духа-хозяина, что люди-*айыы* заставили его проглотить родного сына; освобождение Тэмэликээн Куо и возвращение в страну Могучего Эр Соготоха; всеобщая радость, мирная жизнь (3853—4204).	Харыаджылаан Бэргэн отправляется в поход, спасает брата, расправляется с *абаасы* Тёбётом Тууraем, освобождает Тэмэликээн Куо, и все втроем возвращаются в страну Могучего Эр Соготоха; мирная жизнь (4800—5050).
		Тревожное внутреннее состояние молодого Харыаджылаана Бэргэна, сообщение стерха-шаманки, что Харыаджылаана Бэргэна призывает к себе Юрюнг Айыы Тойон, Харыаджылаан Бэргэн предстает перед Юрюнг Айыы Тойоном, который признает богатыря, родившегося от женщины-*абаасы* и богатыря-*айыы*, человеком племени *айыы*; возвращение Харыаджылаана Бэргэна в страну отца; радость сородичей Могучего Эр Соготоха, что у них появился новый могучий богатырь; Харыаджылаан Бэргэн обращается к духу-хозяйке страны Аан Алахсын, благословение ее (4205—4471).	Тревожное внутреннее состояние Харыаджылаана Бэргэна, прилет стерха-шаманки Айыы Джаргыл и ее сообщение о том, что Юрюнг Айыы Тойон требует к себе Харыаджылаана Бэргэна. Хараaджылаан Бэргэн отправляется в Верхний мир; Юрюнг Айыы Тойон признает Харыаджылаана Бэргэна человеком-*айыы*, благословляет его и указывает ему его суженую — Кыыс Сарыадыман; Харыаджылаан Бэргэн возвращается в страну отца; радость его, что он признан человеком-*айыы* (5050—5340).

1	2	3	4
Развитие третьего звена сюжета		Получив благословение духа-хозяйки страны Аан Алахсын, Харыаджылаан Бэргэн собирается в поход за невестой; конь просит своего хозяина вести себя осторожно и сообщает, что Кыыс Сарыадыман похищена *абаасы* Таасом Кудустаем (4472—4545). Поход Харыаджылаана Бэргэна; дух-хозяин перевала Ала Туйгун советует перед походом принести жертву, богатырь разжигает костер, из ушей коня достает яства и совершает ж е р т в о п р и н о ш е н и е (4546—4650). Продолжение похода Харыаджылаана Бэргэна по стране *абаасы;* встреча с женщиной-*абаасы* Кыскыйдаан Куо, у которой выпытывал, где находится местожительство *абаасы* Тааса Кудустая; встреча с матерью Уот Чолбоодой, она указывает сыну жилище врага и советует сначала найти его сердце и уничтожить (4651—5011). Харыаджылаан Бэргэн, превратившись в алого сокола, достигает жилища Тааса Кудустая и там, обратившись в острогу, ждет его, Таас Кудустай, увидев острогу, считает ее даром божеств и тащит внутрь жилища, оставляет острогу, а сам уходит. Встреча Харыаджылаана Бэргэна с Кыыс Сарыадыман; появление *абаасы,* единоборство; Таас Кудустай признает Харыаджылаана Бэргэна своим бра-	Харыаджылаан Бэргэн собирается в поход за невестой; конь его сообщает, что Кыыс Сарыадыман Куо, его невеста, похищена тремя воронами, а у них ее отнял Таас Кудустай, конь советует обратиться к духу-хозяйке страны за благословением; Аан Алахсын благословляет богатыря и дает сосать грудь (5340—5500). Поход Харыаджылаана Бэргэна; его встреча с шаманкой-*абаасы* Ытык Солуонньай, просьба помочь ему в поиске невесты; Ытык Солуонньай, превратившись в змею, обвивает его, богатырь убивает ее; встреча с матерью Уот Чолбоодой; тело Ытык Солуонньай Харыаджылаан Бэргэн приносит в жертву духу-хозяину моря, тот дает Харыаджылаану Бэргэну чудесного помощника — змею (5500—5810). Харыаджылаан Бэргэн не может найти жилище Тааса Кудустая и решает подождать его, превратившись в острогу; Таас Кудустай принимает острогу за божий дар и берет с собой в свое жилище, оставляет острогу, а сам уходит; Харыаджылаан Бэргэн успевает сообщить Кыыс Сарыадыман, кто он такой; возвратившийся *абаасы* Таас Кудустай догадывается, что острога — это Харыаджылаан Бэргэн, который, превратившись в самого себя, вступает в поединок; уставшие от битвы богатыри соглашаются прервать поединок и устроить перерыв (5810—6110).

1	2	3	4
Развитие третьего звена сюжета		том и предлагает помириться; продолжение поединка, поединок прерывается на три года (5012—5518).	
		Харыаджылаан Бэргэн просит помочь ему свою мать Уот Чолбоодой, она не может помочь; богатырь возвращается в страну отца — Могучего Эр Соготоха и обращается к отцу и к духу-хозяйке страны; Аан Алахсын советует обратиться к шаманке Уот Кудустай, которая встречает богатыря враждебно, в поединке Харыаджылаан Бэргэн убивает шаманку; он просит духа-хозяина Уот Кудулу-моря Ойдома Суоруна найти сердце Тааса Кудустая; дух-хозяин моря дарит змея, который находит сердце Тааса Кудустая; благодарная песня Харыаджылаана Бэргэна (5519—6031).	Песнопение коня Харыаджылаана Бэргэна и его совет хозяину сначала найти спрятанное сердце *абаасы*, прилет стерха-шаманки Айыы Джаргыл и восстановление силы Харыаджылаана Бэргэна живой водой; при помощи змея, подаренного Харыаджылаану Бэргэну духом-хозяином моря Ойдомом Суоруном, богатырь находит сердце Тааса Кудустая и жертвует его духу-хозяину моря (6110—6350).
Развязка третьего звена сюжета		Харыаджылаан Бэргэн отправляется к Таасу Кудустаю, поединок и победа Харыаджылаана Бэргэна над врагом; тело Тааса Кудустая приносится в жертву духу-хозяину моря Ойдому Суоруну, освобождение Кыыс Сарыадыман, приезд к родителям невесты Айыы Дархану Тойону и Айыы Сарыадыман Хотун, праздник-свадьба, Харыаджылаан Бэргэн отправляется с женой в страну отца — Могучего Эр Соготоха (6032—6250).	Харыаджылаан Бэргэн отправляется к Таасу Кудустаю и продолжает с ним поединок; победа Харыаджылаана Бэргэна над врагом; освобождение Кыыс Сарыадыман; возвращение в страну отца — Могучего Эр Соготоха (6350—6480).
Добавочное звено сюжета			Похищение Туналыкаан Куо, поход Могучего Эр Соготоха на поиски своей жены, его встреча с шаманкой

1	2	3	4
Добавочное звено сюжета			Уот Солуонньай; Могучий Эр Соготох заставляет шаманку-*абаасы* указать жилище похитителя жены — Хаана Хатылаана, встреча Могучего Эр Соготоха с Тимиром Джигистэем, поединок; Уот Чолбоодой просит Могучего Эр Соготоха пощадить ее младшего сына; Могучий Эр Соготох оставляет живым *абаасы*, сына Уот Чолбоодой; продолжение похода; Могучий Эр Соготох достигает обиталища врага, поединок и победа Могучего Эр Соготоха, возвращение его домой с освобожденной женой (6480—7090).
Общая заключительная часть олонхо	Общий праздник, посвященный женитьбе Кёмюса Кыырыктая, радость наступления мирной жизни.	Всеобщая радость в связи с возвращением Харыаджылаана Бэргэна с женой, клятва Харыаджылаана Бэргэна перед сородичами всегда защищать племя *айыы*; мирная счастливая жизнь страны, охраняемой тремя богатырями (6251—6377).	Общий праздник встречи Могучего Эр Соготоха со своими сородичами и сыновьями, мирная счастливая жизнь жителей страны, охраняемой тремя богатырями (7090—7207).

Н.В. Емельянов
В. В. Илларионов

ОПИСАНИЕ ДРУГИХ ВАРИАНТОВ И ВЕРСИЙ ОЛОНХО ОБ ЭР СОГОТОХЕ

1. Олонхо "Эр Соготох" По записи А.Я. Уваровского, русского, уроженца Якутии [58, S. 79—85].

1. Живет одинокий Эр Соготох, не помнящий, откуда он родом. Описание облика богатыря, его страны и богатства, дома и надворья, священного дерева и окружающей природы, вооружения и ездовых его коней.

2. Душевное смятение Эр Соготоха, достигнувшего восемнадцати лет, обращение его к духу-хозяйке священного дерева, сообщение ему сведений о его происхождении и предназначении, советы духа-хозяйки священного дерева.

3. Богатырский поход за невестой, предназначенной ему божествами-*айыы*. Преодоление трех препятствий (высокая гора, непроходимый лес, огненная река).

4. Приезд Эр Соготоха в страну Хараххаана Тойона и описание его страны.

5. Единоборство Эр Соготоха с богатырем-*абаасы* Буурой Дохсуном. Состязание в стрельбе из лука, бой с боевыми топорикам, с копьями, смертельное ранение богатыря=*айыы*, исцеление живой водой, победа богатыря-*айыы*, принесение в жертву тела врага, превращение верхушки сердца *абаасы* в ворона, который станет злым духом болезней и бед, преследующим род богатыря-*айыы*.

6. Радость сородичей Хараххаана Тойона, его дочь Хотууну выдают замуж за богатыря-*айыы*.

7. Возвращение Эр Соготоха в свою страну с женой и ее ста сородичами.

8. Богатырь-*айыы* живет счастливо и становится родоначальником *ураангхай саха*.

2. Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох. По тексту опубликованному В.Л. Приклонским [42, 1890, вып. 2, с. 174—176].

1. Эр Соготох был спущен с седьмого неба. Описание образа жизни богатыря. Он дерзок и спесив, считает себя самым сильным богатырем.

2. Приезд на саврасом коне богатыря-*абаасы* Тимира Уорана.

3. Поединок между богатырями *абаасы* и *айыы* в течение девяти суток.

4. Предложение богатыря-*абаасы* догнать его, преследование Эр Соготохом убегающего Тимира Уорана.

5. Преодоление препятствий (огненное море, старуха-*абаасы*, живущая в каменном доме). В пути богатырь-*айыы* еле переплывает огненное море и ему помогает шаманка-*айыы* Айыы Тюсюлгю, затем уничтожает одноруких, одноногих, одноглазых богатырей-*абаасы*. Потом Эр Соготох, превратившись в быка, нападает на старуху-шаманку Тимир Бэкийдээн.

6. Победа Эр Соготоха над старухой-шаманкой и превращение ее в быка.

7. Приезд Эр Соготоха на быке в страну Хонгорууна Тойона и конфликт между родственниками невесты и жениха, вызванный агрессивным поведением Эр Соготоха. Эр

Соготох вступает в бой с братьями невесты — Хоруоджаем Бэргэном и Хомустаем Бэргэном. По просьбе невесты Эр Соготох прекращает бой.

8. Борьба Эр Соготоха и сыновей Хонгорууна Тойона с войском Аана Аджырги. Пленение Аана Аджырги. По мудрому совету Сырдык Сыралымы находят уязвимое место богатыря-*абаасы* и убивают его.

9. Сырдык Сыралыма выходит замуж за Эр Соготоха. Они возвращаются на родину Эр Соготоха и становятся родоначальниками якутов.

3. Многострадальный Эр Соготох. По опубликованному В.Л. Приклонским тексту [42, 1891, вып. 3, с. 165—167].

1. На седьмом небе Юрюнг Аар Тойон сотворяет якута по имени Многострадальный Эр Соготох и спускает его на землю.
2. Описание внешнего вида богатыря.
3. Эр Соготох строит себе огромную юрту с сорока окнами.
4. Приезд богатыря-*абаасы* на саврасом коне.
5. Поединок между богатырями *абаасы* и *айыы* в течение десяти суток.
6. Предложение богатыря-*абаасы* догнать его, преследование Эр Соготохом убегающего Тимира Уорана.
7. Преодоление препятствий. В пути богатырь-*айыы* еле переплывает огненное море, ему помогает шаманка-*айыы* Аан Тюсюлгю; затем уничтожает одноруких, одноногих, одноглазых богатырей-*абаасы*. Эр Соготох, превратившись в быка, нападает на старуху-шаманку Тимир Бэгийдээн. Победа его над старухой-шаманкой и превращение ее в быка.
8. Приезд Эр Соготоха на быке в страну Хонгорууна Тойона и конфликт между родственниками невесты и женихом, вызванный агрессивным поведением Эр Соготоха. Богатырь вступает в бой с братьями невесты — Хоруоджаем Бэргэном и Хомустаем Бэргэном. Только по просьбе невесты Эр Соготох прекращает бой.
9. (Далее, как в предыдущем варианте).

4. Эр Соготох. По тексту, опубликованному В.Л. Приклонским [42, 1891, вып. 3, с. 168—172].

1. Описание страны героя, его дома, усадьбы, богатства; его портрет. Эр Соготох живет со своей красавицей сестрой.
2. Чудесное появление *абаасы* из утробы старой кобылы.
3. Эр Соготох в первый раз сваливает богатыря-*абаасы* в огромную яму и разжигает там костер; при втором появлении богатыря-*абаасы* — топит его в реке.
4. При третьем появлении богатырь-*абаасы* похищает сестру Эр Соготоха.
5. Преследование похитителя. Преодоление препятствий: пробивание железной чащи костяной стрелой и переход высокого хребта.
6. Коварство богатыря-*айыы* Хоруоджая Бэргэна и дочери Юрюнг Айыы — с помощью трех богатырей они спускают Эр Соготоха в подземное царство.
7. Освобождение из плена женщин-*айыы*. По их совету Эр Соготох, превратившись в лягушку, убивает чародейку.
8. Встреча с богатырем-*айыы* Саабылааном, сообщившим о том, что сестру Эр Соготоха похитил *абаасы* Тимир Буурай.
9. По совету Саабылаана Эр Соготох берет у кузнеца Лёнкёёсё коня с железными крыльями и находит местожительство Тимира Уорана.
10. Эр Соготох освобождает свою сестру и прячется от преследования Тимира Уорана в дупле дерева, превратившись в красную белку.
11. Эр Соготох выдает сестру замуж за Саабылаана и отправляет ее домой.
12. Месть Эр Соготоха: убийство Хоруоджая Бэргэна и дочери Юрюнг Айыы. Суд верховных божеств. Благодаря помощи Саабылаана Эр Соготох избегает заключения.
13. Эр Соготох женится на старшей из спасенных им сестер.
14. Рождение у Эр Соготоха сына Эентяя Боотура и дочери.
15. Похищение сестры Эентяя Боотура.

16. Борьба с похитителем сестры — *абаасы* Тимиром Ытыллой и участие в этом шаманки-*айыы* Кюёгэллин и шаманки-*абаасы* Тимир Часкыйа.

17. Убийство Энтяем Боотуром шаманки-*абаасы* Тимир Часкыйа и возвращение домой с сестрой.

18. Энтяй Боотур отправляется за невестой.

19. Сватовство *абаасы* Верхнего мира Тимира Норалджина к дочери Эр Соготоха. Победа Эр Соготоха в единоборстве с *абаасы*. Тимир Норалджин насылает стужу на землю. Вынужденное согласие Эр Соготоха выдать дочь замуж за *абаасы*. Гибель дочери Эр Соготоха.

20. Сватовство Энтяя Боотура. Столкновение с братом невесты Юрюнг Уоланом, победа с помощью Юрюнг Уолана и трех железных богатырей над морским богатырем Балхааном и освобождение невесты.

21. Женитьба и возвращение домой.

5. Эр Соготох. По тексту, опубликованному В.Л. Приклонским [42, 1891, вып. 3, с. 172—174].

1. Эр Соготох и его сестра Хаачылаан Куо, их страна и богатство.
2. Приезд богатыря-*абаасы* Тимира Джэбидийэ и похищение им Хаачылаан Куо.
3. Погоня за похитителем.
4. Освобождение женщины-*айыы* Ытык Нууралы из плена *абаасы* Аана Аджырги и признание ей в любви. Оскорбление шаманки Айталы.
5. Обещание Эр Соготоха выдать замуж сестру сначала за Аана Аджыргу, потом за Аджы Буджу.
6. Сообщение старухи Чэрэкэнэ о том, что ее сын Тимир Джэбидийэ и Аан Аджырга погибли.
7. Эр Соготох убивает старуху Чэрэкэнэ и освобождает сестру.
8. Хаачылаан Куо выдают замуж за богатыря Аджы Буджу.
9. Вторая встреча с шаманкой Айталы: Эр Соготоха сбрасывают в Нижний мир на съедение к старухе Джэсинкэй.
10. Эр Соготох ловит странное животное и от него узнает местонахождение волшебного мячика.
11. Эр Соготох, обратившись в старуху Джэсинкэй, просит волшебный мяч у ее дочери.
12. Смерть Эр Соготоха от волшебного мяча.
13. Старуха-*абаасы* Джэсинкэй съедает тело Эр Соготоха, случайно остается только левый глаз богатыря.
14. Шаманка Айталы с помощью восьми умерших шаманов находит левый глаз богатыря и оживляет Эр Соготоха.
15. Женитьба Эр Соготоха на Айталы.
16. Вторая женитьба Эр Соготоха — уже по любви на Ытык Нууралы.

6. Эр Соготох. По записи С.В. Ястремского и А.П. Афанасьева, сделанной со слов Г.Н. Свинобоева — Ырыа Киргиэлэй из Мегюренского улуса [51, с. 13—35].

1. Краткое описание страны героя. Мотив одиночества. Описание священного дерева, юрты богатыря. Эр Соготох ходит на лыжах.
2. Прибытие посланцев Юрюнг Аар Тойона и наказ богатырю идти к кузнецу за богатырскими доспехами.
3. Первая поездка Эр Соготоха за богатырскими доспехами, добыча жены из Нижнего мира для Гибель Дуодарба — Черного Кузнеца.
4. Еще одно появление посланцев Юрюнг Аар Тойона с вестью о предназначенной божествами суженой Юрюнг Юкэйдээн. Эр Соготох прощается с духом-хозяйкой страны.
5. Встреча со сватом господина Кулута — Громадным Верзилой и побег его от Эр Соготоха. Бегство господина Кулута.

6. Эр Соготох, превратившись в ерша, переплывает огненное море и находит главного противника богатыря-*абаасы* Нюргуна Могучего.

7. Единоборство равных по силе богатырей. При помощи Юрюнг Аар Тойона Эр Соготох одерживает победу над Нюргуном Могучим.

8. Попытка матери богатыря-*абаасы* оживить сына. Эр Соготох, приняв облик мальчика-сироты, убивает старуху и уничтожает кости соперника.

9. Освобождение Хаачылаан Куо от посягательств Железной Дыбырдаан и выдача ее замуж за Акымалу — богатого господина.

10. Женитьба Эр Соготоха на Юрюнг Юкэйдэн и отъезд на родину.

11. Похищение жены Эр Соготоха богатырем-*абаасы* Железным Джессином, Эр Соготох брошен в бездну.

12. Эр Соготох просит спасения от неминуемой смерти. Исцеление его.

13. Рождение у плененной женщины Ючюгэй Юкэйдэн сына-богатыря Басымджы. Превратившись в двухглавую Ёксёкю-птицу, он бежит от богатыря-*абаасы*.

14. Возвращение Басымджы и его единоборство с Железным Джессином.

15. Эр Соготох с женой возвращается домой.

16. Басымджы по просьбе побежденного богатыря-*абаасы* не убивает его, а превращает в ездового быка и приезжает на нем в страну родителей.

17. Юрюнг Аар Тойон и Джылга Хаан предназначают Басымджы коня и жену — Ясную Туналынгса.

18. Схватка Басымджы с богатырем-*абаасы* Мёрзлым Торалджуном, победа Басымджы.

19. Возвращение богатыря Басымджы с невестой в страну родителей.

20. Торжественная встреча богатыря и невесты.

7. Брат и сестра. По записи А.А. Попова, сделанной со слов П. Аксёнова, станок Долганы по Хатангскому тракту Таймырского округа [17, с. 208—238].

1. Эпическое время. Бездетные старики. Они просят божеств ниспослать им детей. Старик вынужденно обещает *абаасы* отдать то, чего пока сам не знает. Рождение у стариков мальчика и девочки, их сокрытие в вырытой яме под очагом. Приход *абаасы* за обещанным. Гибель стариков.

2. Обращение мальчика к Юрюнг Айыы. Спасение детей чудесной лошадью. Бегство детей.

3. Совет лошади. Дети спасаются от преследования *абаасы* при помощи кресала, кремня, топорика, которые превращаются в огонь, каменную гору, безбрежное море.

4. Завещание чудесной лошади, схожее со сказочными мотивами.

5. Исполнение завещания лошади.

6. Предательство сестры, сожительство ее с *абаасы*. Чудесный конь спасает Эр Соготоха.

7. Совет старика. По его совету Эр Соготох спасает собак.

8. При помощи собак убивает богатыря-*абаасы*. Наказание сестры.

9. Освобождение богатырки от *абаасы*.

10. Совет коня Эр Соготоху влезть в его правое ухо, там наесться, затем переодеться, взять восьмизубчатый медный гребень, который, когда надо, должен превратиться в медный лес.

11. Погоня богатыря-*абаасы* и единоборство богатырей.

12. Эр Соготох жертвует тело богатыря ворону, чайке, медведю. Ворон дает живую воду.

13. Эр Соготох отправляет сестру к Юрюнг Аар Тойону для исцеления.

14. Возвращение сестры с многочисленными людьми-*айыы*.

8. Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох. По записи краткого изложения олонхо, сделанной в 1921 г. со слов М.Н. Неустроева, 71 год, из 3-го Малтанского наслега бывш. Западно-Кангаласского улуса (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 8, д. 27).

1. Эр Соготох не знает, откуда и как появился на земле. Имеет восемь жен, богат. Описывается дом, священное дерево, облик и характер Эр Соготоха.

2. Прибытие чудовища Ангаа Монгуса в образе восьмиглавого лося. Победа над ним. Порабощение.

3. Обида раба-*абаасы* на Эр Соготоха и его месть: он насылает засуху.

4. Хозяйка земли дает совет и разрешает сосать свою грудь.

5. Просьба Эр Соготоха к шаману снять заклятие. Его обещание отдать *абаасы* то, что есть дома, а он не знает.

6. Возвращение Эр Соготоха домой немощным, измученным. Нелюбимая жена узнает его, а ее сын Бэриэт Бэргэн, родившийся в отсутствии отца, исцеляет его.

7. Вещий жеребец дает советы богатырю Бэриэту Бэргэну. Богатырь находит жеребенка и бычка и пускается в путь.

8. Бэриэт Бэргэн по совету вещей белой птички влезает в левое ухо коня, из правого достает боевые доспехи.

9. Ангаа Монгус проглатывает богатыря, его коня и бычка. Они изнутри убивают *абаасы* и выходят наружу.

10. Старуха-*абаасы* собирает кости сына и хочет оживить его.

11. По просьбе Бэриэта Бэргэна Юрюнг Айыы Тойон уничтожает молнией старуху-*абаасы* с ее сыном.

12. Сватовство Бэриэта Бэргэна к дочери Сабыйа Баая Тойона — Хаачылаан Куо. Победа над соперниками. Женитьба.

13. В пути молодоженов на родину Бэриэта Бэргэна тунгусский богатырь Арджамаан-Джарджамаан похищает Хаачылаан Куо.

14. Решение верхних божеств в пользу тунгусского богатыря. По возвращению из Верхнего мира Бэриэт Бэргэн внезапно убивает Арджамаан-Джарджамаана.

15. Бэриэт Бэргэн с женой возвращается домой. Встречает их Эр Соготох с семью сыновьями.

16. У Бэриэта Бэргэна растут сын и дочь. Приезжает тунгусский богатырь с войском. Военная хитрость Бэриэта Бэргэна. Ведение мирных переговоров. Бэриэт Бэргэн отдает в жены тунгусскому богатырю дочь. Эр Соготох дает богатое приданое.

17. Сын у Бэриэта Бэргэна обыкновенный человек, без громкого имени и богатырских подвигов, слывет прародителем якутов.

9. Эрис халлаан уола Эр Соготох. По записи А.А. Саввина, сделанной в 1940 г. со слов Г.Ф. Никулина, 27 лет, из Майорского наслега Абыйского р-на (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 108). (Текст не разбит на стихотворные строки.)

1. Герой не знает своего происхождения. Культурные деяния: построение дома, добывание огня, заведение скота при помощи божеств-*айыы*.

2. Богатырь превращается в волка, дятла, быка и не находит равного себе богатыря. Сам дает себе имя — Эр Соготох.

3. Приезд к Эр Соготоху богатыря-*абаасы* Тимира Лыыбырдаана с предложением жениться на его сестре Добун Куодар Удаган.

4. Выбор коня из табуна. Самый захудалый жеребенок превращается в богатырского коня.

5. Описание богатырем священного дерева Аал Луук Мас.

6. Богатырская поездка. Совет коня. Преодоление препятствия — огненного моря.

7. Конфликт с родителями мнимой невесты. Эр Соготох уничтожает родителей Добун Куодар. Единоборство с Тимиром Лыыбырдааном. Победа богатыря-*айыы*.

8. Возвращение Эр Соготоха с женщиной-*абаасы* домой.

9. Сватовство богатыря-*айыы* к Юю Юлбюрээн Куо — дочери Омогоя Баая. Три богатыря трех миров Тимир Бюгюллэкээн, Мойбордоон, Хара Суорун сватаются к будущей невесте Эр Соготоха.

10. Эр Соготох принимает облик мальчика-сироты и убивает из лука двух соперников.

11. Во время конских скачек Эр Соготох похищает Юю Юлбюрээн Куо.

12. Хара Суорун оборачивается в зверя-следопыта и пускается в погоню. Эр Соготох превращает невесту в золотое колечко.

13. Единоборство богатырей и победа Эр Соготоха.

14. Возвращение в страну Омогоя Баая. Женитьба.

15. Приданое жены — одна деревянная чашка, недоуздок жеребенка и намордник теленка, но при помощи этих волшебных предметов молодожены уводят половину богатства родителей жены.

16. Эр Соготох — прародитель якутов.

10. Эрэйдээх Буруйдаах Эр Соготох. По записи С.П. Федорова, сделанной в 1940 г. со слов Н.С. Скрыбыкина — олонхосута из Соморсунского наслега Амгинского р-на (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 109).

1. Описание страны олонхо. Одинокий богатырь Эр Соготох.

2. Троекратное появление во сне Эр Соготоха женщины-*абаасы*, которая передает просьбу родителей Айталыын Куо приехать свататься к их дочери.

3. Обращение к духу-хозяйке священного дерева. Она дает пососать свою грудь, и Эр Соготох становится сильным богатырем.

4. Добрый совет Сээркээна Сэсэна.

5. Боевой конь и его приручение. Все богатыри Нижнего и Верхнего миров, кроме Хаана Джисия и Тимира Ньыэски, дают клятву не вставать поперек дороги Эр Соготоха.

6. По благословению дочери Илбиса Эр Соготох проходит богатырскую закалку у кузнеца Кытатая Бахсы и получает богатырские доспехи.

7. Встреча с сыном Солнца Кюннээйи Боотуром. Предупреждение его о коварстве родителей невесты.

8. Встреча со старшей сестрой и ее совет освободить богатыря-*айыы* Ала Туйгуна.

9. Эр Соготох у родителей невесты. Коварство невесты, ее брата и родителей. Освобождение богатыря Айыысыт Сиэнэ. Тот впоследствии спасает Эр Соготоха из ямы-бездны.

10. Упорная борьба Эр Соготоха с *абаасы* Ааном Даадаром. Богатырь-*абаасы* призывает на помощь шаманку Монньоххой и Эриэдэла Мэргэна, а Эр Соготох Айыысыт Сиэнэ.

11. Айталыын Куо убегает под защиту Тойона Нюргуна, тот отправляет ее к богатырю-*абаасы* Оботу Соллонгу.

12. Эр Соготох идет по следам Айталыын Куо. По пути он встречается с сыном Юрюнг Аар Тойона — Юрюнг Уоланом, который рассказывает о похищении сестры Эр Соготоха.

13. Эр Соготох превращается в быка, проникает в жилище *абаасы* и освобождает свою сестру и сестру Юрюнг Уолана, встречается с Айталыын Куо и отправляет их домой.

14. Единоборство Эр Соготоха с Оботом Соллонгом и его победа.

15. Эр Соготох женится на Айталыын Куо.

16. На обратном пути на родину Айталыын Куо была похищена Арджамаан-Джарджамааном (на этом текст олонхо обрывается, последние листы утеряны).

11. Уол Эр Соготох. По записи П. Ефремова и М. Александрова, сделанной в 1960 г. со слов Н.Г. Тагрова, олонхосута 1-го Бордонского наслега Нюрбинского р-на (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 135).

1. Описание Вселенной, страны богатыря, портретная характеристика.

2. Первая просьба восьмидесятилетней матери — найти невесту. Несогласие Уол Эр Соготоха.

3. Вторая просьба матери — выдать ее замуж за богатыря-*абаасы* Тааса Луоппуна. Отправление Уол Эр Соготоха на лыжах на поиски будущего мужа матери.

4. Встреча с Сыркыстаан Куо и отказ от предложения женщины погостить у нее.

5. По просьбе Сыркыстаан Куо ее старшие братья Юрюнг Уолан и Сырдык Чочубуойун пытаются схватить Уол Эр Соготоха.

6. Уол Эр Соготох приходит к Таасу Луоппуну и предлагает ему быть мужем матери.

7. Согласие Тааса Луоппуна, его просьба принести в качестве приданого богатство Тимира Сюлюндеха.

8. Приезд к Тимиру Сюлюндеху и единоборство богатырей.

9. Продолжение единоборства в стране Ютюген и победа Уол Эр Соготоха.

10. Уол Эр Соготох привозит все богатство Тимира Сюлюндеха Таасу Луоппуну.

11. Уол Эр Соготох указывает дорогу Таасу Луоппуну, а сам, превратившись в сокола, отправляется домой другим путем.

12. Преодоление препятствия — каменной горы. Уол Эр Соготох, превратившись в сокола, хочет перелететь гору, затем, превратившись в мышку, старается прорыть проход под горой, после, превратившись в черного дятла, еле перелетает гору.

13. При спуске вниз богатырь калечится. Подъехавшие три всадника ругают его за то, что он в молодости не слушался их и теперь одинок.

14. Уол Эр Соготох, благословив стрелу, убивает коня первого всадника и съедает мясо. Он вновь становится сильным богатырем.

15. Уол Эр Соготох возвращается на родину. Вся страна богатыря в пекле. Богатырь находит только Тааса Луоппуна, держащего восемь ребер его матери и убивает его.

16. Отправление к Сыркыстаан Куо, когда-то отвергнутой им женщине, женитьба.

12. Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох. Записано со слов Н.В. Слепцова, олонхосута Абыйского р-на (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 8, д. 62).

1. Одинокий герой. Культурные деяния богатыря: сооружение дома, добыча огня. Орудия труда: топор из камня, иголка из костей.

2. Просьба к Юрюнг Аар Тойону о ниспослании коней и рогатого скота.

3. Дает сам себе имя — Многострадальный Эр Соготох.

4. Сосед Эр Соготоха богач Сабыйа Баай Тойон.

5. Дружба с богатырем Эрэли Мэргэном.

6. Выбор богатырского коня. Поездка. Совет коня: просить у друга Эрэли Мэргэна щенка, а не красавицу-женщину.

7. Щенок — красавица-женщина. Шкуру щенка Эр Соготох бросает в огонь, за что его постигают беды.

8. Сын Сабыйа Баая хочет жениться на жене Эр Соготоха.

9. Первый раз Сабыйа Баай отправляет Эр Соготоха к Нэс Ютюгэну Тойону за угнанным скотом, во второй раз — к Чэкэ Чуураану Тойону за угнанным табуном, в третий — к Салбаныкы Ангыластаю, духу моря, за золотой тарелкой, брошенной на дно моря.

10. В отсутствие Эр Соготоха сын Сабыйа Баая приходит несколько раз к жене богатыря. Каждый раз женщина своим колдовством наказывает его.

11. Эр Соготох каждый раз возвращается с задания с вестью, что те, к кому он ездил, придут в один январский вечер.

12. Богатыри трех стран приходят в обещанное время. От Сабыйа Баая и его имущества остаются только четыре столба.

13. Эр Соготох с тех пор жил богато, умножив свой род.

13. Могучий Эр Соготох. По магнитофонной записи П.Н. Дмитриева, сделанной 4—5 июля 1984 г. со слов А.С. Васильева, олонхосута Борогонского наслега Вилюйского р-на*.

1. Сообщение сокола о похищении красавицы Юрюнг Юкейдээн богатырем-*абаасы* Тимиром Чонкуйдааном.

2. Могучий Эр Соготох отправляется туда, победа над богатырем-*абаасы*.

3. Уничтожение девяти богатырей-*абаасы*.

4. Спасение женщины-*абаасы* от Ытыка Хонсордоона, сердце которого, превратившись в гагару, улетает в другую сторону.

5. Могучий Эр Соготох женится на спасенной им женщине и у них рождаются двое детей — сын Кёмюс Кыырыктай** и дочь Туналыкаан Куо.

6. Ытык Хонсордоон пытается похитить детей.

7. Мальчик становится богатырем. Дух дерева Аар Хатын благославляет его и дает щит, изготовленный Кытаем Бахсы.

8. Бой неузнавших друг друга братьев — Могучего Эр Соготоха с Юрюнг Уоланом.

9. Кёмюс Кыырыктай отправляется на поиски невесты Ытык Ымыталаан Куо.

10. Единоборство Эр Соготоха с Кустуком Куруланом, находящимся у Кытая Бахсы на излечении.

11. Кёмюс Кыырыктай вступает в бой с богатырем-*абаасы*. Верховные божества считают виновником богатыря-*абаасы* и заточают его на 30 лет.

12. Женитьба Кёмюса Кыырыктая и возвращение домой.

13. Сватовство богатыря-*абаасы* Тимира Амыдала к сестре Кёмюса Кыырыктая.

14. Кёмюс Кыырыктай отправляется на поиски сестры.

15. Шаманка Уоруку-Суоруку спасает жизнь Туналыкаан Куо.

16. Кёмюс Кыырыктай зажил затем счастливо.

---

*Фонозапись находится у собирателя.

**Олонхосут сначала называет его Кюн Эрбийэ.

СЮЖЕТЫ ЭПИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА В.О. КАРАТАЕВА

1. Эрбэхтэй Бэргэн. По записи В. Еремеева от олонхосута В.О. Каратаева в г. Вилюйске (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 142).

1. Описание Среднего мира, богатства, жилища престарелых Айынга Сиэр Тойона, Айыы Нууралджын Хотун.
2. Богатырское озорство Эрбэхтэя Бэргэна.
3. По указу Айыы Джангсара Тойона три богатыря-*айыы* заключают Эрбэхтэя Бэргэна в собственном доме сроком на 43 дня и убавляют силу.
4. Помощь семерых шаманок-сестер богатырю Эрбэхтэю Бэргэну.
5. Богатырский конь, оседлание его.
6. Описание богатырской поездки.
7. Описание страны богатыря-*абаасы*.
8. Поединок с шаманками Джанг Джангыстай и Тимир Кибиргэнтэй.
9. Бой неузнавших друг друга родных братьев богатырей-*айыы* (Эрбэхтэя с Кёгюл Бёгё).
10. Единоборство Эрбэхтэя Бэргэна с богатырем-*абаасы* Тимиром Джигистэем.
11. Помощь шаманок *айыы* и *абаасы* противоборствующим богатырям в середине огненного моря Уот Кудулу. Шаманка Сэттэ Сэлэнгдэй продувает насквозь бубен шаманки-*абаасы*.
12. Женитьба богатыря Эрбэхтэя Бэргэна на дочери Сир Сабыйа Баая Тойона и Сабыйа Баай Хотун — Туналыкаан Куо.
13. Возвращение на родину богатыря и торжественная встреча.
14. Похищение Туналыкаана Куо богатырем-*абаасы* Кустуком Курулааном.
15. Встреча в пути с шаманкой Ап Чарай, принявшей облик жены, сообщение ее о беременности от Эрбэхтэя Бэргэна.
16. Единоборство с Кустуком Курулааном.
17. Превращение богатыря-*айыы* в щуку и спуск в огненное море заставляют богатыря-*абаасы* просить о прощении.

(Текст на этом прерывается).

2. Эрбэхтэй Бэргэн. По сюжету, записанному П.Н. Дмитриевым 1—2 июля 1984 г. в г. Вилюйске (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 159).

1. Описание Среднего мира.
2. Жизнь престарелых бездетных стариков Айыыа Сиэр Тойона, Айыы Нууралджын Хотун.
3. Рождение сына-богатыря — Эрбэхтэя Бэргэна.
4. Богатырский конь и его совет всаднику.

5. Описание богатырской поездки. Превращение коня в кремень.

6. Просьба шаманки Тимир Илбиргэнтэй не убивать ее.

7. Бой неузнавших друг друга братьев (Эрбэхтэя Бэргэна с Кёмюсом Кырыктаем).

8. Первый бой с богатырем-*абаасы* Таасом Акымаллаем.

9. По ложному свидетельству женщины-*абаасы* Юрюнг Аар Тойон судит Эрбэхтэя Бэргэна и лишает его свободы на 44 года.

10. Освобождение его тремя богатырями Дугуй и возвращение домой.

11. Второй бой с Таасом Акымаллаем. Помощь брата Кёмюса Кырыктая и Тойона Толлуура. Просьба богатыря-*абаасы* оставить его в живых.

12. Женитьба Эрбэхтэя Бэргэна на Сарыадымаан Куо.

13. Третий бой с Тимиром Акымаллаем.

14. Единоборство с братом Тааса Акымаллая — богатырем Тимиром Джиэсинтэем.

15. Возвращение на родину с невестой Кыыс Сарыадымаан.

3. Ого Тулаайах. По записи П.Н. Дмитриева от 28—29 июля 1979 г.* (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 156).

1. Описание древности событий и страны.

2. Жизнь сироты-мальчика, не знающего своего происхождения.

3. Прибытие Далан Ёксёкю с предложением не нападать друг на друга и уход к красавице Туналыкаан Куо.

4. Стерх дает мальчику волшебную пищу величиной с куропатку и он становится богатырем.

5. Из-за пазухи он берет черный платок и призывает богатырского коня.

6. По совету коня богатырь приезжает к Кытаю Махсыыну. Они изготавливают богатырские доспехи.

7. По возвращении домой Ого Тулаайах по волшебству женщины-*абаасы* спускается в бездну. Богатыри Уот Дугуй спасают его.

8. Единоборство Ого Тулаайаха с богатырем-*абаасы*, похитившим Туналыкаан Куо — дочь Сабыйа Баая Тойона.

9. Женитьба героя на Туналыкаан Куо и мирная жизнь.

10. Скоропостижная смерть Ого Тулаайаха и похищение его жены.

11. Богатырское озорство сына Ого Тулаайаха и заточение по указу Юрюнг Аар Тойона на 44 года.

12. Просьба совета у покойного отца.

13. Отправление мальчика на воспитание к Кытаю Махсыыну.

14. Оживление отца живой водой.

15. Ого Тулаайах по совету коня отправляется на поиски своей жены Туналыкаан Куо.

16. Встреча и бой со стражем — Кустуком Курулааном.

17. Совет богатырского коня превратиться в мышь и спрятаться под кроватью Кустука Курулаана.

18. Ого Тулаайах из-под кровати стреляет в Кустука Курулаана, когда тот снимает богатырское снаряжение.

19. Единоборство Ого Тулаайах с богатырем-*абаасы* Кустуком Курулааном.

20. Помощь шаманок *айыы* и *абаасы* противоборствующим богатырям в середине огненного моря Уот Кудулу. Шаманка-*айыы* продувает бубен шаманки-*абаасы*.

21. Возвращение Ого Тулаайаха с женой Туналыкаан Куо на родину. Приезд родного сына. Начало счастливой жизни.

---

*Фонозапись находится у собирателя.

БЕСЕДА СО СКАЗИТЕЛЕМ-ОЛОНХОСУТОМ ТРОФИМОМ ГОГОЛЕВЫМ*

— Какие олонхо сказывал?

— Такие, как "Огненно-рыжим конем владеющий, в железную броню закованный меткий Джэриэмэт Бэргэн", "Предназначенный быть грозным соколом, владеющий быстроногим огненным конем отменный Ого Туйгун-богатырь". Также слышал когда-то и "Над грядой темного леса гривастой головой возвышающимся конем владеющего могучего Эр Соготоха". Кроме того исполнял олонхо "Рожденный от Мегюрена Тойона добрый молодец Бэриэт Бэргэн". И еще исполнял отрывок из олонхо "Ала Туйгун-богатырь, владеющий рыжим конем, дыхание которого, подобно метели, сметающее с темного леса хвойный покров".

— От кого перенял эти олонхо?

— Моего отца считали хорошим сказителем олонхо, но мне его олонхо не доведось слышать. Я слушал и подражал слепому сказителю, уроженцу Тогусского наслега Кэдэгэр Степану. И еще сказителю из того же наслега Максимову Прокопию Васильевичу. Кроме того, Софрону Васильеву из Борогонского наслега, от которого перенял олонхо "Могучий Эр Соготох". А он перенял это олонхо от старца из Ёргётского наслега, с которым вместе был в работниках у местного *тойона;* старец обычно сказывал на привалах. Мы с Софроном вместе косили в местечке Кёрдюгён. Во время работы он никогда не сказывал, да и я не настаивал. Вот после работы, когда возвращались на ночлег, по дороге, чтобы скоротать время, сказывал, а когда наступал песенный момент, обычно прислонялся к дереву и пел. Вот тогда-то я и научился сказывать олонхо.

— Самое большое олонхо, как долго мог ты сказывать?

— Долго сказывать не умел. За это от многих получал нарекания, мол, начав — не досказываешь. На Вилюе олонхо "Могучий Эр Соготох" сказывают издавна. Говорят, что о похождениях сына Эр Соготоха Харыаджымаана Бэргэна, рожденного от девки-*абаасы* Нижнего мира, сказывали по три ночи подряд. Это олонхо я полностью не слышал.

О Могучем Эр Соготохе сказывали так: была у него сестра Туналыкаан Куо с девятисаженной косой. Сын *абаасы* домогается ее, богатыри бьются. Когда Могучий Эр Соготох в битве вспорол живот врагу и ухватился за становую жилу, чтобы оборвать жизнь, — она превратилась в трухлявую ель, а сын *абаасы* ускользнул. Попав на уловку *абаасы*, Могучий Эр Соготох оказывается в Нижнем мире, там встречается с девкой-*абаасы*, которая в облике женщины-*айыы* соблазняет его. А потом говорит ему: «Я осталась беременной на половине срока, из-за прихоти своей грудь твою искромсала-высосала. Возьми этот посох и поднимись по той дыре, через которую провалился сюда. Там тебя встретит твоя жена и вытащит на солнечную землю твою». И вправду, у той дыры шаманка

---

*Беседу провел и записал, а также сделал расшифровку с магнитоленты В.В. Илларионов в декабре 1982 г. в г. Вилюйске. Материал хранится в Архиве ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 13, ед. хр. 220, л. 54—62. Перевод сделан С.П. Ойунской.

Верхнего мира, камлая-заклиная, вверх подняла. Затем с небес пригласила других шаманок и при их помощи живой водой залечила раны и оживила его. А когда пришел домой, узнал, что его жена была беременна. Пришло время рожать — пошел он траву рвать для ложа. Вдруг, будто небо разверзлось — туча огромная с грохотом обрушилась на Могучего Эр Соготоха, а был он без брони и лат, и разделила его на две части пополам, а жену его унесла ввысь. Останки его положили на *арангас* и поставили на холме на южной стороне *алааса*.

Когда женщину поднимали ввысь, ребенок ее выкатился из утробы у подножия холма. В это время старушка Симэхсин как раз выглянула в окно и услышала, как причитала та женщина: «Посмотрите, что со мной сотворили, кто узнает, что сделал со мною злодей Верхнего мира сын Дархана Буурая Ала Дьаасын?! Он унес меня, а сын мой остался у подножия холма. Кто же услышит, кто же увидит — лишь ты, Симэхсин! Все остальные не видели, не слышали — были в обмороке. Коли сыну моему суждено быть человеком — нареките его: под солнечным поднебесьем рожденный Кёмюс Кырыктай!» Услышала это Симэхсин и подобрала дитя. Воспитывала его в хлеве, привязав веревками к яслям. Да не тут-то было: не удержали веревки постреленка — в дом забежал. Дядья его осерчали: «Ну, поглядите-ка на этого косматого чертенка — на нашу погибель родился сей оборотень, что ли?» Когда старший дядя Уолуйа Боотур хотел вонзить пальму в середину печени стоящего рядом ребенка, старушка откинула в сторону ту пальму — дрогнуло сердце взрастившей малыша Симэхсин, и сказала она: «Сие дитя от наших детей осталось!» Тут и дед его Айыы Сиэр Тойон, и бабка его Айыы Нууралдьын Хотун, и вся родня обрадовались. Дед и бабка на белые колени усадили его, руками обняли, к бьющимся сердцам прижав, — так его воспитали.

А дитя это было очень шаловливым, таким *ураангхай* стал, что хорошего не жди — напакостит, доброго не жди — страшное натворит, кого ни встретит — напропалую бьет, кого ни увидит — истопчет. Вот такое проказливое дитя родилось, оказывается. Дядья на него стали смотреть, как на оборотня, и стали его лупить-бить чем попало. Из-за этого он перестал есть пищу свежую-вкусную, перестал носить одежду красивую, рос в муках и скудости.

Однажды в большущем котле поставили варить отменное жирное мясо. Когда варево закипело и жир хлестал через край, ребенок снял тот жир пальцем и облизал его. Увидал это старший дядя Уолуйа Боотур, лежа на ложе, и закричал: «Ну, поглядите, выродок этот, оборотень страшный, еще грязную лапу сует в котел», — вскочил и давай дубасить его, затем дверь раскрыл и выкинул его на середину двора. Сколько там пролежал этот бедолага без сознания — неизвестно. Очнулся: на ребрах густая кровь, подобная печени молодой кобылицы, запеклась, изо рта и из носа кровь струится.

Вот, бедолага, целый день еле передвигаясь, добрался до *арангаса* отца своего. Обнял *арангас* и стал причитать-жаловаться: «Из-за какой такой волшебной силы тебя считали великим богатырем. Коли еще есть сила волшебная, возьми меня в *арангас* свой, если обниму твои кости, то буду считать, что прожил сто лет. Возьми меня к себе!» Что-то в *арангасе* щелкнуло и что-то в северную сторону метнулось будто бы.

Дитя бедное, обняв столб *арангаса* отца умоляя-прося, сидел. Тут поднялся вихрь и чуть не унес бедолагу, ему и клочок земли родной и рваный лучик солнца стали милы: обхватил двумя ногами столб *арангаса*, вцепился в него двумя руками крепко. Вдруг вихрь утих и раздался громовой голос. Глянул: сидит на вороном коне с белой мордой закованный в латы человечище, шапка его за черную тучу высокого неба задевает.

«Ну и рыдаешь же ты громогласно, ну и причитаешь же ты так горестно, что явился я к тебе, забросив все дела. Мы ведь с тобой одного отца дети, хотя и от разных матерей. Я рожден от девки-*абаасы* и прозываюсь владеющим вороным конем с белой мордой Харыаджылааном Бэргэном. Чтобы оживить отца нашего, я хотел отобрать у Арджамаан-Джарджамаана живую жилу величиной с девять голов годовалых бычков. Вот уже несколько лет бьюсь я за это — и как раз, прижав его к краю северного поднебесья, уже хотел заполучить, как услышал твой горестный плач и упустил его. Где теперь я опять найду его — не знаю. Вот тебе одежда — оденься и раскрой рот», — сказал и кинул ему величиною с яйцо турпана желтое *илгэ*, мальчик проглотил его сразу.

«Если славный путь твой в тупик зайдет, если долгий путь твой станет тесен — позови меня по имени. Коли буду в Верхнем мире — пикой острой упаду, коли буду в Нижнем мире — острогой острой вынырну», — сказал и исчез.

Бедолага парень желтое *илгэ* проглотив, сразу силу почувствовал. Мышцы его налились так, что каждая отдельно заиграла. Жилы его стали стягиваться, крутые мышцы его со звоном туго налились, связки на пальцах мощью захрустели. Оделся — все на нем как раз, будто влитое. В общем все боевое снаряжение: и меч, и пика, и палица — все было при нем.

Битый и униженный, он пригрозил своим обидчикам: «Я пошел искать мать свою, по ее теплым следам следуя, по ее стылым следам отыскивая. Коли вернусь живой, золу вашу пересею, угли ваши перемелю. Будьте начеку!» — сказал и умчался.

В пути ему встретился человек на бело-молочном коне, у которого холка возвышалась над темным лесом, на человеке были серебряные латы, у него был серебряный щит, на плечах висел гудящий костяной лук. И этот человек, направив своего коня прямо на него, заговорил: «Это ты идешь, рожденный под солнечным поднебесьем Кёмюс Кыырыктай-богатырь. Когда твою мать за волосы нес по небу превратившийся в орла Ала Дьаасын-богатырь, сын Арханы Буурай Хотун, ставшей хозяйкой западного края поднебесья, я выстрелил из этого лука и попал ему в задницу да ранил его в мочащийся член».

«У такой огромной птицы, тоже мне, выбрал уязвимое место — его срамной член. И еще бахвалишься, что у тебя такой меткий лук. Не по тебе сей лук», — сказал он и отобрал у зятя лук.

А Ала Дьаасын на дороге поставил стража. Хотел стража убить, а тот взмолился: «Не убивай меня, тебе я помогу советом. У Ала Дьаасына три сестры-*абаасы*. Если ты явишься к ним в собственном обличье, ты не найдешь даже их жилище. Эти шаманки с тобой что хотят сделают. Ты сделайся оборотнем, невидимкой, тогда найдешь их. Мать твоя у них в плену. Ала Дьаасын сам теперь неопасен, нижняя часть его, говорят, почернела, как сажа от котла, лежмя лежит. А вот с его матерью Арханой Буурай Хотун никто еще сравниться не смог. И тебя она одолеет. Смотрю, у тебя хороший лук. Та старуха через три дня нужду справляет, говорят, тогда она снимает с себя всю броню. У нее под левой подмышкой величиной с полную луну незаживающая рана есть. Вот если, стрелу туда запустив, силы ее поубавишь, только тогда сможешь противостоять ей».

Кёмюс Кыырыктай превратился в златогрудую птичку и полетел, как посоветовал ему страж-*абаасы*. Прилетел туда и спрятался в ветках ели, будто бы шишки клюет.

Три дня ничего не видно, не слышно, видимо, старуха справила нужду накануне его прибытия. Через три дня вышла огромного роста старуха. То ли привычка у нее такая, то ли что, подошла к большой ели, а потом, соединив макушки трех елей, разделась, да затем, упираясь ногами в корни средней ели, стала испражняться. Когда она подняла руки, то на виду оказалась незаживающая рана величиной с полную луну — ну вот, прострелил ее стрелой на вылет. Разве умрет? Вскочила да давай биться с ним — убил ее.

Пошел к Кыдаю Бахсы и говорит: «Пришел я, по теплым следам следуя, по стылым следам отыскивая. Так ты, владеющий черномастным скотом сын Тааса Хаппардаана, кузнец Кыдай Бахсы Тойон, освободи [от оков] и отдай мне Ала Дьаасына. Если не отдашь, то я добрым гостем едва ли буду, мирным гостем вряд ли стану».

Кузнец Кыдай Бахсы Тойон с отчаянным криком изо рта своего выхватил наковальню, поставил ее на ребро и ударил молотом по ней — угодила она прямо в середину спины Кёмюса Кыырыктая, пришлось еще долго повозиться, но Кёмюс Кыырыктай победил кузнеца.

После этого, забрав мать, Кёмюс Кыырыктай отправился в обратный путь. Вдруг в ушах зашумело — провалился куда-то вниз. Оказывается, по железной трубе вниз катится — увидел: сидят три бабы-яги, очаг разожгли, на очаге огромная железная раскаленная сковорода стоит, чуть туда не угодил. Еле успел упереться в стенки трубы и соскользнуть на землю, а не на сковороду. Убил всех трех и бросил на сковороду — изжарились.

Пригляделся: от сковороды вниз железная тропа спускается — по ней спустил изжаренные тела. Кто-то съел их с хрустом и закричал: «Туп-туп-туп, ведь это моя кровная родня, что за напасть приключилась?!»

«Да вот, я тут стою, куда же убежать мне? Вот я!» — говорит наш человек.

Вдруг, будто земля перевернулась — вылез снизу ужасный великан-страшила. Это был *абаасы* Тимир Дорбуйа. Долго не стал возиться — подхватил нашего молодца и давай подбрасывать его, как пушистый мяч: вверх — вниз, вверх — вниз... Невмоготу стало — позвал на помощь брата, тот сразу явился и стал самого Тимира Дорбуйа подбрасывать как мяч и приговаривать: «Ты, круглый дурак, вот этим мальцом, который безвинен, как яйцо, чист, как молозиво, ты играл, как мячом! Разве он стоит того, чтобы его хватали, разве может устоять против твоего пинка. Вот я стою перед тобой — достойный соперник», — сказал так, да и напал на *абаасы*.

Вот так Харыаджылаан Бэргэн справился с *абаасы*. А потом с матерью и братом отправились на родину отца — оживили его.

— И Каратаев, и Васильев говорят, что от тебя переняли и стали олонхосутами.

— Преувеличивают. Оба одаренные от природы. Я не большой сказитель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. — 318 с.
2. *Алексеев Н.А.* Ранние религии тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. — 233 с.
3. *Алексеев Э.Е.* Проблемы формирования лада (на материале якутской народной музыки). — М.: Музыка, 1976. — 228 с.
4. *Алексеев Э.Е., Николаева Н.Н.* Образцы якутского песенного фольклора. — Якутск: Кн. изд-во, 1981. — 101 с.
5. *Андросов Е.Д.* Таатта олонхоһүттара, ырыаһыттара (Таттинские олонхосуты и певцы). — Якутск: КИФ "Ситим", 1993. — Ч. 1—48 с; Ч. 2 — 48 с.
6. *Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1971. — 174 с.
7. *Афанасьев П.С.* Говор верхоянских якутов. — Якутск: Кн. изд-во, 1965. — 128 с.
8. *Ауэзов М.О.* Киргизский героический эпос "Манас" // Мысли разных лет. — Алма-Ата: Казгослитиздат, 1961. — С. 453—541.
9. *Библиография* олонхо / Сост. Т.С. Дьяконова. — Якутск: изд. Якут. филиала СО АН СССР, 1982. — 68 с.
10. *Васильев Г.М.* Якутское стихосложение. — Якутск: Кн. изд-во, 1965. — 128 с.
11. *Васильев Г.М.* Живой родник: Об устной поэзии якутов. — Якутск: Кн. изд-во, 1973. — 303 с.
12. *Виташевский Н.А.* К материалам о якутских сказках // Живая старина. — Пг., 1912. — Вып. 2/3. — С. 449—466.
13. *Воронкин М.С.* Саха диалектологиятын очерката (Очерк якутской диалектологии). — Якутск: Кн. изд-во, 1980. — 205 с.
14. *Гурвич И.С.* Культура северных якутов-оленеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. — М.: Наука, 1977. — 247 с.
15. *Диалектологический* словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — 392 с.
16. *Дмитриев П.Н.* Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: (Материалы Всесоюз. конф. фольклористов). — Якутск: изд. Якут. филиала СО АН СССР, 1977. — С. 118—120.
17. *Долганский* фольклор / Вступ. ст., тексты и пер. А.А. Попова. Лит. обработка Е.М. Тагер. Общ. ред. М.А. Сергеева. — М.; Л.: Сов. писатель, 1937. — 259 с.
18. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1971. — Ч. 1: Вокализм. — 192 с.
19. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1977. — Ч. 2: Консонантизм. — 255 с.

20. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. — 493 с.
21. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос: Избр. труды. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — 727 с.
22. *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. — М.: Наука, 1980. — 375 с.
23. *Емельянов Н.В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. — М.: Наука, 1990. — 208 с.
24. *Ефремов П.Е.* Долганское олонхо. — Якутск: изд. Якут. филиала СО АН СССР, 1984. — 132 с.
25. *Иванов С.А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1980. — 184 с.
26. *Илларионов В.В.* Искусство якутских олонхосутов. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — 123 с.
27. *Исмаилов Е.* Акыны: Монография о творчестве Джамбула и других акынов. — Алма-Ата: Казгослитиздат, 1957. — 340 с.
28. *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай сахалар: Очерки древней истории якутов. — Иркутск: Вост.-Сиб. обл. кн. изд-во, 1937. — Т. 1. — 576 с.
29. *Константинов И.В.* Материальная культура якутов XVIII века. — Якутск: Кн. изд-во, 1971. — 212 с.
30. *Кулаковский А.Е.* Научные труды / Сост. Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — 483 с.
31. *Кыдырбаева Р.З.* К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе "Манас". — Фрунзе: Илим, 1967. — 112 с.
32. *Кыыс* Дэбилийэ: Якутский героический эпос. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. — 330 с.
33. *Көтөр* Мүлгүн (Летающий Мюлгюн) / Текст Д.М. Слепцова. — Якутск: КИФ "Ситим", 1994. — 84 с.
34. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаический памятник. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — 462 с.
35. *Миддендорф А.* Путешествие на север и восток Сибири. — СПб, 1878. — Ч. 2: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. — Отд. VI: Коренные жители Сибири. — С. 620—833.
36. *Монголо-ойратский* эпос / Пер. и вступ. ст. В.Я. Владимирцова. — Пг; М.: Госиздат, 1923. — 254 с.
37. *Нюргун* Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина. Вступ. ст., пер. и коммент. Г.У. Эргиса. — Якутск: Кн. изд-во, 1947. — 410 с.
38. *Нюргун* Боотур Стремительный / Воссоздал на основе народных сказаний П.А. Ойунский. Пер. на русск. яз. В.М. Державина. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — 431 с.
39. *Образцы* народной литературы якутов, издаваемые под редакцией Э.К. Пекарского. — Ч. 1: Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. — Вып. 1. — 1907. — 80 с.; Вып. 2. — 1908. — С. 81—194; Вып. 3. — 1909. — С. 195—280; Вып. 4. — 1910. — С. 281—400; Вып. 5. — 1911. — С. 401—476; Ч. 2: Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым. — Вып. 1. — 1913. — 190 с.; Вып. 2. — 1918. — С. 191—258; Ч. 3: Образцы народной литературы якутов, записанные В.Н. Васильевым. — Вып. 1. — 1916. — 196 с.
40. *Ойунский П.А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Ойунский П.А. Соч. — Якутск: Кн. изд-во, 1962. — Т. 7. — С. 128—204.
41. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка, составленный Э.К. Пекарским при ближайшем участии Д.Д. Попова и В.М. Попова. — СПб; Пг.; Л., 1907—1930. — Вып. 1—13. — 3859 стб.
42. *Приклонский В.Л.* Три года в Якутской области. Приложения // Живая старина. — 1890. — Вып. 2. — С. 174—176; 1891. — Вып. 3. — С. 165—179; 1891. — Вып. 4. — С. 139—148.
43. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. — 2-е изд. испр. — Л.: Гослитиздат, 1958. — 603 с.
44. *Пухов И.В.* Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 256 с.
45. *Пухов И.В.* Исполнение олонхо // Докл. на II науч. сессии ИЯЛИ. — Якутск: Кн. изд-во, 1951. — Вып. 1: История и филология. — С. 133—164.

46. *Серошевский* В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования / Под ред. проф. Н.И. Веселовского. — СПб: Изд-во имп. Рус. геогр. об-ва, 1986. — Т. 1. — 720 с.
47. *Сивцев* Г.Ф. Сахалыы кылгас тылдьыт (Краткий якутский словарь). — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — 224 с.
48. *Строптивый* Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. — М.: Наука, 1985. — 608 с.
49. *Трощанский* В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов / Ред. Э.К. Пекарский, доп. и примеч. Э.К. Пекарского и Н.Ф. Катанова. — Казань: [Тип. имп. ун-та], 1902. — 185 с.
50. *Тобуроков* Н.Н. Якутский стих. — Якутск: Кн. изд-во, 1985. — 160 с.
51. *Шерхунаев* Р.А. Певцов благородное племя. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. — 264 с.
52. *Убрятова* Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 151 с.
53. *Урастыров Кюннюк*. Чээбий Түмэппий (Тимофей Чябий). Хатаппын саҕабын (Высекаю искру): Статьи; заметки, воспоминания, выступления. — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — С. 199—219.
54. *Худяков* И.А. Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В.Г. Базанова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 439 с.
55. *Эргис* Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974. — 402 с.
56. *Якутско-русский* словарь / Под ред. П.А. Слепцова. — М.: Сов. энцикл., 1972. — 606 с.
57. *Ястремский* С.В. Образцы народной литературы якутов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929. — 226 с. — (Труды Комиссии по изучению Якутской АССР; Т. 7).
58. Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik. Text und Wörterbuch Besonderer Abdruck aus dritten Bandes von Dr. A.Th.v. Middendorft's Reise in dem aussersten Norden und Osten Siberiens. — St.-Pbg, 1851. — LIV, 397 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

алт.	— алтайский
др.-тюрк.	— древнетюркский
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории Якутского научного центра
кирг.	— киргизский
РС (Я)	— Республика Саха (Якутия)
ССС	— Сравнительная схема сюжетов олонхо "Могучий Эр Соготох" в исполнении олонхосута (приложение к тому)
стр.	— стихотворная строка
тув.	— тувинский
эвенк.	— эвенкийский
ЯАССР	— Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика
як.	— якутский
ЯНЦ СО РАН	— Якутский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук

SUMMARY

The heroic epos-olonkho "Er Sogotokh the Brave" enjoys great popularity in Yakutiya.

The present book represents itself a publication of the epos "Er Sogotokh the Brave" performed by a modern storyteller Vasily Osipovich Karatayev (1926—1990) who unfortunately died too early in the prime of his creative life. This olonkho had been written down from him three times: in 1972, 1982 and 1986. The tape recordings from 1972 and 1986 were done in studio for the scientific purpose. The text under the publication was written down on the 21—22nd of November 1982 in Viluisk. During the olonkho recording there were listeners who with great interest watched the process and supported the olonkhosut by their exclamations, the latter being characteristic of the live epic tradition.

V.O. Karatayev who in his youth had become proficient in the art of olonkhosut knew very well and managed to reproduce with great talent the peculiarities of the epic singing. He was born in Borogonsk of Viluisk uluss where the storyteller's tradition still was strong and survived till our days. But beginning from the midst of the 40s the olonkhosuts' creative activity started developing in another epic environment than in the pre-war years. Olonkho was performed rarely in the family circles and in front of the fellow-villagers: it had been moved into stage and become a part of repertoire in the amateur art activities. V.O. Karatayev was a participant of many uluss and republican folklore festivals of the peoples of Yakutiya. He won many times at the olonkhosuts' competitions at which the listeners could fully estimate his performing art.

V.O. Karatayev talent had been especially vividly expressed when he performed the epos "Er Sogotokh the Brave". One can feel this while listening to the records made by the scientists of the Institute of Language, Literature and History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences who also preserved some other olonkhos from the storyteller's repertoire in the archive of the Yakut scientific centre.

The text "Er Sogotokh the Brave" published in V.O. Karatayev's performance begins with a traditional introduction about the era of the first creation — "Long long ago", "From the time immemorial".

According to the epic tradition the storyteller describes in full details the creation of the hero's motherland. The introductory part serves as a prologue for the events under the description.

There is the most ancient archaic motif of childlessness in this olonkho, which is widely spread in the Turkic epos (the Kirghiz "Manas", the Altai "Maadai Khara" and the rest). In V.O. Karatayev's olonkho a hero is born in the family of very old people.

The main conflict of the plot is a rivalry between grooms which is a characteristic for the archaic texts. Er Sogotokh like many other bogatyrs with the same name does not perform numerous heroic deeds which are described with inspiration in the stories about Nyurgun Bootur, Kulun Kullustuur, Myuldu Bege. Er Sogotokh's heroism is expressed in the fact that he overcomes difficult road, forcing his rival to refuse from marriage a beautiful Tunalykhaan Kuo and after passing all the hardships he achieves his cherished goal: married his destined love and returned back to his motherland.

All other plot developments are connected with his sons: Khemyuss Kyyryktay and Kharyadzylan Bergen. At the same time Er Sogotokh the Brave remains an ancestor of the Uraanghai-Sakha tribe and all the bogatyr's actions of his sons are perceived as a continuation of his struggle with an enemy tribe of abaasy.

The portrait description of Er Sogotokh is given in accordance with the epic image of a bogatyr. Thus, the portraits of good heroes are usually similar not only in one and the same epic text but also in olonkho of different performers. Such typical characteristics in V.O. Karatayev's olonkho could be explained by the stability of the epic traditions.

Along with the main hero there are other personages in the olonkho: Er Sogotokh's sons, who perform even mode difficult heroic deeds; a whole set of rival bogatyrs from abaasy tribe — Taas Dzaantaar Dara Buurai, Uot Urbaldzyn, Tebet Tuurai, Uot Kudustai; women-abaasy who want to marry bogatyr-aiyy, a woman shaman-abaasy Uot Cholboodoi, the parents of beautiful girls and many others. They all perform definite actions in the olonkho, characteristic for their types of personages.

The bogatyr's horse is of a special role in the narration. He possesses a quality to speak and give good advises for bogatyrs. The olonkhosut with a special melody reproduces a song of the bogatyr's horse.

In the epic text "Er Sogotokh the Brave" one can find a whole set of episodes connected with the bogatyrs' reincarnations. Almost every bogatyr aiyy and abaasy possesses such ability. Thus, before setting off for a long journey Er Sogotokh turns into a falcon and when going through a narrow passage where seven lions with open mouths are waiting for him he turns into an arrow and manages to slip between them. His son Kharyadzylan

Bergen transforms either into a falcon of a three-sided pike. Even more powerful ability for the transformation have bogatyrs-abaasy. These motifs of transformation demonstrate that in this epic text the most ancient layers of the Yakut epos are still survived.

In V.O. Karatayev's texts are also represented completely and consistenly the major motifs typical not only for the Yakut tales in general but also for the epos of other Turkic and Mongol peoples which unite the features of fairy-tales, mythological and epic narration. They are a miraculous birth, quick growth, the first deed of a bogatyr, getting bogatyr's weapon, receiving a name of bogatyr, saddling a horse, hero's preparations for a journey, struggle with rivals, winning and kidnapping a bride, returning home and a victory over a rival and happy life in his motherland.

In the olonkhosuts' repertoire one can often come across olonkho named "Er Sogotokh". According to the data of the 40s olonkho under such name existed in the repertoire of about one hundred storytellers.

Olonkho "Er Sogotokh" spreads throughout Yakutiya. The same epic text we can find in the folklore of the Dolgans related to the Yakuts by the language and culture.

Er Sogotokh is a popular hero among the Yakut storytellers who created from generation to generation different variants about a lonely bogatyr — a forefather of the uraanghai-sakha tribe. The olonkho about a lonely husband, the first man in the Middle World has a slight hint of recurrence in comparison with other tales. In general, the Yakut epos-olonkho representing one of the ancient types of archaic epos did not undergo the cyclic recurrence like the Russian bylinas, the Kirghiz "Manas", the Kalmyk "Dzangar", the Armenian "David Sasunsky" and others. Thus, we can relatively enough distinguish the most common features in the epic texts under the general name "Er Sogotokh".

There are 13 complete and fragmentary variants of the olonkho under the name "Er Sogotokh". In 1848 A.Ya. Uvarovsky born in Yakutiya and a connoisseur of the Yakut language and folklore wrote an olonkho about a lonely bogatyr for the first time. V.L. Priklonsky, S.V. Yastremsky published several olonkho variants. The most complete versions of the olonkho "Er Sogotokh" were written down from G.F. Nikulin, N.G. Tagrov, N.S. Skrybykin and they are kept now in the archive of the Yakut scientific centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

P.N. Dmitriyev tape recorded the performance of the epos "Er Sogotokh the Brave" by A.S. Vasilyev in 1984. T.P. Gogolev's short version of the olonkho had been also written down. The most complete and perfect from the artistic point of view is still V.O. Karatayev's olonkho "Er Sogotokh".

The epic text of "Er Sogotokh the Brave" published in the present volume though different in plots, motifs and artistic expressive means is typical for the Yakut epos. This concerns, first of all, the most common places and standard formulas. One could reveal the following typical situations: descriptions of the hero's motherland, his journey, the portrait characteristics,

dialogues of the hero with different bogatyrs when meeting, formulas of charms, spells and closing the talks and some others.

This olonkho is given in the form of verses. The introductory and descriptive parts, as a rule, are performed in a recitative form and the personages are characterised by the individual singing. The function of the verse sound organiser is realised by all the types of alliteration and syntactical parallelism. Every verse line consists of 7—8 or more syllables closely connected with melody. Unlike epic works of other Turkic and Mongol peoples, the Yakut heroic epos are performed without instrumental accompaniment. It fully reveals the style and character of the Yakut singing art of olonkhosuts in V.O. Karatayev's performance. Included into the record which is enclosed with the volume are the main melodies exposing the images of the major olonkho characters. The musicological article by E.Ye. Alekseyev and the appendix compiled by N.N. Nikolayeva give and explain in much more details commentaries to these melodies and their notations.

The publication of the present volume is based on the authentic recordings preserving full dialectal peculiarities. The translation of the text into Russian is fulfilled as close as possible to the original.

The published bilingual text is divided into blocks of 10 lines every which of them is numbered.

The notes and comments contain a list of variants and their different ways of performing, indices to the text sources. Included is also a tape recorded talk with T.P. Gogolev. The volume is illustrated with the olonkhosut's portraits; photographs of the objects of the material and spiritual culture.

РЕЗЮМЕ

Настоящая книга представляет собой публикацию олонхо "Могучий Эр Соготох" в исполнении современного сказителя Василия Осиповича Каратаева (1926—1990), к сожалению, ушедшего от нас в расцвете творческих сил. Этот эпос записывался от него трижды: в 1972, 1982 и 1986 гг., магнитофонные записи 1972 и 1986 гг. производились в студийной обстановке для научных целей. Публикуемый текст был записан на магнитную ленту 21—22 ноября 1982 г. в г. Вилюйске. При записи олонхо присутствовали слушатели, которые с большим интересом относились к процессу сказывания и поддерживали олонхосута своими возгласами, что характерно для живой эпической традиции.

В репертуаре олонхосутов часто фигурирует олонхо с названием "Эр Соготох". В 40-х гг. олонхо под таким названием встречается в репертуаре примерно 100 сказителей.

Ареал распространения олонхо "Эр Соготох" охватывает всю Якутию. Этот же эпический текст мы находим и в фольклорной традиции долган — родственной якутам по языку и культуре народности.

Эр Соготох — популярный герой у якутских сказителей, которые из поколения в поколение создавали различные варианты об одиноком богатыре, родоначальнике племени ураангхай-саха. Олонхо об одиноком муже, первом человеке Среднего мира, в сравнении с другими сказаниями имеют слабые намеки на циклизацию. В целом якутское олонхо, представляющее один из ранних типов архаического эпоса, не подвергалось циклизации, как русские былины, киргизский "Манас", калмыцкий "Джангар", армянский "Давид Сасунский" и др. Поэтому весьма условно можно выделить общие характерные черты эпических текстов под названием "Эр Соготох".

Всего имеется 13 полных текстов и отрывки записей олонхо под названием "Эр Соготох". В 1848 г. А.Я. Уваровский, уроженец Якутии, прекрасно знавший якутский язык и фольклор, впервые записал олонхо об одиноком богатыре. Л.В. Приклонский, С.В. Ястремский опублико-

вали несколько сюжетов олонхо. Наиболее полные записи вариантов олонхо "Эр Соготох" зафиксированы со слов Г.Ф. Никулина, Н.Г. Тагрова, Н.С. Скрыбыкина.

П.Н. Дмитриев в 1984 г. записал на магнитную ленту исполнение А.С. Васильевым эпоса "Могучий Эр Соготох". Со слов Т.П. Гоголева, учителя В.О. Каратаева и А.С. Васильева, записано краткое содержание этого олонхо. Сказание В.О. Каратаева является наиболее полным и совершенным в художественном отношении.

В.О. Каратаев, в юности овладевший искусством олонхосутов, хорошо знал и талантливо передавал особенности эпосопения. Он родился в Борогонском наслеге Вилюйского улуса, где была сильна сказительская традиция, сохранившаяся до наших дней. Но начиная с середины 40-х гг. творчество олонхосутов развивалось в иной эпической среде, чем в довоенные годы. Реже стало исполняться олонхо в семейном кругу, перед односельчанами — оно было перенесено на подмостки сцены, стало частью художественной самодеятельности. В.О. Каратаев был участником улусных и республиканских фольклорных фестивалей народов Якутии, где слушатели могли в полной мере оценить его мастерство.

Талант В.О. Каратаева особенно проявился при исполнении эпоса "Могучий Эр Соготох", о чем свидетельствуют записи, сделанные сотрудниками Института гуманитарных исследований АН, Республики Саха (Якутия), которые сохранили в архиве Якутского научного центра и другие олонхо из его репертуара.

Публикуемый текст начинается с традиционного зачина об эпохе первотворения. В.О. Каратаев, согласно эпической традиции, детально описывает создание Среднего мира, страны родителей героя. Вступительная часть служит прологом к описываемым событиям.

В олонхо имеется древнейший архаический мотив о бездетности, который широко распространен в тюркской эпике (киргизский "Манас", алтайский "Маадай Кара" и др.). В сюжете, записанном от В.О. Каратаева, герой рождается у глубоких стариков. Причиной богатырской поездки Могучего Эр Соготоха служит издевательское приглашение богатыря-абаасы Тааса Джаантаара Дары Буурая прислуживать при его женитьбе на Туналыкаан Куо. Оскорбленный дерзкой выходкой богатыря-абаасы, герой преследует его. Так начинается развитие сюжета публикуемого олонхо.

Следует отметить, что оскорбление служит лишь поводом к отправлению в дальний путь. Главным конфликтом между богатырями является соперничество женихов, характерное в архаических эпических текстах. Могучий Эр Соготох, как и большинство богатырей под этим именем, не совершает многочисленных героических поступков, которые обычно вдохновенно описываются в сказаниях о Нюргун Боотуре, Кулун Куллустууре, Мюлдю Бёгё. Героизм Могучего Эр Соготоха заключается

в том, что он преодолевает трудный путь, заставляет соперника отказаться от намерения жениться на Туналыкаан Куо, а сам, пройдя испытания, достигает своей заветной цели: женится на суженой и возвращается на родину.

Дальнейшее развитие сюжета олонхо связано с богатырством сыновей главного героя: Кёмюса Кырыктая и Харыаджылаана Бэргэна. При этом Эр Соготох остается родоначальником племени ураангхай саха, а сыновья продолжают борьбу отца с племенем абаасы.

Против главного героя выступают персонажи Нижнего мира: абаасы Таас Джаантаар Дара Буурай, Уот Урбалджын, Тёбёт Туурай, Уот Кудустай, женщины-абаасы, желающие выйти замуж за богатыря-айыы, шаманка-абаасы Уот Чолбоодой.

Конь богатыря играет активную роль в действии. Он наделен даром речи и дает добрые советы богатырям. Олонхосут своеобразной мелодией передает песню богатырского коня.

В эпическом тексте об Эр Соготохе дана целая серия эпизодов с перевоплощением богатырей. Почти каждый персонаж из людей-айыы и нечисти-абаасы наделен такой способностью. Так, Эр Соготох, отправляясь в дальнюю поездку, превращается в сокола, а когда проходит через узкий проход в преисподнюю, которую стерегут семь львов, он оборачивается стрелой и проскальзывает между ними. Его сын Харыаджылаан Бэргэн принимает вид то сокола, то трехгранной пики. Еще чаще к оборотничеству прибегают богатыри-абаасы. Этот мотив свидетельствует о том, что в данном эпическом тексте сохранены наиболее архаические пласты эпоса якутов.

В "Могучем Эр Соготохе" В.О. Каратаева также полно и последовательно представлены основные мотивы, характерные не только для якутских сказаний в целом, но и для эпосов других тюрко-монгольских народов, которые тоже соединяют в себе черты сказочно-мифологического и эпического повествования. Это чудесное рождение, быстрый рост, первый подвиг богатыря, получение богатырского оружия, наречение богатыря именем, седлание коня, сборы героя в путь, единоборство с противниками, заполучение невесты, возвращение домой, похищение невесты, борьба и победа над врагом и счастливая жизнь на родине.

Публикуемый текст имеет стихотворный строй. Вступительная и описательная части сюжета, как правило, исполняются речитативом, а речь персонажей — песней, характерной только для этого образа. Функцию звукового организатора стиха выполняют все виды аллитерации, синтаксический параллелизм. Каждая строка состоит из семи-восьми, реже более слогов, которые тесно связаны с напевом. По сравнению с эпосами других тюрко-монгольских народов, якутские сказания исполняются без инструментального сопровождения. В.О. Каратаев в полной мере передает стиль и характер якутского песенного искусства. Грам-

пластинка содержит основные напевы, раскрывающие образы главных персонажей олонхо. В музыковедческой статье Э.Е. Алексеева даются более подробные комментарии к этим напевам и их нотировки, подготовленные Н.Н. Николаевой.

Издание настоящего тома основано на подлинных записях с сохранением диалектных особенностей речи. Перевод текста выполнен максимально приближенно к оригиналу, с предельно достижимой адекватностью.

Текст на якутском языке и в русском переводе разбит на десятичные блоки.

Приложения содержат перечень вариантов олонхо "Могучий Эр Соготох" и их разночтения, указания на источник текстов, в них включена беседа с Т.П. Гоголевым, записанная на магнитофон. Том снабжен иллюстрациями — портретами олонхосутов, фотоснимками предметов материальной и духовной культуры. Это первое научное издание наиболее известного эпического произведения саха (якутов).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7
Эпическая традиция якутов и олонхо В.О. Каратаева. *Н.В. Емельянов, В.В. Илларионов* 10
О музыкальном воплощении олонхо *Э.Е. Алексеев* 42
От составителя 73

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

"Модун Эр Соҕотох" 76
"Могучий Эр Соготох" 77

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Примечания к якутскому тексту 381
Комментарии к переводу 385

ПРИЛОЖЕНИЯ

Словарь мифологических и эпических персонажей олонхо "Могучий Эр Соготох" 393
Словарь непереведенных слов 397
Сравнительная схема сюжетов олонхо "Могучий Эр Соготох" в исполнении олонхосута В.О. Каратаева. Сост. *Н.В. Емельянов, В.В. Илларионов* 401
Описание других вариантов и версий олонхо об Эр Соготохе. Сост. *В. Илларионов* 413
Сюжеты эпического репертуара В.О. Каратаева. Сост. *В. Илларионов* . . 421
Беседа со сказителем-олонхосутом Трофимом Гоголевым. Зап. *В. Илларионов* 423
Список литературы 427
Список сокращений 430
Summary 431
Резюме 435

Научное издание

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
"МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ"

Редактор Т.В. *Романенко*
Художественный редактор В.И. *Шумаков*
Технический редактор Н.М. *Остроумова*
Корректор М.П. *Щекотихина*
Оператор электронной верстки Т.Р. *Пантюхина*

ИБ № 1409

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 31.07.95. Подписано в печать 05.01.96. Бумага типографская № 1. Формат 75×90 1/16. Гарнитура Лазурского. Офсетная печать. Усл. печ. л. 34,38. Уч.-изд. л. 27. Тираж 10000 экз. Заказ № 442.

"Наука". Сибирская издательская фирма РАН. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
Новосибирская типография № 4 РАН. 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

22-50

22-50

20.12.55

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Могучий Эр Соготох

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ
СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Могучий Эр Соготох

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

STEREO С32 32587

Якутский героический эпос

«МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ»

Сторона 1

1. **Вступление** — 1.48
2. **Песня старухи** — 1.43
3. **Песня стерха** — 0.53
4. **Песня богатыря Нижнего мира** — 0.42
5. **Песня богатырского коня** — 1.26
6. **Песня Могучего Эр Соготоха** — 1.08

Сторона 2

1. **Песня старика** — 0.37
2. **Песня духа-хозяйки долины** — 0.59
3. **Песня чертовой девы** — 1.10
4. **Прощальная песня Туналыкан Куо** — 1.27
5. **Заключительный речитатив** — 1.26
6. **Заключительная песня** — 2.02

На якутском языке

Исполняет **В. КАРАТАЕВ**

Запись 1986 г.

Составители Э. Алексеев, Н. Николаева
Звукорежиссер М. Дидык. Редактор Е. Ким
Художники А. Рюмин, В. Шумаков

сказитель **ВАСИЛИЙ КАРАТАЕВ**
(1926 — 1990)

Запечатленные на пластинке фрагменты весьма распространенной во множестве вариантов богатырской эпопеи «Могучий Эр Соготох» дают редкую возможность получить представление о выразительных возможностях якутского героического эпоса в одной из его основных локальных разновидностей. Недавно ушедший из жизни Василий Осипович Каратаев — олонхосут яркого творческого дарования — был одним из немногих представителей вилюйской традиции исполнения олонхо. В его репертуаре было несколько сказаний, но лишь «Эр Соготоху» относительно повезло — его записывали неоднократно.

Песни из «Могучего Эр Соготоха», в том числе неподражаемую песню богатырского коня, мне доводилось записывать от В. О. Каратаева в 1970-х годах, когда он работал техником в Вилюйском авиапорту и только пробовал публично исполнять услышанные в юности напевы. В 1982 году была записана полная версия сказания, легшая в основу текстовой публикации данного тома.

Технически более совершенной стала запись, которая произведена в 1986 году Комплексной фольклорной экспедицией Института филологии СО РАН. Именно она и стала основой для подготовки грампластинки, позволяющей внимательному читателю и слушателю лучше представить границы творческого диапазона олонхосута.

Э. Алексеев

© ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
℗ «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 1994
СП «Апрелевка-Саунд инкорпорейтед»

МЕЛОДИЯ
MELODIYA · THE RUSSIAN LABEL

STEREO ꝏ 33

С32 32587

1

Якутский героический эпос
«МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ»

1. **Вступление** 2. **Песня старухи** 3. **Песня стерха**
4. **Песня богатыря Нижнего мира**
5. **Песня богатырского коня**
6. **Песня Могучего Эр Соготоха**

На якутском языке

Исп. **В. Каратаев**

Запись 1986 г.

МЕЛОДИЯ
MELODIYA • THE RUSSIAN LABEL
STEREO 33
С32 32588
2
Якутский героический эпос
«МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ»
1. Песня старика 2. Песня духа-хозяйки долины
3. Песня чертовой девы
4. Прощальная песня Туналыкан Куо
5. Заключительный речитатив
6. Заключительная песня
На якутском языке
Исп. В. Каратаев
Запись 1986 г.